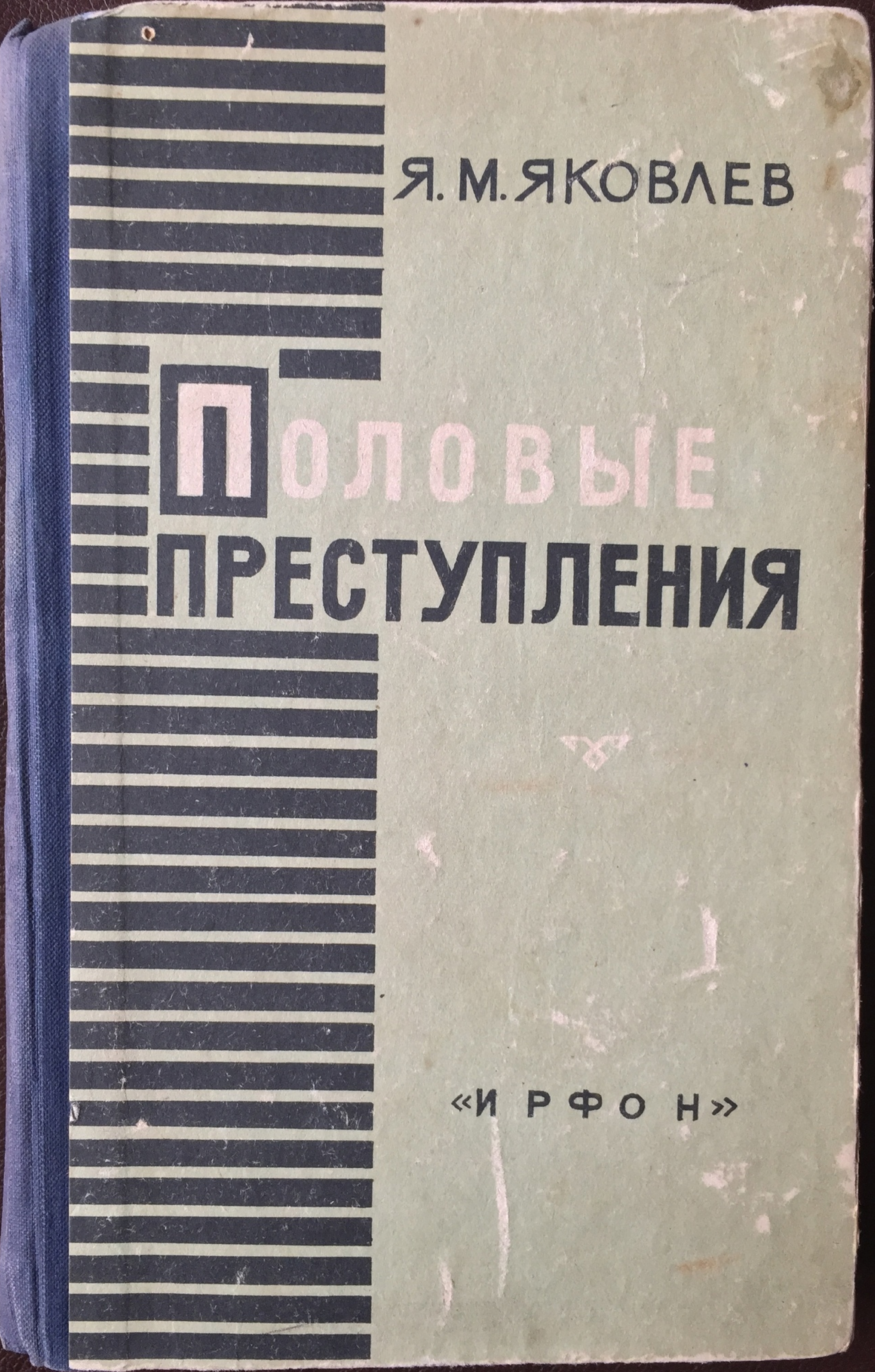


Я. М. ЯКОВЛЕВ

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

«ИРФОН»

ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В. И. ЛЕНИНА

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

экз. № 001853

Я. М. ЯКОВЛЕВ

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»
Душанбе — 1969

Печатается по постановлению редакционно-издательского Совета Таджикского государственного университета имени В. И. Ленина

Редактор
Прокурор Таджикской ССР,
государственный советник юстиции 2 класса
В. А. БУЛАРГИН

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.
Введение 3

Глава I. **Общая характеристика половых преступлений** .

Виды, объект и особенности объективной стороны . . . 5
Субъект половых преступлений 22
Особенности субъективной стороны 48
Понятие и классификация половых преступлений 63
Краткая характеристика законодательства зарубежных европейских социалистических государств и капиталистических стран о половых преступлениях 78
Глава II. **Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности взрослых лиц** 91
Общее понятие изнасилования 82
Изнасилование, совершенное с применением физического насилия или угрозы 117
Изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей 130
Обстоятельства, квалифицирующие изнасилование, и их виды 145
Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к объективной стороне и характеру совместной деятельности участников изнасилования 147
Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к субъекту изнасилования 162
Особо тяжкие последствия изнасилования 174
Стадии преступной деятельности при изнасиловании . . . 190
Наказание за изнасилование 204
Понуждение женщины к вступлению в половую связь . . 218

Глава III. **Преступления против половой неприкосновенности и нормального полового развития несовершеннолетних**

Общие вопросы 235
Изнасилование несовершеннолетней 244

Половое сношение с лицом не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости). 258
Развратные действия в отношении лиц недостигших шестнадцатилетнего возраста (несовершеннолетних) 283

Глава IV. **Мужеложство** . . . .

Понятие гомосексуализма и его общественная опасность . 303
Уголовная ответственность за мужеложство 325

Глава V. **Основные причины и условия, способствующие совершению половых преступлений и меры их предупреждения** . . . .

Основные причины совершения половых преступлений . . 344
Условия способствующие совершению половых преступлений 378
Предупреждение половых преступлений 397
Библиография 421

ВВЕДЕНИЕ

Выполнение поставленной Программой партии задачи ликвидации преступности в стране требует от органов, осуществляющих борьбу с ней, и ученых-криминалистов тщательного изучения уголовно-правовых и криминологических особенностей каждого вида преступлений.

Среди преступлений против личности одними из наиболее общественно опасных являются половые.

Между тем, до последнего времени в уголовно-правовой литературе этим видам преступлений должного внимания не уделялось, хотя в судебной практике при их рассмотрении неоднократно возникали сложные вопросы, требовавшие теоретического исследования.

Некоторые из этих вопросов остаются спорными и сейчас, несмотря на опубликование в последнее время ряда работ, посвященных рассматриваемым преступлениям.

В частности, к ним относятся: понятие полового сношения в составе изнасилования; критерий признания потерпевшей малолетней; вопросы, связанные с половой зрелостью; проблема наказуемости добровольного мужеложства взрослых лиц и ряд других вопросов, различно разрешаемых в литературе.

В настоящей работе сделана попытка осветить все эти вопросы с точки зрения действующего законодательства, судебной практики и теории советского уголовного права.

На основе анализа уголовных кодексов союзных республик мы доказываем необходимость унификации законодательства о половых преступлениях в тех случаях, когда их совершение не связано с особенностями пережитков прошлого старого быта.

Наряду с уголовно-правовым анализом, в предлагаемой работе рассматриваются также и основные криминологические особенности половых преступлений.

Для написания работы нами были использованы материалы, изученные при помощи специально составленной анкеты, и непосредственно дела о половых преступлениях, расследованные органами прокуратуры и рассмотренные судами Таджикской ССР за последние 7 лет,[1] а также статистические данные за этот же период.

Эти материалы положены и в основу последней главы работы об основных причинах и условиях, способствующих совершению половых преступлений и мерах их предупреждения.

Хотя наши выводы основаны на изучении материлов Таджикской ССР, мы полагаем, что результаты этого исследования представляют определенный интерес и для других союзных республик.

---

[1] Всего было изучено 700 дел, из них об изнасиловании — 420.

ГЛАВА I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ВИДЫ, ОБЪЕКТ И ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Несмотря на то, что половые преступления относятся к наиболее тяжким преступлениям против личности, в течение ряда лет должного внимания им в советской уголовно-правовой литературе не уделялось.

После издания в 20-х годах нескольких работ о половых преступлениях[1] не только специальных монографий, но и статей, посвященных этому виду преступлений, в течение долгого времени не появлялось. Даже в изданном в 1955 году фундаментальном курсе советского уголовного права А. А. Пионтковского и В. Д. Меньшагина в томе I Особенной части, состоящем из 795 страниц, половым преступлениям авторы сочли возможным уделить только 20 страниц.

Лишь в последние годы этот вид преступлений стал предметом специальных исследований[2]. Однако целый ряд вопросов, относящихся к понятию половых преступлений, их видам и отдельным составам, до сих пор еще подробно не исследован и вызывает споры.

---

[1] П. И. Люблинский. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925; А. А. Жижиленко. Половые преступления. М., 1924; А. А. Жижиленко, Л. Г. Оршанский. Половые преступления. М., 1927; В. Натансон. Половые преступления по уголовному кодексу УССР и РСФСР. Харьков, 1928.

[2] Л. А. Андреева. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве. Кандидатская диссертация. Л., 1962; А. Н. Игнатов. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М., 1966; В. А. Яхонтов. Предупреждение половых преступлений несовершеннолетних. Львов, 1966; Б. А. Блиндер. Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву. Кандидатская диссертация. Ташкент, 1966; Ю. К. Сущенко. Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по советскому уголовному праву. Кандидатская дис-

Рассматриваемые преступления даже именуются поразному. Так, П. И. Люблинский из-за неблагозвучности прилагательного «половые» предлагал называть их «преступлениями в половой сфере или в области половых отношений».[1] А. Н. Игнатов именует эти преступления «преступлениями против нравственности», в скобках указывая «половые преступления». Он объясняет это тем, что указанные преступления представляют собой грубое нарушение норм морали, являются крайним проявлением безнравственного поведения. «Всякое преступление является аморальным поступком, — пишет автор, — но половые преступления аморальны по самой своей природе, ибо они связаны с нарушением основных нравственных принципов, которыми руководствуется социалистическое общество».[2]

В предлагаемом им определении половых преступлений А. Н. Игнатов поэтому специально подчеркивает, что такие преступления являются «крайним проявлением безнравственого поведения».[3] В качестве одного из аргументов автор указывает на то, что в законодательстве некоторых социалистических государств эти преступления относятся к категории преступлений «против половой морали» (Венгрия) или «против целомудрия и нравственности» (Румыния).

Мы полагаем, что именовать половые преступления — преступлениями против нравственности неправильно. Понятие нравственности гораздо шире половой морали, являющейся только одной из ее сторон. Любое преступление по своей природе связано с нарушением основных моральных принципов, которыми руководствует-

---

сертация. Саратов, 1967; П. П. Осипов. Половые преступления (общее понятие, социальная сущность и система составов). Кандидатская диссертация. Л., 1967. М. Н. Хлынцов. Борьба с половыми преступлениями (уголовно-правовое и криминалистическое исследование). Кандидатская диссертация. Саратов, 1966.

[1] См. П. Люблинский. Указ. работа, стр. 13—15.

В русской дореволюционной литературе половые преступления также именовались по-разному. И. Я. Фойницкий называл их «преступлениями против целомудрия», В. Набоков — «плотскими преступлениями» и т. п.

[2] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 12.

[3] Там же, стр. 133.

ся наше социалистическое общество и которые сформулированы в моральном кодексе строителя коммунизма.

Нет и не может быть такого запрещенного и караемого уголовным законом деяния, которое одновременно не порицалось бы коммунистической моралью. Это прямо вытекает из понятия преступления, как посягающего на социалистический правопорядок общественно опасного деяния, противоречащего, следовательно, господствующим в нашем обществе этическим взглядам.

«Крайним проявлением безнравственного поведения» является не только совершение половых преступлений, но и таких, как измена Родине, умышленное убийство, бандитизм и ряд других тяжких преступлений. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что отождествление половых преступлений с преступлениями против нравственности характерно для буржуазного законодательства и правовой науки, для которых понятие «нравственность» и «половая мораль» чаще всего идентичны.

Так, в уголовном праве ФРГ половые преступления до сих пор именуются «Sittlichkeitsdelikte». Это наименование отражает старые средневековые доктрины, в соответствии с которыми любое проявление половой потребности вне церковного брака объявлялось «греховным» и влекло за собой уголовную ответственность.[1]

После прихода к власти буржуазии половые преступления из посягательств на заветы священного писания были превращены учеными криминалистами в преступления против нравственности, под которой понимались либо ханжеские воззрения на вопросы пола, либо требования кантовского «категорического императива», якобы априорно еще до рождения заложенного в человеке.[2] Следует отметить, что и в настоящее время ученые ФРГ усматривают сущность половых преступлений в нарушении нравственности. Так один из видных криминалистов ФРГ Р. Маурах отмечает, что борьба с половыми преступлениями имеет своей задачей «охрану благочестия, гуманности, семейного союза, сексуальной социальной этики».[1] То же подчеркивает В. Зауэр, указывающий, что социальная сущность половых преступлений заключается в нарушении ими «социально-этического порядка половой жизни»[2] и Е. Мецгер, подчеркивающий, что охране в случаях совершения рассматриваемых преступлений подлежат не интересы личности, а «нравственная и духовная твердость народа в браке и семье, в половой нравственности, религиозности, вере в бога...»[3]

---

[1] О влиянии религии на систему составов половых преступлений см. Б. И. Пятницкий. Половые извращения и уголовное право, Могилев, 1910.

[2] См. Л. Е. Владимиров. Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903, стр. 207.

Неправильность именования половых преступлений преступлениями против нравственности отмечал еще И. Я. Фойницкий.[4] П. И. Люблинский также писал, что принятое большинством современных уголовных кодексов наименование половых преступлений преступлениями против нравственности придает понятию нравственности весьма узкий характер и смешивает моральную точку зрения с юридической.[5]

Небезынтересно отметить, что в проекте УК РСФСР 1921 г., разработанном НКЮ, половые преступления назывались «преступлениями против половой нравственности». В УК же редакции 1922 г. этот термин был заменен на «преступления в области половых отношений».[6]

В действующих уголовных кодексах союзных республик специального термина, объединяющего половые преступления, нет. Это связано с общей структурой уголовных кодексов, в которых внутри главы отдельные виды преступлений не выделяются специальными подзаголовками.

Ввиду того, что рассматриваемые преступления нарушают половые интересы потерпевшего, их правильнее всего именовать «половыми», тем более, что этот термин прочно вошел в нашу литературу.

Спорен и вопрос о том, какие составы относятся к рассматриваемым преступлениям.

---

[1] R. Maurach. Deutsches Strafrecht, Besonderer Teil, Karlsruche, 1956, s. 338.

[2] W. Sauer. Sistem des Strafiechts, Besonderer Teil, Köln — Berlin, 1954, s. 418.

[3] E. Mezger. Deutscnes Stafrecht. Ein Grundriβ, Berlin, 1947. s. 191

[4] См. И. Я. Фойницкий. Курс уголовного права. Часть Особенная. П., 1916, стр. 133.

[5] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 14.

[6] См. А. А. Герцензон и др. История советского уголовного права. М., 1948, стр. 269—270.

Согласно одной точке зрения эти преступления ограничиваются составами, включенными в главу «Преступления против личности» УК союзных республик: изнасилованием, понуждением к вступлению в половую связь женщины, находящейся в служебной или материальной зависимости, вступлением в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости, (шестнадцатилетнего возраста, брачного возраста), развращением несовершеннолетних или лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста и мужеложством. К этим же преступлениям относится и насильственное удовлетворение половой страсти в извращенной форме, предусмотренное ст. 118 УК УССР и ст. 115^{1} УК Эстонской ССР.[1]

П. И. Люблинский, А. Н. Игнатов, П. П. Осипов, Ш. С. Рашковская и ряд других авторов, кроме перечисленных выше составов, к половым преступлениям относят также сводничество, содержание притонов разврата и вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией.[2] В. А. Яхонтов добавляет к этому изготовление и сбыт порнографических предметов.[3] А. А Пионтковский — многоженство и вербовку женщин для занятия проституцей.[4]

Наиболее широко трактует понятие половых преступлений Л. А. Андреева. К ним она относит также понуждение женщины к вступлению в брак или к продолжению брачного сожительства, похищение женщины для вступления в брак, многоженство, вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, вовлечение несовершеннолетней в занятие проституцией, сводничество и содержание притонов разврата. Общее между всеми этими преступлениями, по ее мнению, состоит в том, что они посягают на существующий в социалистическом обществе, основанный на свободе и равенстве между полами, строй половых отношений, нарушают установившийся уклад половой жизни.[1]

---

[1] Этой точки зрения придерживаются, в частности, М. Д. Шаргородский, Б. В. Даниэльбек, Ю. К. Сущенко и авторы Особенной части учебника уголовного права издания 1964 и 1965 гг. и другие.

[2] См. П. И. Люблинский. Указ. работа; А. Н. Игнатов. Указ. работа; П. П. Осипов. Автореф. указ. канд. дисс.; Ш. С. Рашковская. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. М., 1959.

[3] В. А. Яхонтов. Указ. работа.

[4] А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, том. 1. М., 1955.

Как видно из изложенного, все авторы, расширяющие понятие половых преступлений, включают в число их не только преступления против личности, но и преступления, включенные действующими уголовными кодексами союзных республик в главу «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения», т. е. такие, родовым объектом которых является, по мнению законодателя, социалистический общественный порядок и общественная безопасность.

Для устранения этого противоречия П. П. Осипов предлагает составы сводничества, содержания притонов разврата и вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией перенести в главу о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности,[2] а Л. А. Андреева — выделить все составы, отнесенные ею к половым преступлениям, в самостоятельную главу кодекса.[3]

Мы полагаем, что при выделении преступлений в определенную группу необходимо исходить из социальной и юридической природы охраняемых ими общественных отношений, т. е. из их родового объекта посягательства, а также из других постоянных признаков, присущих всем объединяемым составам.

Однако сложность классификации составов преступлений по их родовому объекту состоит в том, что, как отмечает В. Н. Кудрявцев, нет такого преступления, которое посягало бы лишь на одну группу общественных отношений. В реальной жизни различные общественные отношения настолько тесно переплетаются, что посягательство на одну группу отношений, как правило, влечет за собой и нарушение смежных общественных отношений.[4] Таким образом, для установления родового объекта необходимо выделить ту основную группу общественных отношений, на которую посягают объединяемые составы преступлений и, исходя из нее, а не из дополнительно нарушенных общественных отношений, определить их место в системе преступлений.

---

[1] Л. А. Андреева Указ. канд. дисс., стр. 36—37.

[2] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 11.

[3] Л. А. Андреева. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 6.

[4] См. В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963, стр. 72.

Из этого следует, что нельзя все преступления, связанные с посягательством на объективные интересы личности в половой сфере в социалистическом обществе относить к половым.

Для того чтобы установить, какие же составы должны относиться к половым преступлениям, необходимо, прежде всего, определить их родовой объект, т. е. те общественные отношения, существованию и развитию которых в желательном для социалистического общества направлении могут повредить соответствующие посягательства.

В советской юридической литературе большинство авторов считают, что родовым объектом этих преступлений является установленный в социалистическом обществе уклад половых отношений.[1]

Мы полагаем, что вряд ли правильно говорить об «установленном» укладе половых отношений, так как уклад не устанавливается, а объективно складывается как один из видов надстройки над экономическим базисом. Общество же своими установлениями может либо способствовать оформлению и укреплению нового уклада, либо, если соответствующие закономерности противоречат интересам господствующего класса, тормозить его возникновение.

Под укладом половых отношений мы понимаем совокупность форм полового общения между людьми, сложившихся в данной общественной формации и охраняемых как нормами нравственности, так и нормами права.

Уклад половых отношений каждой общественной формации неразрывно связан с экономическими, классовыми отношениями в обществе, а также с господствующими в нем мировоззрением и моралью.

Особенность уклада половых отношений заключается в том, что составляющие его содержание половые отношения представляют органическое сочетание биологических и социальных компонентов.[1]

---

[1] Такого мнения придерживаются А. Н. Игнатов, Б. А. Блиндер, Л. А. Андреева, Ю. К. Сущенко и ряд других авторов.

Биологическая сторона половых отношений является относительно неизменяемой, так как выражает не социальные, а естественные особенности человека. «Уже самый факт происхождения человека из животного царства обусловливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному».[2]

Однако «в половой жизни — как отмечал В. И. Ленин — проявляется не только данное природой, но и принесенное культурой, будь оно возвышено или низко».[3] Поэтому социальные компоненты половых отношений исторически обусловлены данной общественной формацией.

В отличие от биологических компонентов, социальные относятся к поведению людей и являются поэтому предметом регулирования осуществляемого, как моральными, так и правовыми нормами.

Вмешательство государства в половые отношения, как правило, ограничивается наиболее существенными и опасными, с точки зрения господствующего класса, социальными нарушениями в этой области.

В правовом регулировании уклада половых отношений особенно ярко проявляется взаимодействие права и морали.[4] Это взаимодействие выражается, прежде всего, в том, что половая мораль, господствующая в данном обществе, оказывает непосредственное влияние на формирование норм права. Например, в большинстве буржуазных уголовных кодексов к числу половых преступлений относится прелюбодеяние, причем ответственность жены за совершение этого преступления установлена, как правило, более тяжкая, чем мужа. В этом проявляется юридическое неравенство супругов в семье и взгляд на жену как на лицо, подчиненное мужу, являющейся не субьектом, а объектом супружеских отношений.

---

[1] П. И. Любилинский считал, что термин «половые отношения» можно применить и к отношениям человека к животным и даже к неодушевленным предметам, если эти отношения направлены на удовлетворение полового инстинкта (Указ. работа, стр. 20). С этим согласиться нельзя, так как понятие «отношения» всегда предполагает определенные связи между людьми как субъектами данного отношения, а не связь лица с каким либо предметом (объектом).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 20, стр. 402.

[3] К. Цеткин. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1955, стр. 49.

[4] См. Ю. С. Васильев. Взаимодействие права и морали. «Советское государство и право», 1966, № 11; Н. Ф. Кузнецова. Уголовное право и мораль. М., 1967.

Влияние на формирование нравственных норм и воззрений в области половой морали, в свою очередь, оказывает и уголовное законодательство. Ярким примером этому является то, что конституционный запрет браков между неграми и белыми в ряде южных штатов Америки привел к тому, что половые отношения белой женщины с негром начали рассматриваться там, как грубейшее нарушение норм половой морали.

В области половых отношений особенно ярко проявляется совместное регулирование их как правовыми, так и моральными нормами, в частности, моральный запрет половых посягательств в отношении малолетних одновременно является и уголовно-правовой нормой.

Неразрывная связь между моральными и правовыми нормами в области половых отношений особенно ярко проявляется в социалистическом обществе, где, в отличие от антагонистических формаций, половая мораль является единой для всего общества. Однако не во всех случаях, нарушение моральных половых запретов, влечет за собой применение уголовно-правовых мер.

С точки зрения социалистической морали половая жизнь является естественной потребностью взрослого здорового человека. «Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни» — отмечал В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин.[1] Поэтому половая жизнь взрослых лиц рассматривается, как их личное дело и может подвергнуться уголовно-правовым ограничениям только в целях охраны половых интересов другого лица или общественного порядка. В частности, считая брак преимущественной формой полового общения между мужчиной и женщиной, социалистическое государство не охраняет его уголовно-правовыми средствами, так как это противоречило бы самой сущности индивидуальной половой любви, как свободного чувства и добровольности основанного на ней брачного союза. В связи с этим в советском уголовном праве отсутствуют составы прелюбодеяния и внебрачного полового сожительства (конкубината), а борьба с легкомысленным отношением к половым связям проводится средствами морального воздействия.

---

[1] К. Цеткин. Из записной книжки. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, М., 1957, стр. 574.

Не могут быть предметом уголовно-правовой охраны и те чувства, которые составляют социальное содержание половых отношений в нашем обществе (индивидуальная половая любовь, дополненная общностью интересов и товарищеской взаимопомощью, освобождение таких отношений от соображений материальной выгоды и т. п.). Даже в тех случаях, когда социальное содержание половых отношений не соответствует предъявляемым к ним в социалистическом обществе требованиям, меры уголовного воздействия не применимы. Этот аспект отношений между людьми является областью их чувств и связанных с ними переживаний, поэтому он не поддается внешнему контролю и не может быть предметом юридического нормирования.[1]

Правовая охрана социального содержания половых отношений осуществляется косвенно семейным законодательством в правовых нормах, регулирующих условия вступления в брак, признания его недействительным и расторжение брака. Такой же косвенный характер носит и уголовно-правовая охрана содержания рассматриваемых отношений. Ее непосредственным объектом является не само содержание половых отношений, а социальные основания возникновения этих отношений в социалистическом обществе.

Так, физиологическая сущность и социальное содержание половых отношений предполагает, что их участниками могут быть только лица физически и психически к ним подготовленные. Поэтому вступление в половое общение с детьми и подростками, независимо от его формы, является недопустимым и преследуется в уголовном порядке.

В тех случаях, когда субъектами половых отношений выступают совершеннолетние лица, особенности социального содержания таких отношений (взаимная любовь, дружба, общность интересов и т. п.) предполагают их добровольность и осознание ими характера и последствий совершаемых сексуальных действий. Отступление от этого является недопустимым и влечет за собой уголовно-правовую ответственность.

---

[1] См. О. С. Иоффе. Советское гражданское право, т. 3, М., 1965, стр. 177.

Охраняя социальные основания возникновения половых отношений, обусловленные сложившимся в социалистическом обществе половым укладом, советское государство тем самым обеспечивает развитие и содержание этих отношений в желательном для общества направлении.

Таким образом, в социалистическом обществе уклад половых отношений характеризуется следующими особенностями:

По своему содержанию он соответствует принципам социалистической половой морали, как совокупности правил и взглядов, определяющих поведение граждан в области, связанной с сексуальными отношениями.

Основная функция половой морали заключается в том, чтобы путем одобрения способствовать укреплению форм половых отношений, соответствующих социалистическому общественному строю, и путем осуждения искоренять чуждые этому строю формы полового общения.

Половая мораль в социалистическом обществе едина для всех членов этого общества и неразрывно связана с господствующим в нем мировоззрением и моральными принципами, закрепленными Программой КПСС в моральном кодексе строителя коммунизма.

Половая мораль в СССР, как и мораль в целом, развивается на базе социалистических общественных отношений и в то же время является закономерным результатом нравственного прогресса нашего общества. Она утверждает новые нравственные отношения в быту, в семье и кладет конец угнетенному положению женщины.

Основные нормы половой морали, соответствующие сложившемуся в СССР укладу половых отношений, сводятся к следующим:

— половые отношения допустимы только между лицами разного пола, достигшими определенной физической зрелости и отдающими себе отчет в характере и возможных последствий таких отношений;

— основой половых отношений является взаимная любовь их участников, общность их взглядов и интересов. Предпочтительной формой таких отношений является брак;

— половые отношения могут устанавливаться только добровольно и на равной правовой и моральной для их участников основе;

— недопустимо вступление в половые отношения, независимо от их формы путем использования беспомощного состояния или зависимого положения другого лица, а также с малолетним или подростком.

Правовое регулирование сложившегося в нашем социалистическом обществе уклада половых отношений осуществляется нормами советского семейного и уголовного права.

Вместе с тем, нельзя ставить знак равенства между укладом половых отношений и укладом брачных отношений. Хотя в основе брака и лежат половые отношения между супругами, но как общественный и правовой институт такими отношениями он не исчерпывается.

С другой стороны, половые отношения не обязательно одновременно являются и брачными отношениями. Поэтому преступления, посягающие на существующий в нашем обществе уклад брачных отношений, как-то: понуждение женщины к вступлению в брак, похищение женщины для вступления в брак, вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, двоеженство и многоженство не могут быть, по нашему мнению, отнесены к числу половых преступлений. Нарушение уклада половых отношений в указанных преступлениях носит только сопутствующий характер, а родовым объектом их является уклад брачных отношений.

Как отмечалось выше, нормы уголовного права охраняют наше общество от наиболее опасных для него действий, посягающих на половые отношения, составляющие содержание социалистического уклада половых отношений. Эти противоправные действия представляют одновременно и грубое нарушение приведенных выше принципов половой морали. Установление за их совершение уголовной ответственности является проявлением единства правовых норм и моральных воззрений в отношении должного поведения советского гражданина в сфере половых отношений.

Родовым объектом половых преступлений, дающим возможность объединить их в одну группу, является, как было показано выше, присущие половому укладу социалистического общества половые отношения между его членами.

Исходя из того, что уголовный закон непосредственно направлен на охрану половых отношений, П. П. Осипов родовым объектом рассматриваемых преступлений считает «соответствующие принципам социалистической морали и охраняемые уголовным законом отношения между людьми по поводу удовлетворения половых потребностей (половые отношения)»,[1] не упоминая в своем определении о половом укладе.

Соглашаясь в основном с приведенным выше определением, мы полагаем, что так как половые отнощения возникают в рамках сложившегося в данной общественной формации полового уклада, то исключать из определения родового объекта посягательства половых преступлений, указания на нарушаемый ими половой уклад не следует.

В виду того, что по своему субъектному составу половые отношения это отношения между определенными людьми, посягательства на них всегда осуществляются путем причинения вреда определенному индивиду, как носителю половых интересов. Это соответствует общему положению исторического материализма о том, что общественные отношения, прежде всего, проявляются, как интересы участников этих отношений.[2]

Поэтому, говоря о половых интересах личности, на которые посягают половые преступления, необходимо иметь в виду, что речь идет не о субъективных, а об объективных ее интересах, обусловленных сложившимся в социалистическом обществе половым укладом. В частности ими являются половая свобода и половая неприкосновенность совершеннолетних лиц, а также недопустимость половых отношений с детьми и подростками.

В соответствии с изложенным выше, к половым преступлениям относятся:

а) преступления, нарушающие принцип допустимости половых отношений только с лицами, достигшими определенной физической и умственной зрелости.

— изнасилование несовершеннолетней;

— половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости (шестнадцатилетнего возраста, брачного возраста);[3]

---

[1] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 4.

[2] Коммунизм и личность. Сборник. М., 1964, стр. 47.

[3] Ст. III УК Азербайджанской ССР.

— развратные действия в отношении несовершеннолетнего (не достигшего шестнадцатилетнего возраста) лица;

б) преступления, нарушающие принцип добровольности, как основы половых отношений между взрослыми лицами:

— изнасилование совершеннолетней женщины;

— принуждение женщины ко вступлению в половую связь;

в) преступления, нарушающие запрет вступления в половую связь между лицами одного пола:

— мужеложство (в случаях мужеложства с несовершеннолетним или насильственного мужеложства — одновременно нарушается также первый и второй принципы социалистической морали).

Перечисленные выше составы преступлений, кроме общего родового объекта — уклада половых отношений, сложившегося в социалистическом обществе, имеют также присущие всем им особенности, относящиеся к их объективной стороне.

В объективную сторону всех половых преступлений в числе других действий входит совершение субъектом физических или интеллектуальных действий сексуального характера.

Некоторые из таких действий сами по себе общественно опасными не являются, а таковыми их делают способы, которыми они осуществляются (насилие, угроза, понуждение и т. п.).

Другие же сексуальные действия, в частности, совершаемые в отношении несовершеннолетних или лиц, не достигших половой зрелости (шестнадцатилетнего возраста), общественно опасны во всех случаях, независимо от способа действия виновного. Это же относится в соответствии с действующим законодательством и к педерастии.

В одних составах, например, изнасилования, мужеложства, полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости (шестнадцатилетнего возраста), сексуальные действия носят физический характер. В других эти действия являются интеллектуальными (понуждение женщины ко вступлению в половую связь). Наконец такие действия могут быть как физическими, так и интеллектуальными (развратные действия в отношении лиц, не достигших совершеннолетия (шестнадцатилетнего возраста).

Поэтому характер сексуальных действий является одним из важнейших признаков для отграничения отдельных видов половых преступлений, например, развратных действий в отношении несовершеннолетних от вступления с ними в половую связь или от изнасилования и мужеложства.

Вместе с тем, при всем разнообразии сексуальных действий, совершаемых субъектом преступления, таковые всегда носят объективно сексуальный характер и непосредственно направлены на возбуждение или удовлетворение полового инстинкта.

Особенностью всех сексуальных действий, входящих в объективную сторону составов половых преступлений, является их направленность на определенное лицо. Половые отношения — это отношения между определенными конкретными индивидуумами. Посягательство на них, как отмечалось выше, нарушает половые интересы определенного лица. Поэтому объективная сторона рассматриваемых преступлений всегда предполагает потерпевшее от противоправных действий субъекта лицо.[1] Например, такие сексуальные действия, как эксгибиционизм в тех случаях, когда виновный совершает их в надежде, что кто-нибудь из окружающих заметит это, должны квалифицироваться как хулиганство. Если же действия такого характера специально совершаются в присутствии несовершеннолетнего лица или лиц, их следует квалифицировать как развратные действия.

Приведенные выше особенности объекта и объективной стороны составов, объединяемых в группу половых преступлений, дают возможность отграничить их от таких общественно опасных действий, как сводничество, содержание притонов разврата, вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, изготовление и распространение порнографических произведений, которые, как отмечалось выше, ряд авторов относит к половым преступлениям.

Родовым объектом этих преступлений является, в первую очередь, общественный порядок, основанный на соблюдении правил социалистического общежития, предусмотренный правовыми нормами и нормами социалистической морали. Не случайно поэтому при составлении новых уголовных кодексов союзных республик сводничество и содержание притонов разврата были исключены из главы о преступлениях против личности и перенесены в главу о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

---

[1] Исключением является состав добровольного мужеложства, на особенностях которого мы остановимся специально.

То обстоятельство, что эти общественно опасные действия одновременно посягают на уклад половых отношений нашего общества, не дает основания относить их к половым преступлениям, так как этот объект не является основным, а носит производный характер от посягательства на общественный порядок.

В объективную сторону рассматриваемых преступлений не входит также совершение сексуальных действий, направленных на конкретных потерпевших, как это имеет место в половых преступлениях.

* * *

Таким образом, в результате рассмотрения видов половых преступлений, их объекта и особенностей объективной стороны можно прийти к следующим выводам:

Существующий в социалистическом обществе уклад половых отношений неразрывно связан с его экономическими отношениями и с господствующими в нем мировоззрением и моралью.

1. По своему содержанию он соответствует принципам социалистической половой морали, как совокупности правил и взглядов, определяющих поведение граждан в области полового общения. Эта мораль едина для всех членов социалистического общества и неразрывно связана с господствующим в нем мировоззрением и моральными принципами, закрепленными Программой КПСС в моральном кодексе строителя коммунизма.

2. Основными нормами социалистической половой морали, соответствующими сложившемуся в СССР укладу половых отношений, являются:

— допустимость возникновения половых отношений только между лицами разного пола, достигшими определенной физической и психической зрелости;

— взаимная любовь, уважение и общность взглядов и интересов участников половых отношений;

— добровольность в установлении половых отношений и равноправие их участников;

— недопустимость вступления в половые отношения из соображений материальной выгоды;

— брак как предпочтительная форма таких отношений.

3. Вмешательство государства в уклад половых отношений ограничено наиболее общественно опасными случаями его нарушения, в частности, когда такие нарушения возникают в противоречии с требованиями социалистической половой морали.

4. Посягательства на половые отношения, составляющие содержание полового уклада социалистического общества, всегда выступают как причинение вреда объективным половым интересам отдельного лица (потерпевшего). Поэтому половые преступления относятся к преступлениям против личности.

5. К преступлениям, посягающим на сложившийся в социалистическом обществе уклад половых отношений в соответствии с действующим уголовным законодательством, относятся:

— изнасилование;

— понуждение женщины к вступлению в половую связь;

— половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости);

— развратные действия в отношении несовершеннолетних (лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, брачного возраста);

— мужеложство.

6. В объективную сторону всех половых преступлений входит:

— совершение субъектом физических или интеллектуальных действий объективно сексуального характера;

— направленность таких действий на определенное лицо (потерпевшего).

7. Родовой объект посягательства и указанные особенности объективной стороны отличают половые преступления от таких общественно опасных деяний, как сводничество, содержание притонов разврата, вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, изготовление и распространение порнографических предметов.

Родовым объектом указанных преступлений является общественный порядок, предусмотренный правовыми нормами социалистического общежития. В их объективную сторону не входит и совершение сексуальных действий, направленных на определенное потерпевшее лицо.

СУБЪЕКТ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

При рассмотрении вопроса о субъекте половых преступлений прежде всего необходимо остановиться на том, какие признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление, входят в понятие субъекта как элемента состава указанных преступлений.

В последние годы, ввиду развития советской криминологии и конкретных социологических исследований, значительное внимание начало уделяться изучению особенностей личности преступников по отдельным видам преступлений.

В связи с этим в литературе по уголовному праву появились настойчивые предложения отказаться от понятия субъекта как вменяемого физического лица, достигшего к моменту совершения преступления определенного возраста и являющегося одним из элементов состава преступления, а учитывать также и индивидуальные особенности данной личности.

Мы полагаем, что следует различать понятие субъекта преступления как определенной личности и субъекта как одного из элементов состава преступления. Субъект преступления как определенная личность не входит вообще в состав преступления и является самостоятельным понятием уголовного права, связанным с рядом крупных и разносторонних проблем. Элементом же состава преступления являются только отдельные признаки лица, совершившего преступление: его возраст, вменяемость, а в некоторых случаях также и признаки специального субъекта. Как правильно отмечает А. Н. Трайнин, обосновавший эту точку зрения, «не человек в качестве субъекта преступления, а все отмеченные признаки, ограничивающие круг возможных субъектов преступления, являются элементами состава».[1]

---

[1] А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951, стр. 194.

Однако ряд авторов вообще предлагает отказаться от понятия субъекта как элемента состава преступления. Так, С. В. Бородин утверждает, что «возраст и вменяемость не относятся к числу признаков состава преступления, а являются лишь условиями наступления уголовной ответственности». Аргументирует он это тем, что любое деяние, совершенное малолетним или невменяемым, не исключает его общественной опасности, а устраняет лишь уголовную ответственность за его совершение. Если же возраст и вменяемость отнести к признакам состава преступления, то, по мнению автора, логически неизбежно получается, что совершенное им преступление не представляет опасности для общества за отсутствием состава преступления.[1]

С этими утверждениями согласиться нельзя, так как в них понятие общественной опасности деяния отождествляется с понятием преступления.

По советскому уголовному праву преступление характеризуется не только тем, что оно является общественно опасным противоправным действием, посягающим на социалистический правопорядок, но также и тем, что это действие виновное и наказуемое.[2]

Противоправное деяние, какие бы опасные последствия оно за собой не повлекло, не может рассматриваться как преступление, если его совершило лицо невиновное, невменяемое или не достигшее установленного для уголовной ответственности возраста.

Несколько иначе аргументирует необходимость исключения из состава преступления его субъекта Б. С. Утевский. Он отмечает, что в элементах состава понятие субъекта ограничивается только его возрастом и вменяемостью, что приводит к недооценке личности преступника, так как нет необходимости знакомиться «с его взглядами и убеждениями, с его настроениями и эмоциями, с мотивом совершения преступления, с его страстями и влечениями, его воспитанием и образованием,— со всем тем, что влияло, а иногда и непосредственно определяло поведение подсудимого».[1] Из этого автор делает вывод, что понятие субъекта должно быть исключено из состава преступления.[2]

---

[1] С. В. Бородин. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966, стр. 25.

[2] См. А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, стр. 29.

Само по себе утверждение, что понятие субъекта преступления не может ограничиваться его возрастом и вменяемостью, является совершенно правильным. Однако это не означает, что эти юридические признаки субъекта должны быть по указанному основанию исключены из понятия состава преступления.

Состав преступления, служащий основанием уголовной ответственности, содержит типичные черты, общие для всех преступлений, данной категории, что дает возможность установить соответствие признаков совершенного виновным деяния признакам данного конкретного состава, т. е. квалифицировать совершенное преступление.

Из признаков, характеризующих личность преступника, для юридической оценки содеянного имеет значение только его возраст, вменяемость, а в некоторых составах также и признаки специального субъекта. Эти и только эти признаки определяют субъекта преступления включаемого в понятие состава преступления в качестве его обязательного элемента. Что же касается других особенностей, характеризующих личность преступника и определяющих его поведение, то эти особенности, бесспорно, имеют огромное значение для правильного разрешения дела, учета смягчающих и отягчающих обстоятельств, но не могут повлиять на юридическую оценку содеянного, т. е. на квалификацию совершенного лицом преступления.

Состав преступления, для наличия которого необходимо достижение определенного возраста и вменяемость субъекта, нельзя поэтому смешивать с обстоятельствами, имеющими значение для индивидуализации наказания конкретного преступника. Как правильно отмечает В. Н. Кудрявцев, прежде чем устанавливать степень ответственности лица, надо выяснить, есть ли вообще основания для привлечения его к уголовной ответственности, а для этого необходимо выявить все признаки, совокупность которых образует состав преступления.[1] Поэтому, рассматривая вопрос о субъекте половых преступлений, мы остановимся только на юридических признаках субъекта, имеющих значение для квалификации преступлений этого вида,—возрасте, поле, вменяемости, а при рассмотрении состава изнасилования — также на повторности и рецидиве.

---

[1] Б. С. Утевский. Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности. «Правоведение», 1961, № 2.

[2] Б. С. Утевский. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права, «Советское государство и право», 1963, № 6.

Что же касается криминологической характеристики субъектов рассматриваемых преступлений, необходимой для раскрытия их типических черт и выявления причин и условий, способствующих совершению половых преступлений, то этот комплекс вопросов должен, по нашему мнению, рассматриваться отдельно.

Мы не можем согласиться с А. Н. Игнатовым, объединившим в своей монографии «Ответственность за преступления против нравственности» уголовно-правовую и криминологическую характеристику субъектов половых преступлений.

Субъектом уголовной ответственности за совершение половых преступлений согласно ст. 10 УК[2] может быть вменяемое лицо, достигшее в момент совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Исключение составляет только изнасилование, ответственность за совершение которого наступает с 14 лет.

В литературе высказывалось мнение, что лица, виновные в совершении половых преступлений (кроме изнасилования), непосредственным объектом которых является половая неприкосновенность и нормальное половое развитие детей и подростков (ст. ст. 119, 120, 121 УК РСФСР), подлежат привлечению к уголовной ответственности не с 16 лет, а с достижением совершеннолетия, т. е. с восемнадцатилетнего возраста.[3]

Мотивируется это тем, что в уголовных кодексах ряда союзных республик, в том числе РСФСР, потерпевшими от развратных действий признаются несовершеннолетние, а потерпевшими от вступления в половую связь считаются лица, не достигшие половой зрелости. Поэтому до достижения совершеннолетия лицо может быть в рассматриваемых составах только потерпевшим от преступления, а не его субъектом. Это же относится и к составу мужеложства с несовершеннолетним.

---

[1] См. В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 85.

[2] Здесь и далее указываются статьи УК Таджикской ССР, если не оговорено иное.

[3] Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий под ред. М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева. Л., 1962, стр. 257, 273. Комментарий УК РСФСР под ред. Б. С. Никифорова, М., 1964, стр. 282; Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1965, стр. 195.

На этом вопросе мы специально остановимся при рассмотрении отдельных видов половых преступлений. Сейчас же следует только отметить, что такое утверждение не основано на действующем законе.

Ст. 10 Основ уголовного законодательства и соответствующие ей статьи уголовных кодексов союзных республик не делают в отношении субъекта половых преступлений против несовершеннолетних никаких исключений и не устанавливают ответственности за совершение таких преступлений с восемнадцатилетнего возраста.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года «О судебной практике по делам об изнасиловании» прямо указано, что лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, могут нести уголовную ответственность как за изнасилование, так и за другие половые преступления, предусмотренные ст. ст. 119 и 120 УК РСФСР.

Одновременно Верховный Суд отмечает, что так как закон об ответственности за эти преступления направлен на охрану нормального развития несовершеннолетних обоего пола, то в каждом конкретном случае, исходя из возраста виновного и потерпевшего лица, данных, характеризующих их личность, наступивших последствий и иных обстоятельств дела, суды должны обсуждать вопрос о целесообразности применения к несовершеннолетним мер уголовного наказания и в случае необходимости ограничиваться применением к ним мер воспитательного характера, не являющихся уголовным наказанием.

Ряд авторов предлагает в порядке совершенствования действующего законодательства повысить возраст субъекта половых преступлений (кроме изнасилования) с 16 до 18 лет. Так, в частности, ставит вопрос П. П. Осипов.[1] Мы полагаем, что с этим согласиться нельзя. Наблюдаемое в последние годы повышение уровня физического и умственного развития подростков делает их одновременно в большей мере ответственными за свои действия. Кроме того, необходимость повышенной защиты половой неприкосновенности и нормального полового развития детей в полной мере распространяется на случаи нарушения таковых лицами, хотя и не достигшими полного совершеннолетия, но подлежащими привлечению к уголовной ответственности за совершенные ими противоправные действия.

---

[1] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 10.

Мы считаем, что совершенствование уголовного законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних от 16 до 18 лет, совершивших половые преступления, должно идти по другому пути.

В ряде уголовных кодексов союзных республик, в том числе и в кодексе Таджикской ССР, возраст потерпевших подростков в составах совершения развратных действий и добровольного полового сношения точно установлен — до 16 лет. Поэтому в таких республиках вопрос о том, подлежат ли привлечению к уголовной ответственности совершившие указанные преступления лица в возрасте от 16 до 18 лет, не возникает. Мы полагаем, что унификация в указанных составах возраста потерпевшего лица и установление этого возраста в пределах до 16 лет снимает вопрос о том, подлежат ли лица в возрасте от 16 до 18 лет, совершившие указанные преступления, ответственности или нет.

Субъектами ответственности за половые преступления могут быть лица обоего пола. Однако, по таким составам, как мужеложство и изнасилование, а по УК Казахской и Эстонской ССР также и половое сношение с лицом женского пола, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, непосредственным исполнителем может являться только мужчина.

В литературе высказывалось мнение, что исполнителем понуждения женщины ко вступлению в половую связь лицом, в отношении которого она является материально или по службе зависимой, также может быть только мужчина.[1] Однако такой вывод не вытекает из редакции и сущности этого состава.

---

[1] См. Ш. С. Рашковская. Указ. работа, отр. 63.

Применяемый термин «лицо, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой», в равной степени может относиться как к мужчине, так и к женщине. Поэтому рассматриваемое утверждение не соответствует существу указанного состава понуждения как с точки зрения грамматического толкования текста закона, так и по существу.

На практике, хотя и редко, встречаются случаи, когда субъектом понуждения к вступлению в половую связь с третьим лицом является женщина. Так, по ст. 122 УК нарсудом г. Ленинабада была осуждена Ш. за то, что понуждала материально зависимую от нее племянницу Т., 18 лет, вступить в половую связь с заведующим магазином, в котором Ш. работала продавцом, угрожая в противном случае выгнать потерпевшую из дома и лишить ее материальной поддержки.

Следует иметь в виду, что хотя непосредственными исполнителями изнасилования и мужеложства могут быть только мужчины, однако это не исключает возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение этих преступлений женщин.

В связи с указанным возникает вопрос, как должны быть квалифицированы действия женщины, принимавшей участие в совершении изнасилования путем оказания физического воздействия на потерпевшую. На нем мы остановимся при рассмотрении изнасилования. Здесь же следует лишь отметить, что судебная практика квалифицирует подобного рода участие женщины в групповом изнасиловании как соисполнительство. Это основывается на п. 10 постановления Пленума Верховного Суда от 25 марта 1964 года «О судебной практике по делам об изнасиловании», в соответствии с которым как групповое изнасилование должны квалифицироваться не только действия субъектов, совершивших насильственный половой акт, но также и действия других лиц, содействовавших им в этом путем применения к потерпевшей физического насилия.

Хотя в отличие от изнасилования состав мужеложства не предусматривает в качестве квалифицирующего обстоятельства совершения его группой лиц, тем не менее не может быть исключена возможность участия женщины в осуществлении мужеложства путем применения насилия или угроз к потерпевшему. Как известно, соисполнителем считается лицо, которое в том или ином виде или в какой-либо части выполняет действия, заключающие в себе признаки определенного преступления.[1] Поэтому в приведенном выше случае преступные действия женщины, как соисполнителя мужеложства, по нашему мнению, должны квалифицироваться ссылкой на соответствующую ст. УК о мужеложстве без добавления к ней ст. 17 УК.

Обязательным юридическим признаком субъекта преступления является его вменяемость, предполагающая способность лица, достигшего возраста уголовной ответственности в момент совершения преступления, отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Понятием, противоположным вменяемости, является невменяемость, определяющая совокупность условий исключающих уголовную ответственность лица, страдающего болезненным нарушением его психической деятельности. Признаки невменяемости точно определены статьей 11 УК.

Понятие невменяемости относится только к состоянию лица в момент совершения преступления. Если психическое расстройство наступило после совершения преступления, то основанием освобождения такого лица от уголовной ответственности является не его невменяемость, а неспособность быть участником уголовного процесса. Поэтому, в случае выздоровления обвиняемого, уголовное дело подлежит возобновлению. При установлении же невменяемости последующее выздоровление лица не влечет за собой привлечения его к уголовной ответственности.

Рассматриваемое понятие представляет неразрывное сочетание двух критериев: медицинского и юридического (психологического).

Медицинский критерий охватывает возможные формы болезненных расстройств психики, указывает конкретные условия, могущие исключить вменяемость. Ст. 11 УК предусматривает четыре вида болезненных состояний, могущих явиться причиной невменяемости:

— хроническую душевную болезнь;
— временное расстройство душевной деятельности;
— слабоумие;

---

[1] См. В. С. Прохоров. Соучастие в преступлении. Курс советского уголовного права (часть общая), т. 1, Л., 1968, стр. 605.

— иные болезненные состояния.

К последним судебные психиатры относят некоторые тяжелые формы психопатии и глухонемоты.

Хотя с точки зрения современных психиатрических знаний такая классификация не представляется безупречной, но практически она полностью приемлема, так как подчеркивает болезненный характер психических расстройств, являющихся медицинским критерием невменяемости.[1]

Это объясняет, почему лица, совершившие преступление в состоянии опьянения, в соответствии со ст. 12 УК считаются вменяемыми и не освобождаются от уголовной ответственности.

Опьянение всегда возникает в результате сознательных действий лица (как следствие приема им алкоголя), поэтому, за исключением случаев патологического опьянения, болезненным состоянием, исключающим вменяемость, считаться не может.

Юридический (психологический) критерий невменяемости определяет, какие признаки, являющиеся следствием психической болезни лица, исключают его вменяемость. Такими признаками служат: невозможность лица отдавать себе отчет в своих действиях или же невозможность руководить ими. Эта формула закона полностью соответствует и судебно-психиатрической трактовке рассматриваемого понятия. В. П. Сербский еще в 1895 году писал, что при невменяемости так же, как и при недееспособности, уничтожается возможность понимать поступки и руководить ими, что и составляет содержание психологического критерия.[2]

Необходимость установления, кроме медицинского, также и юридического (психологического) критерия связана с тем, что установление у лица психического заболевания не всегда означает, что, совершая инкриминируемое ему преступление, оно не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими. Так, О. Е. Фрейеров отмечает, что в практике работы института судебной психиатрии им. В. П. Сербского имеется немало случаев, «когда психопатические личности совершали весьма опасные преступные действия, состоящие в какой-то связи с их психопатическими особенностями (жестокость, возбудимость, половые извращения и т. п.). Эти лица действовали вполне сознательно, с полным учетом ситуации и хорошо понимали противоправность своих действий».[1]

---

[1] Д. Р. Лунц. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966, стр. 48.

[2] В. П. Сербский. Судебная психопатология. М., 1895, т. 1, стр. 136.

О возможности вменения совершенных общественно опасных деяний, в частности половых преступлений, лицам, страдающим психической болезнью, если они сохранили способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, свидетельствует также и судебная практика. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР оставила без изменений приговор, которым гр. М. был осужден по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР за групповое изнасилование. Адвокат в своей кассационной жалобе ссылался на нарушение судом ст. 47 УПК РСФСР о праве обвиняемого на защиту. В своем определении Судебная коллегия указала, что вина М. материалами дела доказана, а ссылка адвоката на то, что обвиняемый является умственно отсталым и следствие было обязано допустить адвоката к участию в деле с момента предъявления обвинения, являются неосновательными. Из заключения судебного психиатра видно, что М. вменяем, но умственно отстал в степени легкой дебильности. Этот признак проявляется лишь в том, что его знания невелики и интересы ограничены, но при этом он хорошо разбирается в практических вопросах, правильно ориентируется в ситуации, обладает жизненными познаниями и навыками, критика его сохранена, психическое состояние не мешает ему руководить своими поступками. В ходе предварительного следствия и в судебном заседании М. давал последовательные показания, которые во всех деталях совпадают с показаниями других осужденных, потерпевшей, свидетелей и каких-либо сомнений не вызывают. При таком положении коллегия пришла к выводу, что М. не может быть отнесен к лицам, которые в силу своих психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту.[2]

Рассматривая вопрос о юридическом (психологическом) критерии, следует подчеркнуть, что основанием для признания лица невменяемым является как болезненное нарушение его мыслительной деятельности — способности отдавать себе отчет в своих действиях,— так и волевой деятельности — способности такими действиями руководить. Для установления невменяемости, при наличии психического заболевания, необходимо наличие хотя бы одного из этих двух моментов (обычно они друг с другом тесно переплетаются).

---

[1] О. Е. Фрейеров. О пределах компетенции эксперта психиатра в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. 117.

[2] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 2, стр. 8.

На понятии невменяемости мы подробно остановились в связи с тем, что при расследовании половых преступлений в ряде случаев возникает вопрос, можно ли их совершение вменить обвиняемому. Это связано с тем, что в таких преступлениях нередко проявляются аномалии полового влечения, особенно когда они совершаются в отношении малолетних, престарелых или с особой жестокостью, а также в случаях мужеложства.

Прежде всего, следует иметь в виду, что наличие таких аномалий само по себе не свидетельствует о невменяемости. Сексуальные влечения, в том числе и ненормальные, относятся к тем областям человеческого поведения, которые, как правило, поддаются сознательному регулированию и контролю и проявляются чаще всего в результате внутренней недисциплинированности, несдержанности или развращенности. Вместе с тем, в некоторых случаях наличие половых аномалий, проявившихся в совершенном общественно опасном деянии, может быть и симптомом психического заболевания, исключающего вменяемость лица.

Психическими болезнями, которые могут повлечь за собой повышенное сексуальное возбуждение, а также аномалии полового влечения являются: маниакальная стадия маниакально-депрессивного психоза, начальная стадия прогрессивного паралича, старческое слабоумие, олигофрения (врожденное слабоумие).[1] Особенно утрачивается самоконтроль у лиц, страдающих указанными болезнями под влиянием алкоголя, которого они не переносят даже в самых малых дозах. Общественно опасные действия сексуального характера, совершаемые душевнобольными, свидетельствуют об отсутствии у них самоконтроля и о неспособности противостоять своим влечениям, правильно оценивать ситуацию и сознавать последствия своих действий.

---

[1] См. Судебная психиатрия, под ред. Г. В. Морозова. М., 1965, стр. 182, 266, 312.

Поэтому, если совершенное половое преступление свидетельствует о ненормальном половом влечении, это является основанием для назначения судебно-психиатрической экспертизы для решения вопроса о вменяемости обвиняемого. Указанное не относится к гомосексуализму. Этот вид половой аномалии сам по себе не свидетельствует о психическом заболевании. «В подавляющем большинстве случаев педерастия не представляется ни невропатическим, ни психопатическим явлением, как это доказывается уже историей этого порока и всеобщим его распространением во времена классической древности»,— писал еще в 1890 году Э. Гофман.[1]

Следует отметить, что хотя аномалии полового влечения, как отмечалось выше, могут быть симптомами психических болезней, однако на практике, как показывают результаты судебно-психиатрических экспертиз, в подавляющем большинстве случаев лица, совершающие половые преступления, являются вменяемыми. Так, А. А. Жижиленко отмечал, что по статистическим данным насильники, как правило, и физически и психически — люди здоровые.[2] К такому же выводу пришли исследовавшие этот вопрос В. А. Внуков и А. О. Эдельштейн.[3]

Данные института им. В. П. Сербского также свидетельствуют о том, что лица, совершившие половые преступления, составляют незначительный процент к общему числу испытуемых правонарушителей. Так, за 5,5 лет из 2238 человек, проходивших судебно-психиатрическую экспертизу, только 53, или 2,4%, совершили половые посягательства.[4]

На незначительное количество случаев психических заболеваний у лиц, совершающих рассматриваемые преступления, указывают и современные исследователи. Так, по данным авторов криминологического обследования, проведенного в центрально-черноземном экономическом районе, только 6,5% лиц, совершивших половые преступления, обнаруживали психические дефекты и заболевания.[1]

---

[1] Э. Гофман. Руководство по судебной медицине. СПб, 1891, стр. 150.

[2] А. А. Жижиленко, Л. Г. Оршанский. Указ. работа, стр. 99.

[3] В. А. Внуков и А. О. Эдельштейн. О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений, Сб. «Правонарушения в области сексуальных отношений». М., 1927.

[4] «Журнал неврологии и психиатрии», 1928, № 1, стр. 60.

М. Н. Хлынцов возражает даже против назначения судебно-психиатрической экспертизы лиц, совершивших развратные действия в отношении несовершеннолетних несмотря на то, что это может свидетельствовать о ненормальном половом влечении. Он обосновывает это тем, что в подавляющем большинстве случаев эксперты не усматривают у подозреваемых психических заболеваний.[2] С этим согласиться нельзя. Как отмечалось, аномалии полового влечения (кроме гомосексуализма) могут быть в отдельных случаях симптомами психической болезни и поэтому требуют психиатрической оценки их характера.

Судебно-психиатрическая практика Таджикской ССР также свидетельствует о том, что лица, совершившие половые преступления, обычно являются вменяемыми и эксперты-психиатры в своих заключениях отмечают, что в момент совершения этих преступлений подэкспертные могли отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Вместе с тем, в ряде случаев судебно-психиатрическое исследование лиц, совершивших половые преступления, наряду с признанием их вменяемыми, устанавливает у них дефекты или отклонения от нормы в области психики. Такие дефекты могут быть связаны с травматическим или органическим поражениями головного мозга, вызывающими явления умственной недостаточности или ограниченности, но не лишающими лицо способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Однако чаще всего такие дефекты и отклонения в психике связаны с психопатией обследуемого.

Советская судебная психиатрия не считает психопатию заболеванием, лишающим лицо возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Так,

---

[1] Вопросы методики и практики конкретных исследований причин преступности и личности преступника. Воронеж, 1964, стр. 88.

[2] М. Н. Хлынцов. Расследование половых преступлений. Саратов, 1965, стр. 137.

Д. Р. Лунц отмечает, что судебно-психиатрические наблюдения показывают, что психопатические особенности темперамента и характера не исключают способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими и что поэтому вывод о вменяемости преобладающего числа психопатов является результатом обобщений клинического экспертного опыта и вытекает из самой сущности их психических особенностей.[1] Признание психопатов, совершивших половые преступления вменяемыми, имеет и большое профилактическое значение. Хотя развитие ненормальных половых влечений у таких лиц, ввиду неполноценности их высшей нервной деятельности, находит особо благодатную почву, регулирующее влияние высших нервных процессов у них полностью не утрачено, а сами влечения часто возникают и закрепляются по механизмам условных связей, вырабатывающимся под влиянием неблагоприятных условий воспитания и окружающей среды. Поэтому освобождение психопатов от ответственности за совершаемые ими противоправные действия неминуемо приводит к возникновению у них чувства безнаказанности. Вместо того, чтобы бороться с аномалиями своего характера и ненормальным половым влечением, последние поднимаются ими на щит как оправдание совершаемых антиобщественных действий.

Эту черту психопатических личностей в свое время правильно подметил еще А. Ф. Кони. «На наших глазах,— писал он,— появился и термин «психопатия», впервые произнесенный в русском суде на громком процессе Мироновича и Семеновой, обвиняемых в убийстве Сарры Беккер. Эта психопатия получила... чрезмерное право гражданства в суде. Слово стало популярным. «Признаете ли вы себя виновным?» — спрашивает председатель человека, обвиняемого в ряде крупных мошенничеств и подлогов. «Что же мне признавать?» — не без горделивого задора отвечает подсудимый: «Я ведь психопат...» Таким образом, это слово служило как бы для определения такого состояния, в котором все дозволено и которое составляет для подсудимого своего рода position sociale или вернее, antisociale».[2]

---

[1] Д. Р. Лунц. Указ. работа. стр. 135.

[2] А. Ф. Кони. Суд — наука — искусство. Сбор. соч., т. 1, М., 1966, стр. 208—209.

Вместе с тем в отдельных, наиболее тяжелых случаях, уродливость характера психопатической личности бывает так глубока, что лицо признается судебно-психиатрической экспертизой невменяемым. Так, по данным стационара Института судебной психиатрии им. В. П. Сербского, куда обычно попадают лица, страдающие наиболее тяжелыми формами психопатии, процент психопатов, признанных невменяемыми, составлял в 1958 г.— 12,6%, в 1959 г.—17,2%, в 1960 г.—10,1%, в 1961 г.— 15,6% и в 1962 г.—20,8% от общего количества лиц с этим диагнозом.[1]

Признание психопатов невменяемыми относится к случаям, при которых типичные для данной личности аффективно-волевые аномалии становятся особенно интенсивными, трудно или вообще не коррегируемыми, существенно влияющими на течение мыслительных процессов в сторону их искажения, а иногда и неадекватности, что приводит к недостаточной критической оценке психопатом жизненных ситуаций и своих поступков, к недоосмысливанию требований закона и игнорированию установленных норм поведения.

Со случаями психических нарушений, не связанных с признанием лица невменяемым, связана проблема так называемой уменьшенной вменяемости.

Концепция уменьшенной вменяемости была выдвинута еще сто лет тому назад судебными медиками, занимавшимися психиатрической экспертизой. Она обосновывалась положением классической школы уголовного права о том, что наказание (возмездие) должно быть пропорционально злой воле преступника, которая, исходя из идеалистического представления о свободе воли, мыслилась, как свободное волеизъявление, не подчиненное принципу причинности. По мнению представителей этой школы, лицо, страдающее психическим заболеванием, не обладает свободой воли, так как его поступки определяет болезнь, в связи с чем оно и является невменяемым. В тех же случаях, когда лицо, не будучи душевнобольным, тем не менее психически неполноценно, его злая воля обладает уменьшенной свободой. Из этого делался вывод, что вина и наказание (возмездие) такого лица должны быть уменьшены, а само лицо в связи с этим считаться уменьшенно вменяемым.[1] В соответствии с этими воззрениями понятие вменяемости неразрывно связывается с понятием вины, основанном на идеалистическом понимании свободы воли. Концепция же уменьшенной вменяемости в рассматриваемый период связывается с гуманным намерением уменьшить репрессию в отношении лиц, обнаруживающих ту или иную психическую недостаточность, которую, в соответствии с развитием науки психиатрии в этот период, нельзя было отнести к психическим болезням ввиду отсутствия явных признаков таковых.[2]

---

[1] О. Е. Фрейеров. К вопросу о вменяемости-невменяемости при психопатиях. «Судебномедицинская экспертиза», 1965, № 2, стр. 28.

Другую трактовку понятие уменьшенной вменяемости получает в период господства антропологической, а затем социологической школ уголовного права. Исходя из того, что лица, страдающие психическими дефектами, в частности психопаты, по мнению представителей этих школ имеют особую склонность к совершению преступлений, они как уменьшенно вменяемые больше подвержены рецидиву, чем психически полноценные преступники и поэтому особо опасны для общества. Из этого делался вывод, что такие лица должны быть изолированы и что признание их психической неполноценности смягчающим обстоятельством вредно как для общества, так и для самих уменьшенно вменяемых ввиду того, что это дает им возможность проявлять свои преступные тенденции.[3]

Следует отметить, что эта точка зрения является и в настоящее время господствующей в судебно-психиатрической доктрине капиталистических стран. Так, швейцарский судебный психиатр П. Моор отмечает, что основной при применении уменьшенной вменяемости является мысль о безопасности общества и лечении психопатов.[1]

---

[1] O. Bumke. Gerichtliche Psychiatrie. Handbuch. der Psychiatrie. Wien. 1912, s. 193; K. Millmanns. Die sogennante verminderte Zurechnungsfähigkeit. Berlin. 1927.

[2] В. М. Бехтерев. Психопатия и ее отношение к вопросу о вменении. Казань, 1888.

[3] E. Kraepelin. Zur Frage der geminderten Zurechnungsfähigkeit «Deutsch. Juristentag». Berlin, 1905.

И. Ланге и Р. Шредер подчеркивают, что уменьшенно вменяемые — это такие вменяемые лица, которые вследствие своей ненормальности требуют принятия в отношении себя особых мер безопасности, в частности изоляции на неопределенный срок для применения к ним мер наказания и лечения.[2]

Такое же мнение было высказано и Н. Анселем в его докладе на Европейском семинаре по психиатрическому лечению преступников.[3]

Психиатрическое обоснование состояния уменьшенной вменяемости исходит из того, что между различными по тяжести психическими изменениями личности нет резких границ, и в ряде случаев имеют место такие промежуточные состояния, в отношении которых невозможно, с медицинской точки зрения, дать определенное заключение о вменяемости или невменяемости, а нужно говорить об уменьшенной способности к вменению. Польский психиатр А. Малиновский в руководстве по судебной психиатрии в связи с этим пишет, что если умозрительно распределить психические аномалии по шкале их тяжести от 0 — обозначающего вменяемость, до 100 — обозначающего невменяемость, то к уменьшенной вменяемости будут относиться психические нарушения, располагающиеся в промежутке от 50 до 100 этой шкалы.[4]

Точка зрения о наличии психических состояний промежуточного характера, являющихся основанием для признания лица уменьшенно вменяемым, подверглась обоснованной критике со стороны русских судебных психиатров. Еще В. П. Сербский отмечал, что заключение об уменьшенной вменяемости означает, что эксперты не дали себе труда вникнуть как следует в психическое состояние больного во время совершения преступления.[1]

---

[1] P. Mohr. Die Forensische Bedeutung der Psychopathen. «Schweizer. Arch. für Neurol und Psych.» 1947. H. 1—2.

[2] J. Lange. Verbrechen als Schicksal. Leipzig. 1929; P. Schreider. Die verminderte Zurechnungsfähigkeit. «Neue deutsch, Klinik, Erg. Bb. 11. 1934.

[3] M. Ancel. La defence sociale et la traitment psychiatrie des deliquants. Organis, mond, de la santé. Docum. pour la discussion au groupe pour la traitment de delinquants. 1958.

[4] A. D. Malinowski. Podstanove Zagadinienia W. Orzecznie wie sadowopsychiatrichczungum, 1961.

Медицинский критерий уменьшенной вменяемости, как антинаучный и неопределенный, был подвергнут убедительной критике Д. Р. Лунцем в его монографии, специально посвященной проблеме невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. В частности, автор отмечает, что признание уменьшенной вменяемости означает уход от тщательной судебно-психиатрической оценки сложных случаев и от дальнейшей научной разработки отдельных болезненных форм и состояний психики. «Трудности судебно-психиатрической оценки этих случаев,— пишет он,— вызванных современным состоянием психиатрических знаний и возможностей экспертной оценки, нацеливают не на дальнейшую их разработку, а на введение промежуточной группы, «снимающей» как трудности, так и необходимость дальнейшей разработки судебно-психиатрической клиники и судебно-психиатрических оценок».[2] Кроме того, Д. Р. Лунц отмечает, что теоретическое обоснование пограничных состояний, как основания для признания уменьшенной вменяемости, связано с биологической трактовкой личности преступника и как следствие этого с установлением причинной связи между патологическими особенностями его психики и характером совершенного преступления. Тем самым совершение преступных действий объясняется исключительно патологическими особенностями вменяемых, но психически неполноценных лиц.

Подобного рода рассуждения о связи между патологическими особенностями психики и совершенным лицом преступлением являются характерным проявлением неоламброзианской теории о биопсихологической предрасположенности к преступлению, в которой решающее значение придается биологическим факторам, а роль социальных факторов сводится к понятию «окружающей среды».[3]

---

[1] В. П. Сербский. О судебно-психиатрической экспертизе (Доклад II съезду отечественных психиатров) «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1905, т. 5, кн. 5.

[2] Д. Р. Лунц. Указ. работа, стр. 208.

[3] А. А. Герцензон. Неоломброзианство и кризис современной буржуазной криминологии. «Советское государство и право», 1965, № 11.

Концепция уменьшенной вменяемости воспринята многими уголовными кодексами иностранных государств. Так, германский уголовный кодекс 1871 года, действующий в ФРГ, определяет уменьшенную вменяемость как значительное уменьшение способности понимать запрещенность деяния или действовать в соответствии с пониманием этого во время совершения деяния (п. 2, § 51). Швейцарский уголовный кодекс устанавливает, что уменьшенная вменяемость признается в случаях, когда виновный настолько ущерблен в своем психическом здоровье или в своем сознании или недостаточно психически развит, что либо его способность отдавать себе отчет в правовом значении своих действий, либо его способность руководить своими действиями, хотя полностью и не уничтожены, но ко времени деяния снижены (ст. 11).

Г. Ф. Пфеннингер, комментируя это положение, отмечает, что «таким образом, состояния, влекущие уменьшенную вменяемость, не обязательно должны быть болезненными состояниями. Сюда подойдут также действия, совершенные в состоянии сильного душевного волнения или временного опьянения, или полового возбуждения».[1]

Уголовный кодекс Дании в § 7 содержит постановление о «психических аномалиях», которое касается психически дефективных лиц и имеет в виду, как указывают комментаторы, «в первую очередь так называемых психопатов, т. е. лиц, состояние которых по характеру и степени не соответствует невменяемости, а вытекает из недостаточного развития, ослабления или нарушения их психических особенностей (включая половые аномалии).[2]

Уменьшенная вменяемость предусмотрена также уголовным законодательством Швеции, Норвегии, Голландии, Италии и некоторых других капиталистических стран.

Признание лица уменьшенно вменяемым влечет за собой по большинству уголовных кодексов указанных государств направление таких лиц в специальные учреждения («аднексы» для психопатов), где к ним применяется лечение (психотерапия).[1] Срок пребывания в таких специальных учреждениях судом не определяется. По ходатайству органов обвинения, попечителя или администрации этих заведений суд в праве своим определением временно или окончательно освободить осужденного от пребывания в них, если будет установлено, что психопатические особенности его личности не представляют опасности для окружающих.

---

[1] Г. Ф. Пфеннингер. Швейцарское уголовное право, «Современное зарубежное уголовное право». М., 1958, т. 2, стр. 321.

[2] Ф. Маркус. Уголовное право Дании. «Современное зарубежное уголовное право». М., 1957, т. 1, стр. 137.

В связи с этим необходимо отметить порочность самого понятия «неопределенного приговора». При вынесении подобного рода приговоров имеет место недопустимое смешение мер принудительного лечения и наказания. Ведь наказание может быть применено только к вменяемым лицам и поэтому его срок должен быть точно определен. Неопределенность срока наказания лишает осужденного каких бы то ни было правовых гарантий. В тех же случаях, когда речь идет о применении к лицу принудительных мер медицинского характера, они исключают наказание, так как лицо является невменяемым. В таких случаях речь идет не о приговоре суда, а об определении по поводу назначения лечения.

Следует отметить и то, что применяемые к лицам, признанным уменьшенно вменяемыми, специальные меры на практике себя не оправдывают. Прежде всего, в ряде государств, в частности в ФРГ и Швейцарии, ввиду отсутствия достаточного количества специальных учреждений, лица, признанные уменьшенно вменяемыми, направляются в общие закрытые психиатрические учреждения, в которых они дезорганизуют нормальный больничный режим и доставляют массу забот медицинскому персоналу.[2]

Даже в государствах, где специальных учреждений для уменьшенно вменяемых достаточно (Италия, Голландия и Скандинавские страны), пребывание в них осужденных также к положительным результатам не приводит.

П. Моор, специально изучивший результаты пребывания лиц, признанных уменьшенно вменяемыми, в специальном учреждении Швейцарии, указывает, что в 60% случаев эта мера должного эффекта не дала.[1] Директор одного из таких учреждений в Италии Амати в докладе на Европейском семинаре по психиатрическому лечению преступников отмечал, что «если после выписки из вверенного ему учреждения у лица отсутствует семейная и социальная помощь—неудача наших усилий почти неизбежна».[2]

---

[1] G. Amati. Mesures de Surete a carachtere hospitallen et traitment medico-psychiatrique de criminels anaurmaux demifous et fons. Organis. mond de la santé. Docum. pour la discussion au groupe pour la traiment de dilinguants, 1958.

[2] Willinger E. Forensiche und administrative Psychiatrie. «Psychiatrie der Gegenwart», B. 3. 1961.

Понятие уменьшенной вменяемости знает и ряд уголовных кодексов социалистических стран, в частности, оно имеется и в новом уголовном кодексе Германской Демократической Республики от 12/I 1968 г.[3]

В соответствии с § 16 этого кодекса «об уменьшенной вменяемости» уголовная ответственность виновного смягчается, если преступник в момент совершения преступления в связи с временным или длительным болезненным расстройством умственной деятельности либо в силу серьезного ненормального отклонения в развитии своей личности был существенно ограничен в способности руководствоваться нарушаемыми его преступным деянием правилами общественного общежития. Однако, если основанием, приведшим к уменьшенной вменяемости, явилось употребление виновным спиртных напитков или одурманивающих средств, положение о смягчении наказания не применяется.

При установлении уменьшенной вменяемости суд вправе вместо уголовного наказания или наряду с ним, поместить виновного в специальное психиатрическое учреждение.

Вместе с тем, в юридической литературе ГДР отмечается, что рассматриваемое понятие относится не к вменяемости, как к таковой, а к степени вины обвиняемого. В соответствии с этим уменьшенная вменяемость трактуется там не как промежуточное состояние между вменяемостью и невменяемостью, а как особый вид вменяемости, при которой лицо в результате психических аномалий является интеллектуально ограниченным и поэтому степень его вины в совершении преступления и ответственность за это подлежит уменьшению.[1]

---

[1] P. Mohr. Указ. работа.

[2] См. Д. Р. Лунц. Указ. работа, стр. 213.

[3] См. Das neue Strafrecht — bedeutsamer Schritt zur Festigung unserer sozialischen Rechtsstaates. Heft. 4, 5. Wachtperiode, 1968,

Понятие уменьшенной вменяемости известно также уголовным кодексам Польши, Румынии, Югославии, Венгрии и Чехословакии. В этих кодексах формулировка понятия уменьшенной вменяемости не дается, а о ней только упоминается при перечислении смягчающих вину обстоятельств и возможности отказа суда от применения наказания. Так § 32 УК ЧССР устанавливает, что «если виновный совершил преступное деяние в состоянии уменьшенной вменяемости, которое он — и по неосторожности — не вызвал употреблением спиртного напитка или одурманивающего средства, суд учтет это обстоятельство при определении вида наказания и его размера. Это наказание может быть назначено ниже низшего предела, установленного законом с одновременным назначением охранного лечения. Кроме того, суд может вообще отказаться от наказания, если полагает, что охранное лечение обеспечит исправление виновного и охрану общества лучше, чем наказание» (§ 25 УК).

Охранное лечение осуществляется в лечебном заведении и продолжается до тех пор, пока этого требует его цель. Освобождение от такого лечения производится по решению суда (§ 72 УК).[2]

Следует отметить, что изложенное выше понятие уменьшенной вменяемости, как основания для уменьшения вины из-за психической недостаточности правонарушителя, ввиду его неопределенности и «каучуковости»[3], подвергается критике в юридической литературе зарубежных социалистических стран. Так, болгарский ученый В. Бузов отмечает, что основными ошибками концепции уменьшенной вменяемости является допущение переходного состояния между вменяемостью и невменяемостью в то время, как это качественно различные явления, а также неправильная трактовка понятия психопатии, так как последняя, как правило, не переходит в психическую болезнь и не является основанием для того, чтобы считать психопата невменяемым и даже ограниченно вменяемым.[1]

---

[1] Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik (Allgemeiner Teil). Berlin, 1959.

[2] См. Уголовный кодекс ЧССР от 29. XI. 1961 г. Также Штефан Брейер. Принципы назначения наказания согласно чехословацкому уголовному кодексу 1961 года. «Бюллетень чехословацкого права», Прага, 1962, № 1—2.

[3] I. Plonowski. Dyskusya popzedzajaca. Wpowadzenie do kodeksu karnego. Instytucyi poczylnosci Zmniejszonei Neurol. «Neurochir. i psychiatria Polska», 1964, № 4,

Советское уголовное законодательство никогда не знало понятия уменьшенной вменяемости, хотя в начале 20-х годов оно и применялось в судебно-психиатрической практике. Так, в 1923 году 30% всех испытуемых, проходивших экспертизу в Институте судебной психиатрии им. В. П. Сербского, было признано уменьшенно вменяемыми. В 1925 году этот процент уменьшился до 8,5%, а с 1927 года понятие уменьшенной вменяемости вообще перестало применяться судебными экспертами этого института.[2]

Как было показано выше, понятие уменьшенной вменяемости в теории и практике трактуется двояким образом. В одних случаях под ним понимается пограничное состояние между вменяемостью, как нормой, и невменяемостью, как патологией, в других — уменьшенная вменяемость рассматривается, как вменяемость с уменьшенной виной ввиду психической недостаточности субъекта.

Ни одна из этих точек зрения для советских юристов и судебных психиатров не приемлема. При всем многообразии болезненных нарушений психики и их постепенно нарастающей тяжести состояние невменяемости качественно отличается от таких состояний, при которых лицо является вменяемым. Поэтому лицо может быть или вменяемым, т. е. отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, или эта способность у него нарушена, и тогда он должен быть признан невменяемым. Состояния же промежуточного в этом отношении с точки зрения науки судебной психиатрии не существует. Эта наука исходит из того, что аномалии психики, и в частности полового влечения, которые иногда характеризуют некоторые особенности личности правонарушителя и его психическое состояние во время совершения полового преступления, если они не исключают его способности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, не могут быть основанием для признания такого лица уменьшенно вменяемым.

---

[1] Венеци Бузов. Вменяемост и невменяемост според социалистического наказателно право. София, 1965, стр. 68—73.

[2] Д. Р. Лунц. Указ. работа, стр. 211.

Если же рассматривать уменьшенную вменяемость, как вменяемость с уменьшенной виной, то это также может привести к серьезным ошибкам. Прежде всего, наличие психических аномалий, в том числе относящихся к половой сфере, не всегда может служить основанием для уменьшения вины в содеянном, хотя и характеризует с определенной стороны личность обвиняемого. Особенно это относится к часто встречающимся случаям психопатий, не влекущих за собой психической неполноценности лица. Признание таких психопатов уменьшенно вменяемыми неизбежно приведет к тому, что они начнут считать себя по существу безнаказанными.

Это особенно опасно, так как судебная практика свидетельствует, что нередко психопатические личности по вполне сознательным мотивам или из-за распущенности совершают крайне опасные для общества действия, в частности изнасилование малолетних и развратные действия с ними, мужеложство и т. п. Применение к таким лицам уменьшенных санкций только на том основании, что они страдают психическими аномалиями, привело бы к тому, что вместо борьбы со своей психической недостаточностью, и в частности с ненормальным половым влечением, виновные рассматривали бы это как оправдание своих противоправных действий и тем самым еще глубже уходили в свою болезнь.

На указанное обстоятельство уже в конце 20-х годов обратил внимание известный советский психиатр проф. Е. К. Краснушкин, категорически высказавшийся против понятия уменьшенной вменяемости. Он отмечал, что признание психопата уменьшенно вменяемым часто осознается им как закрепление за ним бóльших прав при совершении преступления, чем у здорового человека, и делает его тем самым более опасным для общества.[1]

Изложенные соображения не означают однако, что наличие у обвиняемого в совершении полового преступления патологических аномалий полового влечения, не исключающих его вменяемости, не должно приниматься во внимание судом при индивидуализации наказания. Речь идет лишь о том, что наличие таких аномалий само по себе без учета всех остальных факторов и обстоятельств содеянного не может быть основанием для снижения наказания. Вопрос о том, можно ли данную психическую аномалию рассматривать, как смягчающее вину обстоятельство, должен разрешаться судом в каждом конкретном деле с учетом характера таких аномалий, личности обвиняемого в целом и обстоятельств совершенного им преступления.

---

[1] См. Е. К. Краснушкин. Преступники-психопаты. М., 1929 стр. 22.

К числу признаков субъекта, как элемента состава преступления, в ряде составов относятся специальные признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление.

По половым преступлениям специальный субъект предусматривается только двумя составами: при понуждении женщины к вступлению в половую связь, специальным субъектом которого может быть только лицо, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой, а также при изнасиловании, одним из квалифицирующих признаков которого является совершение его лицом, признанным в установленном порядке особо опасным рецидивистом.

Между тем, изучение судебной практики показывает, что в ряде случаев посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетних совершают их близкие родственники, в частности отцы, отчимы, дяди и т. п. По изученным нами делам, это имело место в 9,5% случаев. На почти такой же процент указывают и другие исследователи. Так, данные обследования, проведенного Всесоюзным научно-исследовательским институтом МВД СССР, заключенных, осужденных за изнасилование, свидетельствуют о том, что 8% изнасилований совершили родственники потерпевшей.

Учитывая, что посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних со стороны указанных лиц представляют особенную общественную опасность, возникает вопрос, не следует ли включить в качестве квалифицирующего обстоятельства в такие составы совершение преступления лицом, связанным родственными отношениями с потерпевшим или осуществляющим в отношении его воспитательные функции.[1]

---

[1] Такое предложение, в частности, внесено Ю. К. Сущенко. (Указ. автореф. канд. дисс., стр. 8).

Мы полагаем, что в составах изнасилования и мужеложства это не вызывается необходимостью. Повышенная общественная опасность совершения этих преступлений в отношении несовершеннолетних учтена в законе, независимо от их взаимоотношений с субъектом преступления. Что же касается составов развратных действий в отношении несовершеннолетних лиц (не достигших шестнадцатилетнего возраста), а также вступления с таким лицом в половую связь, то включение в эти составы в качестве квалифицирующего обстоятельства родственных отношений с потерпевшим мы считаем необходимым.

* * *

Рассмотрение вопроса о субъекте половых преступлений приводит к следующим выводам:

1. Субъектами половых преступлений являются лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, за исключением изнасилования, ответственность за которое наступает с 14 лет.

2. Непосредственным исполнителем изнасилования и мужеложства является только мужчина, что не исключает возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение указанных преступлений в качестве соисполнительницы женщины, в тех случаях, когда она выполняет часть действий, совокупность которых образует объективную сторону этих составов, в частности применяет насилие к потерпевшему лицу.

3. Хотя аномалии полового влечения в некоторых случаях являются симптомами психических болезней, в подавляющем большинстве лица, совершающие половые преступления, вменяемы. Это относится и к психопатическим личностям. Несмотря на то, что развитие ненормальных половых влечений у таких лиц, ввиду неполноценности их высшей нервной деятельности, находит особо благодатную почву, они обычно полностью сохраняют способность отдавать себе отчёт в своих действиях и руководить ими.

Наше уголовное законодательство и судебная психиатрия полностью отвергают концепцию уменьшенной вменяемости психопатов.

4. В целях общего предупреждения половых преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и нормальное половое воспитание детей и подростков, следует согласиться с высказанным в литературе предположением о включении в эти составы в качестве квалифицирующего признака совершения такого преступления лицом, связанным родственным отношением с потерпевшим либо осуществляющим в отношении его функции воспитания или обучения.

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

В юридической литературе субъективная сторона состава преступления освещается или при изложении общих положений о составе преступления, или же в связи с анализом конкретных составов. Нам представляется, что для характеристики отдельных видов преступлений в целом имеет значение также и выявление особенностей их субъективной стороны. К таким особенностям для половых преступлений относятся вопросы характера умышленной вины, процесс формирования умысла, его направленность и динамика, а также мотивы и цель этих преступлений. Конечно, в каждом отдельном составе эти особенности конкретизируются, наполняются своим содержанием в зависимости от объективных признаков содеянного. «О реальных помыслах и чувствах отдельных личностей мы судим по действиям этих личностей»,— писал В. И. Ленин.[1] Поэтому вина лица всегда проявляется в определенных конкретных действиях (бездействии), составляющих объективную сторону данного состава. Однако для эффективной борьбы с преступностью необходимо знать и общие психические особенности, свойственные лицам, совершающим определенные виды преступлений. Выяснение же этого неразрывно связано с установлением психического отношения субъекта таких преступлений к содеянному, т. е. с его субъективной стороной. Особенное значение это имеет для половых преступлений.

Ввиду того, что субъективная сторона преступления представляет собой отражение в сознании субъекта объективных признаков общественно опасного деяния, которое он намеревается совершить, то каждый состав половых преступлений отличается и по своей субъективной стороне. Более того, иногда только направленность умысла субъекта даёт возможность правильно разграничить такие половые преступления, как например, покушение на изнасилование и совершение развратных действий.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 423—424.

Однако это не исключает того, что в субъективной стороне всех составов половых преступлений имеются и общие, присущие им черты.

Прежде всего, как уже отмечалось, все половые преступления совершаются с прямым умыслом. Субъект во всех случаях сознаёт общественно опасный характер своих действий, тем самым он одновременно предвидит общественно опасные последствия этих действий и желает их наступления.

Указанное объясняется тем, что по своей юридической конструкции половые преступления относятся к формальным и их общественно опасные последствия органически включаются в противоправные действия, совершённые субъектом. Эти действия являются одновременно и результатом совершаемого преступления, так как предвидеть их результат отдельно от действий нельзя.[1] Волевой признак при их совершении оказывается перемещенным с последствий на деяние[2] Поэтому сознание виновным, что совершаемые им сексуальные действия являются общественно опасными, полностью охватывает в общей форме всю ситуацию с этим связанную.

Ответственность за половые преступления, таким образом, возникает независимо от наступления в результате их совершения общественно вредных последствий.

Исключение составляет только изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия при котором может иметь место сложная форма вины.

---

[1] Преступления, которые могут совершаться только путем определенного общественно опасного действия, независимо от того, влечет ли это действие определенные общественно опасные последствия, И. Реннеберг называет «простыми преступлениями действия» (einfache Tätigkeitsvebrehen). Иоахим Реннеберг. Объективная сторона преступления. М., 1957, стр. 39—41.

[2] См. Курс советского уголовного права (Часть Общая), т. 1, Л., 1968, стр. 419.

За исключением такого случая половые преступления не могут совершаться ни с косвенным умыслом, ни по неосторожности, так как особенность этих форм вины в соответствии с конструкцией ст. ст. 8 и 9 УК заключается в психическом отношении субъекта к общественно опасным последствиям совершенного деяния.

Особенностью интеллектуального признака умысла при половых преступлениях, как преступлений формальных, является также и то, что он заключается в психическом отношении виновного не столько к самому совершаемому им действию, сколько к социальному характеру этого действия.[1]

Сексуальное действие, совершаемое субъектом, взятое само по себе, в ряде составов половых преступлений общественной опасности вообще не представляет. Например, добровольное половое сношение между совершеннолетними лицами разного пола является нормальным средством удовлетворения половой потребности человека. Общественно опасным такое действие делает только определенный социальный элемент — насильственный характер полового сношения или несовершеннолетие одного из лиц, в нем участвующих.

Прямой умысел при совершении рассматриваемых преступлений имеет место, когда носящее общественно опасный характер действие либо является конечной целью преступления, например половое сношение с несовершеннолетней, либо представляет собой средство для достижения определенной цели, которая сама по себе может и не быть противоправной. Примером этого является насилие и угроза, как способы действия при изнасиловании для совершения полового акта с совершеннолетней женщиной.

Одно из необходимых условий интеллектуального признака умысла — сознание лицом общественно опасного характера своего действия. А. А. Пионтковский в связи с этим указывает, что сознание общественной опасности (противоправности) действия презюмируется наличием уголовного закона и поэтому при установлении умысла не подлежит специальному доказыванию.[2]

---

[1] Б. С. Никифоров. Об умысле по действующему уголовному законодательству. «Советское государство и право», 1965, № 6.

[2] А. А. Пионтковский. Указ. работа, стр. 345.

Иначе подходит к этому вопросу И. Г. Филановский полагающий, что сознание общественной опасности деяния не следует смешивать с сознанием противоправности деяния, и оно определяется часто субъективными качествами человека: жизненным опытом, образованием, эрудицией, общей культурой и т. п.[1]. Эта точка зрения нам представляется более правильной.

Как отмечалось, особенностью большинства составов половых преступлений является то, что противоправным сексуальное действие (кроме мужеложства) становится не само по себе, а в силу своей антиобщественной направленности. Поэтому в таких составах, как изнасилование и половое сношение с несовершеннолетней, субъект в отдельных случаях может не сознавать общественно опасного характера своих сексуальных действий. В частности, в силу особой ситуации, созданной потерпевшей, он может считать, что ее сопротивление половому сношению носило мнимый, притворный характер. Так, по делу по обвинению Ш. в изнасиловании 19-летней Т., студентки медицинского училища, было установлено, что потерпевшая пришла к обвиняемому со своими двумя подругами на квартиру, там они просидели весь вечер, танцевали, пили спиртные напитки. В 12 часов ночи подруги потерпевшей предложили ей пойти домой, но она сказала, что еще останется у обвиняемого. После того, как подруги ушли, потерпевшая осталась наедине с обвиняемым, целовалась с ним, а затем совершила половое сношение, хотя этому вначале и сопротивлялась. На другое утро потерпевшая ушла домой и в тот же день подала заявление в прокуратуру, что Ш. ее изнасиловал. В своих объяснениях Ш. утверждал, что хотя потерпевшая и сопротивлялась половому сношению с ним, но он, исходя из ее поведения до этого, был убежден, что это сопротивление не является серьезным, а объясняется естественной для женщины стыдливостью.

В судебной практике встречаются и такие случаи, когда лицо, привлекаемое к ответственности за половое сношение с несовершеннолетней, не достигшей шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), заявляет, что оно полагало, что потерпевшая является совершеннолетней и основывает это тем, что она неправильно сообщила ему свой возраст. Так, М. вместе со своим товарищем К. зашел вначале в ресторан, где они заказали спиртные напитки, а потом на танцевальную площадку. Там он познакомился с гр. К., которая сказала, что ей 17 лет и она работает воспитательницей в детском саду. Через некоторое время обвиняемый вступил с потерпевшей в половую связь и только после этого узнал, что ей лишь 15 лет.

---

[1] Курс советского уголовного права (Часть Общая), т. 1, Л., 1968, стр. 413.

Отсутствие вины в подобного рода случаях основано на том, что лицо в данной ситуации не могло сознавать, что его сексуальные действия носят общественно опасный характер. В связи с этим нужно признать неправильной имевшую место практику отдельных судов, полагавших, что незнание возраста потерпевшей не освобождает лицо от уголовной ответственности за половое сношение с ней.[1] Такая практика противоречит указанию закона о том, что обязательным признаком умысла является сознание лицом общественно опасного характера совершаемого деяния.

Более сложны встречающиеся в судебной практике случаи, когда отсутствие сознания общественной опасности совершаемых сексуальных действий связано с индивидуальными особенностями субъекта.

По делам о половых преступлениях, совершенных несовершеннолетними, иногда оказывается, что, ввиду недостаточного интеллектуального развития и неправильного полового воспитания, некоторые из них недопонимали, что совершаемые ими сексуальные действия являются общественно опасными. Так, подростки К. и Ш., изнасиловавшие 18-летнюю Д., утверждали, что так как потерпевшая была с ними в парке и согласилась, чтобы они проводили ее домой, они считали, что она тем самым согласна и на половое сношение с ними, а сопротивляется только для виду — «ломается как все девчонки».

По другому делу 17-летний К., привлеченный к уголовной ответственности за совершение развратных действий в отношении 8-летней девочки, утверждал, что он «только баловался» и от этого «с ней ничего не случилось».

---

[1] См. Сб. постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963 гг. М., 1964, стр. 260.

Подобного рода случаи отличаются от тех, приведенных выше примеров из судебной практики, когда отсутствие у обвиняемого сознания общественной опасности совершенного сексуального действия было связано с обстоятельствами объективного характера, дающими основание для подобного вывода.

При недопонимании общественной опасности совершенного оснований для освобождения лица от ответственности ввиду отсутствия вины, с нашей точки зрения, нет. Если несовершеннолетний являлся вменяемым, то недопонимание того, что совершенные им сексуальные действия являлись общественно опасными, может лишь явиться основанием для применения к нему в соответствии со ст. 10 УК принудительных мер воспитательного характера.

Этот вывод основан на том, что независимо от того, знал ли несовершеннолетний, что совершенные им сексуальные действия влекут за собой уголовную ответственность, недопустимость и неправильность своего поведения, им безусловно осознавались.

Таким образом, интеллектуальный признак умысла во всех составах половых преступлений предполагает сознание субъектом того, что сексуальные действия, которые он намеревается совершить, носят общественно опасный характер, так как они либо игнорируют волю потерпевшего, либо таковым является лицо, половая неприкосновенность или нормальное половое развитие которого охраняется законом, или, в случаях мужеложства, направлены на лицо того же пола.

Ввиду того, что в рассматриваемых составах (кроме квалифицированного изнасилования) общественно опасный характер последствий совершаемых действий неотделим от общественно опасного характера самого деяния, волевой признак умысла в этих преступлениях перемещается на само деяние и включает желание добиться путем совершения таких действий определенной сексусальной цели (совершения полового акта, развратных действий и т. п.), которая сама по себе может быть и не противоправной.

Изучение дел о половых преступлениях свидетельствует о том, что значительная часть из них совершается в результате создавшейся случайно благоприятной ситуации. Так, по делу по обвинению Р. в изнасиловании было установлено, что он, проезжая по пустынной дороге на велосипеде, заметил идущую ему навстречу женщину и решил её изнасиловать. Он слез с велосипеда, прислонил его к стоящему на краю дороги дереву, спрятался за ним и, когда женщина проходила мимо, набросился на нее, свалил на землю и, преодолев сопротивление, изнасиловал.

По делу по обвинению Т. в совершении мужеложства обвиняемый, находясь в вытрезвителе, ночью проснулся и увидел лежащего рядом с ним на койке незнакомого мужчину. Воспользовавшись тем, что в помещении никого из работников вытрезвителя не было и что потерпевший ввиду опьянения крепко спал, он совершил с ним акт мужеложства, во время которого был застигнут вошедшим надзирателем.

По делу о совершении развратных действий в отношении 8-летней девочки Т. было установлено, что 70-летний Ш., работавший садовником парка культуры и отдыха г. Ленинабада, увидев потерпевшую, игравшую с девочками в сквере возле гостиницы, уговорил её пойти с ним, и, обещая дать букет цветов, увел ее в сторожевую будку парка и там совершил с ней развратные действия.

По делу о вступлении Н. в половую связь с несовершеннолетней У. (15-ти лет) оказалось, что он познакомился с ней в кинотеатре, пошёл провожать её домой и в парадном с её согласия имел с ней половое сношение, хотя знал со слов потерпевшей её возраст.

Эти примеры из судебной практики Таджикской ССР не являются случайными. По изученным нами делам об изнасиловании в 75,9% осуждённые заранее к совершению преступления не готовились.

Несколько меньшую цифру называет В. А. Яхонтов. По его данным, этот процент по групповым изнасилованиям, совершенным несовершеннолетними, составляет 62%.[1]

На возникновение умысла на совершение полового преступления большое влияние оказывает алкогольное опьянение, причем жертва в этих случаях часто заранее не намечается, а ею становится первая встречная женщина или девушка. Так, по делу о групповом изнасиловании, совершенном Д. и Т., обвиняемые в нетрезвом состоянии, возвращаясь домой, увидели на пустынной улице идущих навстречу двух девушек. Д. предложил Т. напасть на этих девушек и изнасиловать их. Однако, когда они их остановили, то оказалось, что девушки были знакомы Д. и последний, поговорив с ними, попрощался и отпустил их. Т. после этого начал упрекать Д., на что тот ему ответил, что они изнасилуют других встретившихся им девушек, которые их не знают и не сумеют потом сообщить о том, кто совершил насилие.

---

[1] В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 44.

Через некоторое время им повстречались три девушки. Обвиняемые задержали их, но двум из них удалось вырваться и убежать, а потерпевшая споткнулась и упала. Под угрозой ножа она была затем изнасилована обвиняемыми.

Характеризуя умысел на совершение большинства половых преступлений, как внезапный, следует вместе с тем иметь в виду, что эта внезапность только кажущаяся.

Вызвавшая намерение совершить преступление благоприятная ситуация или алкогольное опьянение — это только последнее звено в цепи формирования умысла, подготовленного антиобщественной установкой будущего правонарушителя.

Такое своеобразное сочетание постепенного процесса формирования умысла и внезапности его осуществления является особенностью субъективной стороны значительного числа половых преступлений.

В процессе формирования умысла на совершение полового преступления особенно чётко можно проследить связь между этим преступлением и предшествовавшей ему антисоциальной установкой виновного.[1]

В ряде случаев умысел на совершение полового преступления носит альтернативный характер. Например, лицо намерено удовлетворить свою половую страсть путем полового сношения с несовершеннолетней, (не достигшей шестнадцатилетнего возраста), уговорив ее на добровольное половое сношение с тем, что если она от этого откажется, он выполнит свое намерение насильственным путем. Так, по делу по обвинению Н. в изнасиловании 15-летней Я. было установлено, что он несколько раз встречался с потерпевшей. В день совершения преступления он пригласил ее поехать с ним вечером погулять на Комсомольское озеро. Там после того, как ему не удалось склонить потерпевшую к добровольному половому сношению, он под угрозой ножа изнасиловал ее.

---

[1] Об особенностях формирования антиобщественной установки у лиц, совершивших половые преступления, см. 5 главу.

Особенностью умысла в рассматриваемых преступлениях является также его повышенная динамичность. В ходе развития и реализации содержание и направленность умысла нередко изменяются. Эти изменения могут быть двоякого характера. В одних случаях умысел совершить половое преступление одного вида переходит в умысел на совершение такого же прступления, но другого вида. Так, по делу по обвинению Р. в изнасиловании своей племянницы И., которой было 12 лет, он разъяснил, что вначале он совершал с ней только развратные действия, но затем ввиду сильного полового возбуждения — изнасиловал ее. В таких случаях новый умысел направляется на совершение более тяжкого преступления, чем предполагалось вначале. Поэтому при квалификации содеянного, виновный должен отвечать за фактически совершенное им более тяжкое преступление (в приведенном выше случае — за изнасилование), так как совершенные до изменения умысла сексуальные действия поглощаются составом фактически осуществленного преступления.

На практике встречаются и такие случаи, когда умысел совершить более тяжкое половое преступление, например изнасилование, изменяется и субъект ограничивается совершением другого, менее тяжкого преступления например, развратных действий. Так, по делу по обвинению У. было установлено, что он, познакомившись с 15-летней К., после того как они в компании выпили спиртные напитки, пошел с ней гулять. В 4 часа ночи на одной из пустынных улиц обвиняемый пытался изнасиловать К., но когда она начала сопротивляться, предложил ей совершить развратные действия, на что потерпевшая согласилась, после чего У. оставил ее в покое и ушел.

В таких случаях, если отказ от совершения более тяжкого преступления носил добровольный характер, а не был обусловлен какими-либо объективными обстоятельствами, то в соответствии со ст. 16 УК виновный должен отвечать только за фактически совершенное половое преступление.

Иногда в процессе совершения полового преступления у субъекта возникает умысел на совершение также и иного преступления, в частности на убийство потерпевшей для сокрытия совершенного изнасилования или на ее ограбление.

Так, по делу по обвинению Л. было установлено, что он сел в такси, водителем которого была потерпевшая. После того как машина выехала за пределы города и проезжала мимо кладбища, Л. попросил остановить машину, после чего потребовал у потерпевшей Т., чтобы она вступила с ним в половую связь, а когда она от этого отказалась, изнасиловал ее. Затем обвиняемый отобрал у Т. ее выручку в сумме 39 руб. и скрылся.

Во всех подобного рода делах имеется реальная совокупность преступлений и виновный подлежит ответственности как за совершенное им половое преступление, так и за то преступление, умысел на совершение которого возник впоследствии.

В судебной практике встречаются и противоположные случаи, когда умысел на совершение полового преступления возникает в процессе осуществления иного преступления. Например, по делу по обвинению К. и Р. было установлено, что они решили ограбить девушек А. и В. и, остановив их, предложили отдать часы и сумочки. Одна из потерпевших, А., отдала часы и убежала, другая же В. оказала сопротивление. Тогда К. схватил ее за руки, а Р. начал обыскивать ее карманы, затем, повалив потерпевшую на землю, он с помощью К. пытался ее изнасиловать. Однако появившиеся прохожие помешали им осуществить это намерение. Преступные действия виновных были правильно квалифицированы следователем и народным судом Железнодорожного района г. Душанбе по совокупности со ст. 155 и ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК.

Кроме вины, признаками субъективной стороны состава преступления является его мотив и цель.

В психологии под мотивом понимается то, что отвечает определенной потребности человека и побуждает его к деятельности.[1]

В юридической литературе мотивы преступления определяются как побудительные причины, которыми руководствовалось лицо при совершении преступления.[2]

Установление мотива отвечает на вопрос, почему лицо совершило преступление, какими побуждениями оно при этом руководствовалось.

Следует иметь в виду, что «мотив преступления» не обязательно должен носить противоправный характер. Возможны случаи, когда противоправным является не мотив, а средства, применяемые субъектом для его реализации.

Так, само по себе стремление лица удовлетворить свою половую потребность не противоправно. Оно становится таковым, когда осуществляется способами, противоречащими нормам социалистической морали и запрещенными уголовным законом.

Выяснение мотива преступления дает возможность выявить причины противоправного поведения лица и его психическое состояние в момент совершения преступного деяния, правильно установить степень общественной опасности субъекта.

Иногда преступление совершается не по одному, а по нескольким мотивам. Так, изучение групповых изнасилований, совершаемых несовершеннолетними, свидетельствует, что, наряду с желанием удовлетворить половую потребность, мотивами к совершению этого вида преступлений являются и хулиганские побуждения. Однако при наличии нескольких мотивов следует всегда различать основные, главные из них, придающие определенную направленность действиям лица, и мотивы дополнительные, сопутствующие основным. Это положение имеет важное значение при анализе мотивов совершения половых преступлений.

Основной мотив совершения таких преступлений всегда носит сексуальный характер и состоит в желании удовлетворить половую потребность самого субьекта, а в отдельных, сравнительно редко встречающихся случаях,— других лиц.

---

[1] См. А. И. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1959, стр. 225; Философская энциклопедия, т. 3, М., 1964, стр. 509.

[2] В. А. Викторов. Цель и мотив в тяжких преступлениях М., 1963, стр. 15; А. А. Пионтковский. Указ. работа, стр. 19—20.

Следует отметить, что это положение рядом авторов оспаривается. Так, А. Н. Игнатов, правильно отмечая при рассмотрении им понятия половых преступлений, что таковые совершаются «по самым низменным мотивам, в целях удовлетворения половой страсти самого преступника или других лиц»,[1] затем пишет, что мотив удовлетворения половой страсти в отдельных случаях изнасилования может отсутствовать, например при изнасиловании с целью унизить, опозорить женщину из мести и т. п.[2]

П. П. Осипов также считает, что сексуальный мотив и сексуальная цель не являются необходимыми элементами всех составов половых преступлений. Некоторые из них, по мнению автора, могут совершаться также по корыстным и другим мотивам, а сексуальные мотивы могут являться основанием для совершения не только половых, но и иных преступлений.[3]

Действительно, в ряде случаев, одним из мотивов совершения половых преступлений могут быть не только сексуальные, но и хулиганские побуждения, желание отомстить или опозорить потерпевшую и т. п. Однако такие мотивы во всех случаях носят побочный, а не основной характер. Именно потому, что основным мотивом совершения половых преступлений являются сексуальные побуждения, такие побочные мотивы, как хулиганские проявления, месть и т. п., выражаются в форме действий, имеющих сексуальную направленность. В преступлениях же, не относящихся к половым, сексуальные мотивы, если они имеются, носят побочный, а не основной характер и не являются для таких составов специфическими.

Кроме того, следует отметить, что А. Н. Игнатов и П. П. Осипов не проводят достаточно четкого разграничения между мотивом и целью половых преступлений. Между тем, это различные, хотя и связанные друг с другом, понятия. Если мотив объясняет, чем лицо руководствовалось, совершая преступление, то цель отвечает на вопрос, для достижения чего преступление совершается. Таким образом, мотивы, являясь осознанным побуждением к конкретному действию, определяют цель, поставленную преступником. «Для мотива характерно то, что он является основой поведения, его психологическим содержанием, а для цели — характерно желание наступления определенного результата в связи с действием или бездействием лица; цель представляет собой показатель направления поведения», — пишет Б. В. Харазишвили в своей монографии, посвященной вопросу о мотивах преступления.[1] Правда, в некоторых составах мотив и цель могут сливаться, но это к половым преступлениям не относится, хотя как мотив, так и цель указанных преступлений носит сексуальный характер.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 12.

[2] Там же. стр. 18.

[3] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 9.

Как отмечалось, целью преступления являются те последствия, тот ближайший результат, к которому стремится виновный, совершая преступление. Установление такой цели является весьма важным. «Мало знать, что то или иное преступное деяние совершено, — необходимо знать, для чего оно совершено, т. е. знать цель и уяснить себе намерение подсудимого» — пишет А. Ф. Кони.[2]

Для всех составов половых преступлений их целью является удовлетворение половой потребности виновного или другого лица путем совершения полового акта или других сексуальных действий, не являющихся половым сношением.

То обстоятельство, что в таких преступлениях, как развратные действия в отношении несовершеннолетних (лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста) эти действия могут способствовать преждевременному возбуждению и удовлетворению полового чувства потерпевшего, для субъекта имеет значение лишь постольку, поскольку это обстоятельство облегчает достижение той цели, к которой он стремится, совершая преступление.

Поэтому, если основанием для совершения половых преступлений могут быть, наряду с сексуальными, и другие побочные мотивы, то в отношении цели рассматриваемых преступлений дело обстоит иначе. Эта цель всегда связана с получением виновным или другим лицом полового удовлетворения.

---

[1] Б. В. Харазишвили. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963, стр. 45.

[2] А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич. Собр. соч., т. 2, М., 1966, стр. 158.

Применительно к изнасилованию А. Ф. Кони писал, что есть дела, «где в самом преступлении содержится уже и его объяснение, содержится указание на его цель. В таких делах по большей части для всякого ясно, к чему стремится обвиняемый. Так, кражи в огромном большинстве случаев совершаются для завладения чужим имуществом тайно, грабеж — для похищения его явно, изнасилование — для удовлетворения животной страсти».[1]

Особенностью составов половых преступлений является то, что достижение их цели неразрывно сливается с совершением общественно опасного сексуального действия, входящего в объективную сторону данного состава (половым сношением или развратными действиями).

Исключение составляет только состав понуждения женщины к вступлению в половую связь лицом, от которого она по службе или материально является зависимой. Объективная сторона этого состава не предполагает обязательного совершения сексуальных действий или покушения на это. В остальных же составах половых преступлений противоправное сексуальное действие одновременно является и признаком объективной стороны, и достижением той цели, ради которой совершается преступление.

* * *

Субъективная сторона половых преступлений, таким образом, отличается следующими особенностями:

1. Половые преступления всегда совершаются с прямым умыслом. Это связано с тем, что такие преступления по своей юридической конструкции относятся к формальным. Их общественно опасные последствия органически включаются в противоправные действия, совершаемые субъектом, и поэтому всегда охватываются его сознанием.

Исключение составляет только изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия.

2. Интеллектуальный признак умысла при совершении половых преступлений предполагает сознание субъектом того, что совершаемые им сексуальные действия носят общественно опасный характер, так как совершаются либо помимо воли потерпевшего, либо в отношении

---

[1] А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич. Собр. соч., т. 2, М., 1966, стр. 158.

лица, половая неприкосновенность и нормальное половое развитие которого охраняются законом, либо в отношении лица того же пола (в случаях мужеложства).

3. Волевой признак умысла в половых преступлениях не отделим от общественно опасного характера и цели самого преступного деяния. Он перемещается на само деяние и заключается в желании добиться путем совершения общественно опасных действий определенной сексуальной цели, которая сама по себе может быть и не противоправной.

4. Процесс формирования умысла на совершение половых преступлений характеризуется сочетанием постепенного развития антиобщественной установки личности субъекта и внезапностью возникновения у него умысла на совершение конкретного преступления под влиянием алкоголя или благоприятно сложившейся для этого ситуации.

5. Умысел на совершение половых преступлений отличается повышенной динамичностью.

В ходе развития и реализации умысла содержание и направленность его нередко изменяются. Умысел совершить определенное половое преступление переходит в умысел на совершение другого, более или менее тяжкого полового преступления. В таких случаях, лицо подлежит ответственности за фактически совершенное им преступное деяние.

Если же в процессе совершения полового преступления у виновного возникает умысел на совершение также и другого рода преступления, например убийства или ограбления потерпевшей, содеянное подлежит квалификации по правилам о реальной совокупности преступлений.

6. Основной мотив совершения половых преступлений всегда носит сексуальный характер и заключается в стремлении к удовлетворению половой потребности самого субъекта, а в отдельных случаях — других лиц.

Побочными мотивами совершения половых преступлений могут быть также хулиганские побуждения, желание отомстить или опозорить потерпевшую и т. п.

7. Цель совершения половых преступлений состоит в получении субъектом или другим лицом полового удовлетворения. Поэтому она неразрывно связана с общественно опасным сексуальным действием, входящим в объективную сторону данного состава.

Особенности, характеризующие половые преступления, должны получить отражение в их научном определении.

П. И. Люблинский определял эти преступления как такие, «которые, будучи направлены на удовлетворение половой страсти своей и другого лица, по своему объективному характеру нарушают социалистический уклад половых отношений».[1]

Недостатком этого определения является отсутствие в нем указания на сексуальный и умышленный характер совершаемых виновным действий.

А. Н. Игнатов определяет половые преступления как общественно опасные деяния, нарушающие установленный в социалистическом обществе уклад половых отношений и совершаемые в целях удовлетворения половой страсти самого субъекта или других лиц и являющиеся крайним проявлением безнравственного поведения.[2]

Как уже отмечалось, мы не можем согласиться с А. Н. Игнатовым, включившим в своё определение указание на то, что половые преступления являются «крайним проявлением безнравственного поведения», так как эта особенность в равной степени присуща всем особо тяжким преступлениям.

Кроме того, как указывалось выше, уклад половых отношений не устанавливается, а складывается исходя из особенностей данной общественно-экономической формации.

Ю. К. Сущенко считает, что половые преступления это «общественно опасные действия объективно сексуального характера, совершаемые субъектом с целью удовлетворения половой потребности своей или другого лица, нарушающие существующий уклад половых отношений социалистического общества».[3]

Приведенное определение, по нашему мнению, более полно отражает сущность половых преступлений, но и в нем отсутствует указание на то, что они совершаются в отношении определенного лица.

---

[1] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 21.
[2] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 12—13.
[3] Ю. К. Сущенко. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 6.

Этот пробел учтен в предложенном П. П. Осиповым определении половых преступлений как предусмотренных уголовным законом общественно опасных посягательств, заключающихся «в умышленном нарушении половых интересов другого лица путем осуществления или создания реальной возможности осуществления в отношении него самим виновным или третьими лицами действий, объективно имеющих сексуальный характер».[1]

Однако в данном определении отсутствует указание на родовой объект и цель этих преступлений.

Исходя из того, что в определении половых преступлений должны найти отражение основные существенные особенности, свойственные всем их составам, мы полагаем, что этому требованию может отвечать такое их определение: половые преступления — это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в социалистическом обществе половому укладу, заключающиеся в умышленном совершении с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающих половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола.

Из этого определения явствует:

— что родовым объектом рассматриваемых преступлений являются половые отношения, присущие сложившемуся в социалистическом обществе половому укладу;

— что их объективная сторона заключается в совершении сексуальных действий в отношении определённого лица (потерпевшего), нарушающих его половые интересы, или же (в случаях добровольного мужеложства) нормальные половые отношения между лицами разного пола;

— что с субъективной стороны такие преступления предполагают прямой умысел и специальную цель — удовлетворение половой потребности субъекта или другого определённого лица.

Для исследования половых преступлений немаловажное значение имеет их классификация. В её основу большинство авторов кладёт непосредственный объект посягательства каждого отдельного вида половых преступлений. Это является совершенно правильным, так как именно общность непосредственного объекта посягательства объединяет различные по своей объективной стороне составы, а также в значительной мере определяет степень их общественной опасности.

---

[1] **П. П. Осипов**, Указ. автореф. канд. дисс., стр. 5.

П. П. Осипов классифицирует половые преступления также и по их объективной стороне — в зависимости от того, входит ли в эту сторону половое сношение или нет.[1] Эта классификация исходит из того, что степень общественной опасности каждого из указанных преступлений определяется именно этим признаком. Между тем это положение далеко не бесспорно. Представляется, например, что общественная опасность развратных действий, совершенных в отношении малолетних, значительно выше чем такая же опасность добровольного полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости).

Кроме того, само понятие полового сношения, как будет показано ниже, применительно к составам половых преступлений, вызывает серьёзные споры. Уже по одной этой причине оно не может быть принято за основу классификации, так как в зависимости от того, считать ли половым сношением только естественное совокупление или также и его извращённые формы — отдельные составы могут быть включены либо в первую, либо во вторую группу.

Наиболее развёрнутая классификация составов половых преступлений была предложена П. И. Люблинским. Он делил эти преступления на 7 групп:

— преступления, связанные с нарушением установленных форм брака;

— преступления против половой неприкосновенности отдельных лиц;

— преступления, нарушающие здоровое половое развитие детства и юношества;

— преступления, связанные с половыми извращениями;

— преследование проституции;

— преступления, содействующие чужому разврату;

— ограничение половых отношений, продиктованное евгеническими мотивами.[2]

---

[1] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 6—7.

[2] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 27.

С точки зрения приведенных выше соображений о составах, входящих в родовое понятие половых преступлений по действующему законодательству, эта классификация вызывает следующие возражения:

— преступления, связанные с нарушением форм брака и с содействием чужому разврату, исходя из своего основного родового объекта посягательства, в число половых преступлений не входят;

— уголовная ответственность за занятие проституцией и за нарушение требований евгеники (кровосмешение) действующим законодательством не предусмотрена.

Таким образом, из указанных П. И. Люблинским групп половых преступлений остаются:

— преступления против половой неприкосновенности взрослых лиц;

— преступления, нарушающие здоровое половое развитие детства и юношества;

— преступления, связанные с половыми извращениями.

Это трехчленное деление с некоторыми модификациями в настоящее время принимается почти всеми исследователями половых преступлений. В частности, во всех предлагаемых классификациях выделяются в отдельные группы:

— преступления, направленные против половой неприкосновенности[1] или же половой свободы[2] взрослых лиц. У некоторых авторов эти понятия отождествляются.[3] К таким преступлениям относят составы изнасилования совершеннолетней женщины, понуждения к вступлению зависимой женщины в половую связь, а некоторые авторы — также и мужеложство[4];

— преступления против половой неприкосновенности детей и подростков, не достигших шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости). Некоторые авторы именуют их преступлениями против нормального полового развития несовершеннолетних[1] или же против половой неприкосновенности и нормального развития этих лиц.[2]. Эта группа половых преступлений объединяет изнасилование несовершеннолетней, мужеложство с несовершеннолетним, развращение несовершеннолетних (лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста), половую связь с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости). Кроме того, ученые, считающие, что к половым преступлениям относится и вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, указанный состав также включают в эту группу.

---

[1] Б. В. Даниэльбек, Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик, Ш. С. Рашковская, А. А. Пионтковский, Б. С. Утевский.

[2] М. Н. Хлынцов, Ю. К. Сущенко, М. Д. Шаргородский.

[3] Л. А. Андреева, А. Н. Игнатов, П. И. Люблинский, В. А. Яхонтов.

[4] Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик, А. А. Пионтковский, Б. С. Утевский.

Наиболее пестрой и разнородной по включаемым в нее составам является третья группа половых преступлений. Некоторые авторы именуют ее «иные (или прочие) половые преступления»,[3] другие — «преступления, направленные против нормального уклада в области половых отношений»,[4] третьи — «преступления, связанные с половыми извращениями».[5]

Авторы, считающие половыми не только преступления против личности, включают их именно в данную группу. Те же авторы, которые к половым относят только соответствующие преступления против личности, в третью группу включают обычно мужеложство.[6]

Мы полагаем, что приведенная выше классификация половых преступлений по их непосредственному объекту нуждается в некотором уточнении. Как отмечалось выше, непосредственным объектом половых преступлений против взрослых лиц, относимых в первую группу, одни исследователи считают половую свободу, другие — половую неприкосновенность, и, наконец, третьи—отождествляют эти понятия. Поэтому необходимо разобраться в содержании каждого из указанных понятий.

---

[1] Ш. С. Рашковская, Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик.

[2] Б. С. Утевский, М. Д. Шаргородский, Ю. К. Сущенко, Б. В. Даниэльбек, В. А Яхонтов, А. Н. Игнатов.

[3] Ш. С. Рашковская, А. А. Пионтковский, Б. С. Утевский.

[4] М. Д. Шаргородский, А. Н. Игнатов, В. А. Яхонтов.

[5] Б. В. Даниэльбек.

[6] Ш. С. Рашковская, М. Д. Шаргородский, стоящие на этой точке зрения, не выделяют из состава мужеложства — насильственное и совершенное с несовершеннолетним, которое, по нашему мнению, следует включить соответственно в первую или вторую группу.

Прежде всего, нужно отметить, что половая свобода как непосредственный объект посягательства при совершении половых преступлений трактуется различно. Так, Л. А. Андреева понимает под половой свободой возможность взрослого человека распоряжаться собой в области полового общения с другими лицами.[1] Такого же мнения придерживается и П. П. Осипов, понимающий под половой свободой лиц женского пола — «соответствующую требованиям социалистической морали деятельность женщины, способной к самоопределению в сфере половой жизни по осуществлению своих половых интересов».[2]

Совершенно иное содержание вкладывает в рассматриваемое понятие Б. А. Блиндер. Он считает, что «половая свобода — это свобода от какого-либо принуждения в сфере половых отношений» и специально подчеркивает отрицательный характер этого понятия. «Половая свобода,— пишет он,— понятие, которое характеризуется отрицательным содержанием. Это свобода от насилия, а не свобода в выборе средств полового удовлетворения».[3]

Применительно к женщине автор определяет половую свободу как гарантированную ей свободу, «независимо от воздействия любого лица, в каждом отдельном случае допускать или не допускать удовлетворение в отношении себя чужого полового чувства данным лицом в данное время и при данных обстоятельствах».[4]

Это определение почти полностью повторяет утверждение П. И. Люблинского о том, что «право половой неприкосновенности или свободного самоопределения в половой сфере выражается в допущении по отношению к себе только таких половых актов, на которые лицо изъявило свое согласие, другими словами, в отрицании какого бы то ни было насилия в этой области». Далее П. И. Люблинский пишет, что «свобода самоопределения в половой области состоит лишь в недопущении по отношению к себе определенных действий, но она не всегда включает в себя свободу в способах удовлетворения своей половой страсти, если от этого прямо или косвенно страдают интересы третьих лиц».[1]

---

[1] Л. А. Андреева. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 6.

[2] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 5.

[3] Б. А. Блиндер. Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 5.

[4] Там же.

Как мы видим, Б. А. Блиндер пошел еще дальше П. И. Люблинского и полностью отрицает включение в понятие половой свободы свободу выбора средств полового удовлетворения.

Кроме того, он так же, как и П. П. Осипов, относит понятие половой свободы только к женщинам.

Мы полагаем, что специальное выделение «половой свободы лиц женского пола» излишне. В силу равенства полов понятие половой свободы одинаково применимо ко всем совершеннолетним дееспособным гражданам, тем более, что посягательство на половую свободу возможно не только в отношении женщин, но и в отношении мужчин, в частности в случаях насильственного мужеложства.

То обстоятельство, что наше законодательство специально выделяет состав понуждения женщины, не дает основания говорить только о половой свободе последней, как и состав насильственного мужеложства или мужеложства с использованием зависимого положения потерпевшего — о половой свободе мужчины.

Кроме того, нельзя согласиться с самой постановкой вопроса, при которой половая свобода женщины ограничивается допущением или недопущением в отношении себя удовлетворения чужого полового чувства.

Женщина тем самым сводится к объекту половых отношений, в то время как предоставление ей половой свободы предполагает, что она является полноправным субъектом этих отношений.

Нельзя также, по нашему мнению, ограничивать понятие половой свободы, как это делает Б. А. Блиндер, только его отрицательным содержанием — свободой от принуждения в сфере половых отношений.

Половая свобода — это не только свобода от принуждения, но, кроме того, свобода на самоопределение в области полового общения с другими лицами.

Ограничение этого самоопределения рамками социалистической половой морали отнюдь не дает оснований для отрицания положительного содержания понятия «половая свобода».

---

[1] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 57—59.

Исходя из изложенного, мы считаем, что под половой свободой следует понимать свободу в пределах сложившегося в социалистическом обществе уклада половых отношений вступать в половое общение с лицом другого пола и не допускать какого-либо принуждения в этой сфере.

Таким образом, в содержание половой свободы нами включаются обе ее стороны: во-первых, свобода на самоопределение в половой сфере в рамках сложившегося в нашем обществе уклада половых отношений и, во-вторых, свобода от какого бы то ни было принуждения в области половых отношений.

Вместе с тем следует учитывать, что ввиду наказуемости добровольного мужеложства, свобода мужчины на самоопределение в половой сфере, в этом отношении ограничивается.

Половая свобода предполагает, что ее обладателями могут быть только лица, способные по своему физическому и умственному развитию понимать значение и последствия действий, связанных с удовлетворением полового влечения и управлять этим влечением. Поэтому половой свободой не обладают несовершеннолетние, душевнобольные, а также лица, находящиеся временно в таком состоянии, когда они не могут отдавать себе отчет в совершаемых ими или в отношении их действиях сексуального характера или руководить ими, а также в силу беспомощного состояния лишены возможности таким действиям противиться.

Из изложенного следует, что половая свобода является непосредственным объектом посягательства следующих составов:

— изнасилование совершеннолетней женщины в результате применения угроз и насилия;

— понуждение женщины, находящейся в служебной или материальной зависимости от субъекта к вступлению в половую связь;

— насильственного мужеложства с совершеннолетним лицом или мужеложства с использованием зависимого положения совершеннолетнего потерпевшего.

От половой свободы нужно отличать понятие половой неприкосновенности.

Некоторые авторы, в частности А. А. Жижиленко, П. И. Люблинский, В. А. Яхонтов, отождествляют эти понятия, однако анализ вкладываемого ими в понятие половой неприкосновенности содержания, свидетельствует о том, что они имеют в виду рассмотренное выше понятие половой свободы. Так, А. А. Жижиленко отмечает, что половая неприкосновенность, это свобода лица распоряжаться своей половой сферой по своему усмотрению.[1] П. И. Люблинский говорит о праве половой неприкосновенности или свободного самоопределения в половой сфере.[2] В. А. Яхонтов пишет о «преступлениях, направленных против половой свободы (неприкосновенности взрослых лиц)»[3]

Л. А. Андреева определяет половую неприкосновенность, как «обеспеченный законом запрет вступать в половую связь с другим лицом без его согласия и вопреки его воле».[4] Это определение нельзя признать удачным. Половая неприкосновенность в нем связывается с волевыми действиями обладающего ею лица.

Поэтому рассматриваемое определение неприменимо к лицам, лишенным возможности в силу возраста, психического заболевания или беспомощного состояния, вызванного другими обстоятельствами, руководить своими действиями в области половой сферы. Для лиц же дееспособных в этом отношении половая неприкосновенность, в понимании Л. А. Андреевой, поглощается их половой свободой.

М. Н. Хлынцов половую неприкосновенность понимает, как гарантию половой свободы личности.[5]

П. П. Осипов относит понятие половой неприкосновенности лиц женского пола, не раскрывая его сущности, к женщинам, не способным (временно или постоянно) сознавать значение совершаемых с ними сексуальных действий или руководить своими поступками в сфере половых отношений (душевнобольные, слабоумные, женщины, находящиеся в сильной степени опьянения и т. п.).[6] Таким образом, непосредственным объектом посягательства в составах половых преступлений он считает половую неприкосновенность только взрослых лиц женского пола и не распространяет это понятие ни на мужчин, ни на несовершеннолетних лиц.

---

[1] А. А. Жижиленко, Л. Г. Оршанский. Указ. работа.

[2] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 57.

[3] В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 13—14.

[4] Л. А. Андреева. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 5.

[5] М. Н. Хлынцов. Борьба с половыми преступлениями. Автореф. канд. дисс., Саратов, 1966, стр. 7.

[6] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 6.

Мы полагаем, что понятие половой неприкосновенности как охраняемого уголовным законом блага охватывает случаи, не подпадающие под понятие половой свободы. Это моральный и правовой запрет вступать в половые отношения с лицами, не обладающими половой свободой, ввиду неспособности таких лиц понимать значение и последствия совершаемых в отношении их сексуальных действий или руководить своими поступками в половой сфере.

Неприкосновенными в половом отношении являются как совершеннолетние лица, временно или постоянно лишенные возможности в силу своего психического или физического состояния осуществлять половую свободу, так и дети и подростки до шестнадцатилетнего возраста или достижения половой зрелости. При этом согласие таких лиц на вступление в половые отношения, в том числе и на половое сношение, юридического значения не имеет, так как такие лица не имеют права распоряжаться своей половой сферой.

Таким образом, половая неприкосновенность совершеннолетних лиц является непосредственным объектом посягательства в составе изнасилования женщины, находящейся в беспомощном состоянии, а также в составе мужеложства с использованием беспомощного положения потерпевшего, если в уголовном кодексе данной союзной республики это обстоятельство предусматривается.

Что же касается составов половых преступлений в отношении детей и подростков, то мы считаем, что их непосредственным объектом является как половая неприкосновенность, так и нормальное половое развитие и половое воспитание молодого поколения. Эти составы по своей структуре должны быть отнесены к сложным, т. е. таким, при которых совершение преступного действия одновременно посягает на два объекта.[1]

В отличие от тех составов, в которых имеются основной и дополнительный объекты посягательства, составы с двумя объектами отличаются следующими особенностями:

---

[1] А. А. Пионтковский. Указ. работа, стр. 123—124.

— оба объекта находятся между собой в тесной и неразрывной связи, дополняя друг друга;

— посягательства на каждый из этих объектов влекут за собой одинаковую по своему характеру общественную опасность;

— предусмотренное составом общественно опасное деяние одновременно нарушает оба объекта.

Указанным условиям отвечают составы половых преступлений в отношении детей или подростков. «Ни в одной области,— отмечает П. И. Люблинский,— наше сознание возмутительности и преступности посягательства не является столь сильным, как именно в области посягательств на половую сферу ребенка».[1] Охрана детей и подростков от таких посягательств в равной степени должна обеспечить как их половую неприкосновенность, нарушение которой причиняет неизгладимый вред неокрепшему организму, так и здоровое психическое развитие их личности, на которое раннее и часто извращенное пробуждение полового чувства оказывает самое отрицательное воздействие.

Поэтому мы не можем согласиться с П. П. Осиповым, предлагающим составы преступлений, посягающих на нормальное половое развитие подрастающего поколения, подразделять по их непосредственному объекту на две группы:

— на действия, причиняющие непосредственный вред половому созреванию или процессу нормального развития в целом, к которым он относит составы, в объективную сторону которых входит половое сношение с потерпевшим, и

— преступления, причиняющие непосредственный вред только половому воспитанию, т. е. такие, объективную сторону которых составляют сексуальные действия, не являющиеся половым сношением, при этом автор отмечает менее высокую степень общественной опасности последних.[2]

Мы полагаем, что моральное развращение подростка, преждевременное развитие его сексуальности влечет за собой не менее вредные для нашего общества последствия, чем физический вред, причиненный его организму преждевременной половой жизнью. А. С. Макаренко не случайно подчеркивал тесную связь между половым поведением субъекта и его общественным поведением.[1] Поэтому половая неприкосновенность и нормальное половое развитие детей и подростков в равной степени являются непосредственными объектами всех половых преступлений в отношении несовершеннолетних (изнасилование несовершеннолетней, мужеложство с несовершеннолетним, развращение, половое сношение).

---

[1] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 89.

[2] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 5.

Из системы половых преступлений по своему непосредственному объекту должно быть выделено мужеложство между совершеннолетними лицами.

Как отмечалось выше, половые сношения, с точки зрения норм социалистической морали, допускаются только на основе взаимной любви, общности взглядов и интересов между совершеннолетними лицами разного пола, причем преимущественной их формой является брак, предполагающий рождение и воспитание детей. Вместе с тем, наше государство не вмешивается в область половых отношений совершеннолетних граждан, поскольку эти отношения не нарушают половой свободы или половой неприкосновенности других лиц и не посягают на общественную безопасность и общественный порядок. Это относится также и к случаям, когда характер таких отношений уклоняется от требований половой морали как в отношении формы их осуществления, так и в отношении их субъектов. Исключением из этого по действующему законодательству является мужеложство. Последнее наказуемо не только, когда оно совершается с применением физического насилия, угрозы, в отношении несовершеннолетнего либо с использованием зависимого положения потерпевшего, но и в случаях добровольного мужеложства между совершеннолетними лицами (ч. 1, ст. 125 УК).

Не касаясь вопроса о том, насколько такое исключение является необходимым, в целях классификации и определения места добровольного мужеложства между совершеннолетними мужчинами в общей системе половых преступлений, следует установить непосредственный объект, на который посягает данный состав. Мы считаем, что таким объектом являются соответствующие сложившемуся укладу половых отношений в социалистическом обществе отношения в половой сфере между мужчиной и женщиной, служащие основой создания семьи.

---

[1] А. С. Макаренко. Книга для родителей. М., 1949, стр. 250—251.

Кроме половой свободы, половой неприкосновенности и нормального развития молодого поколения П. П. Осипов выделяет в качестве непосредственного объекта половых преступлений против взрослых лиц также «половое достоинство лиц обоего пола при противоправном совершении по отношению к ним сексуальных действий, не входящих в содержание половой свободы», относя к таким действиям различные формы извращенного удовлетворения половой потребности.[1]

Выделение этого объекта нам представляется спорным. Извращенное удовлетворение половой потребности взрослыми лицами разного пола может быть уголовно наказуемым, как отмечалось выше, только в случаях посягательства на половую свободу или половую неприкосновенность другого лица или же при нарушении этими действиями общественного порядка и безопасности. Что же касается сексуальных действий, не нарушающих эти блага, то по действующему законодательству, как уже отмечалось ,наказуемо только добровольное мужеложство. Кроме того, само понятие «половое достоинство» весьма неопределенно и широко. По существу любое посягательство на половую свободу или половую неприкосновенность личности является тем самым и посягательством на его половое достоинство. Поэтому специально выделять половое достоинство в качестве непосредственного объекта посягательства нет смысла.

Таким образом, классификация половых преступлений по действующему уголовному законодательству должна исходить из следующих предпосылок:

В основу ее следует принять непосредственный объект посягательства данного вида составов.

Количество составов, охватываемых данной классификацией, не совпадает со статьями уголовных кодексов союзных республик о половых преступлениях, ввиду того, что диспозиция статей об изнасиловании и мужеложстве объединяет составы с различными непосредственными объектами посягательства.

Некоторые особенности, отличающие отдельные составы в уголовных кодексах союзных республик, относящиеся, в частности к возрасту (половой зрелости) несовершеннолетних потерпевших, для предлагаемой классификации значения не имеют, как и включение в УК отдельных республик дополнительных составов рассматриваемых преступлений.

---

[1] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 6.

Представляется, что указанным требованиям соответствует следующая классификация.

Наименование группы	Составы, входящие в группу	Непосредственный объект посягательства
I. Преступления против половой свободы.	Изнасилование совершеннолетней женщины с применением физического насилия или угрозы. Понуждение зависимой женщины к половому сношению. Мужеложство с применением физического насилия, угрозы, либо с использованием зависимого положения потерпевшего, совершенное в отношении совершеннолетнего.	Половая свобода.
II. Преступления против половой неприкосновенности взрослых лиц.	Изнасилование совершеннолетней женщины с использованием её беспомощного состояния. Мужеложство с использованием беспомощного состояния совершеннолетнего мужчины.	Половая неприкосновенность взрослых лиц.
III. Преступления против половой неприкосновенности и нормального полового развития и полового воспитания детей и подростков.	Изнасилование несовершеннолетней. Мужеложство в отношении несовершеннолетнего. Половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости). Развратные действия в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста (в отношении несовершеннолетних).	Половая неприкосновенность и нормальное половое воспитание детей и подростков.
IV. Преступления, посягающие на нормальные половые отношения между лицами разного пола.	Мужеложство между совершеннолетними мужчинами.	Нормальные половые отношения между лицами разного пола, служащие основой создания семьи.

* * *

1. В результате анализа особенностей, присущих всем составам половых преступлений, нами предлагается следующее их определение:

Половые преступления — это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на половые отношения, присущие сложившемуся в социалистическом обществе половому укладу, состоящие в умышленном совершении, с целью удовлетворения половой потребности субъекта или другого определенного лица сексуальных действий, нарушающих половые интересы потерпевшего или нормальные для этого уклада половые отношения между лицами разного пола.

2. В основу классификации половых преступлений должен быть положен непосредственный объект посягательства, объединяющий их отдельные составы.

Такими объектами посягательства являются:

— половая свобода, под которой следует понимать свободу в пределах существующего социалистического уклада половых отношений вступать в половое общение с совершеннолетним лицом другого пола и не допускать какого-либо принуждения в этой сфере;

— половая неприкосновенность взрослых лиц как особое состояние, исключающее для них половую свободу, ввиду неспособности таких лиц понимать значение и последствия совершаемых в отношении их сексуальных действий или руководить своими поступками в половой сфере;

— половая неприкосновенность и нормальное половое развитие и половое воспитание молодого поколения;

— нормальные половые отношения между лицами разного пола, являющиеся основой создания семьи.

3. При классификации половых преступлений следует исходить из того, что число составов половых преступлений не совпадает со статьями уголовных кодексов союзных республик, посвященных этим преступлениям, так как диспозиции статей об изнасиловании и мужеложстве объединяют составы с различными непосредственными объектами посягательства.

4. Исходя из изложенного, половые преступления подразделяются нами на следующие четыре группы:

Преступления против половой свободы. Эта группа объединяет составы изнасилования совершеннолетней женщины с применением физического насилия или угрозы; понуждение женщины, находящейся в служебной или материальной зависимости, к половому сношению; мужеложство с применением физического насилия или угрозы, либо с использованием зависимого положения потерпевшего, совершенное в отношении совершеннолетнего лица. К этой же группе относится предусмотренный в кодексах Украинской (ст. 118) и Эстонской (ст. 115) союзных республик состав о насильственном удовлетворении половой страсти противоестественным способом.

Преступления против половой неприкосновенности взрослых лиц. В эту группу входят составы изнасилования совершеннолетней женщины с использованием ее беспомощного состояния, а в Латвийской, Литовской, Эстонской и Грузинской союзных республиках предусматриваемый их уголовными кодексами состав мужеложства с использованием беспомощного состояния совершеннолетнего лица.

Преступления против половой неприкосновенности и нормального полового развития и полового воспитания детей и подростков. Указанная группа включает составы: изнасилование несовершеннолетней, мужеложство в отношении несовершеннолетнего; половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости); развратных действий в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста (несовершеннолетних).

Преступления, посягающие на нормальные половые отношения между мужчиной и женщиной. В эту группу входит только один состав — добровольное мужеложство между совершеннолетними мужчинами.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН О ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.

Подробный анализ законодательства о половых преступлениях в социалистических и капиталистических государствах не входит специально в нашу задачу, так как требует особого исследования. Поэтому ниже мы очень кратко остановимся только на самых общих его положениях.

I

В уголовном праве зарубежных европейских социалистических государств система половых преступлений в основном правильно отражает закономерности социалистического строя и соответствующие им принципы социалистической морали. Однако по сравнению с нашей она отличается некоторыми особенностями.

В большинстве уголовных кодексов этих стран половые преступления выделены в специальные разделы или главы. Так, в уголовных кодексах Болгарии и Польши эти разделы под наименованием «Разврат» включены в главу преступлений против личности. В уголовном кодексе Албании они включаются в эту же главу под заголовком «половые преступления». В уголовных кодексах других социалистических республик рассматриваемые преступления выделены в специальные главы или разделы. В кодексе Румынии этот раздел называется «Преступные деяния против целомудрия и нравственности», а в кодексе Венгрии он именуется «Преступления против половой морали» и включается в главу 15 «Преступления против семьи, молодежи и половой морали». В уголовном кодексе Чехословакии эти преступления называются «Преступные деяния против человеческого достоинства» и составляют раздел 2 главы 8 «Преступные деяния против свободы и человеческого достоинства». В кодексе Югославии глава о половых преступлениях называется «Личное достоинство и нравственность».

В новом уголовном кодексе ГДР от 12/I. 1968 г. половые преступления включены во 2-й раздел главы 3 «Преступления против личности», именуемый «Преступления против свободы и чести человека», и в 4 главу «Преступления против молодежи и семьи».

В указанных главах и разделах сосредоточены в большинстве кодексов как преступления, непосредственным объектом посягательства которых являются половая свобода и неприкосновенность конкретного лица (половые преступления), так и преступления, посягающие на общественный порядок, безопасность и здоровье населения (различные виды способствования чужому разврату, распространение порнографии и т. п.).

Исключение составляет уголовный кодекс Албании, в котором такие составы включены в качестве специального раздела в главу о преступлениях против порядка управления. Этот раздел именуется «Преступления против общественной нравственности», он включает в себя не только такие деликты, как содержание домов терпимости, занятие проституцией или принуждение к этому, сводничество и распространение порнографии, но также и мужеложство, которое относится к половым преступлениям.

В уголовном кодексе Югославии внебрачное сожительство с несовершеннолетней и кровосмешение включены в главу «Брак и семья». В уголовном кодексе Румынии составы двоебрачия, кровосмешения и прелюбодеяния составляют главу 1 раздела «Проступки против семьи». В новом уголовном кодексе ГДР изнасилование (§ 121), принуждение и использование лица для сексуальных действий (§ 122), публичное совершение сексуальных действий (§ 124) включены во второй раздел главы третьей «Преступления против свободы и чести человека», а составы «сексуальное использование детей» (§ 148), «сексуальное использование подростков» (§§ 149, 150, 151) и «половое сношение между родственниками» (§ 152) — в главу 4 «Преступления против молодежи и семьи».

Следует отметить, что в уголовных кодексах ряда социалистических стран составы половых преступлений изложены слишком казуистично, что порождает их дробность. Так, в уголовном кодексе Румынии состав полового сношения с несовершеннолетней изложен в ст. 421, предусматривающей половое сношение с девушкой от 14 до 18 лет в результате формального обещания на ней жениться. Изнасилованию указанный кодекс посвящает четыре статьи: ст. 418 о насильственном половом сношении нормального характера, ст. 421 о насильственном половом сношении в извращенной форме, ст. 422 о квалифицированных случаях изнасилования и ст. 426 об изнасиловании, последствием которого явилась смерть потерпевшей.

В уголовном кодексе Венгрии состав полового сношения или развратных действий с лицом, не достигшим 14 лет, изложен в ст. 280, а побуждение несовершеннолетнего к совершению таких действий с другим лицом — в ст. 281.

В составах половых преступлений уголовных кодексов Румынии и Венгрии чувствуется еще некоторое влияние буржуазной половой морали. Так, в ст. 427 уголовного кодекса Румынии устанавливается, что вступление в брак с потерпевшей освобождает виновного от ответственности даже за совершенное изнасилование.

Согласно §§ 276 и 277 УК Венгрии, если лицо, совершившее изнасилование или принудившее к развратным действиям, вступит в брак с потерпевшей до вынесения приговора по первой инстанции, наказание без ограничения предусмотренными законом пределами может быть судом смягчено.

Новый уголовный кодекс Болгарии, принятый 15 марта 1968 года в ст. 158 устанавливает, что наказание не налагается, а наложенное не исполняется, если до приведения приговора в исполнение, лицо, признанное виновным в совершении развратных действий или половом сношении с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста (ст. ст. 149, 151 УК), или в совершении под влиянием насилия или угрозы развратных действий с лицом, старше четырнадцати лет (ст. 150 УК), вступает в брак с потерпевшей. Однако это положение, в отличие от ст. 177 ранее действовавшего уголовного кодекса, не распространяется на случаи изнасилования.

Характеристика изнасилования, как насильственного, внебрачного полового сношения, сохранилась в уголовных кодексах Венгрии (§ 276), Югославии (ст. 179) и воспроизведена в новом УК ГДР (§ 121).

В кодексе Румынии сохранен состав прелюбодеяния.

Следует полагать, что при принятии этими республиками новых уголовных кодексов или в процессе совершенствования действующих кодексов подобного рода нормы, свидетельствующие об остатках влияния половой морали буржуазного общества, будут из них исключены, как это сделано в уголовных кодексах других социалистических стран.

II

В уголовном законодательстве капиталистических стран половым преступлениям отводится значительное место. Они обычно включаются в раздел (главу) уголовного кодекса, именуемый «преступлениями против нравственности» (уголовные кодексы Франции, Италии, Швейцарии, Дании и др.).

Кроме составов, непосредственно относящихся к половым преступлениям, в этот раздел включаются также составы сводничества, сутенерства, торговли женщинами, понуждения к проституции, распространения порнографии и некоторые другие деликты, непосредственным объектом которых является общественный порядок.

В уголовных законах капиталистических государств, устанавливающих ответственность за совершение половых преступлений, ярко проявляются особенности классовой буржуазной морали.

Одной из таких особенностей является отношение к женщине как к товару, предмету купли-продажи, подверженному всем превратностям капиталистического рынка. Это отношение с предельным цинизмом сформулировано одним из современных американских социологов К. Киркпатриком, который, сравнивая женщину с торговцем, пишет: «Точно установленное изнасилование может рассматриваться в нашем обществе как ограбление лавки, а проститутка — как штрейкбрехер, запрашивающий меньше существующей цены... Женщины с приобретенными физическими недостатками, уменьшающими их сексуальную привлекательность, могут рассматриваться как испорченный товар, а недевственницы — как подержанные товары».[1]

Приведенные рассуждения свидетельствуют, что речь идет не столько о женщинах как торговцах, как о женщинах — товаре. Правильно отмечает А. Г. Харчев, что ни один социолог-марксист не смог бы полнее и ярче показать жестокость и цинизм буржуазного общества по отношению к женщине, чем это сделал благонамеренный буржуазный теоретик. [2]

Отношение к женщине как к существу, созданному для обслуживания мужчины, и, в первую очередь, мужа проявляется, в частности, и в том что в уголовных кодексах большинства капиталистических стран в составе изнасилования специально указывается, что наказуемым является только принуждение женщины к «внебрачному половому сношению» (§ 127 УК Австрии, ст. 336 УК

---

[1] C. Kirkpatrick. The Family s Process and institution New Vork, 1955, p. 73. (Приводится по работе А. Г. Харчева. Брак и семья в СССР. М., 1964, стр. 79).

[2] А. Г. Харчев. Указ. работа, стр. 80.

Греции, ст. 187 УК Швейцарии, ст. 1, гл. 1, английского закона о половых преступлениях 1956 года и др.).

Поэтому по законодательству таких стран муж, принудивший свою жену путем насилия или угрозы к половому сношению, ответственности не несет. Специальное исключение из указанного правила установлено английской судебной практикой, согласно которой, если жена добилась судебного решения о раздельном жительстве (но официально брак продолжает существовать) допускается возможность совершения мужем в отношении ее полового деликта.[1]

Взгляд на жену как на объект супружеской власти мужа находит свое отражение и в правовой регламентации ответственности за прелюбодеяние, предусмотренной в качестве специального деликта почти во всех уголовных кодексах буржуазных стран.

К. Маркс в связи с этим писал, что «рядом с единобрачием и гетеризмом неустранимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но не искоренимое».[2]

В большинстве уголовных кодексов вся тяжесть ответственности за прелюбодеяние ложится на женщину. В них карается даже однократная ее измена мужу. Что же касается последнего, то по ряду кодексов муж несет ответственность лишь за прелюбодеяние с женщиной, которую он поселил в супружеском доме (ст. 339 УК Франции) или «открыто в другом месте» (ст. 118 УК Аргентины) или содержит таким образом, «что это вызывает скандал» (ст. 375 УК Чили). По турецкому уголовному законодательству нарушение мужем супружеской верности остается вообще безнаказанным, за исключением случая, когда он поселил в супружеском доме свою любовницу, с которой находится в длительной связи.

Наказание жены за прелюбодеяние в уголовном праве ряда государств гораздо суровее, чем соответственно мужа. Так, по ст. 337 французского уголовного кодекса жена, уличенная в прелюбодеянии, наказывается тюремным заключением, а муж присуждается лишь к уплате штрафа (ст. 339 УК). При этом мужу предоставлено право прекратить исполнение приговора об осуждении жены за прелюбодеяние, изъявив согласие взять ее «к себе обратно» (ст. 337 УК).

---

[1] См. М. Грюнхут. Английское уголовное право, «Современное зарубежное уголовное право», т. 3, М., 1961, стр. 314.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 70.

Ряд уголовных кодексов разрешает мужу даже личную внесудебную расправу с женой, уличенной в прелюбодеянии. В частности, иранский уголовный кодекс полностью освобождает мужа от ответственности за убийство неверной жены и ее любовника или за причинение им телесных повреждений, если он застигнет их «в постели, при ситуации не вызывающей сомнений» (ст. 179 УК). По французскому и бельгийскому уголовным кодексам такое убийство признается извинительным, если жена и ее любовник были застигнуты «на месте преступления в супружеском доме» (ст. 324 УК Франции и ст. 329 УК Бельгии).

Отношение к женщине как к товару, ценность которого тем выше, чем он новее, проявляется и в том, что по ряду уголовых кодексов обольщение несовершеннолетней, т .е. вступление с ней в половую связь в результате обещания жениться, карается лишь в случае, когда потерпевшая была «непорочной». В частности, так сформулирован этот состав в уголовных кодексах ФРГ (§ 182) и Чили (ст. 363). В последнем кодексе устанавливается специальный состав «обесчещения», под которым понимается совершение путем обмана полового сношения с девственницей в возрасте от 12 до 20 лет. И наоборот, в ряде уголовых кодексов виновный освобождается от ответственности за совершенное половое преступление, если несовершеннолетняя потерпевшая была «плохого поведения». Например, в соответствии со ст. 530 УК Италии о развращении несовершеннолетних, не достигших 16 лет, наказуемость виновного исключается, «если несовершеннолетний является лицом морально уже испорченным». В уголовном кодексе Финляндии половое сношение и иные развратные действия с несовершеннолетним лицом в возрасте от 15 до 17 лет наказуемы лишь в случае, «если жертва не занимается развратом в виде промысла» (§ 7 гл. 20). Это же относится и к составу о понуждении женщины к половой связи или вовлечении ее в такую связь путем использования беззащитного или стесненного положения потерпевшей или ее материальной зависимости (§ 9 гл. 20).

В уголовном законодательстве капиталистических стран о половых преступлениях отражается и отношение буржуазного общества к браку как к институту, в котором женщина, независимо от разницы в возрасте и моральных качеств мужа считается облагодетельствованной стороной.

В большинстве уголовных кодексов этих государств включены специальные нормы о том, что вступление лица, виновного в совершении полового преступления, в брак с потерпевшей освобождает его от уголовной ответственности. В ряде кодексов это относится и к такому тяжкому преступлению, как изнасилование (ст. ст. 544 УК Италии, 214 УК Ирана, 232 УК Аргентины, § 227 УК Дании), не говоря уже о таких преступлениях, как половое сношение и развратные действия с несовершеннолетними.

Так, в соответствии со ст. ст. 196 и197 УК Швейцарии лицо, виновное в обольщении несовершеннолетней путем злоупотребления ее неопытностью или доверием, а также в злоупотреблении бедственным положением женщины или ее зависимостью от виновного, вытекающей из должностных, служебных или иных отношений, в которых потерпевшая с ним находится до вступления с ней в половую связь, не подлежит наказанию, если женится на потерпевшей. Ст. 544 УК Италии устанавливает, что виновный в обольщении несовершеннолетней в случае вступления с ней в брак от ответственности освобождается.

В законодательстве капиталистических государств о половых преступлениях особенно ярко выступает лицемерный характер буржуазной морали. Например, казалось бы, нормы большинства уголовных кодексов строго и разносторонне охраняют половую неприкосновенность детей и подростков. Однако, как было показано выше, лицо, виновное во вступлении в половую связь или в развращении несовершеннолетнего, по законодательству ряда государств остается безнаказанным, если вступит в брак со своей жертвой или если она будет признана морально испорченной.

В большинстве уголовных кодексов этих стран установлена уголовная ответственность за кровосмешение. Целью установления этой ответственности являются как евгенические соображения, так и социальные мотивы — недопущение половых сношений между близкими родственниками как членами одной семьи, отношения которых исключают сексуальный характер.

Однако в ряде уголовных кодексов такая ответственность распространяется не только на кровных родственников, но и на свойственников, а также на супругов братьев и сестер. (§ 211 УК Дании, § 5 гл. 20 УК Финляндии, § 131 УК Австрии, § 179 УК ФРГ). Нет сомнений, что такое распространительное толкование понятия кровосмешения является одной из попыток подчеркнуть «святость» семьи как основной ячейки буржуазного общества, поставив под запрет половые отношения между всеми лицами, имеющими к ней даже самое отдаленное отношение. Такую постановку вопроса следует считать тем более фарисейской, что сами буржуазные социологи вынуждены признать факт деградации брака и семьи как одного из проявлений общего нравственного кризиса капиталистического общества.[1]

В уголовном законодательстве таких стран, как Южно-Африканская Республика, ряд южных штатов США к половым преступлениям относится половое сношение между представителями «белой» и «цветной» расы. Так, закон ЮАР «Об охране нравственности» 1950 года не только запрещает браки между такими лицами, но признает преступлением и их внебрачные половые отношения. Законодательство штатов Джордия, Мериленд и других грозит тюремным заключением белым женщинам, вступившим в половую связь с негром.

Вместе с тем, половые преступления, совершаемые представителями господствующего класса в отношении девушек и женщин «цветной» расы, как правило, остаются безнаказанными. Еще в 1913 году В. И. Ленин писал как о поучительном и типичном в английской Индии деле полковника английской армии Мак-Кормика, изнасиловавшего одиннадцатилетнюю индианку Анну. Мак-Кормик был освобожден судьей Эндрью под залог, а затем после ряда бесстыднейших издевок над законом оправдан, а журналист Арнольд, разоблачивший происшедшее, был посажен в тюрьму «за клевету».[2]

---

[1] См. А. Г. Харчев. Указ. работа, стр. 104—126.

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 89—90.

В законодательстве о половых преступлениях ряда капиталистических государств находит свое отражение антинаучный, биологический подход к природе преступности вообще и к преступности половой в частности, что неизбежно влечет за собой крайне реакционные выводы.[1] Одним из них является возможность применения кастрации к совершившим половые преступления «сексуальным психопатам».[2] В частности, такая возможность предусмотрена специальными законами, принятыми в Финляндии, Швеции, Голландии, Дании и в ряде штатов Америки. Так, в соответствии с датским «Законом о стерилизации и кастрации» от 11 мая 1935 года добровольная кастрация разрешается министром юстиции, «если половое влечение лица, ходатайствующего об этом, подвергает его опасности совершить преступные деяния и поэтому представляет опасность для общества или если это влечение причиняет ему психические страдания или вредит его общественному положению» (здесь имеется в виду гомосексуализм).

Рассматриваемый закон предусматривает, что ходатайство о кастрации может исходить также от администрации соответствующего учреждения, в котором содержится такое лицо. Кроме того, суд вправе в приговоре или позднее (если в приговор включена соответствующая оговорка) сделать распоряжение о производстве принудительной кастрации в тех случаях, когда виновный совершил или пытался совершить изнасилование или другие предусмотренные в рассматриваемом законе тяжелые преступления против нравственности, характеризующие его как опасного в этой области правонарушителя и дающие основания опасаться, что половое влечение толкнет виновного на совершение новых аналогичных преступлений, а перспектива подвергнуться наказанию его от этого не удержит.[3]

---

[1] См. А. А. Герцензон. Введение в криминологию. М, 1965, стр. 87.

[2] Советская судебная психиатрия считает, что сексуальные извращения неприсущи какой-либо одной форме психопатии, но могут встречаться при её различных формах, а также вне определенной структуры патологии личности. Поэтому при классификации психопатии в судебной психиатрии специальная группа сексуальных психопатов не выделяется (см. Судебная психиатрия под ред. Г. В. Морозова, М., 1965, стр. 337).

[3] Ф. Маркус. Уголовное право Дании. Закон о стерилизации и кастрации от 11 мая 1935 г. «Современное зарубежное уголовное право», т. I. М., 1957, стр. 278—280.

В соответствии с финским законом о кастрации от 17 февраля 1950 года устанавливается, что принудительной кастрации может быть подвергнуто лицо на основании вступившего в законную силу приговора, которым оно признано виновным в совершении или покушении на такое преступление, которое свидетельствует, что осужденный вследствии своего полового влечения представляет опасность для других лиц. Кроме того, кастрации могут быть также подвергнуты психически дефективные или хронически душевнобольные лица, содержащиеся в психиатрической больнице или в подобном ей заведении, если такие лица вследствии своего полового влечения опасны для окружающих, в подтверждение чего представлено достаточно доказательств.[1]

В ряде государств, в которых допускается кастрация лицу, совершившему сексуальное преступление, предлагается выбор между «добровольным» согласием на нее или многолетним заключением в тюрьме.

Кастрация в настоящее время не обязательно осуществляется путем хирургического удаления половых желез. Для этого применяются также и особые препараты, угнетающие функции таких желез. По мнению ряда исследователей, эти препараты весьма вредны для здоровья, так как способствуют развитию онкологических заболеваний, а также влекут за собой духовный и физический распад личности.[2]

Вопрос о допустимости применения кастрации к психопатам, совершившим половые преступления, был специально поставлен на обсуждение проходившего в 1958 году в городе Копенгагене семинара по психиатрическому лечению преступников и вызвал там ожесточенные споры.

Советская делегация решительно возражала против допустимости кастрации не по медицинским основаниям. Её представители отмечали, что кастрация не только ослабляет половое влечение, но и оказывает неблагоприятное влияние на весь организм, не приводя вместе с тем во всех случаях к исчезновению сексуального влечения. Подчеркивалось также, что нет принципиальных оснований выделять сексуальных преступников в особую группу сексуальных психопатов, так как сексуальные отклонения нередко являются следствием неблагоприятных условий воспитания и могут быть не только у психопатов, но и у психически здоровых людей.[1]

---

[1] Б. Хонкасало. Финское уголовное право. Закон о кастрации 17 февраля 1950 г. Закон о стерилизации 17 февраля 1950 г. «Современное зарубежное уголовное право», т. 2. М., 1958, стр. 214—215.

[2] Э. А. Бабаян, Г. В. Морозов, Е. А. Попов, Н. И. Фелинская. Некоторые вопросы судебной психиатрии по материалам совещания в Копенгагене, «Судебно-медицинская экспертиза», 1959, № 1, стр. 38.

Допущение принудительной кастрации лиц, совершивших тяжкие сексуальные преступления, в законодательстве ряда капиталистических государств свидетельствует не только о переходе современных буржуазных криминологов на реакционные позиции неоломброзианства и фрейдизма, рассматривающих биологические факторы как основную причину совершения половых преступлений, но и является ярким доказательством безуспешности борьбы с такого рода преступлениями в этих государствах обычными способами.[2]

* * *

Изучение законодательства иностранных социалистических государств и буржуазных стран о половых преступлениях позволяет прийти к следующим выводам:

1. Уголовные законы зарубежных социалистических государств о половых преступлениях в основном правильно отражают закономерности социалистического строя и принципы социалистической нравственности. Однако в диспозиции ряда составов половых преступлений ещё сохраняются отдельные положения, характерные для буржуазной половой морали и законодательства о половых преступлениях.

Так, уголовные кодексы Румынии, Венгрии и Болгарии устанавливают, что вступление в брак с потерпевшей полностью или частично освобождают виновного от ответственности за совершённое преступление.

---

[1] Там же.

[2] Рост половых преступлений наблюдается в настоящее время во всех капиталистических странах. Например, в ФРГ за период с 1953 по 1962 годы средне-годовое количество зарегистрированных половых преступлений возросло с 56000 в 1953—1955 годах до 63000 в 1960—1962 годах. В результате этого коэффициент сексуальной преступности, т. е. количество таких преступлений на 100000 жителей, возрос с 108 до 111 (B. Cholli. Sexualdelikten in Spiegel der Statistik. «Kriminalistik», 1964, № 2, s. 83).

В США число совершенных изнасилований за последние 9 лет возросло в два раза. Так, за неполный 1968 год было совершено 31300 изнасилований, в то время как в 1960 году — 16900. («Известия» от 10 октября 1968 года).

Уголовные кодексы Венгрии, Югославии и ГДР характеризуют изнасилование как насильственное внебрачное половое сношение. Уголовный кодекс Румынии сохранил состав прелюбодеяния.

2. В законах о половых преступлениях капиталистических стран особенно ярко проявляются такие особенности классовой буржуазной морали, как неравноправие женщин в семье и признание её личной зависимости от мужа. Так, изнасилованием признается только принуждение женщины к «внебрачному половому сношению», и муж субъектом этого состава быть не может.

За прелюбодеяние, совершённое женой, устанавливается более строгое наказание, чем соответственно за такое же преступление, совершенное мужем.

3. Законы о половых преступлениях капиталистических стран отражают также и лицемерный характер буржуазной морали. Лицо, совершившее половое преступление, освобождается от ответственности, если вступит в брак с потерпевшей, а в ряде государств и в случаях, если жертва преступного посягательства судом будет признана морально испорченной.

В ряде уголовных кодексов для охраны «святости» семьи ответственность за кровосмешение распространяется не только на кровных родственников, но и на свойственников и на супругов братьев и сестер.

4. При установлении ответственности за половые преступления в законодательстве некоторых капиталистических государств проявляется реакционный биологический подход к природе преступления. Это находит своё отражение в том, что к лицам, совершившим половые преступления, допускается применение кастрации. В частности такая возможность предусматривается специальными законами о кастрации, принятыми в Финляндии, Швеции, Голландии, Дании и ряде штатов США.

Допущение принудительной кастрации лиц, совершивших половые преступления, свидетельствует не только о переходе законодательства этих государств на крайне реакционные позиции, но и является доказательством безуспешной борьбы с ростом половых преступлений в таких странах обычными способами.

ГЛАВА II.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ВЗРОСЛЫХ ЛИЦ

К преступлениям против половой свободы, как отмечалось, относятся составы изнасилования совершеннолетней женщины с применением физического насилия и угрозы, понуждение женщины к вступлению в половую связь, мужеложство в отношении совершеннолетнего, совершенное с применением физического насилия, угроз, а также с использованием зависимого положения потерпевшего.

Преступлениями против половой неприкосновенности взрослых являются изнасилование совершеннолетней женщины с использованием её беспомощного состояния, а также мужеложство в отношении совершеннолетнего с использованием его беспомощного состояния, в тех союзных республиках, уголовные кодексы которых такой состав предусматривают.

Ввиду того, что составы изнасилования совершеннолетней женщины отличаются друг от друга лишь непосредственным объектом посягательства и способами действия, применяемыми для осуществления полового сношения, в настоящей главе рассматриваются также все общие вопросы, относящиеся к изнасилованию.[1]

Кроме того, хотя это и несколько нарушает систему изложения, составы мужеложства выделены нами в специальную главу.

---

[1] Особенности состава изнасилования несовершеннолетней будут рассмотрены в 3-й главе.

Указанное связано с тем, что в советской уголовно-правовой литературе мужеложству должного внимания не уделялось. Поэтому все его составы целесообразнее рассмотреть комплексно, что даст возможность полнее осветить связанные с этим преступлением вопросы.

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Среди половых преступлений изнасилование является одним из наиболее тяжких. Посягая на половую свободу или половую неприкосновенность женщины, оно по своему характеру представляет собой насильственное деяние, влекущее нанесение потерпевшей серьезного морального и физического вреда.

Вот как характеризует изнасилование в одной из своих обвинительных речей А. Ф. Кони: «Там, где существует изнасилование,— там безрассудная наглость, там отсутствие всякого чувства и одна жестокая, злая чувственность, одна животная страсть».[1]

Неудивительно поэтому, что изнасилование прославлялось фашистскими «учеными», как деяние, свидетельствующее о «здоровом жизнеутверждении», в отвратительной грязи других половых преступлений оставляющее «луч света в здоровое будущее». Более того, эти «ученые» утверждали, что в результате насильственного полового сношения рождаются наиболее способные и крепкие дети.[2]

Советское государство с первого же дня своего возникновения относило изнасилование к наиболее тяжким преступлениям против личности.

Так, в опубликованной Д. И. Курским в начале 1919 года статье, в которой была сделана первая попытка систематизации норм уголовного права, содержащихся в отдельных декретах Советского правительства, приведена следующая система Особенной части уголовного законодательства, относящаяся к преступлениям против личности:

1. Посягательства на человеческую жизнь.

---

[1] А. Ф. Кони. Обвинительная речь по делу об убийстве коллежского асессора Чихачева. Собр. соч., т. 3, 1966, стр. 284.

[2] Günter Schulz. Die Notzucht, Täter-Opfer-Situationen. Hamburg, 1958, S. 12.

2. Причинение тяжелых ран или увечья.
3. Изнасилование.
4. Разбой.

Таким образом, Д. И. Курский в числе наиболее опасных преступлений против личности упоминает и изнасилование.[1]

Изнасилование самое распространенное из всех половых преступлений. Так, в Таджикской ССР удельный вес лиц, осужденных за изнасилование, в общем числе осужденных за все виды преступлений составил:

Год	Всего осуждено лиц	В том числе за изнасилование
1961	100%	2,5%
1962	100%	1,7%
1963	100%	1,6%
1964	100%	2,8%
1965	100%	2,6%
1966	100%	2,9%
1967	100%	2,1%

Из указанной таблицы видно, что только в 1967 году удельный вес осужденных за изнасилование несколько снизился.

Это же подтверждается и данными о соотношении количества лиц, осужденных за изнасилование за последние пять лет, по сравнению с 1961 годом:

1961—100%
1962— 84%
1963— 77%
1964—116%
1965—100%
1966—143%
1967—124%

Из приведенных данных явствует, что если в 1962 и 1963 гг. по сравнению с 1961 годом число лиц, осужденных за изнасилование, уменьшилось, то в последующие годы до 1967 года оно увеличивалось.

Однако нужно учитывать, что такое увеличение осужденных является не только следствием увеличения числа изнасилований, но свидетельствует и о лучшей работе органов расследования по раскрытию совершаемых преступлений.

---

[1] А. А. Герцензон. и др. История советского уголовного права. (1917—1947). М., 1948, стр. 178.

Изнасилование занимает основное место среди других половых преступлений. Это видно из следующей таблицы:

Год	Число лиц, осужденных за все половые преступления	В том числе осуждено за изнасилование
1961	100%	73%
1962	100%	63%
1963	100%	50%
1964	100%	57%
1965	100%	54%
1966	100%	56%
1967	100%	51%

На еще больший удельный вес изнасилований в общем числе половых преступлений указывают другие исследователи. Так, по данным исследования, проведенного в 1964 году в Центральном черноземном экономическом районе, изнасилование составило 78,5% всех совершенных половых преступлений.[1]

Как уже отмечалось, диспозиция ст. 121 УК Таджикской ССР и аналогичные статьи УК других союзных республик охватывают три состава изнасилования, каждый из которых имеет свой непосредственный объект:

— принудительное половое сношение с совершеннолетней женщиной с применением физического насилия или угрозы;

— половое сношение с совершеннолетней женщиной с использованием ее беспомощного состояния;

— половое сношение с малолетней и принудительное половое сношение с несовершеннолетней.

В связи с этим следует отметить, что ряд кодексов иностранных государств подразделяет изнасилование на ряд самостоятельных составов. Так, уголовный кодекс Дании содержит пять статей об изнасиловании: путем насилия (§ 216), путем угрозы (§ 218), половое сношение с душевнобольной (§ 217), половое сношение путем обмана (§ 221) и путем злоупотребления служебной или материальной зависимостью женщины (§ 220). Такое же количество составов изнасилования содержит и уголовный кодекс Аргентины (§§ 119, 121, 122, 123, 124). В итальянском и финском уголовных кодексах составы изнасилования изложены в трех статьях (ст. ст. 519, 520, 521 итальянского УК и §§ 7, 8, 9, гл. 20 УК Финляндии). Уголовный кодекс ФРГ посвящает изнасилованию четыре параграфа (§§176—179). В русском дореволюционном праве различалось изнасилование (любодеяние), под которым понималось насильственное половое сношение с женщиной старше 14 лет и растление — совершение полового акта с ребенком женского пола, не достигшим 14-летнего возраста.

---

[1] См. Вопросы методики и практики конкретных исследований причин преступности и личности преступника в Центральном черноземном экономическом районе. Воронеж, 1964, стр. 79.

Возникает вопрос, не следует ли в порядке совершенствования нашего уголовного законодательства поставить вопрос о выделении в самостоятельные статьи каждого из трех составов изнасилования.

Мы полагаем, что в этом необходимости нет. Хотя каждый из указанных составов имеет свой непосредственный объект посягательства, но присущие им общие особенности дают полную возможность объединить указанные составы в одну статью, как это сделано в уголовных кодексах союзных республик. Однако при юридическом анализе изнасилования каждый из составов должен рассматриваться отдельно.

Общие для всех составов изнасилования признаки сводятся к следующим:

— потерпевшей от изнасилования может быть только женщина;

— целью изнасилования является половое сношение;

— эта цель достигается специфическими противоправными способами: путем подавления сопротивления потерпевшей в результате насилия или угрозы или же путем использования ее беспомощного состояния.

Поэтому на каждом из этих признаков необходимо остановиться более подробно.

Потерпевшим лицом при изнасиловании всегда является женщина, причем ни ее возраст, ни моральный облик, ни отношение к насильнику для признания его действий изнасилованием значения не имеют.

Если насильственное половое сношение совершено с лицом мужского пола, то это деяние подлежит квалификации не как изнасилование, а как мужеложство (ст. 125 УК).

Интересно отметить, что при изучении дел об изнасиловании, нам встретился случай, когда покушение на насильственное половое сношение с мальчиком 13 лет было квалифицировано следственными органами и судом как покушение на изнасилование. По этому делу было установлено, что О. в пьяном состоянии увел с территории колхоза «Комсомол», якобы на концерт, в клуб совхоза 13-летнего мальчика Э. В действительности же концерта в клубе не было, а обвиняемый, работающий заведующим этим клубом, закрыв дверь помещения на замок, пытался осуществить с потерпевшим насильственный акт мужеложства, но не мог выполнить своего намерения, так как на крик потерпевшего начали стучать в дверь проходившие мимо граждане.

Как отмечалось выше, О. был предан суду и осужден по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК и только Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР переквалифицировала его действия на ст. 15 и ч. 2 ст. 125 УК.

При рассмотрении вопроса о возрасте потерпевших от изнасилования следует отметить значительный удельный вес среди них несовершеннолетних. Так, по изученным нами делам об изнасиловании несовершеннолетние потерпевшие составляли 20,7%.

В судебной практике встречаются также случаи изнасилования престарелых женщин. Например, народным судом Пархарского района был осужден по ч. 2 ст. 121 УК Р. за то, что он в нетрезвом состоянии пытался сначала изнасиловать Ф., 65 лет, а затем, когда это ему не удалось, так как потерпевшая начала кричать, он изнасиловал С., 84 лет, используя её беспомощное состояние. Следует отметить, что по этому делу судебно-психиатрическая экспертиза не назначалась, хотя для этого были достаточные основания.

В связи с встречающимися в судебной практике аналогичными случаями изнасилования престарелых женщин Н. Г. Шалаев предлагает считать изнасилование престарелой обстоятельством, отягчающим ответственность ввиду того, что с наступлением климакса половые органы женщины подвергаются обратному развитию, и насильственное половое сношение с ней влечет их серьезные повреждения.

Автор предлагает, исходя из этих соображений, внести в статью об изнасиловании соответствующее дополнение.[1]

Мы полагаем, что внесение такого дополнения является излишним, так как в тех случаях, когда изнасилование престарелой повлекло за собой особо тяжкое повреждение ее здоровья, это и по действующему законодательству является квалифицирующим обстоятельством. Когда же такого последствия не наступило, то престарелый возраст потерпевшей должен учитываться судом как отягчающее вину обстоятельство при индивидуализации наказания виновному.

Анализируя причины, по которым жертвами насилия становятся несовершеннолетние или престарелые женщины, следует отметить, что это в значительной степени объясняется тем обстоятельством, что такие лица не в состояни оказать насильнику серьезного сопротивления. Кроме того, девочки-подростки часто проводят свободное время в парках, на танцах, в кино, на различного рода вечеринках и по своей неопытности и легкомыслию нередко попадают в ситуации, благоприятствующие изнасилованию, на чем мы специально остановимся при рассмотрении особенностей изнасилования несовершеннолетних.

Для квалификации насильственного полового сношения как изнасилования не имеет значение моральный облик потерпевшей, и, в частности ее неправильное поведение с мужчинами, не относящееся непосредственно к ситуации, в которой было совершено преступление. Советское уголовное право охраняет половую свободу любого лица, независимо от того, как оно эту свободу использует.

Иначе решается этот вопрос в теории и судебной практике капиталистических стран, которые рассматривают проститутку, как человека, лишенного половой чести и поэтому не пользующегося в области половых отношений охраной уголовного закона. Так, немецкий криминалист А. Феербах в середине прошлого века в учебнике уголовного права писал: «Изнасилование в качестве предмета посягательства предполагает непорочную женщину, образ жизни которой не доказывает, что она предоставляет свое тело для удовлетворения похоти любого человека. Поэтому в отношении проститутки не может быть совершено изнасилование».[1]

---

[1] Н. Г. Шалаев. Судебно-медицинское обоснование некоторых вопросов разграничения и квалификации половых преступлений. Сб. «Вопросы криминалистики и криминологии». Душанбе, 1968.

Такого же мнения придерживался и русский криминалист Н. А. Неклюдов. «Закон не может ставить,— писал он,— на одну доску бардельную девку с целомудренной женщиной; промышляющая развратом целомудрия не имеет и продает свою честь по таксе или кто даст дороже; ее упорство,— упорство с целью надбавки платы, а не по чувству стыда или омерзения; ее беспамятство — состояние опьянения, а не обморок от страха посягательства; ее честь отдана на произвол и женатому, и холостому, и малолетнему, и старцу — кто первый забежит с деньгами в кармане, а можно ли считать разбоем взятие силою в лавке товара с уплатой за него денег.» В качестве доказательства своего утверждения Н. А. Неклюдов ссылается на то, что изнасилование помещено в уголовном уложении в главу о преступлениях «Против чести и целомудрия женщин». Стало быть, оно требует для наличия преступления — не женского объекта вообще, а объекта честного, целомудренного, и что закон говорит об изнасиловании «девиц или женщин», проститутки же именуются в уложении или «непотребными женщинами» или же просто «девками».[2]

Несколько иначе решал рассматриваемый вопрос И. Я. Фойницкий. Он считал, что, если насилие было учинено при обстановке продажного разврата, например, в публичном доме или после прихода женщины в частное помещение по приглашению для разврата, то не может быть речи об изнасиловании, так как согласие на совершение полового сношения здесь предполагается. Если же насилие было учинено при условиях, когда публичная женщина не промышляла собою, например, пришла в гости в знакомое семейство, то личность ее должна быть ограждена от изнасилования.[3]

---

[1] A. Feuerbach. Lehrbuch des gemeinen für Deutshland gültigen peinlichen Rechts, 1847. § 265. S. 442.

[2] Н. А. Неклюдов Руководство к Особенной части русского уголовного права, т. 1, СПб, 1876, стр. 406.

[3] И. Я. Фойницкий. Курс уголовного права. Часть Особенная, П. 1916, стр. 141.

Уже сразу после победы Великой Октябрьской революции, когда проституция еще не была изжита, но женщины, занимающейся этой профессией полностью были уравнены в правах с другими гражданами, изнасилование проститутки наказывалось в общем порядке. Так П. И. Люблинский в 20-х годах писал, что «УК РСФСР охраняет от насильственного полового сношения всякое лицо, будь то и проститутка» и что «каждая женщина, хотя бы она промышляла непотребством, как промыслом, не лишается права располагать собою по собственному желанию».[1] Следует отметить, что в 1924 году по этому же вопросу было вынесено Верховным Судом УССР специальное определение, в котором категорически указывалось, что за изнасилование проститутки виновные подлежат ответственности в общем порядке.

Как отмечалось выше, моральный облик потерпевшей от изнасилования имеет значение для индивидуализации наказания только с точки зрения характеристики ее поведения в отношении обвиняемого, предшествовавшего совершению преступления, если это поведение могло создать впечатление, что потерпевшая согласна на половое сношение. Так, по делу по обвинению Р. было установлено, что потерпевшая 19-летняя Т. познакомилась с обвиняемым у своей подруги. Обвиняемый был в это время в нетрезвом состоянии и первой фразой, обращенной к потерпевшей, была нецензурная брань. Несмотря на это, Т. и ее подруга пошли с обвиняемым и его товарищем в столовую и совместно с ними пили там спиртные напитки. Затем потерпевшая гуляла с обвиняемым по уединенным улицам с 11 вечера до 5 утра, хотя видела, что он пьян и легко могла уйти от него. Прогулки эти закончились тем, что виновный в темном переулке изнасиловал потерпевшую.

Следует отметить, что подобного рода поведение является важнейшим фактором для возникновения у морально неустойчивого лица умысла на изнасилование. Характерным является и то, что потерпевшая в случаях аналогичных приведенному выше, сознательно или бессознательно как бы идет навстречу желанию виновного и создает своим поведением благоприятную для совершения изнасилования ситуацию.

---

[1] П. И. Люблинский. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925, стр. 68.

Хотя для квалификации изнасилования взаимоотношения потерпевшей и виновного значения не имеют, но этот вопрос является весьма важным для индивидуализации наказания виновного и при рассмотрении криминологических вопросов, связанных с совершением изнасилования.

О характере таких взаимоотношений по изученным нами делам рассматриваемой категории можно судить по приведенной ниже таблице.

Характер взаимоотношений потерпевшей с виновным до совершения им изнасилования	Процент от общего числа потерпевших
Не была знакома . . .	35,6
Познакомилась в день совершения преступления	16,2
Была ранее знакома . .	32,2
Являлась соседкой . . .	6,4
Находилась в родственных отношениях или была членом семьи осужденного	9,6

Из указанной таблицы видно, что в значительном числе случаев жертвами насилия были лица, до этого с обвиняемым незнакомые (35,6%) или познакомившиеся с ним в тот же день (16,1%).

Таким образом, более половины из общего числа потерпевших (51,7%) с насильником ни в каких личных отношениях не находились.

Еще более высокий процент приводит Л. А. Андреева. По ее данным незнакомые или мало знакомые насильнику потерпевшие составляют 62,1%.[1]

Исследовавший вопрос об изнасилованиях в ФРГ криминолог Вайнгартнер отмечает, что из 59 обследованных им потерпевших 75,6% до преступления ни в каких отношениях с преступником не состояли.[2]

Это подтверждает сделанный нами ранее вывод о том, что в значительной своей части изнасилование совершается без предварительной подготовки, в результате благоприятно сложившейся для виновного ситуации.

---

[1] Л. А. Андреева. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве. Канд. дисс., Л., 1962, стр. 151—157.

[2] Weingartner. Die Notzucht. Ein kriminologische Untersuchung. Freiburger Ditsertation, 1951, S. 128.

Обращает на себя внимание также сравнительно большой удельный вес потерпевших, являющихся родственниками или членами семьи виновного.

В приведенной выше таблице он составляет 9,7%, а по данным Л. А. Андреевой — 19%.[1]

Чаще всего в рассматриваемых случаях потерпевшими являются малолетние или несовершеннолетние падчерицы (реже дочери) или племянницы насильника, который в момент совершения преступления обычно находится в состоянии сильного опьянения. Так, по делу по обвинению Г., изнасиловавшего малолетнюю дочь своей сожительницы, было установлено, что обвиняемый последние несколько лет систематически пьянствовал, пропивая заработную плату как свою, так и сожительницы, неоднократно судился за хулиганство. Хотя обвиняемому было 35 лет, его рабочий стаж составлял только 8 лет, причем за этот промежуток времени он два года находился в местах лишения свободы, а оставшиеся 6 лет умудрился проработать в 12 организациях, в каждой по нескольку месяцев.

Встречаются и такие случаи, когда виновный насилует живущую в его семье девушку, используя то, что она материально от него зависит и боится поэтому заявить о совершенном преступлении. Так, по делу по обвинению К. было установлено, что он систематически насиловал свою племянницу 17 лет, угрожая, что если она кому-либо расскажет об этом, он выгонит ее из дому и лишит материальной поддержки.

С вопросом о взаимоотношениях насильника с потерпевшей для квалификации изнасилования связан вопрос об ответственности за изнасилование жены или женщины, с которой виновный находится в длительной половой связи.

Нами уже отмечалось, что большинство уголовных кодексов капиталистических стран и ряд кодексов социалистических государств относит понятие изнасилования только к внебрачному насильственному половому сношению и поэтому субъектом изнасилования своей жены — муж быть не может. В частности, так решался этот вопрос и в судебной практике дореволюционной России.

С. В. Познышев в связи с этим отмечал, «что практика и редакторы нового «Уложения» полагают, что понуждение мужем жены к совокуплению должно признаваться безнаказанным».[1]

---

[1] Л. А. Андреев. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве. Канд. дисс., Л., 1962, стр. 151—157.

Н. А. Неклюдов писал, что изнасилование жены мужем невозможно и понуждение ее к половому сношению с ним должно рассматриваться только как жестокое обращение, а отнюдь не изнасилование, «ибо существенный признак последнего посягательства на целомудрие и честь женщины в отношении к супругу места иметь не может».[2]

И. Я. Фойницкий также полагал, что предметом изнасилования «не может быть собственная жена виновного и даже женщина, с которой он состоит в продолжительной половой связи; если совокупление с такой женщиной достигнуто путем насилия, то возможна ответственность лишь за последнее».[3]

С совершенно других принципиальных позиций рассматриваемый вопрос решается в советском уголовном праве. Уже в начале 20-х годов первые советские криминалисты исходили из того, что признание за женщиной равноправия и свободы в области половой сферы влечет за собой вывод, что за изнасилование своей жены муж отвечает на общем основании.[4] «Несомненно, что муж, вступивший в половое сношение с женой путем применения физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния при отсутствии ее согласия на сношение (например, вследствие венерического заболевания мужа), должен быть привлечен не по ст. 157 (умышленное нанесение ударов, побоев и иных насильственных действий—*Я. Я.*) и 155 (заражение венерической болезнью — *Я. Я.*), а по ч. 2 ст. 169 УК» (изнасилование.—*Я. Я.*),—писал в 1926 году Н. Н. Паше-Озерский.[5] П. И. Люблинский также отмечал, «что действующее право объявляет брак свободным союзом, который не налагает ни на одну из сторон каких-либо ограничений в области половых отношений (каково бы ни было отношение к этому со стороны религии или морали); точно также насилие и принуждение в области половых отношений не становится простым видом насилия только потому, что оно совершается в браке, а сохраняет все черты половых преступлений.[1]

---

[1] С. В. Познышев. Особенная часть русского уголовного права. М., 1912, стр. 480—481.

[2] И. А. Неклюдов. Указ. работа, стр. 406.

[3] И. Я. Фойницкий. Указ. работа, стр. 142.

[4] См. Б. И. Змиев. Уголовное право. Часть Особенная, Казань, 1923, стр. 27.

[5] М. Н. Паше-Озерский. Половые преступления в уголовном кодексе. «Вестник советской юстиции», 1926, № 16.

Из приведенных соображений исходила в рассматриваемый период и судебная практика. Так, Верховный Суд РСФСР еще в 1925 году разъяснил, что «случаи полового сношения с применением физического или психического насилия со стороны мужа или с использованием им беспомощного состояния потерпевшей могут караться по ст. 169 УК» (изнасилование — *Я. Я.*).[2]

В настоящее время в юридической литературе нет сомнения в том, что насильственное половое сношение с женой или женщиной, с которой субъект состоял ранее в половой связи, должно квалифицироваться как изнасилование. Поэтому нельзя согласиться с Г. Б. Карнович и М. Г. Коршик, которые указывают, что на практике такие случаи могут иметь место, когда развод почему-либо еще не оформлен и потерпевшая формально остается женой изнасиловавшего ее лица.[3] Практика показывает, что случаи изнасилования жены встречаются и при фактически продолжающемся брачном сожительстве. Однако не всегда действия виновного квалифицируются правильно. Так, органы расследования и народный районный суд Ходжентского района квалифицировали действия К., совершившего с применением физической силы со своей женой половое сношение в противоестественной форме, по ст. 122 УК Таджикской ССР, предусматривающей понуждение женщины, находящейся в служебной или иной материальной зависимости от виновного к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме.

Неправильно были также квалифицированы аналогичные действия обвиняемого Г. Органы расследования и районный народный суд Центрального района г. Душанбе квалифицировали действия этого обвиняемого, неоднократно избивавшего свою жену, по ст. 116 УК как истязание, оставив без реагирования заявление потерпевшей, подтвержденное заключением судебно-медицинской экспертизы о том, что обвиняемый также насильственно совершил с ней половое сношение в извращенной форме. Президиум Верховного Суда Таджикской ССР на этом основании отменил решение народного суда и возвратил дело на доследование, указав, что, ввиду совершения обвиняемым насильственного полового акта в извращенной форме, ему должно быть также предъявлено обвинение и по ч. 1 ст. 121 УК.

---

[1] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 56.

[2] Сб. разъяснений Верховного Суда РСФСР. М., 1931, стр. 445.

[3] См. Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик. Расследование половых преступлений. М., 1958, стр. 7—8.

В связи с моральным обликом потерпевшей встает вопрос о том, не следует ли в качестве обстоятельства, квалифицирующего изнасилование, включить и лишение потерпевшей девственности. Так, А. Н. Игнатов предлагает установить в качестве квалифицирующего обстоятельства растление несовершеннолетней и отказаться от общего понятия ее несовершеннолетия как обстоятельства, квалифицирующего изнасилование.[1] Мы полагаем, что с таким предложением согласиться нельзя. Изнасилование несовершеннолетней во всех случаях обладает повышенной общественной опасностью, независимо от того, сопровождалось ли оно растлением или потерпевшая уже ранее была лишена девственности.

Вместе с тем, представляется целесообразным обсудить вопрос о том, не следует ли лишение девственности совершеннолетней потерпевшей включить в число признаков, квалифицирующих изнасилование совершеннолетних девушек.

Изученные нами дела об изнасиловании свидетельствуют, что в 22% случаев оно сопровождалось лишением девственности совершеннолетней девушки. Если сам факт изнасилования всегда причиняет большую психическую травму, то особенно это относится к указанным случаям. Ведь обычно, девственность совершеннолетней девушки свидетельствует о ее высоких моральных качествах и о том, что она достаточно серьезно смотрит на отношения между полами. И поэтому насильственный половой акт с ней она переживает особенно остро.

Обязательным признаком объективной стороны всех составов изнасилования является половое сношение с потерпевшей или покушение на его совершение. Поэтому весьма важно установить, что же понимает наш уголовный кодекс под половым сношением. Это необходимо как для разграничения полового сношения от развратных действий, связанных с удовлетворением половой страсти, но не являющихся половым сношением, так и для того, чтобы установить, в какой момент изнасилование считается оконченным преступлением.

---

[1] А. Н. Игнатов. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М., 1966, стр. 135.

Прежде всего, возникает вопрос о том, следует ли понимать под половым сношением при изнасиловании только естественное совокупление или же в это понятие входят также и извращенные его формы. В юридической литературе это является спорным.

В русской дореволюционной литературе по уголовному праву сторонниками первой точки зрения были Н. А. Неклюдов и И. Я. Фойницкий. Так, Н. А. Неклюдов утверждал, что даже использование при совершении полового сношения презерватива превращает это действие не в изнасилование, а «просто в насильственное половое бесстыдство» и отмечал, что «в применении к нашему закону было бы правильно рассматривать такой случай как покушение на изнасилование, потому что в нем сгруппированы все признаки начала исполнения».[1] И. Я. Фойницкий писал, что «по способу деятельности изнасилование необходимо предполагает естественное совокупление посредством насилия», и «в это понятие не входят относимые сюда нашей практикой случаи противоестественного удовлетворения половой похоти с женщиной, хотя бы путем насилия».[2]

В современной советской литературе сторонниками точки зрения, что состав изнасилования предполагает только половое сношение, совершаемое естественным путем, являются, в частности А. Н. Игнатов[3], П. П. Осипов[4], а также авторы научно-практического Комментария уголовного кодекса РСФСР под редакцией Б. С. Никифорова.[5]

Сторонниками того, что в уголовном кодексе понятие полового сношения охватывает не только естественные, но также и извращенные формы являются А. А. Жижиленко[1], В. Натансон[2], П. И. Люблинский[3], М. Н. Хлынцов[4], В. А. Блиндер[5], Б. В. Даниэльбек[6], А. А. Пионтковский[7], М. Д. Шаргородский.[8]

---

[1] Н. А. Неклюдов. Указ. работа, стр. 408.

[2] И. Я. Фойницкий. Указ. работа, стр. 142.

[3] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 62—65.

[4] П. П. Осипов. Квалификация половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетник. «Вестник Ленинградского госуниверситета», 1966, № 5, стр. 52.

[5] Указ. Комментарий уголовного кодекса РСФСР под ред. Б. С. Никифорова.

До того, как приступить к рассмотрению понятия полового сношения в действующих уголовных кодексах союзных республик и проанализировать аргументы сторонников приведенных выше точек зрения, следует остановиться на медицинской трактовке этого термина.

В медицинской науке нормальным половым сношением считается введение полового члена в половые органы женщины.[9] Н. Г. Шалаев отмечая, что «под естественным половым сношением надо понимать удовлетворение или попытку удовлетворения полового влечения путем введения полового члена не только во влагалище, но и в преддверие его» указывает, что применительно к судебно-медицинской практике естественное половое сношение можно подразделить на совершаемое:

— с введением полового члена во влагалище, с дефлорацией, без дефлорации, семеизвержением и без семеизвержения:

— с введением полового члена во влагалище, но с семеизвержением вне влагалища (прерванный половой акт);

---

[1] А. А. Жижиленко. Половые преступления. М., 1924, стр. 15.

[2] В. Натансон. Половые преступления по уголовному кодексу УССР и РСФСР. Харьков, 1928, стр. 18—19.

[3] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 67—68.

[4] М. Н. Хлынцов. Борьба с половыми преступлениями. Автореф. канд. дисс., Саратов, 1966, стр. 9.

[5] Б. А. Блиндер. Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 6.

[6] Б. В. Даниэльбек. К вопросу об ответственности за половые преступления по уголовному законодательству Азербайджанской ССР. «Ученые записки Азербайджанского Государственного университета», 1964, № 1, стр. 8.

[7] А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. I, 1955, стр. 629.

[8] М. Д. Шаргородский, Н. А. Беляев. Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, Л., 1962, стр. 234.

[9] М. И. Авдеев. Курс судебной медицины. М., 1959, стр. 497—498; М. Г. Сердюков. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1964, стр. 67,

— половое сношение в преддверии влагалища с семеизвержением или без него.[1]

Половое сношение, совершаемое в извращенных формах, рассматривается в медицине как одна из форм удовлетворения половой страсти, не являющихся половым сношением.

Извращенные формы удовлетворения половой страсти судебная медицина подразделяет на две группы:

— извращение в отношении объекта влечения (гомосексуализм, педофилия, скотоложство, некрофилия, фетишизм);

— извращения в отношении способа удовлетворения половой страсти, к которым относятся введение полового члена в отверстие тела другого человека, биологически для этого не предназначенное, а также формы нормального полового сношения, сопряженные с причинением физических страданий одному из его участников (садизм, мазохизм).

Для рассмотрения понятия полового сношения при изнасиловании имеют значение только случаи, когда извращенные формы удовлетворения половой страсти выражаются в противоестественном половом сношении per os или per anum с лицом женского пола.

Удовлетворение же половой страсти таким же путем с лицом мужского пола закон выделяет в специальный состав мужеложства.

С учетом изложенного следует обратиться к пониманию термина «половое сношение» в действующем уголовном законодательстве. Прежде всего, нужно отметить, что этот термин применяется в уголовном кодексе не только в диспозиции статьи об изнасиловании, но также применительно и к мужеложству. Таким образом, в понятие «половое сношение» уголовный закон вкладывает более широкое содержание, чем это имеет место в медицине.

В качестве доказательства того, что изнасилование предполагает только естественное половое сношение А. Н. Игнатов указывает, что с медицинской точки зрения извращенные формы половых отношений половым сношением не считаются, в связи с чем «по точному смыслу закона противоестественные формы полового сношения не могут признаваться изнасилованием».[1]

---

[1] Н. Г. Шалаев. Судебно-медицинская экспертиза подозреваемого в половом преступлении. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора мед. наук. Горький, 1966, стр. 32.

Между тем, один и тот же термин «половое сношение» не может в уголовном кодексе применяться в статье об изнасиловании к естественному половому сношению, а в статье о мужеложстве—к половому сношению в извращенной форме. Совершенно ясно, что понятие половое сношение охватывает собой как первый, так и второй случаи.

Необходимо учитывать и то, что признание изнасилованием только естественного полового сношения неминуемо влечет за собой ряд серьезных выводов.

Так, при изнасиловании малолетней девочки совершение с ней нормального полового сношения невозможно из-за несоответствия половых органов ее и насильника. Поэтому половое сношение в таких случаях совершается inter femora. Если считать изнасилованием только естественное совокупление, то подобного рода преступления должны квалифицироваться не как изнасилование малолетней, а как развратные действия, несмотря на их значительно бо́льшую общественную опасность.[2]

Что же касается неоднократно встречающихся в судебной практике случаев насильственного полового сношения в извращенной форме с совершеннолетней женщиной, то такого рода преступления, ввиду отсутствия в уголовных кодексах (кроме Украинской и Эстонской ССР) соответствующего состава, должны будут квалифицироваться как хулиганство или нанесение телесных повреждений.

Именно так предлагает квалифицировать подобного рода преступления А. Н. Игнатов, отмечая, что противоестественное половое сношение «должно квалифицироваться не как изнасилование, а по другой статье уголовного кодекса — как злостное хулиганство, сопровождающееся исключительным цинизмом, телесными повреждениями и т. д.».[3]

Авторы Комментария уголовного кодекса под редакцией Б. С. Никифорова тоже считают, что ответственность за насильственное половое сношение в извращенной форме должна устанавливаться в зависимости от того, состав какого преступления в них содержится: тяжкие, менее тяжкие, легкие телесные повреждения или побои.[1]

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 62.

[2] Такого мнения придерживается, в частности М. И. Авдеев (Судебная медицина. М., 1951, стр. 373).

[3] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 64—65.

Подобного рода утверждения противоречат основному принципу классификации преступлений в зависимости от того, на какой непосредственный объект они посягают. Совершение насильственного полового сношения в извращенной форме посягает на тот же непосредственный объект, как и насильственное нормальное совокупление, целью совершения виновным преступления как в том, так и в другом случае является удовлетворение его половой страсти.

Поэтому предложение квалифицировать насильственное половое сношение с совершеннолетней женщиной, если оно совершено в извращенной форме, как злостное хулиганство или нанесение ей телесных повреждений не соответствует ни непосредственному объекту посягательства, ни цели этих общественно опасных сексуальных действий.

Следует учитывать и то обстоятельство, что если рассматриваемые извращенные формы полового сношения квалифицировать как телесные повреждения, то в значительном числе случаев таких телесных повреждений у потерпевшей может или вообще не быть или они будут носить легкий характер.В результате тягчайшее насильственное преступление, представляющее большую общественную опасность или вообще останется безнаказанным или виновный отделается незначительным наказанием за нанесение легких телесных повреждений в виде лишения свободы на срок до одного года или исправительных работ.

П. П. Осипов в подтверждение того, что изнасилование предполагает только естественное половое сношение, отмечает, что в противном случае по статье об изнасиловании подлежала бы наказанию и так называемая «лесбийская любовь», представляющая собой удовлетворение половой страсти в извращенной форме.[2]

В данном случае отождествляется два понятия: более широкое — удовлетворение половой страсти в извращенной форме, включающее в себя все виды половых извращений, и понятие более узкое — половое сношение в извращенной форме, которое имеет точно определенное содержание и к так называемой «лесбийской любви» не применимо.

---

[1] Указ. Комментарий УК РСФСР, стр. 275.

[2] П. П. Осипов. Указ. статья, стр. 153.

А. Н. Игнатов отмечает также, что понятие «половое сношение» в извращенной форме неясно, так как «нет никаких научных критериев» для его определения.[1] Между тем, как было показано выше, это понятие является общепризнанным в судебно-медицинской науке и в его содержание вкладывается совершенно точный смысл, на котором мы уже останавливались.[2]

Следует отметить, что судебная практика Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик исходит из того, что понятие полового сношения при изнасиловании охватывает не только естественное половое сношение, но и его извращенные формы. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28/III 1964 года по делу М. указывается, что «поскольку умысел виновного был направлен на изнасилование, удовлетворение половой страсти путем насильственного совершения полового акта в извращенной форме надлежит квалифицировать как изнасилование».[3]

Когда Московский областной суд признал виновными Г. и П. по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР за изнасилование в извращенной форме, а Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР переквалифицировала действия виновных на ч. 2, ст. 206 УК РСФСР, признав их хулиганскими, то это постановление было отменено Президиумом Верховного Суда РСФСР.

Президиум указал, что Судебная коллегия, изменяя квалификацию, ссылалась на то, что обвиняемые не совершили с потерпевшей полового акта, а допустили действия, отличающиеся исключительным цинизмом. Между тем, удовлетворение половой страсти возможно как путем естественного полового сношения, так и в извращенной форме. Из дела видно, что Г. и П. удовлетворили свою половую страсть путем полового сношения в извращенной форме, применив к потерпевшей угрозы и насилие, в силу чего их действия должны быть квалифицированы как изнасилование.[1]

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 63.

[2] Применительно к ст. 117 и 119 УК РСФСР, под половым сношением в извращенной форме следует понимать удовлетворение полового влечения путем полового сношения с лицами женского пола per anum или per os (Н. Г. Шалаев. Судебно-медицинские обоснования некоторых вопросов разграничения и квалификации половых преступлений. «Вопросы криминалистики и криминологии». Душанбе, 1968, стр. 117).

[3] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1964, № 3, стр. 32—34.

Судебная практика Таджикской ССР также считает изнасилованием принудительное половое сношение, независимо от того, в какой форме оно было совершено — в естественной или в извращенной.

Таким образом, следует прийти к выводу, что термин «половое сношение», применяемый в уголовном кодексе в диспозиции составов изнасилования и мужеложства трактуется шире чем в медицине, и что под половым сношением закон понимает не только естественное совокупление мужчины и женщины, но и извращенные формы полового акта.[2]

Возникает вопрос — не следует ли выделить насильственное удовлетворение половой страсти в извращенной форме в специальный состав, как это сделано в УК Украинской и Эстонской ССР.

Такое предложение неоднократно выдвигалось в литературе.[3] Оно также поддержано и Пленумом Верховного Суда РСФСР, который при обсуждении в августе 1967 года вопроса о выполнении судами республики постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года решил войти в Президиум Верховного Совета РСФСР с представлением о необходимости законодательного решения вопроса о квалификации действий лиц, совершивших насильственное удовлетворение половой страсти в извращенных формах.[4]

Мы считаем, что включение в уголовные кодексы специальной статьи о насильственном удовлетворении половой страсти в извращенных формах необходимостью не вызывается.

Этот вид насильственных сексуальных действий представляет не меньшую общественную опасность, чем совершение насильственного полового сношения естественным путем. Оно причиняет не меньший моральный, а при половом сношении per anum и физический вред, чем естественное совокупление.

---

[1] Сборник Постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963. М., 1964, стр. 261—262.

[2] В новом уголовном кодексе ГДР от 12 января 1968 г. извращенные формы полового сношения, с нашей точки зрения, удачно названы «действиями, подобными половому сношению».

[3] См. П. П. Осипов. Указ. статья, стр. 152—155, А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 65.

[4] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 12, стр. 8.

Кроме того, совершение полового сношения в извращенной форме свидетельствует о крайнем цинизме и развращенности виновного. Общественная опасность такого лица ничуть не меньше, чем в случаях, когда насильственное половое сношение совершено естественным путем. Следует учитывать и то, что изнасилование в извращенной форме встречается в судебной практике относительно часто. Так, по изученным нами делам такие формы полового сношения имели место в 12%.

Все изложенное приводит к выводу, что включение в уголовные кодексы союзных республик специального состава о насильственном удовлетворении половой страсти в извращенных формах с меньшей санкцией, чем за изнасилование, является нецелесообразным и не будет способствовать успешной борьбе с половыми преступлениями.

Вместе с тем, для внесения ясности в понятие полового сношения при изнасиловании следует в диспозицию статьи об изнасиловании внести изменение, указав в ней что изнасилованием считается «половое сношение как в естественной, так и в извращенной форме с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей».

Половое сношение, как уже отмечалось, становится изнасилованием лишь в тех случаях, когда для его осуществления применяются указанные в законе противоправные способы.

Эти способы подразделяются на два вида:

— активные действия, направленные на подавление воли потерпевшей;

— умышленное создание или использование обстоятельства, лишающего потерпевшую возможности выразить свою волю, осознать сущность происходящего либо оказать сопротивление насильнику.

К первому виду относятся физическое насилие и угроза. Ко второму — использование беспомощного состояния потерпевшей, которое, как отмечалось, представляет самостоятельный состав изнасилования.

Половое сношение, достигнутое иным путем, кроме указанных, нельзя считать изнасилованием. К понятию изнасилования прямо применимо указание Б. С. Никифорова о том, что ущерб, нанесенный охраняемому законом объекту, может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется свойствами самого объекта.[1]

Судебная практика твердо придерживается точки зрения, что если домогательство на совершение полового акта не связано с применением физического насилия, угрозы или использования беспомощного состояния потерпевшей, то оно не может рассматриваться ни как изнасилование, ни как покушение на его совершение. Так, народный суд Центрального района г. Омска оправдал гр. К., привлеченного к уголовной ответственности по ст. 15 и ч. 1 ст. 117 УК РСФСР. По протесту прокурора Президиум Омского областного суда отменил указанный приговор за необоснованностью оправдания, и дело направил на новое рассмотрение. Отменяя это постановление, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что вывод Президиума облсуда о том, что К. имел умысел на изнасилование Д., но по причинам, не зависящим от него, не смог осуществить преступное намерение, является неправильным. Обстоятельства дела свидетельствуют о том, что К. действительно склонял Д. к вступлению с ним в близкие отношения и всячески домогался этого. Однако изнасиловать ее не пытался. Кроме того, по делу было установлено, что сама обстановка происшедшего, когда в смежной комнате находилось двое взрослых людей, исключала реальную попытку изнасилования и поэтому осужденный мог рассчитывать на вступление в близкие отношения с Д. только с ее согласия.

Исходя из указанного, Судебная коллегия оставила в силе приговор народного суда в части оправдания К. по ст. 15 и ч. 1 ст. 117 УК РСФСР.[2]

Как уже отмечалось, ответственность за изнасилование, в отличие от других видов половых преступлений, установлена с 14-летнего возраста.

В связи с этим возникает вопрос о том, имеет ли значение для привлечения к ответственности за покушение на изнасилование или участие в групповом изнасиловании то обстоятельство, что подросток, в силу недостаточного физического развития, неспособен еще к совершению полового акта.

---

[1] См. Б. С. Никифоров. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960, стр. 137.

[2] Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Уголовной коллегии Верховного Суда РСФСР, 1961—1963 гг., М., 1964, стр. 263—264.

Л. А. Андреева утверждает, что если это обстоятельство установлено судебно-медицинской экспертизой в отношении лица до шестнадцатилетнего возраста, совершившего покушение на изнасилование, то оно привлечению к уголовной ответственности не подлежит. По мнению автора, действия подростка носят лишь внешний характер покушения на изнасилование, а по существу должны быть квалифицированы как хулиганство или нанесение легких телесных повреждений, так как у субъекта не было умысла на удовлетворение своего полового чувства путем совершения полового акта. Если же такой подросток привлечен к ответственности за участие в групповом изнасиловании, его действия нужно рассматривать как соисполнительство и квалифицировать как изнасилование.[1]

С указанным утверждением согласиться нельзя, прежде всего потому, что для квалификации действий субъекта как покушение на изнасилование решающее значение имеет направленность его умысла, а не способность или неспособность к половому сношению. Кроме того, утверждение Л. А. Андреевой, что недостаточное физическое развитие несовершеннолетнего, в частности неспособность к совершению из-за этого полового акта, исключает направленность умысла на удовлетворение таким путем своего полового чувства и противоречит данным современной физиологии, согласно которым половое влечение у подростков пробуждается обычно раньше, чем физиологическая возможность его удовлетворения путем полового сношения.

Мы считаем, что несовершеннолетние, достигшие четырнадцатилетнего возраста, могут быть субъектами изнасилования, независимо от того, способны они уже в силу своего физического развития к совершению полового акта или нет.[2]

При рассмотрении вопроса о субъекте половых преступлений отмечалось, что непосредственным исполнителем изнасилования может являться только мужчина.

---

[1] Л. А. Андреева. Указ. канд. дисс., стр. 144—145.

[2] Такого же мнения придерживается и А. Н. Игнатов (указ. работа, стр. 18).

Поэтому возникает вопрос о том, как должны квалифицироваться действия женщины в тех случаях, когда она принимала участие в групповом изнасиловании.

Л. А. Андреева полагает, что, ввиду того, что по действующему законодательству, женщина не может быть исполнителем изнасилования, ее участие в совершении этого преступления во всех случаях следует квалифицировать ссылкой на ст. 17 УК РСФСР.[1]

Такого же мнения ранее придерживался А. Н. Игнатов, отмечавший, что субъектом изнасилования может быть только лицо мужского пола, достигшее четырнадцатилетнего возраста, а женщина может выступать только соучастником изнасилования, например, подстрекателем или пособником.[2] Однако впоследствии он свое мнение изменил и в монографии о половых преступлениях пришел к правильному выводу, что с точки зрения юридической оценки фактов нет никакой разницы между действиями мужчины, физически принуждавшего потерпевшую к совершению полового акта с другим лицом, и аналогичными действиями женщины. И в том, и в другом случае имеет место соисполнительство с разделением ролей, когда состав преступления выполняется совокупными действиями двух или нескольких лиц.[3]

Мы полагаем, что ответ на рассматриваемый вопрос дан в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года, в соответствии с которым как групповое изнасилование подлежат квалификации не только действия лиц, совершивших насильственный половой акт, но и действия лиц, способствующих применению насилия к потерпевшей. Это разъяснение исходит из того, что соисполнителями преступления считаются лица, которые в той или иной части непосредственно выполняют действия, образующие данный состав преступления.

Однако, ввиду того, что рассматриваемый вопрос продолжает вызывать споры, Пленум Верховного Суда РСФСР в результате рассмотрения в августе 1967 года вопроса о выполнении судами РСФСР указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда СССР внес в

---

[1] Л. А. Андреева. Указ. канд. дисс., стр. 213.

[2] См. Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1965, стр. 191.

[3] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 108.

Верховный Суд СССР представление о дополнении Постановления Пленума от 25 марта 1964 года разъяснением по вопросу о квалификации действий женщины, содействующей изнасилованию путем применения насилия к потерпевшей.[1]

Изложенное дает возможность предложить следующее общее определение изнасилования, применимое ко всем его составам.

Изнасилование — это противоправное половое сношение с женщиной, совершенное в естественной или извращенной форме, в результате подавления сопротивления потерпевшей путем физического или психического насилия (угрозы), либо умышленного создания или использования обстоятельств, в силу которых потерпевшая не может выразить свою волю, осознать сущность происходящего или оказать сопротивление насильнику.

* * *

Общее понятие изнасилования в нашем уголовном праве характеризуется следующими особенностями:

1. Потерпевшим от изнасилования лицом может быть только женщина, причем ни ее возраст, ни моральный облик, ни отношение к субъекту для признания его действий изнасилованием значения не имеют.

2. Обязательным признаком объективной стороны изнасилования является половое сношение с потерпевшей или покушение на его совершение.

3. Применяемый в уголовных кодексах союзных республик термин «половое сношение» следует понимать шире, чем в медицине, где половым сношением признается только естественное совокупление.

Поэтому понятие полового сношения в составе изнасилования охватывает как естественный половой акт, так и извращенные его формы.

4. Ввиду того, что совершение насильственного полового сношения в извращенной форме представляет не меньшую общественную опасность, чем насильственное естественное совокупление и свидетельствует об особом цинизме и развращенности виновного, включение в уголовные кодексы специального состава о насильственном удовлетворении половой страсти в извращенной форме с меньшей санкцией, чем за изнасилование является не-

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 12, стр. 8.

целесообразным и не будет способствовать успешной борьбе с половыми преступлениями.

Для внесения же большей ясности в понятие полового сношения при изнасиловании следует в диспозиции этой статьи указать, что изнасилованием считается половое сношение как в естественной, так и в извращенной форме с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

5. Половое сношение считается изнасилованием лишь в тех случаях, когда для его осуществления применяются указанные в законе противоправные способы (физическое насилие, угроза) или используется то обстоятельство, что потерпевшая в силу своего возраста, психического состояния или сложившейся ситуации лишена возможности проявить свою волю. Половое сношение, достигнутое иным путем, изнасилованием считать нельзя.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ФИЗИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ ИЛИ УГРОЗЫ

Понятие физического насилия как способа действия при изнасиловании имеет большое значение ввиду того, что и в случае добровольного полового сношения, когда оно совершается впервые, мужчине обычно приходится преодолевать сопротивление женщины.

Такое сопротивление и связанная с ним борьба зачастую носит мнимый характер и служит прикрытием желения женщины вступить в близкие отношения, либо является следствием ее стыдливости или боязни сближения, соединенной с желанием, иногда и неосознанным, уступить домогательствам.

Поэтому вопрос о физическом насилии при изнасиловании тесно связан с вопросом о сопротивлении женщины насилию и требованиями, которые к этому сопротивлению предъявляются. Эти требования в разные исторические периоды были различными.

Так, по древнегерманскому праву женщина, подвершаяся изнасилованию, должна была не только сопротивляться этому всеми имеющимися у нее силами, но и обязана была немедленно сообщить о совершенном над ней насилии первому встречному. При этом внешний вид потерпевшей должен был после изнасилования остаться неизмененным и свидетельствовать о том сопротивлении, которое она оказывала, обороняя свою честь.

Из этих же положений исходило законодательство и в период господства формальной теории доказательств. В уголовных кодексах того времени в отношении поведения потерпевшей от изнасилования устанавливались особые правила — чтобы она кричала, звала на помощь, немедленно заявила о происшедшем и т. д.

Так, австрийское уголовное уложение 1787 года карало изнасилование только в тех случаях, когда оно было выполнено посредством связывания женщины, угрозы смертоносным оружием или при совместном участии нескольких лиц.

В современных уголовных кодексах никаких специальных требований к сопротивлению потерпевшей от изнасилования не предъявляется.

В теории же уголовного права вопрос о характере сопротивления решается по-разному.

Например, в русской дореволюционной литературе и в советской литературе 20-х годов отмечалось, что сопротивление в рассматриваемых случаях не только должно быть серьезным, но и пропорциональным силам женщины, а главное непрерывным, т. е. продолжаться до осуществления полового сношения. А. А. Жижиленко писал, что «сопротивление, где оно еще возможно, должно быть действительным, а не мнимым, делаемым лишь для видимости, притворным; оно должно быть вместе с тем серьезным, т. е. должно быть пропорциональным силам женщины, оно наконец должно быть непрерывным до самого акта совокупления.»[1]

Такого же мнения придерживались И. Я. Фойницкий, П. И. Люблинский[2] и ряд других юристов.

Небезынтересно отметить, что на этой же точке зрения стоят в настоящее время некоторые судебные медики. Так, М. И. Авдеев пишет, что сопротивление при изнасиловании должно быть непрерывным, т. е. иметь место до самого полового акта (если потерпевшее лицо не обессилело ранее). Если жертва сначала сопротивлялась, а потом уступила, то, по мнению автора, «речь может идти только о покушении на изнасилование».[1]

---

[1] А. А. Жижиленко. Преступления против личности. М.-Л., 1927, стр. 115.

[2] И. Я. Фойницкий. Указ. работа, стр. 147; П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 59,

Иной точки зрения на характер сопротивления при изнасиловании придерживается большинство современных исследователей. Б. А. Блиндер указывает, что для признания сопротивления действительным достаточно установить, что женщина сделала все, что она считала возможным в сложившейся ситуации для отражения посягательства и что ее нежелание вступить в половую связь было явным для насильника.[2] М. Н. Хлынцов тоже полагает, что понятие действительного сопротивления не следует смешивать с понятием интенсивности и непрерывности сопротивления, так как во многих случаях необычность обстановки, опасение за свою жизнь, неуверенность в своих силах и в возможности преодоления насилия могут парализовать волю потерпевшей и вынудить ее уступить домогательствам без оказания интенсивного сопротивления.[3]

С этими соображениями следует согласиться. Для установления факта сопротивления женщины достаточно того, чтобы оно выражалось в такой форме, чтобы у виновного не могло бы остаться сомнений в нежелании потерпевшей вступить с ним в половую связь.

Для установления, носило ли сопротивление действительный или мнимый характер большое значение имеет та обстановка, в которой произошло изнасилование, а также предшествовавшие этому взаимоотношения обвиняемого и потерпевшей. В тех случаях, когда они до этого не были знакомы и нападение на потерпевшую произошло внезапно, любая интенсивность ее сопротивления, бесспорно, свидетельствует о насильственном характере действий виновного, в то время, как сопротивление такой же интенсивности со стороны женщины, с которой обвиняемый был ранее знаком, распивал спиртные напитки, целовался и т. п., может быть воспринято им как мнимое.

В судебной практике нередки случаи, когда потерпевшая оказывает насильнику весьма активное сопротивление, используя для этого не только свою физическую силу, но и различного рода уловки.

---

[1] М. И. Авдеев. Судебная медицина. М., 1953, стр. 445.
[2] Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 7.
[3] М. Н. Хлынцов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 7—8.

Так, по делу по обвинению Ш. в покушении на изнасилование К. было установлено, что обвиняемый, возвращаясь вечером в нетрезвом состоянии, встретил недалеко от кладбища потерпевшую, которая шла на работу. Он остановил ее и, повалив на землю, пытался изнасиловать. Потерпевшая начала уговаривать Ш., чтобы он отпустил ее и пошел к ней домой, так как она живет одна и сможет спокойно вступить с ним там в близкие отношения. Ш. согласился и пошел с потерпевшей, которая привела его в отделение милиции.

По делу по обвинению Х. по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК было установлено, что потерпевшая К. попросила его подвезти ее на своем мотоцикле до школы кишлака Бадорхон. Обвиняемый посадил К. в мотоцикл и по дороге, остановив его в горах, предложил ей вступить с ним в половую связь. Когда потерпевшая категорически от этого отказалась, Х. схватил ее за руки, свалил на землю и пытался изнасиловать, закрыв ей рот рукой и угрожая убийством. В это время потерпевшая в лежачем положении взяла свободной рукой оказавшийся рядом камень и ударила им Х. по голове, после чего, воспользовавшись его замешательством, вырвалась и убежала.

Весьма необычайный метод сопротивления был применен потерпевшей К. Последняя дала согласие своему знакомому Р. поехать на взятой им на прокат автомашине на прогулку. По дороге, остановив машину в пустынной местности, Р. предложил потерпевшей вступить с ним в половую связь, откинув для этого предварительно спинку сидения. Когда же К.отказалась от этого, Р. пытался ее изнасиловать. В процессе борьбы К. схватила рукой половой член Р. и, сильно сжав его, заставила обвиняемого завести автомашину и следовать на ней обратно в г. Душанбе, на что Р. под влиянием сильной боли был вынужден согласиться. По дороге Р. упрашивал потерпевшую отпустить его, предлагал ей даже за это деньги, но она заставила Р. повезти ее в судебно-медицинскую экспертизу. Приехав во двор бюро судебно-медицинской экспертизы, К., не выходя из машины, попросила вызвать дежурного по управлению милиции, которое расположено рядом с бюро, и только после его прихода выпустила из рук половой член обвиняемого.

Приговором народного суда Ленинского района Р. был осужден по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК к 3 годам лишения свободы.

Физическое насилие как способ действия при изнасиловании должно иметь своей целью совершение насильственного полового сношения с потерпевшей. Это обстоятельство было специально подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 2 декабря 1960 года «О некоторых вопросах судебной практики по делам об изнасиловании». В нем отмечалось, что при разрешении дел о покушении на изнасилование с применением физического насилия суды должны во всех случаях устанавливать, действовал ли подсудимый с целью совершения полового акта и явилось ли примененное им насилие средством для достижения этой цели.[1]

Насилие должно быть направлено на подавление сопротивления потерпевшей для совершения с ней полового акта. Поэтому, если женщина вступила в половую связь добровольно, но в процессе полового сношения подверглась истязаниям (проявление садизма), то действия виновного подлежат квалификации не как изнасилование, а в соответствии с тяжестью нанесенных потерпевшей телесных повреждений или же если они носили систематический характер — как истязание.

По своему характеру насилие может заключаться либо в непосредственном воздействии на телесную неприкосновенность потерпевшей, либо в применении для подавления ее сопротивления различного рода предметов (например, веревки для связывания рук), либо в использовании для этого помощи третьих лиц.

Судебные медики вообще отрицают возможность изнасилования взрослой женщины одним лицом, если она оказывает действительное сопротивление. «При приблизительно равном физическом развитии возможность изнасилования женщины одним мужчиной маловероятна, если только женщина не была вынуждена к этому угрозами, боязнью за свою жизнь»,— отмечает М. И. Авдеев.[2] Такого же мнения придерживается и ряд других авторов.[1] Однако они не учитывают при этом таких факторов, как внезапность нападения, испуг потерпевшей, которые могут парализовать ее способность к сопротивлению.

---

[1] Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1958—1960 гг., М., 1961, стр. 31.

[2] М. И. Авдеев. Судебная медицина, М., 1960, стр. 384.

Ввиду того, что сопротивление потерпевшей при применении к ней физического насилия чаще всего сопровождается борьбой, на теле и одежде потерпевшей и насильника обычно остаются вызванные ею повреждения.

В соответствии с данными судебной медицины типичные при изнасиловании повреждения обычно располагаются на внутренней поверхности бедер, на лобке, в окружности половых органов, иногда на плечах и предплечьях при удерживании жертвы за руки, в области шеи при сдавливании ее руками или на груди.[2]

Ввиду того, что нанесение телесных повреждений составляет самостоятельный состав преступления, в судебной практике возникал вопрос о том — следует ли квалифицировать такие повреждения по совокупности или же они входят в состав изнасилования. Этот вопрос был исчерпывающе решен постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года, в соответствии с которым изнасилование или покушение на него, сопровождавшееся причинением потерпевшей легких или менее тяжких телесных повреждений, подлежит квалификации только по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР. Если же были причинены телесные повреждения, повлекшие особо тяжкие последствия, действия виновного должны квалифицироваться по ч. 3 той же статьи. Дополнительная квалификация в таких случаях не требуется, так как применение насилия и связанное с этим причинение вреда здоровью потерпевшей охватываются диспозицией статьи уголовного кодекса об ответственности за изнасилование.

Разумеется, указанное не относится к случаям, когда телесные повреждения были причинены потерпевшей после ее изнасилования. Так, по делу по обвинению Н.

---

[1] С. Э. Гофман. Учебник судебной медицины. СПб. 1908, стр. 114; К. Эммерт. Руководство судебной медицины. СПб., 1901, стр. 419; В. Штольц. Руководство к изучению судебной медицины для юристов. СПб., 1885, стр. 193; Д. П. Косоротов. Учебник судебной медицины. М.-Л., 1931, стр. 245; Н. В. Попов. Судебная медицина. М., 1950, стр. 337; М. Г. Сердюков. Указ. работа, стр. 88.

[2] М. И. Авдеев. Указ. работа, стр. 384—385; М. Г. Сердюков. Указ. работа, стр. 89—91.

было установлено, что после того, как он изнасиловал потерпевшую К. и начал удаляться с места происшествия, она стала звать на помощь. Тогда обвиняемый возвратился и, ударив К. камнем по голове, нанес ей менее тяжкие телесные повреждения. Следственные органы и суд Октябрьского района г. Душанбе совершенно правильно квалифицировали действия виновного по совокупности как изнасилование и нанесение менее тяжких телесных повреждений.

К физическому насилию как способу совершения изнасилования закон приравнивает также и психическое насилие в форме угрозы.

Термин угроза понимается в действующем уголовном праве различно.

Во-первых, угроза является одним из способов обнаружения умысла на совершение определенного преступления. В таких случаях она сама по себе составляет состав преступления, только если это предусмотрено законом.

В проекте уголовного кодекса РСФСР 1922 года содержалась статья, устанавливающая ответственность за угрозу совершения преступления. Однако ВЦИК РСФСР при принятии кодекса эту статью из него исключил.[1]

В действующих уголовных кодексах союзных республик в качестве самостоятельного состава, предусмотрена, в частности, угроза совершения убийства, нанесения тяжких телесных повреждений или уничтожения имущества общеопасным способом, если имелось основание опасаться ее осуществления (ст. 221 УК).[2]

Во-вторых, уголовное право понятие угрозы применяет в смысле психического насилия. В этом случае угроза рассматривается как противоправное средство воздействия на психику потерпевшего с целью подавить его сопротивление путем запугивания тем, что если он не согласится на домогательства виновного, то ему или его близким будет причинен серьезный физический, моральный или материальный вред.

В свою очередь, угроза как психическое насилие применяется:

---

[1] А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, стр. 504.

[2] Угроза этим же по отношению к должностному лицу или общественному работнику предусмотрена ст. 206 УК.

— во-первых, как способ действия для осуществления намерений виновного, предусмотренный объективной стороной состава преступления. В таких случаях угроза предполагает возможность немедленного ее осуществления. В этом смысле понятие угрозы включено в составы разбоя, изнасилования и мужеложства;

— во-вторых, как предусмотренное объективной стороной состава средство понуждения для выполнения потерпевшим определенных действий (бездействия). В этих случаях осуществление угрозы предполагается в будущем, если требование виновного не будет выполнено добровольно. В указанном смысле угроза применяется при понуждении женщины к половому сношению, вымогательстве и т. п.

По своему содержанию угроза как психическое насилие подразделяется:

— на угрозу применения насилия;

— на угрозу оглашения позорящих потерпевшего или его близких сведений или истребления имущества (в некоторых составах указывается, что такое истребление должно быть произведено общеопасным способом);

— на угрозу, содержание которой в диспозиции соответствующей статьи УК не раскрыто, в частности, это имеет место в составе изнасилования.

По форме проявления различается:

— угроза на словах;

— угроза жестами. В этом случае угроза не обязательно должна сопровождаться насилием, например, виновный вынимает нож и подносит его к телу потерпевшей. Однако могут быть случаи, когда угроза сопровождается и насильственными действиями. Так, при изнасиловании виновный охватывает руками шею потерпевшей и заявляет, что если она будет сопротивляться он ее задушит. По своему характеру такие действия являются угрозой применения более серьезных мер насилия, а по форме проявления одновременно угрозой как выраженной на словах, так и осуществляемой жестами.

А. Н. Игнатов считает, что угроза может вытекать из создавшейся обстановки.[1] Создавшаяся обстановка, безусловно, оказывает большое психическое воздействие на потерпевшую. Однако без того, чтобы виновный словами или жестами не выразил свою угрозу, потерпевшая не может знать ни о намерениях виновного, ни того, чем он собирается угрожать ей.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 70—73.

Для того чтобы угроза являлась психическим насилием, она должна отвечать следующим требованиям:

— по своему характеру являться противоправной;

— по содержанию быть серьезной, т. е. угрожать жизни, здоровью потерпевшей или близких ей лиц, либо другим важным личным или имущественным интересам;

— по внешнему проявлению выражаться достаточно интенсивно с тем, чтобы не оставалось сомнений, что угрожающий намерен ее осуществить. В связи с этим А. А. Жижиленко правильно отмечал, что угроза «должна достигнуть такой степени своей интенсивности, что действительно становится равносильной физическому насилию над личностью»;[1]

— по возможности своего осуществления угроза должна быть реальной в том смысле, что лицо, к которому она обращена, должно быть убеждено в том, что таковая будет осуществлена.

Все эти общие требования, относящиеся к угрозе, как к психическому насилию, полностью применимы и к угрозе при изнасиловании. Однако некоторые вопросы, относящиеся к особенностям такой угрозы, в связи с тем, что это понятие в диспозиции рассматриваемого состава не раскрывается,[2] в литературе вызывают споры. Сюда относится, прежде всего, вопрос о содержании угрозы.

Ряд авторов считает, что угроза как способ действия при изнасиловании не обязательно должна являться угрозой физического насилия, а ею может быть также и угроза шантажного характера или истребления имущества.[3]

---

[1] А. А. Жижиленко. Преступления против личности. М.-Л., 1927, стр. 115.

[2] Исключение составляет УК Эстонской ССР, который в ст. 115 об изнасиловании предусматривает «Угрозу насилием».

[3] Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 7—8; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955, т. 1, стр. 630; М. Д. Шаргородский, в Комментарии УК РСФСР, Л., 1962, стр. 234; М. Н. Хлынцов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 8.

Так, Б. А. Блиндер полагает, что отсутствие в ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статьях УК союзных республик указания на характер угрозы свидетельствует о том, что закон имеет в виду при изнасиловании угрозу любого характера, способную подавить волю женщины к сопротивлению, в том числе огласить позорящие потерпевшую сведения или уничтожить ее имущество.[1]

Ю. К. Сущенко считает, что угрозы шантажного характера не являются признаком изнасилования взрослых женщин, однако их следует признавать таковыми, когда угрозы высказываются в отношении несовершеннолетних. Аналогично следует, по его мнению, расценивать и угрозы причинить вред самому себе в случаях, если они исходят от лица близкого и дорогого для потерпевшей, например, отец грозит покончить жизнь самоубийством в случае отказа несовершеннолетней дочери вступить с ним в половую связь.[2]

Согласно другой точке зрения, угроза как способ действия при изнасиловании по своему содержанию ограничивается только физическим насилием. Так, А. Н. Игнатов пишет, что толкование ст. 117 УК не дает основания считать, что содержание угрозы при изнасиловании не исчерпывается таким насилием. Кроме того, он утверждает, что в случаях шантажа нет для женщины безвыходного положения и она не лишается возможности проявить свою волю. «Можно прийти к выводу,— пишет он,— что женщина, согласившаяся на половую связь под угрозой разглашения о ней позорящих сведений, не очень дорожит своей половой свободой».[3] По мнению автора, значительно более опасный характер носит угроза истребления имущества, особенно путем поджога, но воля и в этих случаях не парализуется, и женщина в безвыходном положении не оказывается.[4]

Мы также считаем, что содержанием угрозы как способа действия при изнасиловании может быть только физическое насилие, но не потому, что угроза шантажного характера не ставит женщину в безысходное положение, а по следующим соображениям.

---

[1] Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 8.

[2] Ю. К. Сущенко. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 10.

[3] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 74.

[4] Там же.

Особенностью угрозы шантажного характера является то, что она может быть приведена в исполнение только в будущем. Между тем, в составе изнасилования угроза приравнена к насилию. Это значит, что она по своему характеру должна быть непосредственной и виновный должен иметь возможность немедленно ее осуществить.[1]

Мы не можем согласиться с Б. А. Блиндером, полагающим, что дело не в том, когда субъект может выполнить свою угрозу, а в том, чтобы эта угроза была настолько серьезна, реальна, интенсивна, что подавила волю женщины к сопротивлению и заставила ее пожертвовать своей половой свободой.[2]

Непосредственной же может быть только угроза физическим насилием, т. е. причинением серьезного вреда здоровью или жизни.

Таким образом, вопрос о характере угрозы и времени её осуществления взаимосвязаны.

Если стать на точку зрения, что угроза должна быть непосредственной, т. е. виновный имеет возможность ее немедленно привести в исполнение, то это тем самым означает, что такая угроза по своему содержанию должна ограничиваться физическим насилием. Угрозы же шантажного характера или истребления имущества, как отмечалось выше, для своего осуществления требуют определенного промежутка времени и поэтому непосредственными считаться не могут.

Подобного рода угроза, осуществление которой возможно только в будущем, служит противоправным средством понуждения к выполнению определенного действия. В рассматриваемых нами случаях таким действием является половое сношение. Если под влиянием угрозы, подлежащей осуществлению в будущем, женщина согласилась на половое сношение, действия субъекта, по нашему мнению, изнасилованием считать нельзя.

Следует согласиться с высказанными в литературе предположениями дополнить состав понуждения женщины к вступлению в половую связь указанием на понуждение ее к этому путем угрозы истребления имущества или сообщения о ней и о ее близких позорящих сведений.[1]

---

[1] Такого же мнения придерживается П. П. Осипов (указ. автореф. канд. дисс., стр. 8) и авторы Комментария уголовного кодекса РСФСР под ред. Б. С. Никифорова (стр. 277).

[2] Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., 7—8.

Вместе с тем, вряд ли целесообразно выделять такие случаи понуждения к вступлению в половую связь в самостоятельный состав, как это предлагает Л. А. Андреева.[2]

С учетом того, что угроза при изнасиловании должна носить непосредственный характер, следует решать и вопрос о возможности осуществления угрозы, относящейся к лицам, близким потерпевшей. Такая угроза возможна только в том случае, если лица, в отношении которых она высказана, находятся на месте преступления, и содержание этой угрозы может быть осуществлено немедленно. Поэтому в судебной практике такие случаи встречаются очень редко, а в изученных нами делах их вообще не было.

Отмеченная зависимость между временем осуществления угрозы при изнасиловании и ее содержанием прямо предусматривается в составах изнасилования в ряде уголовных кодексов социалистических стран. Например, § 241 УК Чехословакии говорит об угрозе «непосредственного применения насилия». Аналогичным образом характеризуется угроза в уголовных кодексах Венгрии (§ 276) и ГДР (§ 121).

Такое же понимание угрозы содержится и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года. Пункт 5 указанного постановления гласит, что «под угрозой, применяемой как средство подавления сопротивления потерпевшей в целях ее изнасилования, следует понимать запугивание потерпевшей такими действиями или высказываниями, которые выражали намерение немедленного применения физического насилия к самой потерпевшей или к ее близким родственникам (например, к ее детям)».

* * *

Физическое насилие и угроза при изнасиловании отличаются следующими особенностями:

---

[1] См. А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 75.

[2] Л. А. Андреева. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 9.

1. Насилие при изнасиловании всегда предполагает преодоление сопротивления потерпевшей.

Для признания наличия сопротивления не обязательно, чтобы оно носило непрерывный характер и отличалось высокой интенсивностью. Достаточно, чтобы сопротивление было выражено в форме, не оставляющей сомнения в нежелании потерпевшей вступить в половую связь с виновным.

Большое значение для установления того, носило ли сопротивление действительный или мнимый характер, имеет обстановка, в которой произошло половое сношение, а также предшествовавший ему характер взаимоотношений между потерпевшей и обвиняемым.

2. По своему характеру физическое насилие может заключаться в непосредственном воздействии на телесную неприкосновенность потерпевшей либо в применении для подавления ее сопротивления оружия и различных предметов или же использования для этого помощи третьих лиц.

3. В случаях, когда потерпевшей в результате преодоления ее сопротивления были нанесены телесные повреждения любой тяжести, квалификации действий виновного по совокупности не требуется, так как возможность причинения таковых охватывается диспозицией статьи об изнасиловании.

4. Угроза как способ действия при изнасиловании должна удовлетворять следующим требованиям:

— быть противоправной:
— серьезной;
— достаточно интенсивной;
— реальной.

5. Угроза по своему характеру должна быть непосредственной, т. е. могущей быть немедленно приведенной в исполнение, если потерпевшая не уступит домогательствам виновного.

Это означает, что по своему содержанию такая угроза ограничивается физическим насилием, ввиду того, что угроза шантажного характера или истребления имущества для своего осуществления требует определенного промежутка времени.

Аналогично решается вопрос и в отношении характера и содержания угрозы, относящейся к близким потерпевшей лицам.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ ПОТЕРПЕВШЕЙ

Специальным составом, посягающим на половую неприкосновенность женщины, является изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Беспомощным признается такое состояние, при котором потерпевшая не могла понимать характера и значения совершаемых с нею действий или, понимая происходящее, не имела возможности оказать сопротивление в силу своего физического состояния или особой ситуации, в которой она очутилась.

В соответствии с этим беспомощное состояние может быть подразделено на несколько видов.

Так, Л. А. Андреева предлагает следующую классификацию рассматриваемого состояния при изнасиловании:

— бессознательное состояние, к которому примыкает душевная болезнь, когда лицо не отдает отчета в своих действиях и не может руководить ими;

— состояние физической беспомощности (болезнь);

— состояние, при котором беспомощность потерпевшей обусловлена обстановкой. К нему автор относит, в частности, групповое изнасилование в уединенном месте.[1]

А. Н. Игнатов, отмечая, что данная классификация правильно характеризует основные виды беспомощного состояния, указывает, что в ней не предусмотрено изнасилование малолетних девочек, не охватываемое ни одним из предложенных видов.

Кроме того, он считает, что при групповом изнасиловании в уединенном месте «скорее следует говорить об угрозе, вытекающей из обстановки, а не о беспомощном состоянии потерпевшей»[2]

Мы полагаем, что в основу рассматриваемой классификации должен быть положен характер беспомощности потерпевшей.

Исходя из этого, беспомощное состояние при изнасиловании можно подразделить:

а) на психическую беспомощность, при которой потерпевшая не понимает значения совершаемого с ней полового акта. К ней относятся:

---

[1] Андреева. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 9.

[2] А. Н. Игнатов, Указ. работа, стр. 78.

— душевная болезнь;

— бессознательное состояние;

— малолетний возраст;

б) на физическую беспомощность, при которой потерпевшая хотя и понимает, что с ней совершают половой акт, но не в состоянии оказать этому сопротивление. К этому виду беспомощности относится:

— болезнь потерпевшей (не связанная с расстройством душевной деятельности);

— физические недостатки;

— престарелый возраст;

— физическая беспомощность в результате сложившейся ситуации.

В связи с этим следует отметить неточность отнесения в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года «физических недостатков и болезненного состояния, не связанного с расстройством душевной деятельности», к случаям, когда потерпевшая не могла понимать характера и значения совершаемых с нею действий. Такие виды беспомощного состояния не исключают способности лица понимать значение совершаемых с ним действий, но не дают ему возможности оказать сопротивление виновному в силу своего физического состояния.

Причины возникновения беспомощного состояния подразделяются на независящие от действий виновного и на явившиеся следствием его умышленных действий, направленных на то, чтобы потерпевшая оказалась в беспомощном состоянии.

В русской дореволюционной литературе высказывалось мнение, что совершение полового сношения с лицом, оказавшимся в беспомощном состоянии по причинам, независящим от виновного, нельзя считать изнасилованием. Так, И. Я. Фойницкий считал, что в таких случаях нет насилия, как средства принуждения женщины, и поэтому нет и состава изнасилования.

Критикуя указания сената на то, что для состава изнасилования безразлично, лишилась ли жертва возможности сопротивляться вследствие борьбы с насильником или в силу каких-либо иных обстоятельств, предшествовавших изнасилованию, он отмечал, что распространение на такие случаи общего понятия изнасилования представляется натяжкой, ибо бессознательное и беспомощное состояние жертвы образовалось, помимо деятельности виновного.[1]

Этого же мнения придерживался и С. В. Познышев, считавший, что понятие изнасилования не следует распространять на случаи полового акта без согласия женщины, но и без насилия, за исключением тех случаев, когда женщина в такое состояние была приведена намеренно.[2]

Указанная точка зрения была оспорена П. И. Люблинским. полагавшим, что характер преступления не меняется от того, была ли потерпевшая приведена в беспомощное состояние насильником или находилась в нем, независимо от его участия.[3]

Следует отметить, что уголовные кодексы некоторых капиталистических стран проводят различие между случаями, когда женщина была приведена в беспомощное состояние самим обвиняемым и когда она находилась в таковом без его участия.

Первый случай квалифицируется, как особый вид изнасилования, а второй выделяется в особый состав с более мягкой санкцией. В частности, так решается вопрос в уголовном кодексе Швейцарии (ст. ст. 187, 189) и Дании (ст. 419).

В уголовных кодексах социалистических стран такое подразделение имеется только в УК Болгарии. В соответствии со ст. 152 этого кодекса одним из видов изнасилования является совершение полового сношения с лицом, приведенным в беспомощное состояние самим виновным. Статья же 151 предусматривает состав вступления в половое сношение с лицом, достигшим 14-летнего возраста, но не понимающим значения совершенного.

По нашему законодательству в соответствии со ст. 121 УК не имеет значения — возникло ли беспомощное состояние потерпевшей в результате умышленных действий субъекта или же с такими действиями не связано.

Изнасилование путем использования беспомощного состояния, как отмечалось, является особым составом.

---

[1] И. Я. Фойницкий. Указ. работа, стр. 141.
[2] С. В. Познышев. Указ. работа, стр. 480.
[3] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 73—74.

Его непосредственный объект посягательства — половая неприкосновенность женщины, лишенной возможности распоряжаться своей половой сферой. В тех случаях, когда беспомощное состояние было использовано для изнасилования несовершеннолетней, преступление одновременно посягает и на ее нормальное половое развитие и половое воспитание.

Поэтому изнасилование с использованием беспомощного состояния отличается рядом особенностей.

В рассматриваемых случаях физическое насилие и угроза как способы действия для достижения полового сношения не применяются ввиду отсутствия сопротивления потерпевшей.

Поэтому мы полагаем, что нельзя считать изнасилованием с использованием беспомощного состояния случаи, когда такое состояние явилось следствием насилия или угрозы. Например, при групповом изнасиловании потерпевшая фактически приводится в беспомощное состояние, однако такое состояние является следствием применения к ней угрозы или насилия. Это же относится к случаям связывания потерпевшей, ее обморока в результате примененного насилия и т. п.

Интересный случай приведения потерпевшей в беспомощное состояние приведен М. Г. Сердюковым. Обвиняемый пытался изнасиловать потерпевшую во дворе ее дома, но она вырвалась и побежала вверх по лестнице. Обвиняемый догнал ее на третьем этаже, схватил, насильно втиснул в окно лестничной клетки. В результате этого половина туловища потерпевшей до лопаток повисла в воздухе и обвиняемый, воспользовавшись этим, совершил половой акт.[1] Автор приводит это как пример беспомощного состояния потерпевшей. Однако в данном случае такое состояние, хотя фактически и являлось беспомощным, но достигнуто было в результате применения насилия.

При изнасиловании с использованием беспомощного состояния отсутствие сопротивления потерпевшей является следствием объективных причин, а не согласия на половое сношение. При этом виновный знает, что потерпевшая не понимает происходящего с ней или хотя и понимает, но не может оказать сопротивления, и использует это обстоятельство для совершения полового акта.

---

[1] М. Г. Сердюков. Указ. работа, стр. 93.

Физическая и психическая беспомощность имеют свои особенности. В случаях, когда речь идет об изнасиловании с использованием состояния физической беспомощности потерпевшей, установление этого обстоятельства затруднений не представляет. Это обычно или случай болезни, лишающей потерпевшую возможности сопротивляться (например, частичный паралич, высокая температура и т. п.), или престарелый возраст, или наконец наличие таких физических недостатков, как глухонемота, слепота, отсутствие руки или ноги и т. п.

Состояние физической беспомощности может возникнуть и у здоровой женщины в результате сложившейся ситуации.

Нами отмечалось, что беспомощность, явившуюся следствием угрозы или насилия, нельзя считать беспомощным состоянием в смысле ст. 121 УК. Однако возможны случаи, когда беспомощное состояние у здоровой женщины возникло не как следствие угрозы или насилия, а в результате случайно сложившейся ситуации, которой воспользовался виновный.

В литературе приводится случай, когда охотник увидел крестьянку, наполнявшую травой большой мешок. Завязав его, она навалилась на мешок спиной и, прикрепив к спине наплечниками, хотела встать с земли. В это время охотник выскочил из засады и без труда совершил с потерпевшей половое сношение. В другом случае, девушка, ехавшая с обвиняемым на телеге, случайно застряла в ней между подушками и соломой, что дало возможность совершить с ней половой акт, так как потерпевшая не могла подняться со спины.[1]

Более детального рассмотрения требуют случаи психической беспомощности потерпевшей.

К ним, прежде всего, относится ее малолетний возраст, на значении которого для квалификации полового сношения с потерпевшей как изнасилования с использованием беспомощного состояния мы остановимся в следующей главе.

---

[1] Э. Гофман, Указ. работа, стр. 118—119.

Во-вторых, важнейшим случаем психической беспомощности является душевная болезнь потерпевшей. Однако наличие у потерпевшей психического заболевания не обязательно влечет за собой ее беспомощное состояние.

При некоторых формах душевной болезни больные могут сознавать значение совершаемых с ними сексуальных действий, в частности, полового акта и оказывать таким действиям серьезное сопротивление.

В других случаях психические заболевания могут сопровождаться симптомами повышенного полового влечения и возбуждения, в результате чего больные сами склоняют на половое сношение с ними.

Лицо, обвиняемое в изнасиловании душевнобольной, в результате использования ее беспомощного состояния, нередко заявляет, что не знало о болезни потерпевшей. Это вполне возможно при таких психических заболевания, как шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, которые не всегда сразу распознаются.

Для наличия состава изнасилования в рассматриваемом случае необходимо установить, что виновный знал о психической болезни потерпевшей. Нельзя согласиться с А. А. Жижиленко, утверждавшим, что лицо, вступившее в половые сношения с душевнобольной без применения насилия, должно нести за это во всех случаях ответственность как за ее изнасилование.[1] В настоящее время такой же точки зрения придерживается М. Д. Шаргородский.[2]

Мы считаем, что правы авторы, утверждающие, что душевную болезнь потерпевшей следует рассматривать как беспомощное состояние и привлекать лицо, вступившее в половую связь с душевнобольной, к ответственности за изнасилование только в случаях, когда виновный знал о такой болезни и сознательно использовал неспособность потерпевшей правильно осознавать или оценивать происходящее для совершения полового акта.[3]

---

[1] А. А. Жижиленко, Л. Г. Оршанский. Половые преступления. М., 1927, стр. 30.

[2] Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. Комментарий. Л., 1962, стр. 234.

[3] См. А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 82; М. Н. Хлынцов. Указ работа, стр. 8; Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 8—9.

К психической беспомощности относятся также различного вида бессознательные состояния временного характера. Таким состоянием является, например, обморок потерпевшей, связанный с применением к ней насилия или угрозы, или явившийся следствием других причин. В первом случае, как отмечалось, такой обморок нельзя считать беспомощным состоянием в рассматриваемом нами смысле, так как он был следствием насилия, или угрозы как особого способа действия при изнасиловании. Во втором же случае использование обморочного состояния потерпевшей для совершения полового акта, безусловно, следует считать изнасилованием с использованием беспомощного состояния.

Особыми видами бессознательного состояния является сон, вызванный применением наркотических веществ, а также такое состояние в результате гипноза.

В литературе описаны случаи заявления потерпевших об изнасиловании в результате того, что насильник примешал к их пище или питью наркотические средства. В связи с этим указывается, что лживость таких заявлений очевидна во всех случаях, когда в них утверждается, что потерпевшая, выпив напиток или съев кушанье, тут же потеряла сознание и ничего больше не помнит. В действительности же для наступления действия усыпляющего средства всегда требуется определенный промежуток времени.

Еще большие сомнения вызывают утверждения, что насильник усыпил заявительницу, применив к ней наркоз, от которого она тут же заснула, так как наркотизирующие вещества вначале всегда вызывают возбуждение и только через определенный промежуток времени погружают в сон.

Вместе с тем, не исключены случаи, что снотворное, заранее примешанное к пище или питью, может обусловить наступление глубокого сна, дающего возможность совершить половое сношение без активного сопротивления потерпевшей. Однако такие случаи исключительно редки.[1]

Поэтому в учебниках судебной медицины специально подчеркивается, что к утверждениям потерпевшей о ее усыплении в результате применения снотворных или наркотических веществ следует подходить чрезвычайно осторожно. «В таких случаях, — отмечает М. И. Райский, — как нигде возможны неверные утверждения и наговоры, рассказы о том, чего не было. Последнее может иметь место как следствие добросовестного заблуждения (у нервнобольных), так и в целях сознательного ложного обвинения».[1]

---

[1] См. М. Г. Сердюков. Указ. работа, стр. 93—94.

В течение многих лет в судебно медицинской литературе дискуссировался вопрос о том, возможно ли изнасилование в результате гипноза потерпевшей. В 1898 году этот вопрос рассматривался даже на Международном съезде судебных медиков в г. Брюсселе.[2]

Большинство судебных медиков отвечает на него отрицательно, исходя из того, что загипнотизировать лицо против его воли невозможно. М. И. Райский в связи с этим рассказывает, что в начале 30-х годов ему пришлось участвовать в экспертизе по делу по обвинению врача гипнотизера в изнасиловании своей пациентки, причем обвинение оказалось вымышленным.[3]

Другие авторы, в частности Н. В. Попов, полагают, что хотя рассматриваемая возможность является сомнительной, но не исключается при некоторых состояниях нервно-психической сферы потерпевшей. По его мнению, вопрос об изнасиловании в состоянии гипноза так труден, что в каждом случае требует самого тщательного расследования и экспертизы с участием психиатра.[4]

Особенно много внимания вопросу о возможности изнасилования под гипнозом уделялось в немецкой юридической и судебно медицинской литературе. Г. Шульц, автор специальной монографии, посвященной изнасилованию, считает такое изнасилование возможным, особенно если гипнотизер применяет гипноз якобы с целью лечения потерпевшей. Вместе с тем он подчеркивает, что гипноз имеет для своего применения определенные границы и поэтому соответствующие заявления потерпевших должны быть особенно тщательно и критически проверены.[1]

---

[1] М. И. Райский. Судебная медицина, М., 1953, стр. 350.
[2] Д. П. Косоротов. Указ. работа, стр. 245.
[3] М. И. Райский. Указ. работа, стр. 390.
[4] Н. В. Попов. Указ. работа, стр. 338.

В нашей судебной практике случаи изнасилования под гипнозом неизвестны, однако в принципе они не могут быть исключены, если женщина в целях лечения или экспериментирования согласилась подвергнуться гипнозу, а гипнотизер злоупотребил ее состоянием.[2]

В связи с рассматриваемыми случаями психического беспомощного состояния нужно остановиться на возможности изнасилования спящей женщины. Судебные медики считают, что во сне можно изнасиловать только женщину, жившую до этого половой жизнью. При этом половой акт может быть только начат, а затем женщина, если она не находится в состоянии опьянения или под воздействием снотворных средств, обязательно проснется. Вместе с тем изнасилование спящей женщины не представляет особой трудности, ввиду того, что проснувшись, она не может сразу понять, происходящее, а поэтому ее сопротивление менее интенсивно.[3]

Из изложенного следует сделать вывод о принципиальной возможности изнасилования женщины в сонном состоянии, так как для состава оконченного изнасилования не требуется совершения полного полового акта, а достаточно, чтобы он был начат. Поэтому нельзя согласиться с Б. А. Блиндером, утверждающим, что изнасилование женщины, как правило, в состоянии физиологического сна является невозможным и допускающим эту возможность только в состоянии наркотического, гипнотического или патологического сна.[4]

Среди изученных нами дел был случай изнасилования женщины во время ее сна, вызванного сильным опьянением. Обвиняемый М. вечером зашел в школу, где потерпевшая Л. и ее сожитель Н. убирали классы. По просьбе последних он купил в магазине пол-литра вина и пол-литра водки, которые были совместно распиты. Когда Н. опьянел, то начал кричать на обвиняемого. что он пристает к Л., после чего обвиняемый ушел. Однако через некоторое время он возвратился и увидел, что Л. и Н. лежат в канцелярии на полу и крепко спят. Воспользовавшись этим, М. подошел к спящей Л. и совершил с ней половое сношение, причем она не проснулась. Затем, оставив Л. лежать в раздетом виде, ушел к себе домой. Сожитель потерпевшей, проснувшись, увидел, что она лежит раздетая в непристойной позе и нанес ей тяжкие телесные повреждения. При расследовании этого преступления выяснилось совершенное М. изнасилование. Обвиняемый признал свою вину и был осужден народным судом Куйбышевского района по ч. 1 ст. 121 УК к 4 годам лишения свободы.

---

[1] Günter Schulz. Указ. работа, стр. 89.

[2] Такого же мнения придерживается и А. Н. Игнатов. (Указ. работа, стр. 85).

[3] См. Д. П. Косоротов. Указ работа, стр. 245; Н. В. Попов. Указ. работа, стр. 338; М. Г. Сердюков. Указ. работа, стр. 93.

[4] Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 9.

В связи с изнасилованием в результате использования психической беспомощности потерпевшей возникает вопрос, можно ли считать таковой ее сильное опьянение.

Бесспорно, что в последней стадии опьянения лицо впадает в состояние беспамятства, лишается способности оценивать происходящее и отдавать себе отчет в своих действиях. Однако к утверждению потерпевшей о том, что она была изнасилована в таком состоянии следует подходить осторожно, учитывая все обстоятельства происшедшего и особенности ее личности.

Одно дело, если потерпевшей является молодая девушка, не привыкшая к спиртным напиткам, ввиду чего употребление их даже в небольшом количестве способно вызвать у нее сильное опьянение. Кроме того, подавшись на уговоры выпить, такая девушка часто не подозревает, к чему такое согласие может привести.

В тех же случаях, когда речь идет о взрослой женщине, жившей половой жизнью, ее поведение следует расценивать несколько по-иному. Женщина, согласившаяся на совместную выпивку с мужчиной в обстановке, благоприятствующей физическому сближению, тем самым как бы выражает свое согласие на возможные последствия этого.

Кроме того, во всех подобного рода случаях необходимо учитывать и степень опьянения потерпевшей. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года специально отмечается, что при оценке обстоятельств изнасилования потерпевшей, находившейся в состоянии опьянения, суды должны исходить из того, что беспомощным состоянием может быть признана лишь такая степень опьянения, которая лишила потерпевшую возможности сознавать окружающую обстановку, понимать значение совершаемых виновным действий или оказывать ему сопротивление.

В этом отношении характерно дело по обвинению В., который был признан Восточно-Казахстанским областным судом виновным в изнасиловании Л., совершенным с использованием ее беспомощного состояния, вызванного сильным опьянением. Пленум Верховного Суда СССР переквалифицировал действия В. с изнасилования на половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости на том основании, что для оценки как изнасилования полового сношения с женщиной, находящейся в состоянии опьянения, без применения к ней физического насилия и угроз «необходимо, чтобы степень опьянения характеризовала состояние потерпевшей как беспомощное, т. е. лишала бы ее возможности осознавать окружающую обстановку, понимать значение совершаемых виновным действий или оказывать ему сопротивление. Между тем, имеющиеся в деле данные, не свидетельствуют о том, что Л. во время полового сношения находилась в таком беспомощном состоянии и что она была против вступления в половую связь с В.».[1]

В заключение необходимо остановиться на значении обмана как способа действия при изнасиловании. В ст. 153 УК РСФСР 1926 года и в соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик в качестве способа действий при изнасиловании указывалось на «использование путем обмана беспомощного состояния потерпевшего лица». Самостоятельного же признака использования беспомощного состояния при изнасиловании эта статья не содержала. Такая формулировка порождала ряд неясностей.

Во-первых, из ее редакции можно было сделать вывод, что случаи использования беспомощного положения потерпевшей, не связанные с ее обманом, изнасилованием не являются.

Во-вторых, неясно было, какие действия следует считать обманом и, в частности, является ли таковым половое сношение, достигнутое путем обманного обещания жениться, а также случаи вступления в брак с намерением сразу же таковой расторгнуть.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967, № 2, стр. 39—41.

По вопросу о том, является ли изнасилованием использование беспомощного состояния потерпевшей, не связанное с ее обманом, судебная практика сразу же заняла последовательную позицию, признав, что совершение полового сношения с потерпевшей в результате использования ее беспомощного состояния считается изнасилованием, независимо от того, было ли вызвано это состояние обманными действиями виновного или нет.

Что касается того, следует ли считать изнасилованием половое сношение в результате обманного обещания жениться, то в судебной практике по этому вопросу последовательности не было. Так, по делу У. Верховный Суд РСФСР признал, что обещание жениться и уверения в любви не являются признаками, предусмотренными ст. 153 УК. Такое же мнение было высказано Верховным Судом РСФСР и по делу М., в постановлении по которому отмечалось, что «обещание жениться, если бы оно даже было обманным и преследовало цель добиться согласия женщины на половое сношение, не может быть квалифицировано как изнасилование».[1]

Несколько иначе было решено дело по обвинению К. Последний обещал жениться на потерпевшей, когда же она к нему переехала, он на третий день совместной жизни выгнал ее. Суд признал в действиях обвиняемого признаки изнасилования и осудил его.[2]

При решении аналогичного вопроса в 1946 году Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала, что «последующий отказ от женитьбы со стороны лица, имевшего половое сношение с женщиной, на которой он обещал жениться, может служить основанием для обвинения в изнасиловании только в том случае, если по делу установлено, что обещание было дано с целью обмана и что намерение на отказ возникло до полового сношения.[3]

---

[1] Судебная практика РСФСР, 1927, № 15, стр. 14.

[2] Судебная практика РСФСР, 1928, № 8, стр. 18.

[3] Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946, Выпуск IV (XXVIII), стр. 14.

Более последовательно судебной практикой решался вопрос о том, следует ли считать изнасилованием вступление в брак для того, чтобы добиться половой связи с потерпевшей, а затем брак расторгнуть.[1] При установлении этого суды считали действия обвиняемого особым способом изнасилования. В постановлении Верховного Суда РСФСР от 16 февраля 1928 года указывалось, что «лицо, вступившее в зарегистрированный брак с целью использования женщины в половом отношении с намерением расторжения после этого брака, подлежит ответственности по ст. 153 УК».[2]

В Уголовном кодексе Грузинской ССР 1926 года имелся даже специальный состав обманного вовлечения женщины в половую связь путем использования установленной для регистрации брака формы (ст. 171^1)

В литературе того периода, обман рассматривался, как такой способ действия при изнасиловании, при котором женщина ставится как бы в беспомощное состояние, что, в частности, имеет место при регистрации брака с целью использования женщины в половом отношении или когда потерпевшей внушается ложное представление, что лицо, с которым она вступает в половую связь, является ее мужем или сожителем.[3]

Между обманом и беспомощным состоянием потерпевшей должна была быть, таким образом, установлена причинная связь. «Обман (в смысле ст. 153 УК РСФСР), отмечалось в одном из определений Верховного Суда СССР, есть такая совокупность действий лица, при помощи которых это лицо ставит перед собой в отношении к потерпевшей определенные преступные цели, а беспомощное состояние потерпевшей есть прямое следствие этого обмана, и изнасилование имеет место тогда, когда существует причинная зависимость между обманными действиями обвиняемого и состоянием потерпевшей, которая не оказывала сопротивление исключительно в силу того, что она стала жертвой обмана».[4]

---

[1] Это было в то время вполне возможным, т. к. действовавший порядок развода предусматривал расторжение брака органами ЗАГСа также и по одностороннему заявлению одного из супругов.

[2] Судебная практика РСФСР, 1928 г. № 4, стр. 17.

[3] М. Д. Шаргородский. О наказуемости полового сношения путем обмана. «Вестник советской юстиции». 1927 ,№ 4.

[4] Судебная практика РСФСР. 1928, № 4, стр. 27.

Действующие уголовные кодексы союзных республик не упоминают в диспозиции статьи об изнасиловании обмана как способа действия для осуществления полового сношения с потерпевшей.

В соответствии с этим Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 25 марта 1964 г. указал, что поскольку ст. 117 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик не предусматривают такого признака как применение обмана, действия лица, добившегося согласия потерпевшей на совершение полового акта путем злоупотребления доверием, например, заведомо ложного обещания вступить с ней в брак, не могут рассматриваться как изнасилование.

Вместе с тем, отсутствие в законе упоминания об обмане как способе действия при изнасиловании не означает, что состав изнасилования полностью исключает такие случаи. Обман при изнасиловании может явиться средством для приведения потерпевшей в состояние психической беспомощности. В частности, это имеет место в случаях, когда потерпевшая не сопротивляется половому сношению ввиду того, что виновный обманным путем выдает себя за ее мужа или сожителя.

Так, по делу по обвинению О. по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК было установлено что он, зная, что муж потерпевшей Ш. находится на работе, ночью зашел к ней в комнату, лег в постель и пытался совершить с ней половой акт. Однако Ш., проснувшись, обнаружила, что это не муж, так как последний имел бороду, и начала сопротивляться, звать на помощь; испугавшись, обвиняемый убежал с места преступления, оставив на постели пуговицы, оторванные от его куртки. Хотя О. виновным себя не признал, Куйбышевский районный народный суд осудил его к 3 годам лишения свободы.

* * *

Рассмотрение особенностей состава изнасилования с использованием беспомощного состояния потерпевшей приводит к следующим выводам:

1. Беспомощным является такое состояние, при котором потерпевшая не может понимать характера и значения совершаемых с нею действий, или, понимая

происходящее, не имеет возможности оказать сопротивление в силу своего физического состояния или особой ситуации, в которой она оказалась.

2. Беспомощное состояние при изнасиловании в соответствии с этим можно подразделись на психическую беспомощность, к которой относятся — душевная болезнь, различные формы бессознательного состояния и малолетний возраст потерпевшей, и на физическую беспомощность. Последняя имеет место в результате болезни потерпевшей, не связанной с ее психикой, ее физических недостатков, престарелого возраста или как результат случайно сложившейся ситуации.

3. При изнасиловании с использованием беспомощного состояния сопротивление потерпевшей половому акту отсутствует. Однако это является следствием объективных причин, а не ее согласия на половое сношение.

4. Душевную болезнь потерпевшей можно рассматривать как беспомощное состояние только в случаях, если эта болезнь носит явный характер, или когда виновный знал о ней и сознательно использовал возникшую вследствие психической болезни неспособность потерпевшей правильно осознавать или оценивать происходящее.

5. Случаи изнасилования путем приведения потерпевшей в беспомощное состояние в результате использования наркотических веществ или гипноза в принципе не могут быть исключены, хотя к подобного рода заявлениям следует относиться очень осторожно. На практике такие дела не встречаются.

6. Изнасилование во сне возможно только в отношении женщины, жившей до этого половой жизнью, причем в таких случаях половой акт может быть только начат, а затем женщина, если она не находится в состоянии сильного опьянения или воздействия снотворных средств, обязательно проснется. Вместе с тем, изнасилование спящей женщины облегчается тем, что, проснувшись, она не может сразу понять происходящее и не в состоянии поэтому оказать интенсивного сопротивления.

7. Изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей в результате ее опьянения возможно только при такой степени опьянения, которая лишает потерпевшую возможности сознавать окружающую обстановку и понимать значение совершаемых с ней действий.

Кроме того, в таких случаях, при решении вопроса о том, имело ли место изнасилование, необходимо учитывать все обстоятельства происшедшего и личность потерпевшей.

В частности, следует исходить из того, что взрослая женщина, согласившаяся на совместную выпивку с мужчиной в обстановке, благоприятствующей физическому сближению, тем самым как бы выражает согласие на возможные последствия этого.

8. Действующие уголовные кодексы союзных республик не предусматривают в качестве способа действия субъекта изнасилования — обмана потерпевшей. Однако в некоторых случаях обман может явиться средством для приведения потерпевшей в состояние, аналогичное ее психической беспомощности, например, когда виновный обманным путем выдает себя за ее мужа или сожителя.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ИЗНАСИЛОВАНИЕ, И ИХ ВИДЫ

При определении общественной опасности совершенного преступления, а также общественной опасности преступника и степени его вины имеют значение, предусмотренные уголовным законодательством обстоятельства, отягчающие ответственность.

В одних случаях такие обстоятельства должны учитываться судом при индивидуализации наказания виновному. Эти обстоятельства перечислены в ст. 38 УК.

В других случаях указанные обстоятельства выступают в качестве признаков, влияющих на квалификацию конкретного состава преступления, и при назначении наказания одноименные обстоятельства, указанные в ст. 38 УК, уже во внимание судом не принимаются.

В уголовных кодексах всех союзных республик в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» обстоятельствами, отягчающими это преступление, являются: совершение его группой лиц или особо опасным рецидивистом, а также особо тяжкие последствия изнасилования.[1]

Эти признаки выделены в ч. 3 статьи об изнасиловании в уголовных кодексах всех союзных республик.

Остальные отягчающие изнасилование обстоятельства включены в часть вторую рассматриваемой статьи. Таким обстоятельством в уголовных кодексах всех союзных республик является повторность совершения изнасилования.

Кроме того, в уголовных кодексах РСФСР и Армянской ССР в качестве квалифицирующего признака предусмотрена также угроза убийством или причинением тяжкого телесного повреждения.

Обстоятельства, отягчающие ответственность за изнасилование, можно подразделить на четыре вида.

Во первых — обстоятельства, относящиеся к объективной стороне изнасилования. Это — угроза убийством или причинением тяжкого телесного повреждения.

Во вторых — это обстоятельства, относящиеся к способу действия соучастников изнасилования — совершение его группой лиц.

В третьих — это обстоятельства, характеризующие личность субъекта — повторность совершения изнасилования и совершение его особо опасным рецидивистом.

В четвертых — это особо тяжкие последствия изнасилования.

Установление того, что изнасилование сопровождалось одним из перечисленных квалифицирующих обстоятельств, влечет за собой повышение наказания за совершенное преступление, а при наличии обстоятельств, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» и перечисленных в ч. 3 статьи об изнасиловании УК союзных республик — допущение применения смертной казни.

Кроме того, за совершение квалифицированного изнасилования устанавливается уголовная ответственность за заранее необещанное его укрывательство и за недоносительство о нем (ст. ст. 202, 203 УК).

---

[1] Несовершеннолетие потерпевшей, влекущее за собой также ответственность по части третьей статьи об изнасиловании является не обстоятельством, отягчающим ответственность, а самостоятельным составом изнасилования.

Следует отметить, что значительная часть изнасилований сопровождается квалифицирующими его обстоятельствами.

Так, из общего числа лиц, осужденных за изнасилование в 1966 и 1967 годах судами Таджикской ССР, были приговорены:

	в 1966 г.	в 1967 г.
по ч. 1 ст. 121 УК—	30,3%	47,0%
по ч. 2 ст. 121 УК—	1,5%	4,0%
по ч. 3 ст. 121 УК—	68,2%	49,0%

Это свидетельствует об особо высокой общественной опасности квалифицированных видов изнасилования и о необходимости усиления борьбы с этим тягчайшим преступлением и условиями, способствующими его совершению.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ И ХАРАКТЕРУ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ ИЗНАСИЛОВАНИЯ.

Уголовные кодексы РСФСР и Армянской ССР, как отмечалось выше, в качестве квалифицирующего обстоятельства предусматривают угрозу причинения смерти или тяжких телесных повреждений.

Переходя к рассмотрению этого признака, прежде всего, следует отметить его неудачную формулировку в ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, в которой говорится об «изнасиловании, сопряженном с угрозой убийством или с причинением тяжкого телесного повреждения».

Исходя из этой формулировки, И. Кукарский пришел к выводу, что квалифицирующим обстоятельством в рассматриваемом случае является, во-первых, угроза убийством, а во-вторых, причинение в результате изнасилования тяжкого телесного повреждения. [1]

Однако эта точка зрения поддержки не нашла. В частности, отмечалось, что причинение при изнасиловании тяжкого телесного повреждения охватывается понятием особо тяжких последствий и влечет за собой ответственность не по ч. 2, а по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

---

[1] И. Кукарский. Некоторые ошибки судебно-следственных органов по делам об изнасиловании. «Советская юстиция». 1963, № 1, стр. 12.

В настоящее время по вопросу о том, что следует понимать под угрозой как квалифицирующим обстоятельством изнасилования дано специальное разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1967 г. «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года «О судебной практике по делам об изнасиловании».

Пленум Верховного Суда РСФСР разъяснил, что угроза убийством или причинением тяжкого телесного повреждения должна применяться как средство преодоления сопротивления потерпевшей при изнасиловании. Если такая угроза имела место после изнасилования, с той, например, целью, чтобы потерпевшая никому не сообщала о случившемся, действия виновного, при отсутствии квалифицирующих обстоятельств, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 117 и по совокупности по ст. 207 УК РСФСР. При этом, под угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 117 УК РСФСР) следует понимать не только прямые высказывания об этом насильника, но и с учетом обстоятельств дела, такие, например, действия, как демонстрация оружия (пистолета, ножа, бритвы и т. п.).[1]

Следует отметить, что установление в качестве отягчающего обстоятельства изнасилования угрозы убийством или причинением тяжкого телесного повреждения не является достаточно обоснованным. Как было показано выше, угроза в качестве способа действия при изнасиловании по своему содержанию должна быть угрозой физического воздействия. Предъявляемое же к угрозе требование о том, чтобы она носила серьезный характер и по своей интенсивности являлась средством подавления сопротивления потерпевшей, приводит к выводу, что ею может быть только угроза причинения тяжкого телесного повреждения или смерти.

Прав Б. А. Блиндер, отмечающий, что под угрозу убийством и причинением тяжкого телесного повреждения подпадают почти все случаи угроз как способа действий при изнасиловании и что поэтому следует отказаться от этого квалифицирующего признака.[1] Такого же мнения придерживаются П. П. Осипов[2] и М. Н. Хлынцов.[3]

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 12, стр. 8—10.

С указанным нужно согласиться, тем более, что рассматриваемое квалифицирующее обстоятельство предусмотрено лишь двумя уголовными кодексами — РСФСР и Армянской ССР, а в уголовных кодексах остальных союзных республик оно отсутствует.

Соучастие в изнасиловании на практике чаще всего имеет место в форме простого соучастия (соисполнительства). Сложная же форма соучастия (соучастие в узком смысле) встречается реже.

Обстоятельством, квалифицирующим изнасилование, является совершение его группой лиц, являющихся соисполнителями рассматриваемого преступления.

Однако принимать участие в изнасиловании могут не только соисполнители, но и другие соучастники.

В таких случаях соучастие может состоять в организации или подстрекательстве к изнасилованию, либо в пособничестве к его совершению.

Судебной практике известны случаи, когда рецидивист, желая подчинить своему влиянию морально неустойчивых подростков, подстрекает их на изнасилование и руководит их действиями, не принимая непосредственного участия в совершении насильственного полового сношения.

А. Н. Трайнин удачно характеризовал такого подстрекателя, как «интеллектуального автора преступления», который не выполняет «черной роли» непосредственного совершителя преступления, а толкает на это другого, пытаясь сам остаться в стороне».[4]

Особенно значительна роль подстрекателя и организатора изнасилования в случаях, когда оно совершается группой несовершеннолетних. А. Б. Сахаров отмечает, что в каждых трех случаях из пяти в такой группе по изученным делам были ранее судимые несовершеннолетние, либо взрослые лица.[5]

---

[1] Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 13.

[2] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 11—12.

[3] М. Н. Хлынцов. Указ. работа, стр. 9.

[4] А. Н. Трайнин. Учение о соучастии. М., 1941, стр. 100.

[5] А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961, стр. 134.

По данным В. А. Яхонтова, наибольший удельный вес участия взрослых в преступлениях, совершаемых подростками, имеет место по делам об изнасиловании. Если в 1964 году по Украине процент такого соучастия составлял 30%, то по делам об изнасиловании он составил (по материалам выборочного обследования) 41%. Причем, в половине случаев взрослые соучастники были ранее судимы. Автор отмечает, что в действительности удельный вес участия таких лиц в организации изнасилования еще выше, так как нередко организаторы этого преступления не выявляются и не привлекаются к ответственности. Он сообщает, что в процессе его бесед с осужденными за изнасилование несовершеннолетними почти 65% опрошенных заявили, что совершили преступление под влиянием либо при прямом участии взрослых или старших по возрасту и ранее судимых товарищей.[1]

О том же свидетельствуют и изученные нами дела об изнасилованиях, совершенных несовершеннолетними. По этим делам в 30% случаев в группе были ранее судимые несовершеннолетние, либо взрослые лица. Фактически же таких случаев еще больше, так как органы следствия не всегда уделяют должное внимание выявлению подстрекателей и организаторов, если они непосредственного участия в изнасиловании не принимали. Так, в судебном заседании по обвинению несовершеннолетних Д., Б. и С. в изнасиловании М., было установлено, что наряду с Д . организатором преступления является совершеннолетний С., который предложил обвиняемым «поймать и изнасиловать каких-либо девочек», но сам лично в осуществлении разработанного им совместно с Д. плана участия не принимал. На этом основании следователь прекратил дело в отношении С. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР совершенно правильно вынесла определение о возбуждении уголовного дела в отношении С. по ст. 17 и ч. 3 ст. 121 УК.

Пособничество в изнасиловании может выразиться в самых разнообразных действиях, способствующих успешному его осуществлению.

Это может быть, например, совет, где и в какое время лучше совершить изнасилование, кого избрать жертвой и т. п. Пособничество может заключаться и в совершении определенных действий. Так, например, как пособник был осужден по ст. 17 и ч. 3 ст. 121 УК. К., который зажимал рот и мешал кричать П., пока обвиняемые Г. и У. насиловали потерпевшую.

---

[1] В. А. Яхонтов. Предупреждение половых преступлений несовершеннолетних. Львов, 1966, стр. 46—47.

В таких случаях действия пособника квалифицируются по той части статьи УК об изнасиловании, по которой привлекается исполнитель с ссылкой на ст. 17 УК.

Для того чтобы привлечь лицо к ответственности за соучастие в изнасиловании, необходимо установить:

— во-первых, что соучастник умышленно оказал содействие исполнителю изнасилования. Верховный Суд Армянской ССР осудил А. по ст. 17 и ч. 3 ст. 112 УК Армянской ССР за соучастие в изнасиловании несовершеннолетней Г. Отменяя этот приговор, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отметила, что соучастие в совершении преступления предполагает наличие предварительной договоренности, единства намерений и осведомленности соучастника о преступных действиях непосредственного исполнителя. Между тем, таких данных в отношении А. по делу не установлено. На этом основании Коллегия отменила приговор об осуждении А., и дело прекратила за недоказанностью предъявленного обвинения;[1]

— во-вторых, должна быть доказана причинная связь между действиями соучастника и совершенным изнасилованием. Так, по делу по обвинению Н. в соучастии в изнасиловании несовершеннолетней И. указывалось, что Н. познакомил обвиняемого Т. с потерпевшей, а затем оставил их вдвоем для того, чтобы дать возможность Т. ее изнасиловать. В своих показаниях Н., не отрицая того, что он действительно познакомил потерпевшую с Т. и оставил по его просьбе их вдвоем в своей комнате, тем не менее утверждал, что он не мог даже предполагать, что Т., о котором он ничего плохого не знал, воспользуется этим для изнасилования потерпевшей. Ввиду того, что никаких конкретных данных о том, что Н. являлся соучастником изнасилования, совершенного Т., органы расследования собрать не могли, дело в отношении Н. было прекращено;

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1966, № 5, стр. 37.

— в-третьих, сознанием соучастника должны быть охвачены все фактические обстоятельства изнасилования, в том числе имеющие значение для его квалификации. Например, если изнасилование было совершено исполнителем повторно, то соучастник должен об этом знать. В случае установления того, что он об указанном обстоятельстве осведомлен не был, действия соучастника квалифицируются по ст. 17 и ч. 1 ст. 121 УК, в то время как исполнитель несет ответственность по ч. 2 ст. 121 УК;

— в-четвертых, особенностью соучастия в форме пособничества является то, что пособники не участвуют в совершении действий, характеризующих объективную сторону изнасилования. Между тем, в судебной практике иногда встречаются случаи, когда пособники не привлекаются к ответственности именно на том основании, что они не принимали непосредственного участия в совершении изнасилования.

Так, по делу по обвинению А., Р. и Ю. было установлено, что потерпевшая, убегая от обвиняемых, подошла к шедшим навстречу ей юношам и попросила их защитить ее от нападения. Один из них Х. предложил проводить Л. до общежития и пошел с ней туда по освещенной улице. Увидев это, обвиняемый А. крикнул Х. по-таджикски, чтобы он повел Л. по темному переулку, так как он и его товарищи «хотят иметь с ней дело». Х. выполнил это. Когда он с Л. проходил по темному переулку, А. предложил Х. оставить Л. и уйти, что и было им сделано. Воспользовавшись этим, обвиняемые напали на Л. и изнасиловали ее. В обвинительном заключении по делу отмечалось, что «расследованием установлено, что А. сказал Х. и его товарищам, чтобы они подождали на углу улицы и тоже приняли участие в изнасиловании Л., однако они ушли и поэтому в их действиях отсутствует состав преступления». Верховный Суд Таджикской ССР, рассматривавший указанное дело, внес представление по месту работы Х. и его товарищей, указав в нем, «что они потеряли чувство долга и не оказали помощи в целях предотвращения столь тяжкого преступления, как изнасилование».

Между тем действия Х., специально по просьбе обвиняемых заведшего Л. в темный переулок и оставившего ее там, являлись пособничеством, и он подлежал привлечению к ответственности по ст. 17 и ч. 3 ст. 121 УК.

Обстоятельством, квалифицирующим изнасилование, признается совершение его группой лиц.

Признаками группы являются:

— участие в ней в качестве соисполнителей не менее двух человек;

— согласованность действий ее участников;

— непосредственное участие ее членов (соисполнителей) в осуществлении хотя бы одного действия, входящего в объективную сторону изнасилования.

Возникает вопрос, не следует ли в число признаков группы включить также наличие предварительного сговора между ее участниками. Мы полагаем, что для группового изнасилования такого признака не требуется.

Дело в том, что термин «группа» применяется в нашем уголовном законодательстве различно. В одних случаях диспозиция соответствующих статей говорит о совершении преступления «по предварительному сговору группой лиц». Такая формулировка содержится, например, во всех составах преступлений против социалистической и личной собственности, в которых совершение их группой лиц признается квалифицирующим обстоятельством.

В диспозиции других норм уголовного кодекса речь идет просто о группе лиц. В частности, это относится к диспозиции статьи об изнасиловании.

Из этого можно сделать вывод, что наличие предварительного сговора до совершения изнасилования не является необходимым признаком группы. Сговор может быть осуществлен и непосредственно перед совершением преступления. Нужно только установить, что каждый участник группы действовал согласованно с другими и совершил хотя бы одно из действий, входящих в объективную сторону изнасилования.

Между тем, в судебной практике встречаются случаи, когда для признания изнасилования, совершенным группой лиц, суд считает необходимым наличие между ними предварительного сговора.

Так, по делу по обвинению несовершеннолетних С., Ю., и Т. по ч. 3. ст. 220 УК и по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР переквалифицировала их действия с ч. 3 ст. 121 УК на ч. 1 ст. 121 УК. Основанием этого явилось то, что «из собранных доказательств видно, что попытка к изнасилованию М. была совершена группой лиц, не имевших договоренности на совершение подобного преступления. Обвиняемые не имели сговора и намерения изнасиловать М.». Из материалов дела действительно видно, что умысел на изнасилование у обвиняемых возник внезапно, когда одна из гражданок, подвергшихся хулиганскому нападению со стороны обвиняемых, бросилась бежать в сторону поселка. С., догнав М., повалил ее на землю и пытался при помощи Ю. и С. изнасиловать. На крик М. к месту происшествия прибежали жители поселка, которые предотвратили преступление и задержали обвиняемых.

Из изложенного видно, что обвиняемые по делу, покушаясь на изнасилование М., действовали согласованно, хотя действительно предварительного сговора об этом у них не было. Таким образом, их действия подпадают под признаки ч. 3 ст. 121 УК и были правильно квалифицированы органами следствия и Верховным Судом, рассматривавшим дело по первой инстанции.

Следует отметить, что постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года «О судебной практике по делам об изнасиловании», определяя понятие изнасилования, совершенного группой лиц, отмечает, что такие лица должны действовать согласованно, но не указывает на необходимость их предварительного сговора.

Таким образом, группа лиц как обстоятельство, квалифицирующее изнасилование, предполагает согласованные действия двух или нескольких лиц по осуществлению хотя бы одного действия, входящего в объективную сторону изнасилования, и не требует предварительного сговора между ними.

От группы следует отличать банду, нападения которой на граждан могут сопровождаться также и изнасилованием.

Банда, как и группа, предполагает наличие двух или более участников, но от группы ее отличают следующие признаки:

— вооруженность хотя бы одного из ее участников каким-либо холодным или огнестрельным оружием;

— устойчивость, состоящая в том, что состав входящих в банду лиц более или менее постоянен, причем целью их объединения является совершение одного или нескольких нападений;

— тесная сплоченность участников группы, выражающаяся в составлении ими хотя бы в общих чертах плана своей преступной деятельности и распределении ролей между участниками.

Определение банды дано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 июля 1960 года по делу В. и К. В нем сказано, что «банда представляет собой устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, предварительно сорганизовавшуюся для совершения нападения на государственные и общественные учреждения или предприятия, либо на отдельных лиц».[1]

Особенностью банды как преступного объединения лиц является также и то, что участие в ней образует оконченное преступление, независимо от того, совершила ли банда намеченное нападение и участвовал ли в нем данный ее член.[2]

Если банда совершает изнасилование, то квалификации действий виновных по совокупности, также и по ч. 3 ст. 121 УК не требуется, так как состав бандитизма охватывает собой и указанное преступное деяние.[3]

В литературе была высказана и другая точка зрения. Так, М. Д. Шаргородский считает, что групповое изнасилование, совершенное бандой вооруженных лиц, подлежит квалификации по совокупности преступлений.[4]

Мы полагаем, что такое утверждение противоречит составу бандитизма. Кроме того, нужно учесть, что применительно к умышленному убийству и хищениям государственного и общественного имущества имеются специальные разъяснения Верховного Суда СССР о том, что в случае совершения таких преступлений бандой дополнительной квалификации не требуется.[5]

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1960, № 5, стр. 15.

[2] Указ. Комментарий под ред. Б. С. Никифорова, стр. 278.

[3] С. А. Домахин. Иные государственные преступления. Советское уголовное право. Часть Особенная, Л., 1962, стр. 50.

[4] Там же, стр. 163.

[5] Бюллетень Верховного Суда СССР ,1962, № 3, стр. 32 и Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963. М., 1964, стр. 283.

Вопрос о том, следует ли считать лиц, принимавших участие в совершении изнасилования, в частности, парализующих сопротивление потерпевшей, но не совершающих с ней полового акта, соучастниками или же рассматривать их как соисполнителей изнасилования в течение ряда лет в юридической литературе был спорным.

Согласно одной точке зрения, групповым изнасилование может считаться лишь в том случае, когда все его участники являются одновременно физическими исполнителями, поочередно совершающими половое сношение с потерпевшей. Лица же, парализующие ее сопротивление, должны рассматриваться как пособники изнасилования.[1]

Другие авторы рассматривали таких лиц как соисполнителей изнасилования.[2]

В настоящее время, как отмечалось выше, этот вопрос решен в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Союза ССР от 25 марта 1964 года, согласно которому как групповое изнасилование по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР без применения ст. 17 УК должны квалифицироваться не только действия лиц, совершивших насильственный половой акт, но и действия лиц, содействовавших применению насилия к потерпевшей.

Из этой формулировки, однако, не ясно, должно ли насилие, примененное к потерпевшей, заключаться только в физических действиях или же им также охватываются случаи психического насилия (угрозы).

Мы полагаем, что здесь имеется в виду не только физическое, но и психическое насилие над потерпевшей. Например, если будет установлено, что один из участников группы совершил половой акт, а другой для подавления сопротивления потерпевшей угрожал ей ножом, действия такого лица должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 121 без применения ст. 17 УК. Это относится и к случаям, когда одним из участников группы была женщина или подросток, физиологически еще неспособный к совершению полового сношения.

---

[1] Такого мнения придерживались А. А. Жижиленко (Преступления против личности. М., 1927, стр. 17—18), З. А. Вышинская (Преступления против личности. М., 1939, стр. 36) и др.

[2] К таким авторам, в частности, относился М. Д. Шаргородский (Ответственность за преступления против личности. Л., 1953).

Квалификация изнасилования как совершенного группой лиц имеет и ряд других особенностей.

Так, если из участников группы был привлечен только один человек, так как остальные ее участники не достигли 14-летнего возраста, то действия такого лица, тем не менее подлежат квалификации по ч. 3 ст. 121 УК (п. 10 указанного постановления Пленума Верховного Суда от 25 марта 1964 года). Это связано с тем, что общественная опасность совершения группового изнасилования не уменьшается от того, что ряд его участников по своему возрасту не подлежит привлечению к уголовной ответственности.

Групповым признается и такое изнасилование, когда группа лиц, действующих согласованно, совершает изнасилование нескольких потерпевших, причем каждый насилует только одну из них. Так, по делу С. и К. было установлено, что обвиняемые познакомились с потерпевшими Ч. и Б. в г. Душанбе и назначили им свидание на другой день вечером. К. предложил С. совершить с девушками половой акт, на что С. согласился и обвиняемые на случай, если девушки будут сопротивляться, взяли с собой скальпели. Придя на свидание, обвиняемые завели потерпевших в глубь ботанического сада и потребовали, чтобы девушки вступили с ними в половую связь. Когда они отказались, то С. стал угрожать им скальпелем. Одна из потерпевших пыталась бежать, но К. сбил ее с ног, ударил скальпелем в бок, а затем, угрожая тем же скальпелем, заставил ее раздеться, после чего изнасиловал. С., угрожая скальпелем второй потерпевшей Б., избил ее, но изнасиловать не смог, так как на ее крик прибежали прохожие.

После совершения преступления С. и К., опасаясь привлечения к уголовной ответственности, выехали из Душанбе в Москву, где были задержаны после совершения и там аналогичных преступлений. Московский городской суд осудил С. и К. по ч. 3 ст. 121 УК Таджикской ССР. Президиум Верховного Суда РСФСР этот приговор изменил, признав, что их действия нельзя рассматривать как изнасилование, совершенное группой лиц, так как осужденные имели умысел на изнасилование не одной, а разных лиц, и фактически каждый из осужденных действовал с целью изнасилования определенной девушки.

Пленум Верховного Суда СССР признал, что такой вывод противоречит диспозиции ч. 3 ст. 121 УК Таджикской ССР. Он отметил, что С. и К. действовали по предварительному сговору и заранее захватили с собой скальпели, чтобы угрожать Ч. и Б., причем осужденный С., угрожая им убийством, преследовал цель сломить сопротивление обеих потерпевших.

Пленум также отметил, что ссылки на то, что умысел С. и К. не был направлен на изнасилование одного и того же лица, а каждый из них намеревался изнасиловать намеченную им потерпевшую, не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее возможность рассматривать их действия как групповое изнасилование. Пленум указал, что «по смыслу закона групповым изнасилование признается не только в том случае, когда подвергается изнасилованию несколькими лицами одна потерпевшая, но и в тех случаях, когда виновные лица, действуя согласованно, по предварительному сговору совершают изнасилование нескольких потерпевших. При этом не имеет значения то обстоятельство, что каждый из преступников совершает насильственный половой акт лишь с одной потерпевшей, как это было заранее условлено между С. и К.».[1]

Это положение изложено и в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1967 года «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года», согласно которому «групповым изнасилованием являются не только случаи, когда несколькими лицами подвергается изнасилованию одна или несколько потерпевших, но и согласованные действия с применением физического насилия или угроз нескольких лиц в отношении нескольких женщин, хотя половой акт затем совершается каждым с одной из них». [2]

Одна из характерных особенностей группового изнасилования состоит в том, что в большинстве случаев все или некоторые из участников группы являются несовершеннолетними. Так, по изученным нами делам о групповых изнасилованиях в 67,8% таких дел участвовали несовершеннолетние. По данным Л. А. Андреевой, этот процент еще выше и составляет 76,8%.[1]

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 2, стр. 37—39.
[2] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 12, стр. 9—10.

Указанное объясняется тем, что большая часть изнасилований, совершаемых несовершеннолетними, является групповыми. По изученным нами делам среди несовершеннолетних, осужденных за изнасилование, 83% совершили это преступление как участники группы. В. А. Яхонтов пишет, что по его данным такой процент составляет 77,7%.[2] М. П. Лашин указывает на 71,5%,[3] а Л. А. Андреева отмечает, что 91% несовершеннолетних, осужденных за изнасилование, по изученным ею делам совершили его как участники группы.[4] А. Б. Сахаров также сообщает, что две трети случаев изнасилования, совершаемых несовершеннолетними, являются групповыми.[5]

По наблюдениям В. А. Яхонтова, процент групповых изнасилований выше всего в пределах возрастной группы от 14 до 16 лет, а затем начинается его постепенное снижение.[6] О такой же тенденции свидетельствуют и данные, приводимые М. П. Лашиным.[7]

Причины, объясняющие распространенность участия несовершеннолетних в совершении групповых изнасилований, требуют серьезного изучения.

Приведенные выше авторы в качестве основных из них указывают на следующие:

— серьезные недостатки в половом воспитании и как следствие этого неправильные взгляды у отдельных лиц на отношения между полами;

— отрицательное воздействие ранее судившихся товарищей и взрослых рецидивистов;

— совместное бессодержательное времяпровождение подростков, сопровождающееся выпивками;

---

[1] Л. А. Андреева. Указ. канд. дисс., стр. 201.

[2] В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 47.

[3] М. П. Лашин. Предупреждение и раскрытие органами милиции преступлений несовершеннолетних. М., 1965, стр. 100.

[4] Л. А. Андреева. Указ. канд. дисс., стр. 205.

[5] А. Б. Сахаров. Указ. работа, стр. 134.

[6] В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 134.

[7] М. П. Лашин. Указ. работа, стр. 100.

— желание показать себя перед товарищами «настоящим мужчиной» и проявить перед ними «молодечество»;

— невозможность или во всяком случае значительная трудность для подростка совершить изнасилование в одиночку, так как потерпевшая может оказать сопротивление, подавить которое несовершеннолетний будет не в состоянии.

Эти причины объясняют и ряд особенностей, присущих групповым изнасилованиям с участием несовершеннолетних, которые сводятся к следующим:

— число лиц, участвующих в изнасиловании, обычно не превышает 3—4 человек. Причем, чем старше участники группы, тем она меньше;

— большинство участников группы являются жителями одного района, хорошо знакомыми друг с другом, а иногда связанными также совместной учебой или работой;

— совершению изнасилования чаще всего предшествует распитие алкогольных напитков, под влиянием которых возникает умысел на его совершение;

— побочным мотивом совершения групповых изнасилований часто являются хулиганские побуждения, вызванные желанием проявить свою удаль, озорство и т. п.;

— участники группы не всегда ясно отдают себе отчет, что изнасилование является тяжким преступлением, сурово наказуемым законом.

Участниками группового изнасилования иногда бывают и девочки-подростки. Так, Верховным Судом Таджикской ССР в 1968 году были осуждены по ч. 3 ст. 121 УК к шести годам лишения свободы несовершеннолетние О. и Р. принимавшие активное участие в организации группового изнасилования своей подруги М. Они не только, применив для этого насилие, привели ее к заранее намеченному месту совершения преступления, но и раздели потерпевшую и присутствовали при ее изнасиловании восемью участниками группы.

Групповые изнасилования представляют особо высокую общественную опасность. Это связано, в частности, с тем, что в общем числе изнасилований их удельный вес весьма высок. По Таджикской ССР это подтверждается следующей таблицей:

Год	Всего рассмотрено дел об изнасиловании	В том числе групповые изнасилования составляют
1963	100%	41,6%
1964	100%	43,5%
1965	100%	53,5%
1966	100%	47,4%
1967	100%	48,2%

По данным Л. А. Андреевой, процент групповых изнасилований по изученным ею делам составляет 43,3%.

Повышенная общественная опасность таких изнасилований объясняется также и тем, что, как показывает следственная и судебная практика, они часто используются рецидивистами в качестве средства вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

Изнасилование, совершенное группой, свидетельствует об особом цинизме и половой распущенности взрослых организаторов такой группы, поэтому оно часто сопровождается надругательством над потерпевшей, не говоря уже о том, что последней наносится в таких случаях гораздо больший моральный и физический ущерб, чем в случаях, когда изнасилование совершает один преступник.[1]

* * *

Рассмотрение квалифицирующих обстоятельств, относящихся к объективной стороне изнасилования и характеру совместной деятельности его участников, приводит к следующим выводам:

1. Включение в уголовные кодексы РСФСР и Армянской ССР в качестве обстоятельства, квалифицирующего изнасилование, угрозы причинения смерти или тяжкого телесного повреждения следует признать недостаточно обоснованным, так как под такой случай подпадают почти все угрозы, применяемые в качестве способа действия при изнасиловании.

2. Группа лиц как обстоятельство, квалифицирующее изнасилование, предполагает согласованное и непосредственное участие двух или нескольких лиц в осуществлении хотя бы одного действия, входящего в объек-

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 97.

тивную сторону изнасилования, но не требует предварительного сговора между участниками группы.

3. Как групповое рассматривается также изнасилование, участники которого, действуя согласованно, совершают изнасилование нескольких потерпевших, причем каждый из участников группы совершает половой акт только с одной из потерпевших.

4. Характерная особенность групповых изнасилований состоит в том, что в большинстве случаев они совершаются несовершеннолетними или при их участии.

5. Групповые изнасилования с участием несовершеннолетних отличаются следующими особенностями:

— число участников группы обычно не превышает 3—4 человек;

— участники группы проживают в одном районе, а иногда вместе учатся или работают;

— изнасилованию обычно предшествует совместная пьянка;

— побочными мотивами совершения изнасилования являются хулиганские побуждения;

— участники группы не всегда отдают отчет себе в том, что изнасилование тяжкое, сурово наказуемое преступление.

6. Повышенная общественная опасность группового изнасилования заключается в том, что оно дает возможность легко парализовать сопротивление потерпевшей и причиняет ей больший моральный и физический вред, чем в случаях, когда изнасилование совершается одним лицом. Кроме того, групповое изнасилование является распространенной формой вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СУБЪЕКТУ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Если рассмотренные выше обстоятельства, квалифицирующие изнасилование, относились к его объективной стороне и характеру совместной деятельности его участников, то повторность изнасилования, т. е. совершение его лицом, ранее совершившим такое же преступление (ч. 2 ст. 121 УК), относится к субъекту изнасилования.

При изнасиловании повторность является квалифицирующим обстоятельством только в случаях, когда виновный ранее совершил одно или несколько изнасилований. Таким образом, это понятие охватывает только совершение аналогичного преступления.

Однако существуют составы, в которых повторность как квалифицирующее обстоятельство распространяется на совершение не только аналогичных, но и однородных преступлений. Так, в составах кражи государственного, общественного и личного имущества, грабежа, разбоя, мошенничества указанные преступления признаются повторными, если субъектом было ранее совершено это же или другое тяжкое имущественное преступление, перечисленное в диспозиции данной статьи.[1]

Б. А. Блиндер предлагает распространить это и на изнасилование и установить, что оно признается повторным также в случаях совершения виновным ранее других видов половых преступлений.[2]

Мы считаем, что указанное предложение заслуживает внимания, так как совершение субъектом изнасилования ранее любого полового преступления свидетельствует о его повышенной общественной опасности.

При рассмотрении вопроса о повторности как обстоятельстве, квалифицирующем изнасилование, следует иметь в виду, что повторность по своему содержанию шире понятия специального рецидива. Она охватывает также и случаи, когда лицо не привлекалось к ответственности и не было осуждено за ранее совершенное изнасилование. Вместе с тем, повторность не включает в себя общий рецидив и судимость за какое-либо другое преступление не является основанием для признания совершенного лицом изнасилования повторным. Однако это обстоятельство должно учитываться как отягчающее при индивидуализации наказания виновному, так как свидетельствует о том, что он не исправился.

Повторным изнасилование считается как в случаях, когда лицо ранее совершило изнасилование, так и при покушении на это преступление, независимо от того, являлось ли оно соучастником или исполнителем совершенного ранее изнасилования или покушения на него.

Ввиду того, что в судебной практике указанное вызывало сомнение, в постановлении Пленума Верховного

---

[1] См. ст. 103 УК.

[2] Б. А. Блиндер. Повторность как обстоятельство, отягчающее изнасилование. «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии». Душанбе, 1966, стр. 111—119.

Суда СССР от 25 марта 1964 года специально разъясняется, что ч. 2 ст. 117 УК РСФСР подлежит применению, независимо от того, был ли виновный осужден ранее за совершение изнасилования, были ли оконченными эти изнасилования и является ли виновный исполнителем или иным соучастником таковых.

Однако и в настоящее время при квалификации изнасилования как повторного судами иногда допускаются ошибки. Так, нарсудом Железнодорожного района г. Душанбе был осужден Б., который в нетрезвом состоянии покушался на изнасилование Ш., а когда она вырвалась и убежала, пытался изнасиловать Д. Б. был привлечен к ответственности по ст. 15 и ч. 2, стр. 121 УК, но суд без всяких к тому оснований переквалифицировал его действия на ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК.

Изнасилование является повторным и в том случае, когда состав ранее совершенного изнасилования входил в состав другого более тяжкого преступления, в частности бандитизма. Если, например, виновный был осужден за бандитизм, причем банда совершала изнасилования, то повторное изнасилование уже не в составе банды подлежит квалификации по ч. 2, ст. 121 УК.[1]

Спорным является вопрос, можно ли считать изнасилование повторным, если будет доказано, что обвиняемый ранее совершил изнасилование, но потерпевшая в установленном порядке не подала на него жалобу.

Б. А. Блиндер полагает, что в этом случае изнасилование должно рассматриваться как повторное. Автор мотивирует это тем, что поскольку отсутствие жалобы потерпевшей не исключает события изнасилования, то вторичное совершение этого преступления должно квалифицироваться как повторное, и расследование проводиться по обоим фактам, несмотря на то, что по поводу первого случая изнасилования жалобы не поступило. Он считает ошибочной практику, которая при отсутствии жалобы потерпевшей по одному из фактов изнасилования, не признает последующее изнасилование повторным.[2] Мы же полагаем, что такая практика является правильной.

В тех случаях, когда насильственное половое сношение совершается без отягчающих обстоятельств, вопрос о том, считать ли половой акт насильственным или добровольным, сопротивление серьезным или мнимым, решает сама женщина. Если она не подает жалобы, действует презумпция о том, что половое сношение было совершено с ее согласия. В таком случае, если субъект затем совершает изнасилование этой или другой женщины, его преступление считать повторным нельзя.

---

[1] Б. А. Блиндер. Указ. статья, стр. 111.

[2] Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 24.

Иногда изнасилование совершается несколько раз в отношении одной и той же потерпевшей. В связи с этим возникает вопрос, должны ли эти действия рассматриваться как продолжаемое преступление, или же следующие за первым насильственные половые сношения нужно считать повторными.

Сущность продолжаемого преступления состоит в том, что для всех отдельных эпизодов такого преступления характерна их глубокая внутренняя связь. Она проявляется как в том, что во всех эпизодах потерпевшим является одно и то же лицо, так и в том, что действия, входящие в объективную сторону состава, имеют однородный характер и совершаются виновным в течение непродолжительного промежутка времени между ними.[1]

Поэтому, если лицо или группа лиц в течение небольшого промежутка времени, например, того же вечера или ночи, совершили с одной потерпевшей несколько насильственных половых актов, то такое преступление должно считаться продолжаемым, а не повторным. В тех же случаях, когда виновный насилует одну и ту же потерпевшую несколько раз, но каждый из случаев изнасилования происходит через определенные промежутки времени — изнасилование должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 121 УК как повторное.

Большую сложность представляет соотношение повторности и совокупности преступлений. В частности, возникает вопрос, требуется ли при совершении повторного изнасилования, если субъект не был до этого привлечен к ответственности за ранее совершенное изнасилование, квалифицировать последнее по совокупности, или же этот первый случай охватывается понятием повторного изнасилования.

По этому вопросу имеются две точки зрения. Согласно одной из них квалификация по совокупности возможна только в случае, когда совершены разнородные преступления, охватываемые различными статьями уголовного кодекса. Сторонники этой точки зрения ссылаются на ст. 40 УК РСФСР (ст. 39 УК Тадж. ССР), согласно которой лицо признается виновным по совокупности в случаях совершения двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части УК, если оно (лицо) не было ранее ни за одно из них осуждено.[1]

---

[1] В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 306—307.

Если исходить из этого, следует прийти к выводу, что, независимо от того, по какой части ст. 121 УК должно квалифицироваться первое изнасилование, во втором случае достаточно квалифицировать все содеянное по ч. 2 указанной статьи УК, а квалификации по совокупности не требуется.

Согласно другой точке зрения допускается возможность применения совокупности и при совершении однородных преступлений в тех случаях, когда каждое из них охватывается различными частями данной нормы. Такая возможность прямо предусмотрена в ст. 40 УК Грузинской ССР, устанавливающей применение наказания по совокупности также и для случаев совершения однородных преступлений, предусмотренных различными частями статьи уголовного кодекса.

Вопрос о том, подлежат ли ранее совершенные изнасилования квалификации по совокупности, возникает и в тех случаях, когда одно из этих преступлений было законченным, а другое являлось покушением или наоборот.

В связи с этим в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года разъяснено, что при совершении двух или более изнасилований, ответственность за которые предусмотрена различными частями ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, а также при совершении в одном случае покушения на изнасилование или соучастия в нем, а в другом оконченного изнасилования, действия виновного по каждому из указанных преступлений должны быть квалифицированы самостоятельно.

Из указанного можно сделать следующие выводы о соотношении повторности и совокупности при изнасиловании.

---

[1] См. Н. А. Стручков. Назначение наказания по совокупности. М., 1957, стр. 15; А. М. Яковлев. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1960, стр. 46.

Для квалификации ранее совершенных изнасилований только по ч. 2 ст. 121 УК без применения правил о совокупности необходимо одновременное наличие следующих трех условий:

— все случаи изнасилований, совершенные виновным, должны охватываться ч. 1 ст. 121 УК;

— форма участия виновного в совершении всех изнасилований должна быть одинаковой. Он должен быть или исполнителем (соисполнителем) этих преступлений, или во всех случаях являться их соучастником;

— все изнасилования должны быть или оконченными, либо во всех случаях являться покушениями на это преступление.

При отсутствии хотя бы одного из указанных условий действия виновного следует квалифицировать по совокупности, так как признак повторности не дает полной характеристики совершенных общественно опасных деяний.

Поэтому если лицо совершило сначала покушение на изнасилование, а затем изнасилование, его действия должны квалифицироваться по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК и по ч. 2 ст. 121 УК.

Если лицо первый раз совершило изнасилование, а второй раз покушение на него, квалификация его действия должна быть соответственно следующая: ч. 1 ст. 121 УК и ст. 15 и ч. 2 ст. 121 УК.

Когда лицо первый раз являлось соучастником изнасилования, а второй раз его исполнителем, действия виновного подлежат квалификации по ст. 17 и ч. 1 ст. 121 УК и ч. 2 ст. 121 УК.

Аналогичным образом по совокупности квалифицируются случаи, когда ранее совершенное изнасилование подлежало квалификации по ч. 3 ст. 121 УК.

Однако, если вторично совершенное изнасилование также подлежит квалификации по ч. 3 ст. 121 УК, признак повторности уже значения не имеет и все совершенные изнасилования квалифицируются по указанной части ст. 121 УК.

Следует отметить, что на практике суды при признании изнасилования повторным иногда не квалифицируют ранее совершенные виновным изнасилования по совокупности в тех случаях, когда такая квалификация является необходимой. Так, по делу по обвинению А.

было установлено, что он 11 октября 1964 года, угрожая ножом, изнасиловал потерпевшую К. В процессе расследования оказалось, что обвиняемый при таких же обстоятельствах 17 июня того же года совершил покушение на изнасилование Г. По заявлению последней прокуратурой г. Курган-Тюбе против А. было возбуждено уголовное дело, материалы которого были приобщены к делу, возбужденному прокуратурой г. Душанбе. Однако обвинение было предъявлено А. только по ч. 2 ст.121 УК, и по этой же статье А. был осужден народным судом Железнодорожного района г. Душанбе. Между тем действия обвиняемого подлежали квалификации по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК и ч. 2 ст. 121 УК.

По другому делу обвиняемый Г. был осужден за покушение на изнасилование Т. и за изнасилование М. Его действия следственными органами и народным судом Пархарского района были квалифицированы по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК и по ч. 1 ст. 121 УК, в то время как изнасилование М. являлось повторным, и он подлежал осуждению по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК и ч. 2 ст. 121 УК.

Вопрос о том, должно ли изнасилование рассматриваться как повторное в случаях, когда за ранее совершенное изнасилование лицо не может быть привлечено к ответственности, ввиду снятия судимости или истечения срока уголовного преследования, в литературе спорен. Так, И. Кукарский утверждает, что и в этих случаях лицо подлежит привлечению к ответственности по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, так как отягчающим обстоятельством является не судимость за изнасилование в прошлом, а повторное совершение этого преступления [1].

Такое же мнение высказывают и другие авторы. Например, С. В. Бородин применительно к убийству пишет, что истечение срока давности не означает отсутствия события преступления вообще, а для квалификации убийства, как повторного, закон требует только установления факта, что в прошлом обвиняемый совершил умышленное убийство.[2]

В. Владимиров, рассматривая вопрос о повторности преступлений против личной собственности, отмечает, что так как повторность не связана с наличием у субъекта судимости, а характеризует лишь его повышенную опасность, то факту снятия судимости значения придаваться не должно.[1]

---

[1] И. Кукарский. Указ. статья, стр. 12.

[2] С. В. Бородин. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966, стр. 72—75.

А. А. Герцензон, анализируя общее понятие повторности, указывает, что преступление может быть признано судом повторным, независимо от того, что судимость за первое преступление снята или погашена.[2]

С указанными соображениями согласиться нельзя, так как закон рассматривает снятие судимости и истечение срока уголовного преследования, как обстоятельства, при наступлении которых преступление, ранее совершенное субъектом, считается юридически не имеющим места.

Поэтому в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года специально подчеркивается, что изнасилование не может быть признано повторным, если судимость за ранее совершенное изнасилование с виновного снята в порядке амнистии или помилования, либо погашена или снята в соответствии со ст. 47 Основ уголовного законодательства, а также, если к моменту совершения второго изнасилования истекла давность уголовного преследования за ранее совершенное преступление или сроки исполнения обвинительного приговора, указанные в ст.ст. 41 и 42 Основ.

Вместе с тем следует иметь в виду, что не во всех случаях судимость лица за совершенное изнасилование считается автоматически снятой в связи с истечением срока уголовного преследования. Если виновный был осужден к лишению свободы на срок свыше 10 лет, погашение судимости в соответствии с п. 7 ст. 54 УК допускается только в случае установления судом, что осужденный исправился и нет необходимости считать его имеющим судимость.

Это же относится и к случаям применения давности, когда повторному изнасилованию предшествовало изнасилование, квалифицируемое по ч. 3 ст. 121 УК, за совершение которого может быть назначена смертная казнь (ст. 46 УК).

---

[1] В. Владимиров. Преступления против личной собственности граждан по уголовному законодательству союзных республик. «Советское государство и право». 1962, № 8, стр. 73.

[2] А. Герцензон. Об Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1959, стр. 59.

Вторым квалифицирующим изнасилование обстоятельством, связанным с личностью субъекта, является совершение этого преступления особо опасным рецидивистом.

При рассмотрении вопроса о связи особо опасного рецидива с изнасилованием следует различать обстоятельства, при наличии которых лицо, совершившее изнасилование, может быть признано судом особо опасным рецидивистом и случаи, когда изнасилование признается совершенным особо опасным рецидивистом.

Лицо, совершившее изнасилование, может быть признано судом в соответствии со ст. 24 УК особо опасным рецидивистом в следующих случаях:

Если оно после достижения 18-летнего возраста было ранее осуждено хотя бы один раз за совершение изнасилования или одного из других преступлений перечисленных в пункте первом ч. 1 ст. 24 УК.

Если лицо, совершившее изнасилование до этого было трижды осуждено за следующие преступления, совершенные им после достижения 18 лет:

— кражу (ст.ст. 89, 154 УК);
— грабеж (ст.ст. 90 и 155 УК);
— мошенничество (ст.ст. 93, 157 УК);
— спекуляцию (ч. 1 и 2 ст. 167 и ч. 1 ст. 168 УК);
— злостное хулиганство (ч. 2 ст. 220 УК);
— за приобретение или сбыт имущества добытого преступным путем (ч. 2 ст. 222 УК).

Если лицо совершило изнасилование во время отбытия наказания в местах заключения или во время побега оттуда, вне зависимости от того, за какое преступление, совершенное после достижения 18-летнего возраста, оно было ранее осуждено.

Однако наличие условий, дающих суду право признать особо опасным рецидивистом лицо, совершившее изнасилование, не означает, что суд во всех случаях обязан это сделать. При решении этого вопроса суд должен учесть характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела (ч. 2 ст. 24 УК). Так, Верховным Судом Удмуртской АССР был признан особо опасным рецидивистом Н. Пленум Верховного Суда СССР приговор в отношении Н. изменил, исключив из него указание о признании осужденного особо опасным рецидивистом. В своем постановлении Пленум отметил, что Н. ранее уже судился за покушение на изнасилование и вновь совершил аналогичное преступление, в силу чего формально на основании примечания первого к ст. 24 УК РСФСР мог быть признан судом особо опасным рецидивистом. Однако указанное примечание вовсе не устанавливает обязательного признания подсудимого таковым в случае повторного его осуждения, а этот вопрос решается с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств дела.

Пленум указал, что «по смыслу закона особо опасными рецидивистами могут быть признаны лишь такие злостные преступники, которые не только имеют установленное число судимостей, но и которые в силу злостности совершенных действий представляют повышенную опасность для общества и упорно не желают стать на путь исправления».

Ввиду того, что Н. в обоих случаях не довел преступление до конца и положительно характеризуется по своей работе, Пленум указал, что оснований для признания его особо опасным рецидивистом у суда не было.[1]

Почти сразу же после принятия новых уголовных кодексов в судебной практике возник вопрос — в праве ли суд одновременно признать лицо особо опасным рецидивистом и учесть затем это как квалифицирующее обстоятельство или же квалификация преступления, как совершенного особо опасным рецидивистом, может иметь место только в отношении лица ранее признанного таковым судом и после этого совершившим новое преступление.

Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 10 июля 1961 года «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении УК и УПК РСФСР 1960 года» указал, что признание совершения преступления особо опасным рецидивистом возможно и в том случае, когда лицо признано таковым при рассмотрении данного дела.[2]

Иначе был решен этот вопрос в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 2 июня 1963 года «О судебной практике по признанию лица особо опасным рецидивистом», в котором указывалось, что преступления, как совершенные особо опасным рецидивистом, могут квалифицироваться только в том случае, если их субъект до совершения данного преступления уже был признан особо опасным рецидивистом в установленном законом порядке.[1]

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1966, № 5, стр. 35.

[2] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1961, № 1, стр. 10.

Таким образом, признание изнасилования, совершенным особо опасным рецидивистом, допускается только в том случае, когда виновный ранее до совершения изнасилования, за которое он привлекается к ответственности был уже признан судом особо опасным рецидивистом.

В связи с этим возникает вопрос о том, с какого момента лицо перестает быть особо опасным рецидивистом.

В указанном выше постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 года о судебной практике по признанию лица особо опасным рецидивистом указано, что это наступает с момента погашения или снятия судимости с лица, признанного особо опасным рецидивистом.

С. В. Бородин полагает, что такое решение вызывает серьезные сомнения, так как вряд ли есть необходимость, помимо судимости как последствия осуждения и отбытия наказания, после освобождения лица вводить еще особую категорию лиц, которые будут считаться особо опасными рецидивистами. Кроме того, он отмечает, что этим как бы заранее ставится под сомнение возможность исправления в местах заключения особо опасных рецидивистов.

В связи с указанными соображениями С. В. Бородин считает целесообразным установить, что лицо перестает быть особо опасным рецидивистом с момента отбытия срока наказания.[2] С этим согласиться нельзя, так как такое положение сводило бы на нет признание лица особо опасным рецидивистом, как обстоятельства, квалифицирующего последующие его преступления. Лицо в таком случае оставалось бы особо опасным рецидивистом только в процессе отбытия наказания, когда возможность совершения им преступлений почти исключена или же в тех редчайших случаях, когда осужденный бежал из места заключения и в это время совершил другое преступление.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963, № 4, стр. 19.

[2] С. В. Бородин. Указ. работа, стр. 81—83.

Между тем, повышенная ответственность лиц, признанных особо опасными рецидивистами, после отбытия ими наказания является серьезным стимулом для того, чтобы они воздерживались от совершения тяжких преступлений, опасаясь применения к ним наиболее суровых мер наказания, в частности смертной казни.

* * *

Квалифицирующими обстоятельствами, относящимися к субъекту изнасилования, являются повторность изнасилования, и совершение этого преступления особо опасным рецидивистом.

1. Повторность как обстоятельство, квалифицирующее изнасилование, по своему содержанию шире специального рецидива и относится также к тем случаям, когда лицо не было осуждено за ранее совершенное изнасилование. Вместе с тем, повторность не включает в себя общий рецидив и судимость за какое-либо иное преступление, не служит основанием для признания изнасилования повторным.

2. Повторным изнасилование считается также в тех случаях, когда лицо до этого покушалось на указанное преступление или являлось соучастником его совершения.

3. Повторное изнасилование одной и той же потерпевшей отличается от продолжаемого изнасилования тем, что в первом случае изнасилование происходит через определенный промежуток времени, в то время как при продолжаемом изнасиловании — половые сношения с потерпевшей совершаются в течение того периода, когда жертва еще находится во власти одного или группы насильников.

4. Если лицо, совершившее повторное изнасилование, за ранее совершенное изнасилование к ответственности не привлекалось, его действия подлежат квалификации по совокупности.

Исключение составляют случаи, когда все ранее совершенные субъектом изнасилования по квалификации аналогичны тому изнасилованию, за которое он привлекается к ответственности.

5. При рассмотрении вопроса о связи особо опасного рецидива с изнасилованием следует четко различать обстоятельства, при которых лицо, совершившее изнасилование, может быть признано судом особо опасным рецидивистом и случаи, когда изнасилование признается совершенным особо опасным рецидивистом.

6. Признание изнасилования, совершенным особо опасным рецидивистом, допускается только в случаях, когда виновный уже ранее был признан судом особо опасным рецидивистом в соответствии со ст. 24 УК.

ОСОБО ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Одним из обстоятельств,квалифицирующих изнасилование, являются его особо тяжкие последствия.

В нашем уголовном законодательстве понятие тяжких последствий преступления применяется в трех аспектах:

— во-первых, как обстоятельство, отягчающее ответственность (п. 4 ст. 38 УК);

во-вторых, как обязательный элемент состава преступления;

— в-третьих, тяжкие последствия признаются обстоятельством, квалифицирующим преступление, как это имеет место в составе изнасилования.

Необходимо отметить также, что в диспозициях статей, упоминающих о тяжких последствиях, как элементе состава или квалифицирующем его обстоятельстве, применяются термины «тяжкие последствия» или «иные тяжкие последствия»; характеристика же таких последствий как «особо тяжких» содержится лишь в диспозиции статьи об изнасиловании.

Кроме того, понятие тяжких последствий в уголовных кодексах иногда применяется не только к таким последствиям, которые уже фактически наступили, но и к таким, которые, хотя и не наступили, но могли наступить.

Особо тяжкие последствия как обстоятельство, квалифицирующее изнасилование, по своему характеру являются переменным признаком объективной стороны рассматриваемого состава, так как содержание этого понятия определяется не только законом, но и конкретными обстоятельствами дела. В. Н. Кудрявцев называет подобного рода признаки — оценочными.[1]

По каждому делу суд обязан решить вопрос о том, относятся ли последствия совершенного виновным изнасилования к особо тяжким или нет.

Вместе с тем, особо тяжкие последствия изнасилования как квалифицирующее обстоятельство имеют и присущие всем им особенности:

— эти последствия должны быть связаны с жизнью или здоровьем потерпевшей;

— находиться в причинной зависимости от изнасилования, являясь закономерным последствием действий виновного, входящих в объективную сторону состава изнасилования;

— наступление таких последствий должно фактически иметь место. Если действия виновного, представляющие опасность для жизни и здоровья потерпевшей, не повлекли за собой особо тяжких последствий, хотя и могли их вызвать, это обстоятельством, квалифицирующим изнасилование, не является.

Наступление особо тяжких последствий может быть результатом действий как субъекта изнасилования, так и потерпевшей.

Действия субъекта, вызвавшие такие последствия, могут:

— предшествовать изнасилованию и иметь своей целью подавление сопротивления потерпевшей;

— находиться в связи с насильственным половым актом;

— быть совершенными непосредственно после окончания изнасилования.

Однако в последнем случае такие действия подлежат квалификации по совокупности, так как они, хотя и являются причиной наступления особо тяжких последствий, но составом изнасилования уже не охватываются.

Действия потерпевшей, повлекшие особо тяжкие последствия для ее здоровья или жизни, могут быть подразделены на:

— совершенные с целью избежать изнасилования, например, потерпевшая выбросилась из окна или выпрыгнула на ходу из поезда, на площадке которого виновный пытался ее изнасиловать;

---

[1] В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 117—128.

— совершенные после изнасилования, например, если потерпевшая в связи с ее изнасилованием покончила жизнь самоубийством;

— наконец, наступление особо тяжких последствий может быть следствием душевного потрясения потерпевшей, вызвавшим у нее психическую болезнь или серьёзное обострение психического или иного заболевания, которым она ранее страдала.

Особо тяжкие последствия изнасилования должны быть результатом виновных действий субъекта. Однако, если совершение изнасилования всегда предполагает прямой умысел, то вина в наступлении особо тяжких его последствий может быть также и в форме эвентуального умысла и даже небрежности. Это связано с тем, что субъект изнасилования может и не желать, чтобы его противоправные действия вызвали тяжкие последствия, но сознавать, что, в связи с насильственным осуществлением полового акта, такие последствия могут наступить (эвентуальный умысел). Не исключено и такое положение, при котором субъект, совершая изнасилование, должен был и имел возможность предвидеть из обстановки, в которой оно происходило, или, учитывая личность потерпевшей, что его действия могут вызвать такие последствия, но этого тем не менее не предвидел (небрежная вина).

Между тем, следственные органы и суд при расследовании дел об изнасиловании, повлекшем особо тяжкие последствия, обычно устанавливают только их причинную связь с совершенным изнасилованием, а вопрос о вине субъекта в наступлении таких последствий не исследуют.

В результате обвиняемому вменяются и такие последствия изнасилования, которые он не мог или не должен был предвидеть.

На недопустимость этого специально указывает Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 8 марта 1963 года «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел». В нем подчеркивается, что «вредные последствия, независимо от их тяжести, могут быть вменены лицу лишь в том случае, если оно действовало в отношении их умышленно или допустило их по неосторожности.»[1]

В уголовном кодексе Грузинской ССР рассматриваемое положение прямо сформулировано в ст. 11, согласно которой «если уголовный закон предусматривает повышение наказания ввиду наступления тяжелого последствия, не охватываемого умыслом виновного, то такое повышение может иметь место лишь в том случае, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление этого последствия».

Указывая, что особо тяжкие последствия являются обстоятельством, квалифицирующим изнасилование, ч. 3 ст. 121 УК не устанавливает их видов. Перечень таких последствий дан в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года.

К ним Верховный Суд относит: смерть или самоубийство потерпевшей, расстройство душевной деятельности, причинение ей телесных повреждений, повлекших потерю зрения, слуха, прерывание беременности или иные последствия, предусмотренные ст. 108 УК РСФСР.[2]

Каждый из этих видов особо тяжких последствий имеет свои особенности и поэтому требует отдельного рассмотрения.

Смерть потерпевшей как особо тяжкое последствие изнасилования может явиться результатом ее неосторожного или умышленного убийства, быть следствием самоубийства или же несчастного случая с потерпевшей при попытке спастись от насильника.

Если смерть была вызвана убийством, очень важным является установление, было ли оно неосторожным или умышленным, так как от этого зависит квалификация содеянного.

---

[1] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963, М., 1964, стр. 171.

[2] Ввиду того, что указанный перечень носит лишь примерный характер, Б. А. Блиндер предлагает в порядке совершенствования уголовного законодательства установить в диспозиции статьи об изнасиловании, исчерпывающий перечень особо тяжких последствий, включив в него смерть, тяжкие телесные повреждения, психическое заболевание, прерывание беременности и заражение венерической болезнью (Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 15).

Смерть потерпевшей от неосторожного убийства может наступить как во время изнасилования, так и при покушении на него, в результате того, что обвиняемый, не имея намерения лишить потерпевшую жизни, не рассчитал интенсивности примененного им физического насилия.

Неосторожное убийство полностью охватывается ч. 3 ст. 121 УК и дополнительной квалификации не требует. Высказанное мнение, что в таких случаях действия виновного следует также квалифицировать по совокупности как неосторожное убийство[1] в литературе поддержки не нашло.[2]

Вопрос же о квалификации изнасилования, сопряженного с умышленным убийством потерпевшей, является спорным.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июля 1963 года «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленных убийствах» указал, что такое убийство, сопряженное с изнасилованием, подлежит квалификации по п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Из этого делается вывод, что в таких случаях дополнительной квалификации содеянного по ч. 3. ст.117 УК РСФСР не требуется.[3]

Указанная точка зрения высказана и рядом исследователей рассматриваемого вопроса. Так, Л. А. Андреева считает, что действия насильника, имевшего умысел на причинение смерти потерпевшей, должны квалифицироваться по ст. 102 п. «е» УК и по той части ст. 117 УК РСФСР, которая была бы применена к виновному в том случае, если бы убийство не было совершено. Квалификации же по ч. 3 ст. 117 УК не требуется, так как действия убийцы не охватываются объективной стороной изнасилования и их к его особо тяжким последствиям отнести нельзя.[1]

---

[1] Н. И. Загородников. Преступления против жизни. М., 1961, стр. 137—138.

[2] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 118—119.

[3] Пленум Верховного Суда РСФСР от 5 августа 1967 года в результате обсуждения доклада о выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года «О судебной практике по делам об изнасиловании», исходя из того, что совершение при изнасиловании умышленного убийства составляет два самостоятельных преступления решил внести в Верховный Суд СССР представление о дополнении постановления Пленума от 25 марта 1964 года разъяснением о квалификации действий виновного в случаях, когда при изнасиловании или покушении на него он совершает умышленное убийство потерпевшей. (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 12, стр. 8).

Авторы Комментария УК РСФСР под редакцией Б. С. Никифорова полагают, что умышленное убийство, совершенное в момент изнасилования в процессе борьбы с потерпевшей, или непосредственно после изнасилования с целью избежать разоблачения, отомстить за сопротивление и т. п., должно квалифицироваться только по п. «е» ст. 102 УК РСФСР.

По совокупности же ст. 117 УК и п. «е» ст. 102 УК РСФСР, по мнению указанных авторов, подлежат квалификации лишь случаи убийства совершенные через значительное время после изнасилования с целью его сокрытия.[2]

Согласно другой точке зрения умышленное убийство в процессе изнасилования или непосредственно после его окончания должно квалифицироваться по совокупности по ч. 3 ст. 117 УК и по п. «е» ст. 102 УК РСФСР. В тех же случаях, когда между изнасилованием и убийством имеется разрыв во времени, то при отсутствии других обстоятельств, квалифицирующих изнасилование, виновный подлежит привлечению к ответственности по ч. 1 ст. 117 и п. «е» ст. 102 УК РСФСР.

В подтверждение этого С. В. Бородин[3] и А. Н. Игнатов[4], отстаивающие такую точку зрения, указывают, что умышленное убийство, даже сопряженное с изнасилованием, состава этого преступления в себя не включает. Поэтому здесь имеется реальная совокупность двух преступлений — умышленного убийства и изнасилования — различных как по объекту, так и по направленности умысла и характеру действий виновного.

Мы также полагаем, что в случаях, когда изнасилование и убийство были совершены в разное время, действия виновного следует квалифицировать по совокупности по п. «е» ст. 104 УК и соответствующей части ст. 121 УК. Если же умышленное убийство было совершено в процессе изнасилования в целях преодоления сопротивления потерпевшей или во время полового сношения с ней, а также сразу же после окончания изнасилования, то действия виновного, по нашему мнению, подлежат квалификации по совокупности по п. «е» ст. 104 и ч. 3 ст. 121 УК.

---

[1] Л. А. Андреева. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 13.

[2] Указ. Комментарий УК РСФСР под ред. Б. С. Никифорова, стр. 252—253.

[3] С. В. Бородин. Указ. работа, стр. 68—69.

[4] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 114—118.

Иногда изнасилование сопровождается покушением на убийство. А. Н. Игнатов предлагает в таких случаях квалифицировать содеянное по совокупности ст. 15 и ч. 3 ст. 117 и ст. 15 и п. «е» ст. 102 УК РСФСР. Он объясняет это предложение тем, что в данном случае менее тяжкое преступление (изнасилование, предусмотренное ч. 1 ст. 117 УК РСФСР) является составной частью более тяжкого преступления — изнасилования, повлекшего особо тяжкие последствия (ч. 3 ст. 117 УК), и поэтому содеянное требует самостоятельной квалификации как покушение на изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия.

Возможность подобной юридической оценки оконченного преступления как покушения автор мотивирует ссылкой на постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 года «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», согласно которому в случаях, когда умысел виновного был направлен на хищения в значительном размере, но по независящим от него обстоятельствам было фактически совершено мелкое хищение, преступление надлежит квалифицировать как покушение на хищение в значительном размере.[1]

С этими соображениями согласиться нельзя, так как квалификация фактически совершенного изнасилования как покушения неправильно характеризует общественную опасность совершенного деяния. Хотя покушение и содержит состав преступления, но нет сомнения в том, что его общественная опасность меньше, чем оконченного преступления. Это особенно относится к изнасилованию, наносящему огромную психическую, а в ряде случаев и серьезную физическую травму потерпевшей.

Поэтому аналогия изнасилования с хищением социалистической собственности в мелких размерах, которое, если умысел был направлен на крупное хищение, должно квалифицироваться как покушение на таковое, в данном случае неуместна.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 125—126.

Следует также учесть, что квалификация фактически совершенного изнасилования по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК на том основании, что оно было сопряжено с покушением на убийство означает признание квалифицирующим обстоятельством фактически не наступивших последствий изнасилования. Поэтому мы считаем, что изнасилование, сопряженное с покушением на убийство, должно квалифицироваться по ст. 15. и п. «е» ст. 104 УК и по той части ст. 121 УК, под которую подпадает фактически совершенное изнасилование.

Одним из особо тяжких последствий изнасилования является смерть потерпевшей в результате ее самоубийства.

Самоубийство, как и другие последствия изнасилования, должно находиться с последним в причинной связи. Однако неправ П. И. Люблинский, полагавший, что ответственность за самоубийство, как последствие изнасилования, может наступить только в случае, когда оно было совершено непосредственно при обороне от изнасилования или под прямым впечатлением от него, а не в случаях, когда потерпевшая лишила себя жизни в результате последовавшего за изнасилованием сложного процесса психических переживаний и социальных отношений.[1]

Мы считаем, что и в этом случае, если будет доказано, что причиной самоубийства было изнасилование, ответственность виновного наступает по ч. 3 ст. 121 как за особо тяжкое его последствие. То же относится и к случаям, когда причиной самоубийства явилось заражение потерпевшей венерической болезнью или наступление беременности.

Кроме причинной связи, между изнасилованием и самоубийством должна быть также установлена вина субъекта в самоубийстве потерпевшей в форме прямого или косвенного умысла либо неосторожности. Нельзя согласиться с авторами, утверждавшими, что сам факт самоубийства должен быть вменен обвиняемому, независимо от его психического отношения к этому последствию изнасилования.[2]

---

[1] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 75.

[2] Такого мнения придерживались Э. Я. Немировский (Уголовное право, Одесса, 1926, стр. 330); А. А. Жижиленко (Преступления против личности, М., 1927, стр. 117); З. А. Вышинская (Преступления против личности, М., 1939, стр. 36).

Конечно, установить вину обвиняемого в таких случаях весьма сложно. П. Б. Франк считал это даже логически невозможным, исходя из того, что самоубийство потерпевшей в результате ее изнасилования связано главным образом с ее интеллектуальными особенностями.[1] Однако именно эти интеллектуальные особенности и обязан был учесть виновный, совершая изнасилование. Если же он таких особенностей не учел, хотя по обстоятельствам дела должен был иметь их в виду, то тем самым допустил вину в форме неосторожности.

Не совсем ясен вопрос, как должно квалифицироваться изнасилование, следствием которого было покушение потерпевшей на самоубийство. Мы считаем, что это зависит от последствий такого покушения. Если оно повлекло за собой тяжелое повреждение здоровья потерпевшей, содеянное подлежит квалификации по ч. 3 ст. 121 УК. Если же таких последствий самоубийства не наступило, действия виновного подлежат квалификации по той части ст. 121 УК, по которой он привлекался бы к ответственности в том случае, если бы покушение на самоубийство места не имело.

Аналогично с самоубийством должна рассматриваться и смерть потерпевшей от несчастного случая, явившегося следствием изнасилования. Однако, в отличие от самоубийства, причинная связь между изнасилованием и несчастным случаем должна быть непосредственной. Это значит, что несчастный случай, вызвавший смерть потерпевшей, должен произойти или в процессе обороны от нападения насильника или когда потерпевшая, спасаясь от такого нападения, стала жертвой несчастного случая.

Переходя к рассмотрению тяжких телесных повреждений, как особо тяжкого последствия изнасилования, необходимо иметь в виду, что ст. 111 УК об умышленных тяжких телесных повреждениях подразделяет их на два вида:

— тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни;

— тяжкие телесные повреждения, повлекшие определенные последствия.

---

[1] П. Б. Франк. Деяния с квалифицированными последствиями». «Вестник советской юстиции», 1928, № 2, стр. 38.

Такими последствиями в соответствии со ст. 111 УК являются:

— потеря органа или утрата им его функций (зрения, слуха и т. п.);

— неизгладимое обезображение лица;

— душевная болезнь;

— прерывание беременности, а также

— иное, не связанное с утратой органом его функций, расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть.

Что же касается тяжких телесных повреждений, опасных для жизни, то под ними имеются в виду такие повреждения, которые могли повлечь за собой причинение смерти потерпевшему лицу, но смертельный исход или перечисленные выше последствия в данном конкретном случае не наступили.

В связи с этим возникает вопрос, следует ли считать причинение таких телесных повреждений особо тяжким последствием изнасилования.

А. Н. Игнатов полагает, что любое тяжкое телесное повреждение, в том числе опасное для жизни, но не вызвавшее указанных в законе последствий, должно рассматриваться, как особо тяжкое последствие изнасилования, поскольку преступление в таких случаях представляет повышенную общественную опасность. В качестве аргумента, подкрепляющего этот вывод, автор указывает, что поскольку ч. 2 ст. 117 УК РСФСР предусматривает повышенную опасность за изнасилование, сопряженное с угрозой причинения тяжких телесных повреждений, то фактическое их причинение представляет еще большую опасность и поэтому должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.[1]

Однако этот аргумент не применим к уголовным кодексам тех союзных республик, в которых подобного рода угрозе не придается значения квалифицирующего изнасилование обстоятельства. Кроме того, оно противоречит существующей судебной практике, согласно которой особо тяжкими признаются только фактически наступившие последствия изнасилования.

При обсуждении на Пленуме Верховного Суда РСФСР в августе 1967 года доклада о выполнении судами республики постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года вопрос о том, следует ли относить к особо тяжким последствиям изнасилования телесные повреждения, опасные для жизни, но не повлекшие тяжких последствий, вызвал оживленный обмен мнениями, причем большинство выступавших отвечало на него положительно.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 123.

Поэтому Пленум решил внести в Верховный Суд СССР представление о дополнении постановления Пленума от 25 марта 1964 года разъяснением о квалификации действий виновных в случаях, когда при изнасиловании потерпевшей причиняются телесные повреждения, опасные для жизни в момент их нанесения, но не повлекшие за собой особо тяжких последствий.[1]

Для ответственности за особо тяжкие телесные повреждения как последствие изнасилования необходимо установление причинной связи между ними и изнасилованием.

Такая причинная связь налицо в случаях, когда эти повреждения были причинены в результате применения насилия для подавления сопротивления потерпевшей. Они могут быть также следствием самого полового акта, особенно если потерпевшей была малолетняя или престарелая женщина, или же являться последствием действий потерпевшей при ее попытке спастись от насильника.

Во всех подобного рода случаях квалификации телесных повреждений по совокупности не требуется, так как они охватываются составом ч. 3 ст. 121 УК.

В тех же случаях, когда нанесение виновным тяжких телесных повреждений произошло после окончания изнасилования, его действия подлежат квалификации по совокупности как изнасилование и умышленные тяжкие повреждения.

А. Н. Игнатов считает, что если изнасилование сопровождалось покушением на нанесение тяжких телесных повреждений, оно должно квалифицироваться по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР как покушение на изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия.[2]

Возражения против квалификации фактически совершенного изнасилования как покушения на таковое нами уже приводились при рассмотрении аналогичного предложения, когда шла речь об изнасиловании, сопровождавшемся покушением на убийство.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 12, стр. 5—8.

[2] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 125.

Мы считаем, что изнасилование, сопровождавшееся покушением на нанесение тяжких телесных повреждений следует квалифицировать в соответствии с той частью статьи 121 УК, которая соответствует содеянному без применения совокупности, так как возможность нанесения тяжких телесных повреждений потерпевшей полностью охватывается диспозицией всех частей статьи об изнасиловании.

Одним из особо тяжких последствий изнасилования является душевная болезнь потерпевшей. Судебная практика исходит из того, что таким последствием следует считать любое психическое заболевание, независимо от того, носит ли оно стойкий или преходящий характер.

Так, Пермский областной суд осудил Ш. по ст. 15 и ч. 3 ст. 117 и ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за покушение на изнасилование Б., последствием чего явилось ее психическое заболевание, и за злостное хулиганство.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР переквалифицировала действия Ш. со ст. 15 и ч. 3 ст. 117 УК на ст. 15 и ч. 2 ст. 117 УК на том основании, что наступившее у потерпевшей расстройство душевной деятельности носит временный характер.

Президиум Верховного Суда РСФСР признал этот вывод неправильным и неоснованным на законе, указав, что ни в ст. 108 УК РСФСР, ни в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года нет никаких оговорок о том, что расстройство душевной деятельности, как особо тяжкое последствие изнасилования, должно носить стойкий характер.[1]

Судебная практика относит также к особо тяжким последствиям изнасилования и обострение душевной болезни, которой уже ранее страдала потерпевшая.

Например, Верховный Суд Карельской АССР осудил Л. по ч. 3 ст 117 УК РСФСР за изнасилование К. В приговоре отмечалось, что в связи с изнасилованием у потерпевшей обострилась душевная болезнь — шизофрения, которой она болела и ранее, причем это заболевание перешло в тяжелую форму, требующую длительного лечения.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 6, стр. 9—10.

В кассационной жалобе Л. просил переквалифицировать его действия на ч. 1 ст. 117 на том основании, что К. и до ее изнасилования страдала душевной болезнью.

Отклоняя эту жалобу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что потерпевшая хотя болела шизофренией и ранее, но в результате активного лечения у нее наступило состояние стойкой и полной ремиссии, и до изнасилования она была практически здорова. В результате же изнасилования болезнь ее обострилась и перешла в тяжелую форму. Поэтому Судебная коллегия сочла, что действия Л. были судом квалифицированы правильно.[1]

Следует отметить, что в приговорах о признании душевного заболевания потерпевшей особо тяжким последствием изнасилования, в том числе и по приведенным выше делам, обычно не затрагивается вопрос о том, мог ли и должен ли был обвиняемый, исходя из обстоятельств данного конкретного дела, предвидеть, что в результате изнасилования потерпевшая может заболеть душевной болезнью или таковая у нее может обостриться. Между тем, установление этого является очень важным.

Если подобная возможность не могла быть охвачена предвидением обвиняемого, наступившая у потерпевшей душевная болезнь не может быть ему вменена и совершенное изнасилование подлежит квалификации (при отсутствии других квалифицирующих обстоятельств) не по ч. 3 ст. 121 УК, а по ч. 1 этой статьи.

Вопрос о том, следует ли считать заражение потерпевшей в результате изнасилования венерической болезнью его особо тяжким последствием является спорным.

Г. Б. Карнович и М. Г. Коршик полагают, что заражение венерической болезнью нельзя относить к особо тяжким последствиям изнасилования и в таких случаях виновный подлежит привлечению к ответственности по совокупности по соответствующей части статьи за изнасилование и статье, предусматривающей заражение венерической болезнью[2].

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1966, № 5, стр. 8.

[2] Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик. Указ. работа, стр. 8.

М. Н. Хлынцов относит заражение венерической болезнью к особо тяжким последствиям изнасилования.[1]

Такого же мнения придерживается и Н. Г. Шалаев, отмечающий, что хотя не каждое венерическое заболевание само по себе является тяжелым, но при оценке состояния потерпевшей нельзя не учитывать дополнительную психическую травму, которая причиняется ей таким заболеванием. Поэтому любую венерическую болезнь следует, по его мнению, считать тяжким последствием изнасилования. Этот вывод подкрепляется ссылкой на ст. 108 УК РСФСР, согласно которой неизгладимое обезображение лица отнесено к тяжким телесным повреждениям, хотя по биологической тяжести травмы оно иногда является менее тяжким и даже легким.[2]

Этот довод, однако, убедительным признать нельзя, так как неизгладимое обезображение лица специально предусмотрено диспозицией статьи 108 УК РСФСР, а заражение венерической болезнью составляет самостоятельный состав, предусмотренный специальной статьей во всех уголовных кодексах союзных республик.

Мы считаем, что прав А. Н. Игнатов, полагающий, что заражение венерической болезнью следует считать особо тяжким последствием изнасилования только в случаях, когда оно повлекло за собой тяжкое расстройство здоровья потерпевшей. Устанавливая это обстоятельство следует, по мнению автора, учитывать также и тяжесть нанесенной потерпевшей моральной травмы. Если же таких последствий заражение венерической болезнью за собой не повлекло, содеянное должно квалифицироваться по совокупности по соответствующей части статьи об изнасиловании и статьи о заражении венерической болезнью.[3]

Наконец, возникает вопрос, следует ли относить к особо тяжким последствиям изнасилования наступившую в результате его беременность потерпевшей.

Н. Г. Шалаев отвечает на него положительно, указывая, что возникшая в связи с изнасилованием беременность причиняет потерпевшей серьёзную психическую травму, причем, как правило, женщина прибегает к аборту, последствия которого для нее небезразличны.[1]

---

[1] М. Н. Хлынцов. Указ. работа, стр. 11.

[2] Н. Г. Шалаев. Судебно-медицинские обоснования некоторых вопросов разграничения и квалификации половых преступлений. Сб. Вопросы криминалистики и криминологии. Душанбе, 1968, стр. 118—119.

[3] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 127.

Мы считаем, что с точки зрения действующего законодательства, наступление беременности у совершеннолетней женщины относить к особо тяжким последствиям изнасилования в том смысле, как это предполагает ч. 3 ст. 121 УК,— нельзя, так как беременность является естественным последствием нормального полового сношения, хотя и наносит в случях изнасилования потерпевшей дополнительную душевную травму.

Вместе с тем представлялось бы целесообразным в порядке совершенствования законодательства включить наступившую беременность потерпевшей, как и заражение ее венерической болезнью, в число квалифицирующих изнасилование обстоятельств, дополнив ими ч. 2 ст. 121 УК Таджикской ССР и соответствующих статей УК других союзных республик.

Б. А. Блиндер предлагает предусмотреть в качестве отягчающего состав изнасилования признака также поставление потерпевшей в опасное для ее жизни состояние.[2]

С этим согласиться нельзя. Физическое насилие и угроза как обязательные признаки объективной стороны изнасилования, направленные на подавление сопротивления потерпевшей, должны отличаться достаточной интенсивностью. Поэтому создание в результате таких действий ситуации, опасной для жизни потерпевшей, если она не повлекла особо тяжких последствий, входит в содержание дисцозиции ч. 1 ст. 121 УК и особым квалифицирующим обстоятельством быть не может.

* * *

1. Особо тяжкие последствия как обстоятельство, квалифицирующее изнасилование, отличаются следующими особенностями:

— они должны быть связаны с опасностью для жизни или здоровья потерпевшей;

— находиться в причинной зависимости от изнасилования, являясь последствием действий виновного, входящих в объективную сторону изнасилования;

---

[1] Н. Г. Шалаев. Указ, статья, стр. 119—120. Такого же мнения придерживается и М. Н. Хлынцов. (Указ. автореф. канд. дисс., стр. 14).

[2] Б. А. Блиндер. Указ. автореф. канд. дисс., стр 13.

— наступление таких последствий должно не только быть вероятным, но и фактически иметь место.

2. Особо тяжкие последствия изнасилования могут наступить в результате как действий субъекта, так и действий потерпевшей, связанных с ее сопротивлением насильнику.

Наступление особо тяжких последствий может явиться также следствием психического потрясения потерпевшей, вызвавшего у нее душевную болезнь или серьезное обострение какого-либо иного заболевания, которым она ранее страдала.

3. Вина в наступлении особо тяжких последствий, в отличие от вины в совершении изнасилования, предполагающей во всех случаях только прямой умысел, допускается также в форме косвенного умысла или небрежности.

Субъекту изнасилования не могут быть вменены такие особо тяжкие последствия, которые он, исходя из обстановки места совершения преступления и личности потерпевшей, не мог и не должен был предвидеть.

4. В случае смерти в результате неосторожного убийства в процессе изнасилования, совершенное виновным деяние является особо тяжким его последствием и охватывается ч. 3 ст. 121 УК. Поэтому оно дополнительной квалификации по совокупности не требует.

Умышленное убийство, сопряженное с изнасилованием, представляет идеальную совокупность этих преступлений и должно квалифицироваться по п. «е» ст. 104 УК и ч 3 ст. 121 УК.

Если умышленное убийство было совершено через некоторое время после окончания изнасилования в целях его сокрытия, действия виновного следует квалифицировать по п. «е» ст. 104 УК и соответствующей части ст. 121 УК.

5. К особо тяжким последствиям изнасилования относятся только тяжкие телесные повреждения, вызвавшие одно из указанных в ст. 111 УК последствий.

Тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни, но не повлекшие таких последствий, судебная практика к числу особо тяжких последствий изнасилования не относит.

6. Душевная болезнь потерпевшей признается особо тяжким последствием изнасилования, независимо от того, носит ли эта болезнь стойкий или преходящий характер или же является обострением психического заболевания, которым еще до изнасилования страдала потерпевшая.

7. Заражение потерпевшей в результате изнасилования венерической болезнью следует считать особо тяжким последствием изнасилования, только если оно повлекло за собой тяжкое расстройство ее здоровья. В этих случаях содеянное подлежит квалификации по совокупности по ч. 3 ст. 121 и 118 УК.

8. Наступление беременности совершеннолетней женщины к особо тяжким последствиям изнасилования отнести нельзя, так как это является нормальным следствием полового сношения.

9. Исходя из того, что заражение венерической болезнью, независимо от ее исхода, и наступление беременности причиняют потерпевшей от изнасилования дополнительную психическую травму, представляется целесообразным включить эти признаки в число квалифицирующих обстоятельств, дополнив ими ч. 2 ст. 121 УК Таджикской ССР и соответствующие ей статьи УК других союзных республик.

10. С учетом ранее сделанного предложения распространить понятие повторности не только на изнасилование, но и на другие половые преступления, рекомендуется следующая редакция ч. 2 ст. 121 УК:

«Изнасилование, совершенное лицом, ранее совершившим такое же преступление или же преступления, предусмотренные статьями 122, 123, 124, 125 настоящего кодекса, либо повлекшее за собой заражение потерпевшей венерической болезнью или же наступление ее беременности —

наказывается . . . .».

СТАДИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Преступная деятельность при изнасиловании может проходить следующие стадии:

— приготовление к совершению изнасилования;
— покушение на изнасилование;
— оконченное изнасилование.

Значение каждой из этих стадий различно, так как степень осуществления преступного намерения, выражаемая в действиях субъекта, определяет и степень его общественной опасности.[1]

Однако не во всех случаях процесс совершения изнасилования проходит все эти стадии. Ввиду того, что умысел на изнасилование чаще всего возникает внезапно, предварительная преступная деятельность по его реализации обычно ограничивается только стадией покушения.

Выше отмечалось, что формирование преступного умысла на изнасилование может происходить постепенно. Но пока этот процесс не выявляется во вне, его нельзя считать особой стадией преступной деятельности.

Это относится также и к обнаружению умысла, на совершение изнасилования, когда мысли, направленные на это, находят свое проявление в словах субъекта или в письменной форме. Так, в прокуратуру г. Душанбе поступило заявление Р. о том, что ее знакомый К. сказал ей, что если она не даст согласия на половую связь с ним, он ее изнасилует. При проверке этого заявления оказалось, что никаких действий со стороны К. по осуществлению своего намерения предпринято не было. Он не угрожал Р. и физического насилия к ней не применял.

На этом основании прокуратура совершенно правильно отказала в возбуждении уголовного дела против К. из-за отсутствия в его действиях состава преступления.

Общий принцип ненаказуемости обнаружения умысла, в том числе и на изнасилование, объясняется тем, что в этих случаях преступное намерение лица не выражается еще в совершении каких-либо общественно опасных действий, являющихся необходимым условием уголовной ответственности.

Только в специальных случаях законодатель может установить уголовную ответственность за обнаружение на словах или в письме умысла совершить определенное преступление при условии, что есть основания считать, что такой умысел будет осуществлен. В частности, это имеет место в случаях угрозы убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества общеопасным способом.

---

[1] А. А. Пионтковский. Указ. работа, стр. 483.

Обнаружение умысла при изнасиловании необходимо отличать от угрозы как способа осуществления принудительного полового сношения. В этом случае угроза является не обнаружением умысла, а особым способом воздействия на волю потерпевшей для подавления ее сопротивления.

Первой наказуемой стадией преступной деятельности при изнасиловании, таким образом, является приготовление к его совершению. В этом случае возникает уже реальная опасность совершения преступления, так как субъект предпринимает определенные действия, способствующие осуществлению в будущем его преступного замысла.

Особенностью таких действий является то, что они носят подготовительный характер и не входят еще в объективную сторону изнасилования. Эти действия создают только условия или устраняют препятствия для последующего совершения изнасилования. К ним могут относиться действия по подысканию жертвы и места совершения предполагаемого преступления, подготовка средств для завлечения жертвы и т. п.

К приготовлению относится также подыскание субъектом соучастников, а также согласование с ними плана осуществления задуманного преступления.

Таким образом, приготовление к изнасилованию отличается от обнаружения умысла на его совершение тем, что на этой стадии уже совершается ряд общественно опасных действий, направленных на осуществление задуманного преступления.

Следует отметить, что дела о приготовлении к изнасилованию в судебной практике почти не встречаются. Это связано с тем, что даже в случае совершения подозреваемым действий, могущих быть приготовлением к изнасилованию, часто нельзя установить, были ли такие действия направлены на подготовку к этому преступлению или же преследовали другую непротивоправную цель.

Если, например, молодой человек, пригласив к себе девушку, попросил живущих с ним товарищей на это время уйти, и приготовил для встречи угощение и спиртные напитки, то это не означает, что он намерен изнасиловать пришедшую гостью, если она добровольно не согласится вступить с ним в интимные отношения, и даже что он вообще таких отношений намерен добиться.

Отсутствие дел о приготовлении к изнасилованию связано также с тем, что умысел на совершение этого преступления часто возникает внезапно, поэтому каких-либо подготовительных действий виновный заранее не предпринимает.

Однако указанное не означает, что приготовление к совершению изнасилования вообще не наказуемо, как это считает М. Н. Хлынцов.[1]

Такое утверждение противоречит ст. 15 УК, рассматривающей приготовление как одну из стадий преступной деятельности.

Гораздо более важное значение как особая стадия преступной деятельности имеет покушение на изнасилование.

Покушением на изнасилование являются все входящие в объективную сторону этого преступления действия, предшествующие началу совершения полового сношения, в частности физическое насилие и угроза, применяемые в целях совершения насильственного полового акта с потерпевшей. Таким образом, стадия покушения при изнасиловании начинается с момента насильственного принуждения потерпевшей к совершению полового сношения и заканчивается моментом, когда виновный приступает к его фактическому осуществлению.

Из этого видно, что покушение — это более высокая, по сравнению с приготовлением, степень осуществления субъектом намерения совершить изнасилование. Здесь действия виновного уже непосредственно направлены на совершение полового акта.

Общественная опасность покушения поэтому состоит в том, что виновный своими действиями создает реальную возможность наступления того преступного результата, на который направлен его умысел.[2]

Н. Д. Дурманов отмечает, что при покушении, в отличие от приготовления, волевые действия виновного уже непосредственно направляются на совершение преступления.[3]

---

[1] М. Н. Хлынцов. Указ. работа, стр. 14.

[2] А. А. Пионтковский. Указ. работа, стр. 489.

[3] Н. Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 111—112.

Ответственность за покушение на изнасилование наступает в случаях, когда действия субъекта, направленные на насильственное совершение полового акта, не достигли своей цели, и преступление не было им доведено до конца по независящим от его воли причинам.

В отличие от приготовления к совершению изнасилования, дела о покушении на изнасилование в судебной практике встречаются весьма часто. Так, из изученных нами дел об изнасиловании — 34,6% составляли дела о покушении на его совершение.

Удельный вес лиц, осужденных за покушение на изнасилование в 1966 году составил 36,8% от общего числа осужденных за изнасилование.

Причины, по которым обвиняемым не удалось завершить свое преступное намерение, по изученным делам о покушении на изнасилование распределяются следующим образом:

физическое сопротивление потерпевшей	44,4%
крики о помощи	11,2%
появление посторонних лиц	27,7%
вмешательство работников милиции	11,2%
возникшее состояние полового бессилия у виновного	5,5%

Таким образом, больше чем в половине случаев изнасилование было предотвращено в результате активного сопротивления потерпевшей. Это лишний раз доказывает, какую роль могут играть активные действия потерпевшей для предотвращения изнасилования даже в том случае, если на его совершение покушается группа лиц.

Покушение на изнасилование подразделяется на оконченное и неоконченное.[1]

Оконченным покушение считается в том случае, когда виновный выполнил все предусмотренные объективной стороной действия для осуществления насильственного полового сношения, но оно тем не менее по независящим от субъекта обстоятельствам совершено не было. Так, несовершеннолетний У. с тремя товарищами в районе общежития текстильного комбината г. Душанбе остановили потерпевшую С. Угрожая ножом и применив физическую силу, У. повел ее к стадиону комбината и, предложив товарищам уйти, повалил С. на землю, снял с нее плавки и пытался совершить с ней половой акт. Однако он не успел выполнить своего намерения, так как на крик потерпевшей пришел работник милиции. У. был осужден Железнодорожным районным судом г. Душанбе по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК к пяти годам лишения свободы.

---

[1] В юридической литературе необходимость такого деления рядом авторов оспаривается (см. Н. Ф. Кузнецова. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958, стр. 94—95).

Убедительные доводы в пользу этого деления приводятся Н. Д. Дурмановым в его монографии о стадиях совершения преступления по советскому уголовному праву (стр. 144—145).

По другому делу, обвиняемый М., преподаватель музыкального училища, пригласил к себе на квартиру свою ученицу А. (18 лет) под предлогом занятий с ней. Когда она пришла, М. закрыл дверь комнаты на замок и, несмотря на сопротивление потерпевшей, бросил ее на кровать, снял одежду и пытался изнасиловать, однако не смог это осуществить по причине возникшего полового бессилия. М. был осужден народным судом Центрального района г. Душанбе по ст. 15, ч. 1 ст. 121 УК к трем годам лишения свободы.

В отличие от оконченного покушения на изнасилование, при котором для завершения преступления отсутствует лишь фактическое половое сношение, при неоконченном покушении виновный выполняет только некоторые из действий, входящих в объективную сторону изнасилования. Завершить свое преступное намерение и в этом случае ему мешают внезапно возникшие и независящие от его воли обстоятельства. Например, по делу по обвинению, К. и Н. по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК было установлено, что они, находясь в нетрезвом состоянии, увели, угрожая ножом, потерпевшую С. с автобусной остановки, привели ее на пустынную строительную площадку и предложили вступить с ними в половую связь. Когда С. отказалась, виновные начали угрожать ей ножом, причем К. повалил С. на землю, а Н. начал снимать с нее брюки, в которых она была. На крики потерпевшей прибежал проходивший сотрудник милиции, который предотвратил совершение преступления и задержал обвиняемого К., а обвиняемому Н. удалось убежать

В данном случае покушение законченным не было, так как виновные не выполнили всех необходимых действий для того, чтобы возможно было совершить с потерпевшей половой акт.

Квалификация покушения на изнасилование зависит от того, было ли изнасилование, на совершение которого покушался виновный, квалифицированным или нет.

В соответствии с этим:

— если изнасилование, на совершение которого покушался виновный, не сопровождалось квалифицирующими обстоятельствами, он подлежит привлечению к ответственности по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК;

— если виновный в покушении на изнасилование уже ранее совершил такое же покушение или изнасилование, его действия должны квалифицироваться в первом случае по ст. 15 и ч. 2 ст. 121, а во втором по ч. 1 ст. 121 и по ст. 15 и ч. 2 ст. 121 УК;

— наконец, если покушение было совершено группой лиц или особо опасным рецидивистом, повлекло за собой наступление особо тяжких последствий или же потерпевшая была несовершеннолетней, виновное лицо подлежит привлечению к ответственности по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК.

В случае, когда при покушении на изнасилование потерпевшей были причинены телесные повреждения, квалификации таковых по совокупности не требуется, так как нанесение телесных повреждений охватывается составом изнасилования. При этом, если телесные повреждения не вызвали особо тяжких последствий, виновный при отсутствии других квалифицирующих обстоятельств подлежит ответственности по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК, а если телесные повреждения повлекли за собой последствия, предусмотренные ст. 111 УК,—по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК.

По совокупности покушение на изнасилование и нанесение телесных повреждений могут квалифицироваться только в случаях, когда таковые были причинены потерпевшей после окончания покушения на изнасилование, например, с целью отомстить за оказанное сопротивление.

Если покушение на изнасилование повлекло за собой неосторожное или умышленное убийство потерпевшей, вопрос о квалификации действий субъекта решается различно.

Ввиду того, что совершение неосторожного убийства охватывается ч. 3 ст. 121 УК, как особо тяжелое последствие изнасилования, виновный подлежит привлечению к ответственности только по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК.

В тех же случаях, когда покушение на изнасилование сопровождалось умышленным убийством потерпевшей или покушением на совершение убийства, действия субъекта подлежат квалификации по совокупности по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК и по п. «е» ст. 104 УК, если имело место убийство или же по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК, и ст. 15 и п. «е» ст. 104 УК, когда было только покушение на убийство. Обоснование такой квалификации дано при рассмотрении вопроса о квалификации изнасилования, сопряженного с умышленным убийством потерпевшей.

Для квалификации действий субъекта как покушения на изнасилование необходимо установить, что умысел субъекта был направлен на насильственное совершение с потерпевшей полового сношения.

Поэтому случаи, когда мужчина для склонения женщины к совершению полового акта вступил в борьбу с ней, пытаясь преодолеть сопротивление, нельзя считать покушением на изнасилование, если не будет установлено, что такие действия являлись средством принуждения потерпевшей к половому сношению, несмотря на то, что виновный сознавал, что она этого не желает.

Установление направленности умысла субъекта необходимо и для отграничения покушения на изнасилование от таких преступлений, как хулиганство, оскорбление, нанесение телесных повреждений и т. п.

Еще в 1929 году Верховный Суд РСФСР, предложил судам с особой осторожностью подходить к рассмотрению дел о покушении на изнасилование, указав, что могут быть случаи, в которых имеются лишь внешние признаки покушения на это преступление и которые по своему существу и внутреннему содержанию подлежат квалификации, как другие более мелкие преступления против личности, в частности оскорбление или хулиганство.[1]

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года также указывается на необходимость отличать покушение на изнасилование от других преступных посягательств, затрагивающих честь, достоинство и неприкосновенность личности женщины, и в каждом отдельном случае устанавливать, действовал ли подсудимый с целью совершения полового акта и являлись ли его насильственные действия средством к достижению этой цели.

---

[1] Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. М., 1931, стр. 445.

Наибольшие трудности представляет разграничение покушения на изнасилование от насильственных развратных действий, совершенных в отношении взрослой женщины. Трудность эта состоит не только в необходимости установить направление умысла субъекта, но и в том, что развратные действия в подобного рода случаях приходится квалифицировать, как хулиганство или же нанесение телесных повреждений, ввиду того, что уголовные кодексы союзных республик не предусматривают специального состава насильственных развратных действий в отношении совершеннолетних лиц. Как уже отмечалось, квалификация подобного рода действий, как хулиганство или нанесение телесных повреждений, вызывает серьезные сомнения, так как основным объектом посягательства при совершении развратных действий является нарушение половой свободы или половой неприкосновенности женщины, а не нарушение общественного порядка или посягательство на телесную неприкосновенность.

Поэтому представляется необходимым дополнить уголовные кодексы союзных республик специальным составом, предусматривающим совершение развратных действий в отношении совершеннолетних лиц путем применения физического насилия, угрозы или использования беспомощного состояния потерпевшего.

На практике встречаются и такие случаи, когда покушение на изнасилование неправильно квалифицируется как хулиганство. Так, народный суд Усть-Тюменского района Вологодской области осудил К. за хулиганство, переквалифицировав предъявленное ему обвинение в покушении на изнасилование. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила этот приговор, указав, что обстоятельства дела подтверждают, что К. пытался изнасиловать потерпевшую и его попытка не удалась только в силу оказанного ею сопротивления.[1]

---

[1] Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1961—1963 гг., М., 1964, стр. 262—263.

Еще чаще наблюдаются ошибки при разграничении покушения на изнасилование и добровольного отказа от его совершения, на которых мы остановимся при рассмотрении вопроса о добровольном отказе.

Как отмечалось, ответственность за покушение наступает только в случаях, когда какое-либо независящее от воли субъекта обстоятельство помешало ему окончить начатое преступление. Поэтому важным является установление момента, с которого изнасилование следует считать оконченным.

Таким моментом при естественном совокуплении является введение penisa во влагалище потерпевшей, независимо от того, был ли закончен половой акт в физиологическом смысле или нет, сопровождался ли он дефлорацией или же потерпевшая девственности не лишилась.

Между тем, в судебной практике нередко вопрос о признании изнасилования оконченным решается в зависимости от факта повреждения или не повреждения девственной плевы у потерпевшей, в то время как в ряде случаев совершение полового сношения может происходить без того, чтобы девственная плева потерпевшей была повреждена.[1]

Поэтому Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 5 августа 1967 года «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года» специально разъяснил, что изнасилование считается оконченным преступлением с момента начала полового сношения и что растления потерпевшей или окончания насильником полового акта в физиологическом смысле для признания этого преступления оконченным не требуется.[2]

Ввиду того, что половым сношением в смысле ст.121 УК следует считать не только его естественную но и извращенную форму, изнасилование в этом случае считается законченным с момента введения penisa in os или in anum потерпевшей.

Окончание изнасилования может наступить ранее того момента, когда данное преступление будет полностью завершено. Это, в частности, имеет место при наступлении в результате изнасилования особо тяжких последствий. В таких случаях изнасилование является завершенным только после того, как указанные последствия фактически наступили.

---

[1] См. М. Г. Сердюков. Указ. работа, стр. 72—73.

[2] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 12, стр. 9.

В отдельных случаях начатое изнасилование не доводится до конца ввиду добровольного отказа субъекта от его совершения.

Добровольным отказ от изнасилования может считаться лишь в том случае, когда покушение на изнасилование не было доведено субъектом до конца, несмотря на то, что он имел возможность это сделать.

Для того чтобы отказ от изнасилования был признан добровольным, необходимо наличие двух условий:

— во-первых, намерение совершить задуманное изнасилование должно быть субъектом окончательно оставлено, и

— во-вторых, субъект должен иметь объективную возможность окончить начатое изнасилование и, несмотря на сознание им этой возможности, по собственной инициативе прекратить свои преступные действия.

Таким образом, различие между добровольным отказом от изнасилования и покушением на это преступление заключается в основаниях прекращения преступной деятельности виновного.

Если изнасилование не было осуществлено по независящим от воли субъекта причинам, в том числе в результате активного сопротивления потерпевшей, или в связи с возникшим у него половым бессилием, действия виновного подлежат квалификации, как покушение на изнасилование.

При объективной же возможности довести преступление до конца, отказ от его завершения рассматривается как добровольный.

Вместе с тем, для признания отказа добровольным не имеют значения мотивы, по которым субъект прекратил свою преступную деятельность при наличии объективной возможности завершить ее.

Это специально отметил Верховный Суд СССР в определении по делу А., указав, что мотивы, по которым покушавшийся на совершение изнасилования решил отказаться от доведения его до конца, в частности боязнь ответственности за содеянное, не имеют значения для признания отказа добровольным.[1]

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963, № 5, стр. 26.

Указанные обстоятельства в ряде случаев не учитываются судами, в результате чего добровольный отказ от изнасилования квалифицируется как покушение на таковое.

Так У., имея возможность совершить изнасилование потерпевшей Т., от этого отказался и ограничился совершением в отношении нее развратных действий, не являющихся по своему характеру половым сношением в естественной или извращенной форме.

Несмотря на то, что была установлена возможность для виновного совершить изнасилование потерпевшей, он был осужден за покушение на изнасилование. Впоследствии этот приговор был в порядке надзора Пленумом Верховного Суда Таджикской ССР изменен, и У. признан виновным в совершении развратных действий ввиду того, что потерпевшей на день совершения преступления еще не исполнилось 16 лет.

В литературе высказано мнение, что если при неоконченном покушении добровольный отказ выражается в воздержании субъекта от совершения дальнейших противоправных действий, то в случаях оконченного покушения добровольный отказ от его дальнейшего совершения требует активной деятельности субъекта по предотвращению последствий совершенного[1] или даже вообще не возможен.[2]

Однако к изнасилованию это не относится, так как до момента совершения полового сношения от самого субъекта зависит, будет ли доведено его преступление до конца. Поэтому даже при оконченном покушении на изнасилование, когда все необходимые подготовительные действия к половому сношению совершены, виновный имеет возможность отказаться от доведения своего преступного намерения до конца.

Вместе с тем, после покушения на изнасилование, когда осуществлению этого преступления помешали какие-либо объективные обстоятельства, последующий добровольный отказ уже невозможен. Например, если субъект покушался на изнасилование, но не смог осуществить своего намерения, т. к. этому помешали прохожие и в дальнейшем от попытки изнасиловать потерпевшую отказался, несмотря на то, что возможность для этого была, действия такого лица считать добровольным отказом нельзя, хотя они должны учитываться судом при индивидуализации наказания виновного за совершенное им покушение.

---

[1] См. А. А. Пионтковский. Указ. работа, стр. 120; М. Лясс. Добровольный отказ от совершения преступления. «Советская юстиция», 1963, № 22.

[2] См. Курс советского уголовного права (Часть Общая), т. 1, Л., 1968, стр. 573.

В случаях добровольного отказа от изнасилования субъект в соответствии со ст. 16 УК отвечает только за фактически совершенные им действия, если они содержат состав иного преступления.

Следует отметить, что суды не во всех случаях правильно квалифицируют общественно опасные действия, совершенные обвиняемым до добровольного отказа от изнасилования. Так, Т. провожая свою знакомую С., пытался ее изнасиловать, повалил на землю, сорвал с нее одежду и т. п. Однако, когда С. сказала, что заявит о его действиях в милицию, он немедленно отпустил ее, начал просить прощения и впоследствии возместил С. причиненный ей материальный ущерб, так как она во время борьбы с Т. потеряла деньги, туфли, платок, а ее кофта оказалась порванной.

Несмотря на то, что действия Т. свидетельствовали о его добровольном отказе от совершения изнасилования, народный суд Кумсангирского района признал его виновным по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК и осудил с применением ст. 42 УК к одному году 6 месяцам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР признала указанный приговор подлежащим изменению, отметив в своем определении, что Т. не может нести ответственности за покушение на изнасилование, так как он, опасаясь уголовной ответственности, добровольно отказался от своего преступного намерения.

Вместе с тем, коллегия признала Т. виновным по ч. 2 ст. 220 УК и определила ему ту же меру наказания, что и народный суд.

Такая переквалификация была обоснована тем, что действия Т., выразившиеся в том, что он по дороге приставал к потерпевшей, гонялся за ней и рвал на ней одежду, следует расценивать как злостное хулиганство.

Мы считаем, что с таким выводом согласиться нельзя. Действия Т., совершенные им до добровольного отказа, представляли собой один из способов осуществления принудительного полового сношения, а именно — применение к потерпевшей физического насилия. Если бы в результате этих действий потерпевшей были бы нанесены телесные повреждения, Т. должен был в соответствии со ст. 16 УК нести за это ответственность. Однако квалифицировать действия обвиняемого, входящие в объективную сторону изнасилования, от совершения которого он добровольно отказался, как хулиганство — нельзя. Если стать на такую точку зрения, то во всех случаях добровольный отказ от изнасилования, покушение на совершение которого сопровождалось физическим насилием, следовало квалифицировать как хулиганство. Между тем, на практике такая квалификация совершенно правильно не применяется.

* * *

1. Первой наказуемой стадией преступной деятельности при изнасиловании является приготовление к его совершению, хотя на практике, как правило, такие дела почти не встречаются.

2. Покушением на изнасилование являются все входящие в объективную сторону этого преступления действия, предшествующие началу совершения с потерпевшей полового сношения.

Ответственность за покушение на изнасилование наступает в случаях, когда преступное намерение не было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного.

3. Изнасилование признается оконченным с момента начала совершения полового акта в естественной или в извращенной форме. Причем, не имеет значения, был ли закончен половой акт в физиологическом смысле, сопровождался ли он дефлорацией или же потерпевшая не была лишена девственности.

4. Для того чтобы отказ от изнасилования считался добровольным, необходимо:

— окончательное оставление субъектом намерения совершить изнасилование;

— прекращение им преступной деятельности по собственной инициативе, несмотря на сознание возможности совершить с потерпевшей насильственное половое сношение.

5. Отличие добровольного отказа от покушения на изнасилование заключается в основаниях прекращения дальнейшей преступной деятельности субъекта.

В первом случае такое прекращение является результатом добровольного решения при объективной возможности довести преступление до конца, а во втором — происходит по независящим от воли виновного причинам.

НАКАЗАНИЕ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ

Наказание за изнасилование по советскому уголовному законодательству отличается следующими особенностями:

— унификацией мер наказания в уголовных кодексах всех союзных республик. Исключение составляет только УК УССР, санкция ч. 1 ст. 117 которого предусматривает лишение свободы на срок от 3 до 8 лет в то время, как эта же часть статьи об изнасиловании в уголовных кодексах других союзных республик устанавливает лишение свободы на срок от 3 до 7 лет;

— дифференциацией наказания в зависимости от тяжести совершенного изнасилования и допущение при наличии особо отягчающих обстоятельств в качестве исключительной меры наказания — смертной казни;

— ограничением применения условно-досрочного освобождения от наказания к совершеннолетним лицам, осужденным по ч. 1 и 2 статьи об изнасиловании к лишению свободы на срок не ниже пяти лет. К таким лицам условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким могут быть применены только после фактического отбытия не менее двух третей назначенного судом срока наказания;

— неприменением условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким к совершеннолетним лицам, осужденным за изнасилование, повлекшее за собой особо тяжкие последствия, либо совершенное особо опасным редицивистом или группой лиц, а также за изнасилование несовершеннолетней (ч. 3 ст. 121 УК).

Как отмечалось выше, изнасилование является одним из наиболее опасных преступлений против личности.

Поэтому Верховный Суд СССР в постановлении Пленума от 25 марта 1964 года специально обратил внимание судов на недопустимость необоснованного ослабления ответственности в отношении, совершивших его лиц.

Анализ мер наказания, применяемых за изнасилование судами Таджикской ССР, свидетельствует, что суды республики правильно понимают свои задачи в борьбе с изнасилованием и в основном достаточно сурово подходят к лицам, виновным в его совершении.

Приведенная ниже таблица показывает, что в подавляющем большинстве к лицам, совершившим изнасилование, применяется в качестве меры наказания лишение свободы.

Годы	Всего осуждено за изнасилование в %	В том числе в %			
		К смертной казни	К лишению свободы	Условно	К исправительным работам
1957	100	—	95,6	3,3	1,1
1958	100	—	97,4	1,3	1,3
1959	100	—	97,0	1,5	1,5
1960	100	—	89,3	6,1	4,6
1961	100	—	100	—	—
1962	100	—	98,7	—	1,3
1963	100	1,4	94,5	4,1	—
1964	100	2,7	95,5	1,8	—
1965	100	—	92,7	7,3	—
1966	100	0,7	97,9	0,7	0,7
1967	100	—	100,0	—	—

Меры наказания по изученным нами делам об изнасиловании видны из следующей таблицы.

Меры наказания	Процент от общего числа лиц, осужденных за изнасилование
Смертная казнь	1,9
Лишение свободы на срок свыше 10 лет	1,9
Лишение свободы на срок от 8 до 10 лет	19,2
Лишение свободы на срок от 4 до 7 лет	42,4
Лишение свободы на 3 года . . .	25,0
Лишение свободы на срок до 3 лет	3,8
Условное осуждение	5,8

Приведенные таблицы свидетельствуют о том, что смертная казнь за изнасилование применяется чрезвычайно редко, в наиболее тяжких его случаях. Это же отмечает и А. Н. Игнатов, подчеркивающий, что при назначениии смертной казни суды учитывают как особо отрицательный характер личности виновного, так и особо отягчающие обстоятельства совершения преступления.[1] В частности, в практике судов Таджикской ССР смертная казнь назначалась только за совершение изнасилования, сопряженного с умышленным убийством потерпевшей, а также за изнасилование девочек ясельного возраста, повлекшее тяжелые для них последствия.

Что же касается основного вида наказания за изнасилование — лишения свободы, то, как видно из таблиц, большинство виновных осуждаются на сроки от 3 до 10 лет (86,6%).

Вместе с тем, следует отметить, что к лицам, осужденным за покушение на изнасилование, в ряде случаев применяется ст. 42 УК, и наказание назначается им ниже низшего предела, особенно если обвиняемый характеризуется положительно в быту и на работе.

Необходимо отметить, что в капиталистических государствах, где изнасилования имеют гораздо большее распространение, чем в Советском Союзе, за их совершение обычно назначаются мягкие меры наказания. Так, например, в Федеративной Республике Германии число изнасилований в 1962 году на 100000 жителей было больше, чем в ГДР почти в 3 раза и больше чем в УССР в 4,6 раз.[2] Однако наказания за изнасилования в ФРГ назначаются весьма мягкие. Так, Г. Шульц пишет, что наиболее тяжкие случаи изнасилования караются судами не свыше чем тремя годами каторжной тюрьмы, в то время, как наивысшее наказание за это преступление в уголовном кодексе ФРГ установлено в 15 лет каторжной тюрьмы. Поэтому он ставит вопрос: «Что же должен сделать преступник, чтобы его осудили к этому наивысшему наказанию?». Объясняя такую диспропорцию между мерами наказания фактически назначаемыми судом и мерами, установленными уголовным кодексом, автор отмечает, что последний издан в то время, когда на вопросы сексуальных отношений были гораздо более строгие взгляды, чем в настоящее время, и это повлияло на установление размера наказания за изнасилование. Он считает, что при самом строгом подходе к изнасилованию вполне достаточно определить за его совершение меру наказания в 10 лет каторжной тюрьмы.[1]

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 202.

[2] В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 39.

Ярким доказательством мягких мер наказания применяемых в ФРГ к лицам, совершившим изнасилование, служит приводимая Г. Шульцем таблица по округу Кобленц.

Год	Наказание		Оправдано
	за покушение на изнасилование	за законченное изнасиловапие	
1950	4 мес. тюрьмы	1 г. каторжн. тюрьмы	4 чел.
	4 мес. тюрьмы	2 г. « «	
	1 год тюрьмы	3 г. « «	
	1 год 4 мес. каторжной тюрьмы.	3 г. « «	
1951	4 нед. ареста в колонии для несовершеннолетних	8 мес. тюрьмы	9 чел.
1952	6 мес. тюрьмы	9 мес. тюрьмы	13 чел.
	6 мес. тюрьмы	1 г. 2 мес. тюрьмы	
	7 мес. тюрьмы	1 г. 6 мес. тюрьмы	
	3 г. 6 мес. тюрьмы	—	
	1 г. 6 мес. тюрьмы	—	
1953	3 мес. тюрьмы	1 г. тюрьмы	10 чел.
	7 мес. тюрьмы	1 г. каторжн. тюрьмы	
	1 г. тюрьмы	—	
	1 г. 6 мес. каторжн. тюрьмы	—	
	1 г. 8 мес. каторжн. тюрьмы	—	
	4 г. каторжной тюрьмы	—	
1954	4 мес. тюрьмы	2 г. каторжн. тюрьмы	6 чел.
	5 мес. тюрьмы	—	
	5 мес. тюрьмы	—	
	6 мес. тюрьмы	—	
	1 год тюрьмы	—	

---

[1] Günter Schulz. Указ. работа, стр, 22—23.

Характерным для судебной практики ФРГ по делам об изнасиловании является также чрезвычайно большое количество оправдательных приговоров.

Г. Шульц отмечает, что такого высокого процента оправданий нет ни по каким другим уголовным делам. В подтверждение этого он приводит следующие данные:[1]

Год	Предано суду чел. за совершение изнасилования	Из них оправдано	% оправданных
1950	688	384	65,3
1951	613	414	67,5
1952	789	553	70,1
1953	716	530	69,2
1954	845	600	71,0
1955	978	687	70,2

Для сравнения небезынтересно привести следующую таблицу, показывающую удельный вес лиц, оправданных в эти же годы по делам об изнасиловании судами Таджикской ССР:

Год	Предано суду человек за изнасилование в % %	В том числе оправдано в % %
1950	100	15,4
1951	100	18,5
1952	100	8,3
1953	100	8,7
1954	100	1,7
1955	100	—

Таким образом, как видно из указанной таблицы, процент оправданных за совершение изнасилования, достигший в 1951 году довольно высокой цифры — 18,5% постепенно начинает снижаться, а в 1955 году лиц, оправданных по делам об изнасиловании вообще не было, что свидетельствует о возросшем качестве расследования рассматриваемой категории дел.

Как отмечалось, Г. Шульц объясняет мягкие наказания и значительный процент оправданий лиц, обвиняемых в совершении изнасилования тем, что в настоящее время на сексуальные вопросы установились менее строгие воззрения, чем это было ранее.[2]

---

[1] Günter Schulz. Указ. работа, стр. 22—23.

[2] Там же, стр. 9—10.

Мы полагаем, что изменение взглядов на вопросы отношения полов не может явиться основанием для признания меньшей общественной опасности изнасилования. Это изменение, в частности, связано с тем, что за женщиной начала признаваться половая свобода и ее самоопределение в области сексуальных отношений с мужчинами перестало считаться позорящим женщину обстоятельством.

Однако такие воззрения, основанные на признании равенства женщины в области сексуальных отношений, наоборот, означают, что всякое нарушение половой свободы женщины должно караться еще более строго, чем тогда, когда она рассматривалась как пассивный объект удовлетворения половой страсти мужчины. Поэтому мягкость наказаний за изнасилование и большое количество оправданий за совершение этих преступлений в капиталистических государствах объясняется совершенно другим. Это во-первых, следствие того, что обычно лица, обвиняемые в изнасиловании, принадлежат или к господствующему классу или к преступным элементам и имеют поэтому все возможности воздействовать на психику как потерпевшей, так и близких ей лиц и свидетелей таким образом, что последние начинают всячески смягчать вину и выгораживать виновного. Кроме того, с учетом огромного роста преступлений против личности, особенно убийств, наблюдающегося за последнее десятилетие в капиталистических странах, изнасилование или покушение на него, не повлекшее тяжких последствий, в частности, не связанное с убийством потерпевшей, представляется с точки зрения органов расследования не таким уж серьёзным преступлением и расследуется часто весьма поверхностно.

Исключением из общей тенденции смягчения наказания за изнасилование является законодательство Южных Штатов Америки. Во всех 18 американских Южных Штатах установлена смертная казнь за совершение изнасилования. Даже буржуазные ученые признают, что основанием для установления этого вида наказания явилась расовая борьба и стремление наказать сгрожайшим образом негра, покушавшегося на изнасилование белой женщины. О такой направленности наказания за изнасилование свидетельствует тот факт, что за период с 1930 до 1950 г. к смертной казни за это преступление было приговорено судами Южных Штатов Америки 317 негров и только 35 представителей белой расы.[1]

В социалистическом обществе изнасилование считается одним из самых тяжких преступлений против личности. Оно обычно тщательно расследуется следственными органами, и в случаях установления отсутствия состава преступления дело прекращается в стадии предварительного следствия. Поэтому удельный вес лиц, оправданных за совершение изнасилования не выше, чем по другим уголовным делам.

При назначении наказания за изнасилование большое значение придается его индивидуализации в зависимости от характера совершенного преступления и личности преступника. На необходимость такой индивидуализации специально указано судам в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года, в котором предложено при назначении наказания за изнасилование учитывать его характер и степень общественной опасности, личность виновного, а также смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства дела.

Однако следует иметь в виду, что не все обстоятельства, перечисленные в ст. 37 УК, могут быть основанием для смягчения ответственности лица, виновного в совершении изнасилования.

К таким обстоятельствам относятся только следующие:

— несовершеннолетие обвиняемого (п. 7 ст. 37 УК);

— чистосердечное раскаяние или явка с повинной (п. 9 ст. 37 УК);

— активное способствование раскрытию преступления (п. 10 ст. 37 УК).

Возникает вопрос, следует ли считать последующее вступление в брак с потерпевшей от изнасилования смягчающим обстоятельством и рассматривать его как предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления или устранение причиненного вреда (п. 1 ст. 37 УК).

Судебная практика 30-х годов считала вступление в брак с потерпевшей обстоятельством, смягчающим вину в изнасиловании. Так, в докладе УКК Верховного Суда РСФСР за 1924 год отмечалось, что встречаются случаи, когда потерпевшая от изнасилования еще в период предварительного следствия сходится с обвиняемым и на суде удостоверяет факт совместной жизни с ним. Однако суды, не учитывая этого, выносят обвинительный приговор. В докладе предлагалось на эту сторону вопроса обратить серьезное внимание, и такие дела прекращать, так как «факт совместного сожительства после изнасилования делает дальнейшее ведение дела нецелесообразным вследствие сомнительной социальной опасности этих действий».[1]

---

[1] Günter Schulz. Указ. работа, стр. 165.

В современной литературе также высказано мнение о допустимости прекращения дела об изнасиловании при вступлении виновного в брак с потерпевшей.[2]

Мы считаем, что к решению рассматриваемого вопроса следует подходить дифференцированно в зависимости от обстоятельств каждого конкретного случая. Так, если установлено, что покушение на изнасилование или даже изнасилование было совершено в такой обстановке, которая вначале давала основание считать, что потерпевшая сопротивляется только для вида или же если между потерпевшей и обвиняемым до этого были такие отношения, которые могли окончиться вступлением в брак или привести к внебрачному добровольному сожительству, то в таких случаях последующее заключение брака между обвиняемым и потерпевшей может рассматриваться, как смягчающее его вину обстоятельство и в отдельных случаях даже служить основанием для назначения ему наказания, не связанного с лишением свободы.

Иначе должен решаться вопрос, если изнасилование было совершено лицом, не знакомым до этого с потерпевшей или познакомившимся с ней непосредственно перед совершением преступления. В таких случаях вступление в брак означает только, как правило, желание виновного избегнуть ответственности за совершенное им тяжкое преступление, а после того как эта цель достигнута, такой брак или сожительство, как показывает практика, обычно прекращается. Поэтому мы полагаем, что при подобного рода обстоятельствах, вступление в брак или сожительство с потерпевшей не следует рассматривать как смягчающее вину обстоятельство.

---

[1] Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, М., 1931, стр. 446.

[2] Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик. Указ. работа, стр. 6—7.

Из перечисленных в ст. 38 УК обстоятельств, отягчающих ответственность, некоторые вошли в состав изнасилования в качестве квалифицирующих (п. п. 2, 4, а также частично п. 1 и 5 ст. 38 УК).

Другие перечисленные в законе отягчающие обстоятельства, в частности совершение преступления из низменных побуждений, охватываются составом изнасилования.

Таким образом, при назначении наказания за изнасилование из обстоятельств, отягчающих ответственность, должны учитываться только следующие:

— общий рецидив (п. 1 ст. 38 УК); специальный же рецидив (повторность изнасилования), а также совершение этого преступления лицом, ранее признанным особо опасным рецидивистом, являются обстоятельствами, квалифицирующими изнасилование;

— совершение изнасилования малолетней или престарелой,а также потерпевшей, находящейся в материальной, служебной или иной зависимости от виновного (п. 5 ст. 38 УК). Следует иметь в виду, что хотя несовершеннолетие потерпевшей во всех случаях влечет за собой повышенную ответственность, однако при учете общественной опасности совершенного деяния малолетний возраст потерпевшей, безусловно, отягощает его вину;

— подстрекательство несовершеннолетних к совершению изнасилования или привлечение таких лиц к участию в совершенном обвиняемым изнасиловании (п. 6 ст. 38 УК);

— совершение изнасилования с особой жестокостью или издевательством над потерпевшей (п. 7 ст. 38 УК);

— совершение изнасилования с использованием условий общественного бедствия (п. 8 ст. 38 УК);

— оговор заведомо невиновного лица в соучастии или в совершении совместно с обвиняемым группового изнасилования (п. 11 ст. 38 УК).

Для индивидуализации наказания важнейшее значение имеет установление обстоятельств, при которых было совершено изнасилование или покушение на него.

Совершенно различна общественная опасность изнасилования, совершенного путем внезапного нападения на незнакомую женщину в уединенном месте или же группой лиц, либо изнасилования несовершеннолетней и изнасилования совершеннолетней женщины, происшедшего в обстановке, при которой у виновного могло возникнуть первоначально впечатление, что потерпевшая согласна на половое сношение с ним и сопротивляется лишь для вида.

Поэтому индивидуализация наказания за изнасилование предполагает подробное выяснение взаимоотношений виновного с потерпевшей, а также поведения последней, предшествовавшего совершению рассматриваемого преступления.

Для индивидуализации наказания имеет также важное значение установление характера и интенсивности примененного для подавления сопротивления психического и физического насилия, так как это также в значительной степени определяет общественную опасность совершенного изнасилования.

Наконец, важным является выяснение морального облика обвиняемого, его поведения на работе и в быту.

Следует отметить, что указанные обстоятельства, служащие основанием для правильного определения обвиняемому меры наказания за совершенное изнасилование, не всегда учитываются судами. В результате встречаются отдельные случаи применения к лицам, совершившим изнасилование, мер наказания, не соответствующих тяжести содеянного. Так, Кулябский городской народный суд осудил к лишению свободы на 2 года Р., 1936 г. рождения. Обвиняемый, шофер по профессии, предложил своей знакомой учительнице Г., 1916 г. рождения, покатать ее на машине. В пути следования, остановив машину далеко от населенного пункта, Р. преодолев активное сопротивление потерпевшей изнасиловал ее в извращенной форме, в результате чего она получила множество легких телесных повреждений. По протесту прокурора приговор суда за мягкостью был отменен. Вторично дело рассматривалось народным судом Восейского района, который осудил обвиняемого к лишению свободы на 3 года. Этот приговор также был отменен за мягкостью Президиумом Верховного Суда Таджикской ССР. Дело было принято к производству Верховным Судом по первой инстанции, который приговорил Р. к 7 годам лишения свободы.

В отдельных случаях к лицам, совершившим изнасилование, неосновательно применяется условное осуждение. Так, народным судом Ленинского района был осужден по ч. 1 ст. 121 УК к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в 2 года обвиняемый П. Материалами дела установлено, что П., работая председателем кишлачного совета привел вечером к себе в кабинет глухонемую Н. и, угрожая ножом, изнасиловал ее. За совершение такого тяжкого преступления, учитывая занимаемую обвиняемым должность, а также личность потерпевшей, виновный, безусловно, заслуживал сурового наказания.

К условной мере наказания также был осужден Г., за покушение на совершение группового изнасилования 17-летней девушки Н. По делу было установлено, что обвиняемый, Я., встретив потерпевшую вечером на пустынной улице, пытался ее изнасиловать, но она начала кричать. Я., заметив приближающихся людей, отпустил Н. В это время к Я. подошел его друг Г., и они вдвоем погнались за Н. Догнав Н., они схватили ее за руки, зажали ей рот и затащили в темный переулок. Однако и здесь их борьба с потерпевшей была замечена прохожими, в результате чего оба обвиняемые прекратили свои насильственные действия и убежали.

Я. был осужден народным судом Октябрьского района г. Душанбе к 8 годам лишения свободы, которые в результате применения ст. 42 УК были снижены до 4 лет. Что касается обвиняемого Г., 1945 г. рождения, то он был осужден к 8 годам лишения свободы, которые на основании ст. 43 УК были заменены на условное осуждение с четырехгодичным испытательным сроком. Мы полагаем, что такое наказание не соответствовало тяжести содеянного обвиняемыми преступления.

К условному осуждению был также приговорен народным судом Центрального района г. Душанбе К., обвиняемый по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК и по ч. 1 ст. 220 УК. Материалами дела установлено, что К. в нетрезвом состоянии пришел на танцы в парк, где познакомился с А. По окончании танцев он, провожая потерпевшую домой, пытался ее изнасиловать, однако А. удалось вырваться и убежать. Обвиняемый последовал за ней и начал ее оскорблять. На его крики вышли соседи А., предложившие обвиняемому успокоиться. В ответ на это последовала нецензурная брань и попытки вступить в драку.

Народный суд, признав К. виновным по ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК и по ч. 1 ст. 220 УК, осудил его по совокупности к 3 годам лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР изменила указанный приговор, признав осуждение К. условным с трехгодичным испытательным сроком с передачей его на перевоспитание и исправление коллективу автобазы № 1, где работал обвиняемый.

Основанием для такого изменения приговора явилось то, что потерпевшая вступила в фактический брак с К. и была беременна. Коллегия указала также, что, заменяя наказание на условное, она учитывает личность осужденного, а также ходатайство коллектива автобазы № 1 о передаче его на перевоспитание.

Однако затем судебная коллегия это определение отменила на том основании, что после изменения приговора, осужденный прекратил совместную жизнь с потерпевшей, и коллектив автобазы поэтому от своего ходатайства отказался. Обвиняемому была оставлена мера наказания 3 года лишения свободы, к которой он был приговорен народным судом.

Мы считаем, что оснований для такой отмены определения у Судебной коллегии не было. Согласно ст. 43 УК условное осуждение может быть отменено только в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока нового однородного или не менее тяжкого преступления, чего в данном случае не было. То обстоятельство, что осужденный не оправдал доверия коллектива и своим поведением нарушил нормы социалистического общежития, могло быть в соответствии со ст. 50 УК основанием для привлечения виновного к ответственности и отдаче его под суд в случае, если бы он был освобожден от привлечения к ответственности ввиду передачи на поруки коллективу. В рассматриваемом же случае К. от уголовной ответственности освобожден не был, а был осужден к условной мере наказания и поэтому ст. 50 УК к нему была применена неправильно.

Следует отметить, что случаи поступления ходатайств о передаче лиц, совершивших изнасилование, на перевоспитание коллективу по месту работы или месту жительства в судебной практике встречаются сравнительно часто.

При этом такие ходатайства подаются иногда и по делам, обстоятельства которых свидетельствуют, что никаких оснований для применения к виновному смягчения наказания, а тем более условного осуждения — нет. Например, по делу по обвинению несовершеннолетних О., Ю., и Р., которые по предварительному сговору с применением физического насилия изнасиловали потерпевшую Л., причем каждый из них совершил с ней несколько половых актов, поступило заявление от 16 жильцов дома, где проживали обвиняемые с просьбой передать их коллективу жильцов для перевоспитания. В заявлении отмечалось, «нам хорошо известно прошлое, происхождение и поведение каждого из вышеуказанных парней, а также их прилежность и способность в перевоспитании самих себя».

Конечно, это ходатайство было судом отклонено, однако сам факт поступления подобного рода ходатайств, а в отдельных случаях и их удовлетворения свидетельствует, что общественная опасность изнасилования недооценивается ни коллективом, вынесшим такое ходатайство (обычно по просьбе родных обвиняемого), ни судом в случае его удовлетворения.

Мы считаем, что применение к лицам, совершившим изнасилование, условного осуждения и передача их на перевоспитание коллективу является недопустимым.

Что же касается лиц, виновных в покушении на изнасилование, то применение условного наказания в виде исключения возможно только в случаях, когда обстановка совершенного преступления, личность обвиняемого, его взаимоотношения с потерпевшей бесспорно свидетельствуют о незначительной общественной опасности содеянного.

* * *

В результате рассмотрения особенностей применения наказания за изнасилование можно прийти к следующим выводам:

1. Наказание за изнасилование по действующему уголовному законодательству отличается следующими особенностями:

— его унификацией в уголовных кодексах союзных республик;

— дифференциацией мер наказания в зависимости от тяжести изнасилования и допущением в качестве исключительной меры — смертной казни;

— ограничением, а в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 121 УК, запрещением применения условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким наказанием.

2. Из обстоятельств, перечисленных в ст. 37 УК, основанием для смягчения наказания за изнасилование могут быть только следующие:

— несовершеннолетие обвиняемого;

— его чистосердечное раскаяние или явка с повинной;

— активное способствование раскрытию изнасилования.

Вопрос, следует ли считать смягчающим обстоятельством вступление в брак с потерпевшей решается судом в зависимости от обстоятельств каждого конкретного случая и предшествующих совершению изнасилования взаимоотношений обвиняемого с потерпевшей.

3. Исходя из того, что некоторые указанные в законе отягчающие обстоятельства включены в состав изнасилования или являются квалифицирующими его признаками, при назначении наказания из обстоятельств, указанных в ст. 38 УК, подлежат учету только следующие:

— общий рецидив;

— малолетний или престарелый возраст потерпевшей и ее материальная, служебная или иная зависимость от обвиняемого;

— подстрекательство обвиняемым несовершеннолетних или же привлечение их к участию в изнасиловании;

— совершение изнасилования с особой жестокостью или с издевательством над потерпевшей;

— использование при совершении изнасилования условий общественного бедствия;

— оговор заведомо невиновного лица.

4. При индивидуализации наказания за изнасилование судом должны учитываться обстоятельства, при которых оно было совершено, взаимоотношения обвиняемого с потерпевшей, ее поведение, предшествующее совершению преступления, характер и интенсивность примененного для подавления сопротивления потерпевшей психического и физического насилия, а также моральный облик виновного, его поведение на работе и в быту.

5. При применении мер наказания за изнасилование следует исходить из того, что условное наказание за это преступление вообще недопустимо,

К лицам, виновным в покушении на изнасилование, применение в виде исключения условного осуждения возможно лишь в случаях, когда обстановка совершения преступления, личность обвиняемого и его взаимоотношения с потерпевшей свидетельствуют о незначительной общественной опасности совершенного покушения.

ПОНУЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ К ВСТУПЛЕНИЮ В ПОЛОВУЮ СВЯЗЬ

В первом уголовном кодексе РСФСР 1922 года состава о понуждении женщины к вступлению в половую связь путем использования ее служебной и материальной зависимости от понуждающего не было. Однако встречавшиеся на практике случаи такого понуждения показали необходимость включения в уголовный кодекс соответствующего состава. В частности, возник вопрос о необходимости охраны трудящихся женщин от посягательств на их половую свободу со стороны хозяев или отдельных должностных лиц. Поэтому уголовный кодекс был дополнен ст. 169 а, принятой постановлением II сессии ВЦИК от 10 июля 1923 года. Диспозиция указанной статьи предусматривала понуждение женщины к вступлению в половую связь с лицом, в отношении коего женщина является материально или по службе зависимой. Санкция указанной статьи была такая же, как за изнасилование.

В последующем указанная статья была включена во все уголовные кодексы союзных республик с добавлением в большинстве из них о том, что уголовно наказуемым является не только понуждение к вступлению в половую связь, но и к удовлетворению половой страсти в иной форме.

Состав понуждения женщины к вступлению в половую связь предусмотрен во всех уголовных кодексах союзных республик, кроме Казахской, Латвийской и Эстонской ССР, в которых он отсутствует.

Однако диспозиция рассматриваемой статьи в уголовных кодексах союзных республик изложена не одинаково. Так, в уголовных кодексах РСФСР, Таджикской, Узбекской, Литовской, Азербайджанской, Киргизской, Армянской, Туркменской и Белорусской союзных республик содержанием понуждения является «вступление в половую связь или удовлетворение половой страсти в иной форме» (в УК БССР — «в извращенной форме»).

Эти же кодексы, кроме УК Азербайджанской СССР, и уголовный кодекс УССР условием для наступления ответственности за рассматриваемое преступление ставят материальную зависимость женщины или ее зависимость по службе от виновного. В уголовных же кодексах Грузинской, Молдавской и Украинской союзных республик содержанием понуждения является только вступление в половую связь, а в уголовных кодексах Грузинской, Азербайджанской, Молдавской и Туркменской союзных республик как условие ответственности предусматривается не только материальная и служебная ,но также и иная зависимость потерпевшей от понуждающего ее лица.

Удельный вес лиц, осужденных за рассматриваемое преступление, в общем количестве осужденных за половые преступления очень незначителен. По Таджикской ССР это видно из приводимой ниже таблицы.

Год	Всего осуждено за половые преступления в % %	В том числе за понуждение к вступлению в половую связь в %
1961	100	4,4
1962	100	1,6
1963	100	—
1964	100	3,1
1965	100	2,2
1966	100	2,4
1967	100	0,5

Следует отметить, что такой незначительный удельный вес рассматриваемого состава объясняется не только тем, что случаев понуждения женщины не встречается, но и тем, что потерпевшие не всегда сообщают об этом органам расследования, а если и сообщают, то в ряде случаев доказать состав преступления не удается, ввиду отсутствия доказательств, подтверждающих заявление.

Вместе с тем, понуждение женщины к вступлению в половую связь представляет значительную общественную опасность. Оно посягает на половую свободу женщины путем использования преступником материальной или служебной зависимости от него потерпевшей для оказания на нее психического давления с целью заставить поступиться половой свободой и вступить в половую связь с виновным или другим лицом по его указанию.

Об общественной опасности понуждения ярко свидетельствует следующее дело. Г., работая главным энергетиком фирмы «Торгбытмаш», добивался приема на работу молодых женщин и девушек, оформляя их на разные должности. Фактически же они использовались в отделе главного энергетика в качестве личных секретарей Г., который за это требовал, чтобы они с ним сожительствовали. Так, в июне 1964 года. Г. забрал в свой отдел принятую на работу в качестве рабочей Д. и под угрозой увольнения принудил ее сожительствовать с ним. В сентябре 1964 года он принудил к этому также принятую по его рекомендации на работу В., выполнявшую обязанности его секретаря. Кроме того, обвиняемый склонял к сожительству несовершеннолетнюю К., принятую на работу периметристки, а фактически также выполнявшую обязанности личного секретаря Г. Ввиду того, что, кроме указанных случаев использования служебной зависимости подчиненных ему работников, Г. также покушался на изнасилование С., которую пригласил к себе домой под предлогом оказания ей помощи в трудоустройстве, он был осужден народным судом Центрального района г. Душанбе по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 и по ст. 122 УК по совокупности к 9 годам лишения свободы.

Хотя, как отмечалось выше, случаи привлечения к уголовной ответственности за рассматриваемое преступление на практике встречаются редко, но сам факт наличия в уголовных кодексах такого состава имеет серьезное предупредительное значение для морально неустойчивых лиц, склонных добиваться половой близости с зависимыми от них материально или по службе женщинами.

Непосредственным объектом посягательства рассматриваемого состава, как указывалось выше, является половая свобода женщины.

Объективная сторона понуждения характеризуется следующими особенностями:

— потерпевшей от рассматриваемого преступления может быть только лицо женского пола;

— между потерпевшей и субъектом должны существовать отношения материальной, служебной, а в республиках, где это предусмотрено уголовными кодексами, и иной зависимости;

— действия виновного должны состоять в понуждении потерпевшей к вступлению с ним или с другим лицом в половую связь или удовлетворению половой страсти в иной форме.

Остановимся на каждом из этих условий отдельно.

Если потерпевшей является несовершеннолетняя, возникает вопрос, как должно квалифицироваться ее понуждение к вступлению в половую связь лицом, от которого она зависит.

А. Н. Игнатов считает, что в таких случаях налицо совокупность преступлений, предусмотренных ст. 118 и 119 УК РСФСР.[1]

Нам представляется, что это утверждение нуждается в уточнении. Прежде всего, в отношении малолетней понуждения вообще быть не может. Всякое воздействие на нее с целью добиться полового сношения должно рассматриваться, как покушение на изнасилование, а если половое сношение имело место, то как изнасилование.[2]

В случаях, когда понуждению подвергалась девушка, не достигшая шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), действия виновного должны квалифицироваться в зависимости от того, увенчалось ли оно успехом. Если в результате понуждения потерпевшая вступила в половое сношение с виновным, он подлежит ответственности по совокупности за понуждение женщины к вступлению в половую связь (ст. 122 УК) и за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости) (ст. 123 УК).

В том же случае, когда понуждение оказалось безрезультатным, виновный, по нашему мнению, должен быть привлечен к ответственности по ст. 122 УК и ст. 15 и 123 УК.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого состава является зависимость потерпевшей от субъекта преступления.

Характер этой зависимости, как отмечалось в уголовных кодексах большинства союзных республик, ограничивается материальной зависимостью или зависимостью по службе, и только уголовными кодексами Грузинской, Азербайджанской, Молдавской и Туркменской союзных республик предусматривается также «иная зависимость» потерпевшей.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 179.

[2] Вопрос о том, до какого возраста лицо следует считать малолетним, будет рассмотрен в следующей главе.

Понятие материальной зависимости потерпевшей не всеми авторами понимается одинаково. Так, П. И. Люблинский считал, что материальная зависимость должна ограничиваться только отношениями, вытекающими из договора личного найма. В других случаях, по его мнению, можно говорить об эксплуатации материальной зависимости женщины лишь тогда, когда она находится в состоянии крайней нужды. [1]

А. А. Пионтковский утверждает, что понятие материальной зависимости охватывает все случаи, когда потерпевшая существует исключительно или в значительной мере на средства, получаемые от субъекта преступления, включая сюда и отношения из трудового договора.[2]

Л. А. Андреева к материальной зависимости, также как и А. А. Пионтковский, относит отношения, вытекающие из трудового договора, а также жилищную и семейную зависимость. [3]

Авторы научно-практического Комментария УК РСФСР под редакцией Б. С. Никифорова указывают, что материальная зависимость налицо, когда потерпевшая получает от виновного средства к существованию или от него по тем или иным причинам существенно зависит материальное положение потерпевшей.[4]

По мнению А. Н. Игнатова, материальная зависимость женщины имеется и в тех случаях, когда от действий виновного зависит серьезное улучшение или ухудшение ее материального положения.[5]

Мы считаем, что понятие материальной зависимости охватывает как материальную помощь, систематически получаемую потерпевшей от субъекта преступления, если такая помощь является единственным или основным источником ее существования, так и представление ей права проживать на жилой площади субъекта в случаях, когда потерпевшая не имеет возможности поселиться в другом месте, например, в общежитии той организации, где она работает или учебного заведения, в котором она обучается.

---

[1] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 87.

[2] А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Указ. работа, стр. 636.

[3] Л. А. Андреева. Указ. канд. дисс., стр. 87.

[4] Указ. Комментарий, стр. 99.

[5] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 176.

Возникает вопрос, следует ли считать материальной зависимостью отношения, вытекающие из договора личного найма, в частности отношения домашней работницы с ее работодателем.

Мы полагаем, что в настоящее время такие отношения не связаны с материальной зависимостью домашней работницы от последнего. В условиях нашего социалистического общества, ликвидировавшего безработицу, домашняя работница ничем не отличается от трудящихся других профессий. В случае её увольнения, она без труда может найти себе другую работу, на которой ей будет предоставлено общежитие, если она в нем нуждается.

Таким образом, понятие материальной зависимости предполагает такое положение женщины, при котором угроза или фактическое лишение ее материальной помощи является для потерпевшей настолько серьезным, что может побудить ее поступиться половой свободой и вступить в половую связь, помимо своего желания.

Поэтому, мы считаем, что А. Н. Игнатов неправильно распространяет понятие материальной зависимости на случаи, когда от действий виновного зависит серьезное улучшение материального положения женщины. Здесь отсутствует то состояние безвыходности, которое является единственным основанием для того, чтобы считать понуждением домогательства субъекта о вступлении с ним в половую связь.

Спорен в литературе и вопрос о том, как следует понимать в рассматриваемом составе зависимость женщины по службе.

Согласно одной точке зрения это понятие ограничивается случаями служебной подчиненности женщины виновному. Этого мнения придерживается А. Н. Игнатов, утверждающий, что закон говорит не об использовании субъектом понуждения своего служебного положения, а об использовании служебной зависимости женщины и поэтому в данном случае речь идет только о зависимости, вытекающей из ее служебного положения.[1]

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 176—177.

Эти доводы не убедительны. Во-первых, в диспозиции ст. 122 УК сказано не об использовании служебной зависимости женщины, а о ее зависимости от виновного «по службе», без указания на то — имеется ли в виду служебное положение потерпевшей или субъекта преступления. Во-вторых, во всех случаях понуждения к половой связи, зависящей от него по службе женщины, виновный злоупотребляет своим служебным положением. Таким образом, зависит ли женщина по своей службе от виновного или же эта зависимость вытекает из служебного положения последнего, ничего не изменяет. Существенно лишь, что такая зависимость создается в силу служебного положения субъекта, используемого для склонения потерпевшей к половой связи. Как правильно отмечал П. И. Люблинский, основным является в рассматриваемом случае положение совратителя, а не совращаемой им женщины.[1]

Другие авторы считают, что служебная зависимость охватывает все случаи зависимости потерпевшей, обусловленной служебным положением субъекта преступления,[2] с чем, как отмечено выше, следует согласиться.

Таким образом, служебная зависимость женщины имеет место как в случаях, когда потерпевшая занимает должность, подчиненную виновному или подлежащую его контролю, так и в случаях, когда существенные интересы потерпевшей зависят от занимаемого субъектом служебного положения (следователь, конвоир, начальник жилищного управления и т. п.).[3]

Следует отметить, что в 20-х годах, когда возник вопрос о квалификации действий должностного лица, вступившего в половую связь с женщиной, в результате обещания выполнить или не выполнить в ее интересах определенные служебные действия, Верховный Суд УССР признавал в действиях такого лица состав взятки, а потерпевшую рассматривал как взяткодательницу.[1] Однако вскоре эта позиция была пересмотрена и преступление в подобного рода случаях начали квалифицировать по ст. 154 УК УССР как понуждение женщины к вступлению в половую связь.[2]

---

[1] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 80—81.

[2] А. А. Пионтковский., В. Д. Меншагин. Указ. работа, стр. 636.

[3] В большинстве уголовных кодексов капиталистических государств составы, предусматривающие ответственность за понуждение женщины к половому сожительству, имеют в виду только лиц, специальному попечению которых доверена потерпевшая, и не упоминают об использовании ее подчиненного положения. В этом находит яркое проявление классовый характер буржуазного уголовного права.

В тех кодексах, в которых, кроме материальной и служебной зависимости, имеется указание и на «иную зависимость» потерпевшей от понуждающего лица, такая зависимость может относиться к семейным отношениям, не связанным с материальной зависимостью, отношениям между преподавателем и его ученицей, между подопечной и попечителем и т. п.

Мы считаем, что распространение ответственности за понуждение женщины к половой связи также и на отношения, не связанные с материальной и служебной зависимостью, более полно охраняет половую свободу женщины. Поэтому было бы целесообразным включить в диспозицию статьи о понуждении уголовных кодексов всех союзных республик указание на «иные случаи зависимости», как это сделано в УК Грузинской, Азербайджанской, Молдавской и Туркменской ССР.

В действующей же редакции уголовных кодексов, в которых указание на «иную зависимость» отсутствует, обвинение в понуждении женщины к вступлению в половую связь может быть признано обоснованным лишь при доказанности того, что на потерпевшую оказывалось воздействие путем использования ее материальной или служебной зависимости от виновного.

Так, народный суд г. Канибадама признал А. виновным в том, что он, работая преподавателем Канибадамского педагогического училища, изнасиловал студентку этого училища П.

Президум Верховного Суда Таджикской ССР постановлением от 14 мая 1966 года действия А. переквалифицировал по ст. 122 УК. Основанием для такой переквалификации Президиум признал, что хотя А., склонив потерпевшую к половому сношению, не угрожал ей, но его служебное положение и психическое воздействие на потерпевшую доказывают его вину в этом преступлении.

---

[1] Сборник определений уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда УССР, 1924, вып. 3, стр. 123—125.

[2] Сборник определений уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда СССР, 1926, вып. 2, стр. 89.

Отменяя указанное постановление Президиума, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 21 сентября 1967 года дело по обвинению А. по ст. 122 УК прекратил. Пленум указал, что согласно диспозиции ст. 122 УК Таджикской ССР понуждение женщины к вступлению в половую связь образует состав преступления лишь в том случае, если это понуждение совершено лицом, от которого потерпевшая была материально или по службе зависимой. В данном же случае П. материально от А. зависимой не была. Что же касается служебной зависимости, то хотя А. и являлся преподавателем училища, студенткой которого была потерпевшая, однако по делу не установлено, что это обстоятельство было использовано А. для склонения П. к интимной близости. Сам же факт вступления преподавателя А. в половую связь со студенткой, хотя и является аморальным, однако состава преступления не содержит.[1]

Обязательным элементом объективной стороны рассматриваемого состава является понуждение потерпевшей.

Понуждение предполагает противоправное воздействие субъекта на волю потерпевшей путем использования ее зависимого от него положения. В этих случаях прямое физическое насилие и принуждение отсутствуют, однако неподчинение требованию виновного грозит потерпевшей серьезными лишениями или неприятностями.

Чаще всего понуждение заключается в угрозе совершения действий, ставящих женщину в гораздо худшее материальное, бытовое и служебное положение, чем она находится. Это может быть угроза увольнением, понижением по службе, лишением материальной поддержки или возможности проживать на жилплощади субъекта и т. п.

По своему характеру такая угроза отличается от угрозы при изнасиловании тем, что она не угрожает жизни или здоровью потерпевшей или близких ей лиц и поэтому не парализует воли женщины, а лишь оказывает на эту волю соответствующее давление.

Не требуется также непосредственности угрозы, как это имеет место при угрозе как способе действия при изнасиловании. Обычно исполнение угрозы понуждающего возможно только по истечении определенного времени, особенно когда речь идет об угрозе, связанной со служебным положением субъекта.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 1, стр. 21—22.

Вместе с тем, по своему характеру угроза при понуждении должна быть серьезной и реальной. В результате осуществления такой угрозы потерпевшая должна лишиться важных для нее материальных или иных благ, причем никаких сомнений в том, что эта угроза будет приведена в исполнение у нее быть не должно.

Понуждение может также выразиться и в фактическом совершении субъектом действий, ухудшающих материальное и служебное положение потерпевшей. Однако для того, чтобы такие действия рассматривались как понуждение, необходим ряд условий. Прежде всего, по своему характеру эти действия не должны посягать непосредственно на жизнь и здоровье потерпевшей. Кроме того, между действиями, ухудшающими материальное или служебное положение женщины и понуждением ее к вступлению в половую связь, должна быть причинная связь. Это означает, что такие действия должны иметь своей непосредственной целью принудить потерпевшую на такую связь, после чего виновным восстанавливается ранее существовавшее положение.

Вопрос о том, должно ли считаться понуждением обещание потерпевшей определенных выгод, является спорным.

Так, А.А. Пионтковский считает, что «понуждение женщины может быть совершено как путем применения угроз, так и путем обещания тех или иных выгод».[1] Эту точку зрения разделяют М. Д. Шаргородский[2], Б. С. Утевский[3], Б. В. Даниэльбек[4] и ряд других авторов.

Иного мнения придерживается А. Н. Игнатов[5], Л. А. Андреева[6], Г. Б. Карнович и М. Г. Коршик[7], полагающие, что обещание создать женщине лучшие материальные или служебные условия нельзя рассматривать как понуждение.

---

[1] А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Указ, работа, стр. 635.

[2] М. Д. Шаргородский. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953, стр. 101.

[3] Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1958, стр. 151.

[4] Б. В. Даниэльбек. К вопросу об ответственности за половые преступления по уголовному законодательству Азербайджанской ССР. «Ученые записки Азербайджанского госуниверситета». Баку, 1964, стр. 86—87.

[5] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 177.

[6] Л. А. Андреева. Указ. канд. дисс., стр. 87.

[7] Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик. Указ. работа, стр. 10.

Мы тоже считаем, что подобного рода обещания понуждением не являются. В таких случаях отсутствует угроза или фактическое действие, оказывающее давление на волю женщины и побуждающее ее поступиться своей половой свободой. Конечно, обещание выгоды также воздействует на волю женщины, но эту волю оно не подавляет. Поэтому, в подобного рода случаях речь идет не о понуждении, а об убеждении женщины согласиться на половую связь, что хотя в данной ситуации и является аморальным поступком, но состава преступления не содержит.

Таким образом, понуждение как элемент объективной стороны рассматриваемого состава может быть определено, как специальный способ воздействия на психику женщины путем фактического причинения вреда ее материальным или служебным интересам или угрозы такой вред причинить.

Судебная практика исходит из того, что нельзя считать понуждением сам по себе факт предложения женщине, находящейся в материальной или служебной зависимости вступить в половую связь, если такое предложение не сопровождается соответствующими угрозами или действиями.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Б. специально указывалось, что «один факт предложения полового сожительства не может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние».[1]

Народным судом Кировского района г. Ленинграда был осужден В. по ст. 154 УК РСФСР. Материалами дела было установлено, что В., неоднократно встречался с подчиненными ему М. и Ф. в кафе и у них на квартире и предлагал им вступить с ним в половую связь.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР прекратила это дело за недоказанностью, так как никаких объективных данных о том, что В. понуждал М. и Ф. к сожительству с ним собрано не было.[2]

---

[1] «Советская юстиция», 1940, № 3, стр. 46.

[2] Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1957—1959 гг. М., 1960, стр. 189.

Целью понуждения в соответствии со ст. 122 УК может быть не только половая связь с женщиной, но и удовлетворение половой страсти в иной форме. В связи с этим возникает вопрос, что следует понимать под таким удовлетворением половой страсти.

При рассмотрении понятия полового сношения мы пытались доказать, что уголовный кодекс понимает под половым сношением не только естественные, но и извращенные его формы. Поэтому мы считаем, что удовлетворение половой страсти в иной форме предполагает совершение различного рода сексуальных действий, не являющихся по своему характеру половым сношением в естественной или в извращенной форме.

Ввиду того, что на практике дел о понуждении женщины к «удовлетворению половой страсти в иной форме», как, правило не встречается, правильно поступили те союзные республики, в уголовных кодексах которых этот признак из диспозиции статьи о понуждении был исключен.

Понуждение не обязательно должно быть направлено на удовлетворение половой страсти самого субъекта. Оно может заключаться в требовании удовлетворить такую страсть другого лица, причем не имеет значения, знало ли об этом это лицо или нет.

Субъектом рассматриваемого состава может быть только лицо, в отношении которого женщина является материально или по службе зависимой, а в тех кодексах, в которых предусмотрена и «иная» зависимость, лицо от которого в такой зависимости находится потерпевшая.

В соответствии с изложенным выше такими лицами могут быть:

— родители, усыновители, родственники, а также любые другие лица, оказывающие потерпевшей тот или иной вид материальной помощи, имеющей для нее серьезное значение;

— должностные лица, к которым относятся как начальники потерпевшей по ее службе, так и лица, от которых зависят важные для потерпевшей материальные, жилищные и другие интересы, или надзору которых вверена потерпевшая.

Субъектом понуждения, как уже отмечалось выше, может быть лицо не только мужского, но и женского пола. В этом случае понуждение должно осуществляться в интересах третьего лица, с которым понуждающая предлагает потерпевшей вступить в половую связь.

С субъективной стороны понуждение к вступлению в половую связь всегда предполагает прямой умысел. Виновный сознает, что использует зависимость от него потерпевшей в целях понуждения ее к вступлению с ним или с другим лицом в определенные сексуальные отношения.

Мотивом совершения этого преступления обычно является желание удовлетворения половой потребности, но таким мотивом может быть также и корысть, если речь идет об удовлетворении половой потребности другого лица. Однако цель данного преступления во всех случаях носит сексуальный характер, ею является половое сношение или удовлетворение половой страсти иным путем.

Одной из особенностей понуждения является его усеченный состав. Понуждение считается законченным с момента, когда виновный начал оказывать воздействие на волю потерпевшей, понуждая ее к вступлению в половую связь. Поэтому здесь отсутствуют такие стадии преступной деятельности, как приготовление или покушение. Сам факт посягательства на половую свободу зависимой от субъекта женщины рассматривается как оконченное преступление. «Нельзя говорить о стадии покушения,— пишет А. А. Пионтковский,— в тех случаях, когда к объективным признакам оконченного состава преступления отнесены не только наступление определенных последствий, но и сама возможность их наступления».[1] Поэтому состав понуждения будет иметь место и в том случае, когда женщина отвергла домогательства и в половую связь с субъектом преступления не вступила.

Иного мнения придерживался А. А. Жижиленко, который считал, что предложение вступить в половую связь надо рассматривать, как покушение, а оконченным данный состав должен считаться с момента осуществления половой связи.[2] Однако такое утверждение не соответствует диспозиции ст. 122 УК, в которой идет речь о понуждении к вступлению в половую связь, а не о половой связи в результате примененного к потерпевшей понуждения.

---

[1] А. А. Пионтковский. Указ. работа, стр. 519.

[2] А. А. Жижиленко. Преступления против личности. М.-Л., 1927, стр. 118.

Изложенные выше особенности состава понуждения позволяют провести четкое разграничение между этим составом и изнасилованием.

Это разграничение может быть проведено в различных направлениях:

— по характеру отношений между потерпевшей и субъектом преступления оно заключается в том, что понуждение предполагает наличие между потерпевшей и виновным личных или служебных отношений, в то время, как при изнасиловании потерпевшей может быть женщина, с которой субъект ранее не был знаком;

— по способу действия субъекта различие между этими преступлениями состоит в том, что при понуждении действия виновного лица или угроза совершения таких действий ущемляют только материальные, служебные или иные интересы потерпевшей, в то время, как при изнасиловании такие действия направлены против жизни или здоровья потерпевшей или близких ей лиц. Поэтому при понуждении возможность проявления воли женщины не исключается, в случаях же изнасилования ее воля либо полностью игнорируется (при использовании беспомощного состояния), либо подавляется путем применения физического или психического насилия.

Между тем, иногда на практике при квалификации действий виновного как понуждения суды исходят не из характера действий субъекта, а из отношений его с потерпевшей, в результате чего совершенное деяние квалифицируется как понуждение, в то время как оно содержит состав изнасилования. Так, нарсуд Ходжентского района осудил К. по ст. ст. 15 и 122 УК, который в нетрезвом состоянии путем применения физического насилия заставил свою жену совершить с ним половой акт в извращенной форме.

Виновный был привлечен к уголовной ответственности по ст. 122 УК. Суд же признал его виновным по ст. ст. 15 и 122 УК и приговорил к одному году лишения свободы. Между тем, материалами предварительного и судебного следствия было установлено, во-первых, что половое сношение в извращенной форме действительно имело место, и, во-вторых, что виновный добился этого, применив к потерпевшей физическое насилие. Поэтому в действиях К. содержался состав изнасилования. Органы же следствия на том основании, что потерпевшая являлась женой обвиняемого и находилась от него в материальной зависимости, квалифицировали его действия, как понуждение к вступлению в половую связь, а народный суд признал фактически совершенное насильственное половое сношение в извращенной форме покушением на понуждение, хотя, как отмечалось в этом составе, такой стадии преступной деятельности вообще быть не может.

Переходя к рассмотрению мер наказания, установленных за совершение рассматриваемого преступления, прежде всего, необходимо отметить, что, как видно из приводимой таблицы, эти меры в уголовных кодексах союзных республик различны как по своему характеру, так и по срокам.

Мера наказания	Наименование уголовных кодексов[1]
1. Лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок	УК УССР
2. Лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до одного года	УК Киргизской ССР
3. Лишение свободы на срок до трех лет	УК РСФСР, Белорусской, Узбекской, Грузинской, Азербайджанской, Литовской, Таджикской и Туркменской союзных республик
4. Лишение свободы на срок до четырех лет	УК Армянской ССР
5. Лишение свободы на срок от одного года до пяти лет	УК Молдавской ССР

Таким образом, максимальная мера наказания за понуждение в уголовных кодексах союзных республик колеблется от одного года лишения свободы или исправительных работ до пяти лет лишения свободы. Такое различие в сроках наказания представляется неоправданным, так как не может быть объяснено ни национальными, ни местными особенностями отдельных союзных республик.

---

[1] В уголовных кодексах Казахской, Латвийской и Эстонской союзных республик состав понуждения отсутствует.

* * *

В результате анализа состава понуждения женщины к вступлению в половую связь следует прийти к следующим выводам:

1. Непосредственным объектом посягательства, рассматриваемого состава является половая свобода женщины.

2. Объективная сторона понуждения характеризуется следующими признаками:

— потерпевшей может быть только лицо женского пола;

— между потерпевшей и виновным должны существовать отношения материальной, служебной, а в республиках, где это предусмотрено уголовными кодексами, и иной зависимости;

— действия виновного должны состоять в понуждении потерпевшей к вступлению с ним или с другим лицом в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме.

3. Служебная зависимость женщины имеет место как в случаях, когда потерпевшая занимает должность, подчиненную виновному или подлежащую его контролю, так и когда существенные интересы потерпевшей зависят от занимаемого субъектом должностного положения.

4. Противоправное воздействие на волю женщины в рассматриваемом составе заключается в угрозе или фактическом совершении виновным действий, ставящих потерпевшую в значительно худшие материальные, бытовые или служебные условия, чем она находится до понуждения.

Обещание потерпевшей определенных выгод понуждением считаться не может, так как в таких случаях отсутствует угроза или фактические действия, оказывающие давление на волю женщины и побуждающие ее поступиться своей половой свободой для избежания тяжелых для нее материальных или иных последствий.

5. Субъектом понуждения может быть лицо любого пола, в отношении которого женщина находится в материальной или служебной зависимости.

С субъективной стороны понуждение всегда предполагает прямой умысел.

6. Рассматриваемый состав считается оконченным с момента, когда виновный своими словами или действиями начал осуществлять воздействие на волю потерпевшей, независимо от того, согласилась ли она на половую связь (или иные сексуальные действия), либо такого согласия не дала.

7. Состав понуждения нуждается в унификации в уголовных кодексах союзных республик и включение его в те из них, где он отсутствует.

Наиболее соответствует общественной опасности рассматриваемого состава его диспозиция, предусмотренная в уголовных кодексах Грузинской и Молдавской союзных республик, в которой указывается на использование виновным не только материальной и служебной, но и иной зависимости женщины и исключено упоминание об удовлетворении половой страсти в иной форме, так как подобного рода случаи на практике не встречаются.

Учитывая, что наиболее незащищенными от давления на их волю являются несовершеннолетние девушки, следует за их понуждение к половому сношению лицом, в отношении которого они являются зависимыми, установить повышенное наказание.

8. Исходя из изложенного, может быть предложена следующая редакция состава понуждения женщины к вступлению в половую связь: «понуждение женщины к вступлению в половую связь путем использования ее материальной, служебной или иной зависимости наказывается лишением свободы на срок до ... лет.

То же действие, совершенное в отношении несовершеннолетней, наказывается лишением свободы на срок от ... до ... лет».

ГЛАВА III.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И НОРМАЛЬНОГО ПОЛОВОГО РАЗВИТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Преступления, нарушающие половую неприкосновенность и нормальное половое развитие детей и подростков, представляют особо большую общественную опасность. Эта опасность усугубляется тем, что несовершеннолетние, а особенно малолетние, беззащитны против половых посягательств. Когда потерпевшими являются маленькие дети, они вообще не понимают значения совершаемых над ними действий. В таких случаях ребенок иногда сознает, что с ним поступили нехорошо, что ему причинили боль, но членораздельно рассказать об этом еще не может. В тех же случаях, когда потерпевшие дети достигли школьного возраста, то сообщить старшим о совершенных в отношении их развратных действиях они часто стесняются.

Если потерпевшими являются подростки в возрасте 12—16 лет, совершаемые в отношении их сексуальные действия часто не воспринимаются ими как осквернение их физической и моральной чистоты. Наоборот, иногда такие подростки даже охотно идут навстречу развратителю, так как это удовлетворяет проснувшееся в них сексуальное любопытство. Это в равной степени относится как к мальчикам, так и к девочкам, которые в таких случаях чаще всего не только не сообщают о происшедшем своим родителям или другим взрослым лицам, но прилагают все возможное для того, чтобы сохранить свои отношения с развратителем в тайне. Между тем, половые посягательства наносят серьезный вред здоровью и личности несовершеннолетних.

В тех случаях, когда жертвами являются малолетние дети, этот вред может быть настолько серьезен, что грозит необратимыми последствиями для их здоровья. Но и в других случаях половые посягательства причиняют здоровью и нормальному физическому развитию подростка серьезный ущерб, не говоря уже о том, что они влекут за собой преждевременное возбуждение полового инстинкта в неприспособленном для этого по своему физическому развитию организме. Практика знает случаи, когда девочки, ставшие жертвами изнасилования, затем начинали вести себя недостойным образом и легко шли на случайные половые связи. Мальчик или юноша, развращенный гомосексуалистом, постепенно привыкает к противоестественным половым сношениям и тем самым калечит свою жизнь. Поэтому следует согласиться с Ю. К. Сущенко, отмечавшим, что сексуальные преступления против несовершеннолетних, приобщая их к преждевременному вступлению в половую жизнь, несут в себе возможность социального оскудения личности несовершеннолетнего и вред, причиняемый ими, перестает быть вредом только для личности, а становиться таковым и для общества в целом.[1]

Поэтому важнейшей задачей уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от посягательств на их нормальное половое развитие и половую неприкосновенность является не только охрана их физического здоровья, но и стремление сохранить для нашего социалистического общества нравственно здоровых граждан, для которых сексуальные отношения мыслятся только в рамках нашей коммунистической морали.

Среди половых преступлений посягательства на половую неприкосновенность детей и подростков занимают сравнительно значительное место.

Об удельном весе лиц, осужденных судами Таджикской ССР за совершение таких преступлений от общего количества осужденных за половые преступления, можно судить по следующей таблице.

---

[1] Ю. К. Сущенко. Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс., Саратов, 1967, стр. 9.

Год	Количество лиц, осужденных за половые преступления в $^0/_0$	В том числе осуждено лиц в $^0/_0$ $^0/_0$[1]		
		ст. 123 УК	ст. 124 УК	ч. II ст. 125 УК (только за посягательства против несовершеннолетних)
1961	100	5.9	5,1	10,2
1962	100	21,9	4,0	8,0
1963	100	39.0	4,1	7,5
1964	100	27,8	4,1	8,2
1965	100	28,2	7,2	8,4
1966	100	30,7	4,0	6.1
1967	100	26,7	7,5	13,6

В указанной таблице не приводится удельный вес несовершеннолетних, потерпевших от изнасилования. Это связано с тем, что в статистических данных такие сведения отсутствуют. По изученным же нами делам об изнасиловании 20,7% потерпевших являлись несовершеннолетними.

Кроме того, следует иметь в виду, что высокий удельный вес после 1962 года лиц, осужденных за половое сношение с несовершеннолетними, связан с тем, что до сих пор в Таджикской ССР встречаются, как пережиток прошлого старого быта случаи выдачи замуж по религиозным обрядам девушек, не достигших брачного возраста. Если возраст девушки, с которой виновный вступил в брак, меньше шестнадцати лет, он привлекается к ответственности по совокупности также и по ст. 123 УК. Что же касается дел о половом сношении с несовершеннолетним лицом, не достигшим шестнадцати лет, не связанных с вступлением в фактический брак по обычаям прошлого старого быта, то такие дела на практике встречаются сравнительно редко.

Небольшой удельный вес лиц, осужденных по ст. 124 УК, свидетельствует об общем высоком моральном уровне советского общества. Между тем, в капиталистических государствах развратные действия в отношении детей составляют один из наиболее распространенных видов деликтов против личности. Из европейских стран особенно неблагополучное положение в этом отношении в

---

[1] Состав мужеложства в отношении несовершеннолетнего в целях удобства изложения включен в 4 главу настоящей работы.

ФРГ, где только за один 1960 год за указанное преступление было предано суду 4324 чел., из которых 3583 осуждено.[1] В связи с угрожающим ростом этого вида преступлений в мае 1966 года уголовная полиция ФРГ даже выпустила специальную «предупредительную программу» по профилактике развратных действий в отношении детей, обращенную к населению. В ней предлагается добиваться полного доверия у детей и разъяснять им возможность совершения в отношении их этого преступления. Население, и в частности родители, призываются сообщать в полицию о ставших им известных случаях развращения. «Часто жертва и преступник знают друг друга, никакого ложного уважения к этому. Ваше молчание охраняет преступника и повышает опасность нового преступления. Мы все несем совместную ответственность, осквернители детей должны быть изолированы»,— указывается в этой программе.[2]

Рост половых преступлений, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, наблюдается и в других капиталистических странах. Так, в Англии, включая и Уэльс, количество лиц, осужденных за такие преступления, возросло с 436 чел., осужденных в период 1930—1934 гг., до 2843 чел.— в 1958 году, т. е. почти в 7 раз. В Финляндии количество, лиц, осужденных за рассматриваемые преступления, выросло с 56 в 1938 году до 139 чел.— в 1957 году.[3]

Такой рост преступлений против половой неприкосновенности детей является тем более знаменательным, что уголовные кодексы капиталистических государств уделяют значительное внимание таким деликтам и за их совершение устанавливаются весьма суровые меры наказания.

Охрана половой неприкосновенности детей и подростков в уголовных кодексах этих стран отличается следующими особенностями.

В ряде кодексов устанавливается несколько возрастных границ. Их установление имеет различное значение. В одних случаях, в зависимости от возраста, определяется мера наказания. Так, например, в Англии половое сношение с девочкой моложе 13 лет считается изнасилованием и влечет за собой пожизненное тюремное заключение. Добровольное же половое сношение с девочкой от 13 до 16 лет карается тюремным заключением на срок до 2-х лет. (Закон о половых преступлениях, 1956 г.).

---

[1] Преступность в капиталистическом мире после второй мировой войны. М., 1963, стр. 75.

[2] Kriminalistik, 1966, № 5, стр. 235.

[3] Преступность в капиталистическом мире после второй мировой войны. М., 1963, стр. 26 и 66.

В уголовном кодексе Финляндии наказание за половые посягательства на несовершеннолетних устанавливается в зависимости от их возраста: до 12 лет, от 12 до 15 лет и от 15 до 17 лет. Интересно отметить, что в кодексе имеется специальное примечание, что половое сношение или иные развратные действия с несовершеннолетними последней группы наказуемы лишь, если они не занимались развратом в виде промысла (§ 7 гл. 20).

В других случаях установление различных возрастных границ имеет значение для характера защиты потерпевших: для группы младшего возраста устанавливается безусловная защита от половых посягательств, а группе старшего возраста такая защита предоставляется лишь при наличии квалифицирующих обстоятельств. Так, например, в уголовном кодексе Дании безусловной половой защитой пользуются дети до 12 лет и от 12 до 15 лет. Различие здесь только в мерах наказания. Лица же в возрасте от 15 до 18 лет пользуются защитой от половых посягательств (исключая изнасилование) в тех случаях, если таковые были совершены их усыновителями, опекунами или другими лицами, которым они были вверены для обучения или воспитания, или же если виновный, грубо используя превосходство, которое ему дают его возраст и опыт, склонил несовершеннолетнего к половому сношению.

Кроме изнасилования, мужеложства, полового сношения и развратных действий в отношении несовершеннолетних, ряд уголовных кодексов устанавливает и другие составы преступлений, связанные с половыми посягательствами на таких лиц. К ним относятся, например, составы обольщения (ст. 526 УК Греции, § 182 УК ФРГ и др.), обесчещения (§ 128 УК Австрии), похищения с целью удовлетворения половой страсти (ст. 519 УК Италии), совращения (§ 132 УК Австрии), полового сношения или иных развратных действий путем злоупотребления властью или авторитетом (§ 6, гл. 20 УК Финляндии) и ряд аналогичных составов.

Почти во всех уголовных кодексах специально указывается, что половое сношение с лицом, не достигшим определенного возраста, считается во всех случаях изнасилованием. Возраст этот установлен в различных кодексах по-разному: до 12 лет в УК Аргентины (ст. 119) и Чили (§ 151); до 13 лет в английском законе о половых преступлениях; до 14 лет в уголовных кодексах Австрии (§ 127) и Италии (ст. 519).

Кроме того, во всех уголовных кодексах квалифицирующим обстоятельством признается совершение посягательств на половую неприкосновенность детей и подростков со стороны их родителей, опекунов, попечителей и других лиц, которым потерпевшие передаются на воспитание или обучение, причем в ряде кодексов такие лица конкретно и подробно перечисляются.

Почти аналогичными особенностями отличается и уголовно-правовая защита детей и подростков от половых посягательств в социалистических странах. Например, в уголовном кодексе Чехословакии различаются две группы потерпевших: моложе 15 лет и моложе 18 лет (§ 242, 243), в уголовном кодексе Венгрии до 14 и от 14 до 20 лет.

В новом уголовном кодексе ГДР в составах половых преступлений против несовершеннолетних различаются три группы потерпевших: дети до 14 лет, подростки от 14 до 16 лет и от 16 до 18 лет.

Во всех этих кодексах квалифицирующим вину обстоятельством признаются особые отношения виновного с потерпевшим. Так, ч. 1 § 150 УК ГДР предусматривает ответственность за использование взрослым лицом для совершения сексуальных действий своего положения в отношении подростка другого пола в возрасте от 14 до 16 лет, вверенного ему для воспитания или обучения или находящегося под его надзором, а ч. 2 той же статьи устанавливает ответственность при этих же обстоятельствах за использование подростка в возрасте от 16 до 18 лет для полового сношения или действий, подобных половому сношению.

Некоторые кодексы, как то: Румынии (ст. 424), Югославии (ст. 185) содержат составы обольщения и т. п.

Первый уголовный кодекс РСФСР 1922 года также различал сравнительно большое число составов преступлений, направленных против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Так, среди этих составов, кроме нормального полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости, и развратных действий в отношении несовершеннолетних, были специально выделены составы: растление, под которым понималось изнасилование лиц, не достигших половой зрелости, а также удовлетворение половой страсти в извращенных формах.

В УК РСФСР 1926 года до издания Указа Верховного Совета РСФСР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», ст. 153 указанного кодекса не предусматривала изнасилование несовершеннолетних. Оно квалифицировалось по ст. 151 УК, как квалифицированный случай полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости, а именно — половое сношение, сопряженное с растлением. Специально выделялось в диспозиции указанной статьи также и половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, сопряженное с удовлетворением половой страсти в извращенных формах.

Статья 152 УК РСФСР 1926 года была посвящена развращению малолетних или несовершеннолетних.

В статье 154а этого же УК о мужеложстве — мужеложство, совершенное с несовершеннолетним лицом, специально не упоминалось. На практике оно квалифицировалось по ч. 2 указанной статьи, предусматривающей «мужеложство, совершенное с применением насилия или использования зависимого положения потерпевшего».

В уголовных кодексах других союзных республик содержались почти аналогичные составы рассматриваемых преступлений.

Анализ составов половых преступлений в отношении несовершеннолетних в действующих УК союзных республик свидетельствует, что эти составы обладают следующими особенностями:

— одинаковой охраной пользуются несовершеннолетние обоего пола;

— половое сношение с малолетней девочкой во всех случаях рассматривается как ее изнасилование;

— наказуемо не только половое сношение с несовершеннолетними, но и развратные действия в отношении их;

— согласие несовершеннолетних на совершение полового сношения и других сексуальных действий не устраняет наказуемости виновного.

В связи с тем, что составы половых преступлений в отношении несовершеннолетних в нашем уголовном праве сравнительно немногочислены, возникает вопрос, не следует ли их расширить, подобно тому, как это сделано в уголовных кодексах не только капиталистических, но и ряда социалистических государств. Нам представляется, что необходимости в таком расширении нет. Как правильно отмечал в свое время П. И. Люблинский, подробная обрисовка отдельных внешних форм половых посягательств на несовершеннолетних не нужна и даже имеет свою вредную сторону. Характер совершенных над малолетним посягательств устанавливается обычно путем его допроса и выяснить в каждом отдельном случае, в чем конкретно заключалось такое половое посягательство в деталях не только трудно, но и излишне, так как такая детализация может нанести потерпевшему дополнительный вред. Поэтому объединение различных форм посягательств на половую сферу детей и подростков более желательно, чем детализация таковых.[1]

Вместе с тем, действующее законодательство о преступлениях, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, нуждается в серьезном совершенствовании, так как в нем имеется много недостатков, на которых мы подробно остановимся при анализе отдельных составов. К таким недостаткам, по нашему мнению, относятся:

— отсутствие градации возраста потерпевших в составах изнасилования и развратных действий. Мы полагаем, что общественная опасность этих преступлений значительно повышается, когда потерпевшими от них являются малолетние, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, по сравнению со случаями, когда жертвой становится подросток в возрасте свыше 14 лет;

— отсутствие в качестве квалифицирующего обстоятельства особых отношений виновного с потерпевшим. Совершение таких преступлений лицами, которым вверено воспитание или обучение потерпевших, представляет особо большую общественную опасность, тем более, что такого рода случаи на практике встречаются не так уж редко;

---

[1] П. И. Люблинский. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925, стр. 110—111.

— установление в уголовных кодексах союзных республик различных критериев ответственности за половое сношение с несовершеннолетним лицом. В одних кодексах таким критерием является возраст потерпевшего (недостижение шестнадцати лет), а в других — его половая зрелость. Различно определяется возраст потерпевших и в составе развращения детей и подростков;

— меры наказания за развратные действия в уголовных кодексах установлены чрезмерно мягкие и не соответствуют тяжести и общественной опасности этого преступления.

— неоправданным представляется отсутствие унификации в уголовных кодексах союзных республик мер наказания, к лицам, виновным в совершении рассматриваемых преступлений.

Перечисленные недостатки, безусловно, снижают эффективность уголовно-правовой борьбы с посягательствами на половую неприкосновенность подрастающего поколения и поэтому в порядке совершенствования законодательства целесообразно их устранить.

* * *

Рассмотрение особенностей преступных посягательств на половую неприкосновенность и нормальное половое развитие детей и подростков дает возможность прийти к следующим выводам:

1. Важнейшей задачей уголовно-правовой защиты таких лиц является не только охрана их физического здоровья, но и необходимость сохранить для социалистического общества нравственно здоровых граждан, для которых сексуальные отношения мыслятся лишь в рамках коммунистической нравственности.

2. Охрана половой неприкосновенности и нормального полового воспитания несовершеннолетних по нашему законодательству отличается следующими особенностями:

— одинаковой охраной пользуются несовершеннолетние обоего пола;

— половое сношение с малолетней девочкой во всех случаях рассматривается как ее изнасилование;

— наказуемо не только половое сношение, но и развратные действия, совершаемые в отношении детей и подростков;

— согласие таких лиц на совершение полового сношения и других сексуальных действий не устраняет наказуемости виновного.

3. В целях большей эффективности уголовно-правовой борьбы с половыми преступлениями против несовершеннолетних действующее законодательство нуждается в следующих иизменениях:

— проведении градации возраста несовершеннолетних в составах изнасилования и развратных действий путем разделения их на две группы — до 14 лет и от 14 до 16 лет с тем, чтобы меры наказания при посягательстве на несовершеннолетних, включенных в первую группу, были повышены;

— признании квалифицирующим обстоятельством особых отношений виновного с потерпевшим (родство, опека, попечительство, передача на воспитание, обучение и т. п.);

— установлении в уголовных кодексах союзных республик единого критерия для определения потерпевшего лица в составах развратных действий и полового сношения с несовершеннолетним;

— повышении мер наказания за преступления против несовершеннолетних и унификации этих мер в уголовных кодексах всех союзных республик.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ

Изнасилование несовершеннолетней является самостоятельным составом изнасилования, поскольку непосредственным объектом посягательства в этих случаях служит не половая свобода или половая неприкосновенность взрослой женщины, а половая неприкосновенность и нормальное половое развитие несовершеннолетней.

Как уже отмечалось, удельный вес лиц, осужденных за изнасилование несовершеннолетних, по изученным делам составляет 20,7% от общего числа осужденных за это преступление.

Возраст несовершеннолетних потерпевших по изученным нами делам распределяется следующим образом:

— до 3-х лет — 12,5%
— от 3-х до 7 лет — —
— от 7 до 10 « — 25%
— от 10 до 12 « — —
— от 12 до 14 « — 37,5%
— от 14 до 18 « — 25%

Таким образом, возраст 75% изнасилованных несовершеннолетних не превышает 14 лет, что является ярким доказательством особой общественной опасности рассматриваемого состава.

Среди потерпевших встречались даже девочки ясельного возраста, Так, С. был осужден Верховным Судом Таджикской ССР к двенадцати годам лишения свободы за изнасилование девочки 1 года и 7 месяцев.

По другому делу, Г. приговорен к смертной казни за то, что изнасиловал двухлетнюю дочь своей сожительницы.

Как по первому, так и по второму делу была проведена судебно-психиатрическая экспертиза обвиняемых, заключением которой они были признаны вменяемыми.

По изученным нами делам обращает на себя внимание сравнительно большой удельный вес (9,7%) несовершеннолетних потерпевших, являвшихся родственниками или членами семьи виновного. По данным Л. А. Андреевой этот процент еще выше и достигает 19%.[1].

Чаще всего такие потерпевшие являются падчерицами (реже дочерьми) или племянницами насильника, который в момент совершения преступления обычно находится в состоянии сильного опьянения. Так, по упомянутому делу об изнасиловании дочери своей сожительницы было установлено, что обвиняемый Г. последние несколько лет систематически пьянствовал, пропивая как свою заработную плату, так и заработную плату сожительницы, неоднократно судился и менял место своей работы. За 6 лет он работал в 12 организациях, в каждой по несколько месяцев.

Встречаются также случаи изнасилования несовершеннолетних девушек, проживающих в семье виновного и материально от него зависимых. Так, по делу К. было установлено, что он систематически насиловал свою племянницу Д., 15 лет, угрожая, что если она кому-либо расскажет об этом, он ее выгонит из дому или убьет.

---

[1] Л. А. Андреева. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве. Канд. дисс., Л., 1962, стр. 151—157.

Вместе с тем, по ряду дел выясняется, что изнасилование несовершеннолетней было в определенной мере спровоцированным ее легкомысленным поведением. Так, по делу Ф. органы расследования и суд установили, что потерпевшая Т., 16 лет, познакомилась с обвиняемым на танцах, затем пошла с ним в кафе и пила спиртные напитки, после чего они пошли в парк. Т. видела, что Ф. пьян и легко могла от него уйти, однако она прогуляла с ним почти всю ночь, разрешала себя обнимать и целовать. В результате этого Ф. изнасиловал потерпевшую, хотя она этому и сопротивлялась.

Подобного рода поведение потерпевшей является важнейшим фактором для возникновения у обвиняемого умысла на изнасилование: веди она себя иначе, преступление не было бы совершено. В случаях, аналогичных приведенному, потерпевшая, иногда бессознательно или в силу своей неопытности как бы идет навстречу желаниям виновного и создает благоприятную ситуацию для совершения изнасилования.

В известной мере это связано и с тем, что девочки-подростки в период полового созревания проявляют большое любопытство к вопросам, связанным с отношениями между мужчиной и женщиной, позволяют себя ласкать и целовать, не думая, что это может привести к серьезным последствиям, и только, когда дело доходит до попытки совершить с ними половой акт, начинают осознавать грозящую опасность и сопротивляться этому.

Писательница А. Герберг, изучавшая моральный облик некоторых девушек, отмечает, что «на вопросы потерпевшим, зачем они шли, зачем пили, зачем оставались допоздна, как правило, следовал один ответ: «разве мы знали, что будет плохое»? «Что это,— спрашивает автор,— наивность? Смешно. Скорее — элементарная нравственная безграмотность—лишь бы сохранить свою невинность — а все остальные трын-трава».[1]

---

[1] Алла Герберг. Но вот девочки... «Молодой коммунист», 1964, № 6, стр. 96.

Следует отметить, что серьезная ответственность за такое поведение подростков ложится на их семьи, школу, комсомольские организации, которые по существу не занимаются или почти не занимаются вопросами, связанными с элементарным половым воспитанием девочек.

Совершенно правильно поступил Верховный Суд Таджикской ССР, который, установив по делу У., привлекавшемуся к ответственности за покушение на изнасилование 15-летней Т., что в медицинском училище, где училась потерпевшая, девушки легко вступают в половые связи, вынес частное определение. В этом определении суд предложил дирекции и общественным организациям медицинского училища обратить особое внимание на половое воспитание учащихся девочек и принять меры для того, чтобы их поведение не нарушало норм социалистической морали.

К сожалению, следственные органы и суды часто проходят мимо подобного рода фактов в то время, как своевременное реагирование на них могло бы дать положительный результат.

В уголовных кодексах всех союзных республик повышенная охрана потерпевших от изнасилования распространяется до достижения ими гражданского совершеннолетия, т. е. до 18 лет. В связи с этим в юридической литературе высказываются пожелания ограничить такую охрану достижением брачного возраста, который по семейному законодательству ряда союзных республик установлен с 16 лет.

Мотивируется этом тем, что неправильно было бы квалифицировать изнасилование замужней женщины, возможно имеющей детей, как изнасилование несовершеннолетней, ввиду того, что в этом случае нет той повышенной опасности, которая имеется при изнасиловании девушки, не достигшей брачного возраста.[1]

С этими соображениями согласиться нельзя. Установление ответственности за изнасилование несовершеннолетней связано, в первую очередь, с тем, что в этом возрасте насильственное половое сношение причиняет потерпевшей особо серьезный физический и моральный ущерб. Кроме того, нужно учитывать и то обстоятельство, что несовершеннолетняя по своей неопытности гораздо легче может оказаться в ситуации, способствующей ее изнасилованию, и что воспользоваться ее неопытностью легче, чем в случаях, когда речь идет о совершеннолетней женщине.

---

[1] А. Н. Игнатов. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М., 1966, стр. 123—133.

Неприемлемо также,по нашему мнению, и предложение А. Н. Игнатова заменить возрастной критерий несовершеннолетия потерпевшей критерием недостижения половой зрелости.[1]

При рассмотрении состава о половом сношении с лицом, не достигшим шестнадцати лет недостатки критерия половой зрелости будут подробно нами проанализированы. Сейчас же следует только отметить, что даже судебно-медицинские эксперты, устанавливающие, достигло ли лицо половой зрелости или нет, указывают на неопределенность этого критерия и по-разному понимают содержание, вкладываемое в понятие половой зрелости.

Именно это явилось, следует полагать, одной из причин, по которым законодатель исключил рассматриваемый критерий из состава изнасилования и заменил его более четким и определенным понятием совершеннолетия.

Неприемлемость критерия половой зрелости связана также и с тем, что повышенная опасность изнасилования несовершеннолетней объясняется не только биологическими особенностями ее еще неокрепшего организма, но и житейской неопытностью, неумением правильно разбираться в жизненных ситуациях.

Состав изнасилования несовершеннолетних, по сравнению с составом изнасилования взрослой женщины, отличается следующими двумя особенностями:

— общественную опасность в этом составе представляет не только способ действия, применяемый субъектом для того, чтобы совершить насильственный половой акт, но и само половое сношение, как причиняющее серьёзный вред физическому и духовному развитию потерпевшей;

— половое сношение с малолетней девочкой, независимо от ее согласия на него, рассматривается как ее изнасилование.

Остановимся на каждой из этих особенностей.

---

[1] А. Н. Игнатов. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления). М., 1966, стр. 123—133.

Исходя из того, что наиболее серьёзный физический и моральный ущерб потерпевшей причиняется в случаях лишения ее девственности, в литературе выдвигается предложение считать растление несовершеннолетней квалифицирующим обстоятельством.[1]

Наше отношение к этому предложению мы высказали при рассмотрении вопроса о потерпевшей от изнасилования совершеннолетней женщины.[2] В частности, отмечалось, что изнасилование несовершеннолетней само по себе обладает настолько повышенной общественной опасностью, что не нуждается в дополнительно квалифицирующих его обстоятельствах.

Кроме того, необходимо учитывать, что далеко не во всех случаях, когда речь идет о малолетних девочках, половое сношение с ними сопровождается растлением. В частности, ввиду несоответствия penisa и гениталий потерпевшей такое половое сношение совершается часто и в преддверии влагалища. Так, по делу К. было установлено, что он уговорил зайти к нему на квартиру 9-летнюю Т. и совершил с ней половой акт. Судебная экспертиза установила, что девственная плева потерпевшей не нарушена, а сперматозоиды обнаружены в преддверии влагалища. В своих объяснениях осужденный показал, что он не имел намерения совершить половой акт, а водил член между ногами и по губам полового органа потерпевшей. На этом основании адвокат обвиняемого просил суд переквалифицировать его действия с ч. 3 ст. 121 УК на ст. 124 УК и признать виновным в совершении развратных действий. Суд совершенно правильно опроверг эти доводы и указал в приговоре, что обнаружение в преддверии влагалища потерпевшей сперматозоидов свидетельствует о том, что с ней был совершен половой акт. К. был признан виновным в изнасиловании по ч. 3 ст. 121 УК и приговорен к 9 годам лишения свободы.

Приведенное дело показывает, что далеко не во всех случаях растление (дефлорация) должно быть обязательным последствием полового сношения с несовершеннолетней и, что поэтому признавать таковое квалифицирующим обстоятельством серьезных оснований нет.

Вместе с тем, представляется целесообразным дифференцировать ответственность за изнасилование несовершеннолетней в зависимости от ее возраста, установив как предлагалось выше соответственно две возрастные группы—до 14 лет и от 14 до 18 лет.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 135.

[2] См. гл. 2 наст. работы, стр. 104.

Случаи изнасилования несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, по нашему мнению, следует включить в диспозицию части 2 ст. 121 УК.

Вместе с тем, в число особо тяжких последствий изнасилования лиц в возрасте от 14 до 18 лет, являющихся основанием для квалификации содеянного по ч. 3 ст. 121 УК, следует включить заражение несовершеннолетней венерической болезнью и наступившую беременность, так как эти последствия для таких потерпевших особо опасны.

Как отмечалось, половое сношение с малолетней даже в случае ее согласия на это подлежит квалификации как изнасилование.

А. А. Пионтковский, останавливаясь на значении согласия потерпевшего, отмечает, что такое согласие устраняет противоправность деяния только при условии, когда оно относится к посягательству на такие права и интересы, которые находятся в свободном распоряжении лица, дающего согласие на их нарушение. Кроме того, согласие не должно преследовать каких-либо общественно вредных целей и быть действительным, т. е. исходить от вменяемого и дееспособного лица[1].

Ни одному из этих условий согласие малолетней на половое сношение не отвечает и поэтому юридического значения для устранения или смягчения ответственности виновного не имеет.

Изнасилование малолетней является особым видом использования беспомощного состояния потерпевшей, независимо от того, было ее согласие на половое сношение или нет.

Указанный вопрос в юридической литературе никаких сомнений не вызывает. Однако установление возраста, до наступления которого потерпевшая является малолетней, вызывает споры.

В одних случаях авторы, отмечая, что половое сношение с малолетними девочками даже без применения угроз или физического насилия рассматривается как изнасилование, вообще обходят вопрос о том, до какого возраста потерпевшая должна признаваться малолетней.[1]

---

[1] А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, стр. 472.

А. Н. Игнатов обосновывает это тем, что «нельзя установить точно возрастной критерий для потерпевшей, по достижении которого половое сношение, совершенное без насилия, должно рассматриваться не как изнасилование, а как преступление, предусмотренное ст. 119 УК РСФСР». Вместе с тем, он отмечает, что следственная и судебная практика признает, что 14—15-летние девочки отдают себе отчет в половых отношениях и потому способны осознавать значение происходящего.[2]

Другие авторы полагают, что как изнасилование должно квалифицироваться любое половое сношение с девочками моложе 12 лет, но обоснований для установления именно этого возраста не приводят.[3]

Несколько осторожнее подходит к рассматриваемому вопросу П. П. Осипов. Он считает, что возраст 12 лет можно принять за основу при обсуждении рассматриваемой проблемы, но окончательное ее решение может быть дано только в результате комплексного изучения педагогами, психологами и юристами умственного и социального развития лиц этого возраста.[4]

Г. Анашкин, критикуя практику рассмотрения уголовных дел об изнасиловании, отмечает, что некоторые суды неправильно толкуют п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года и почти каждое сожительство с несовершеннолетней в возрасте 12—15 лет рассматривают как изнасилование.[5]

---

[1] См. Уголовное право. Часть Особенная. М., 1965, стр. 194; Г. Б. Карнович, М. Г. Коршик. Расследование половых преступлений. М., 1958, стр. 12.

[2] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 156.

[3] Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1964, стр. 167; Б. В. Даниэльбек. К вопросу от ответственности за половые преступления по уголовному законодательству Азербайджанской ССР. Ученые записки Азербайджанского госуниверситета. Баку, 1964, стр. 88.

[4] П. П. Осипов. Квалификация половых претсуплений, совершенных в отношении несовершеннолетних. «Вестник Ленинградского государственного университета», 1966, № 5, стр. 154—155.

[5] Г. Анашкин. Повысить качество рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции. «Социалистическая законность», 1966, № 1, стр. 153.

Таким образом, по мнению указанных авторов, несовершеннолетняя в возрасте 12 или 13 лет уже способна разбираться в характере и значении совершаемых с ней сексуальных действий. С этим согласиться нельзя. Для того чтобы придать определенное значение согласию девочки на половое сношение, недостаточно того, чтобы она знала, в чем оно заключается, а необходимо также установить, что потерпевшая достигла такой степени физической и психической зрелости, которая дает возможность сознательно решать вопросы, связанные с отношениями между полами.

Рекомендация судам, выяснять в каждом конкретном случае, понимала ли потерпевшая совершаемые с нею сексуальные действия, приводит к серьёзным ошибкам и недооценке общественной опасности вступления в половую связь с малолетними.

Так, по делу по обвинению Т. по ч. 3 ст. 121 УК в том, что он вступил в половую связь с девочкой 13 лет народный суд Регарского района переквалифицировал обвинение на ст. 123 УК на том основании, что обвиняемый вступил в половое сношение с потерпевшей с ее согласия. Между тем, из материалов дела видно, что обвиняемому 22 года и, что он обманным путем завлек к себе в дом потерпевшую и, используя ее неопытность и неосведомленность в отношениях между полами, вступил с ней в половую связь.

По ст. 123 УК был привлечен к уголовной ответственности и осужден народным судом Октябрьского района г. Душанбе О., который, познакомился с 13-летней Д. около кинотеатра, привел ее к себе домой, где совершил с ней половой акт.

Для избежания подобного рода ошибок представляется необходимым установить точный возраст, до достижения которого любое половое сношение с несовершеннолетней, независимо от ее согласия, должно квалифицироваться как изнасилование.

Таким критерием, по нашему мнению, следует считать недостижение потерпевшей 14-летнего возраста.

В обоснование этого могут быть приведены следующие соображения.

Сам закон относит лиц, не достигших 14 лет к категории малолетних, т. е. таких, которые не могут считаться достаточно развитыми в физическом и психическом отношении и на этом основании освобождает их от уголовной ответственности. Авторы Комментария уголовного кодекса РСФСР под редакцией Б. С. Никифорова при рассмотрении обстоятельств, отягчающих ответственность, в соответствии с этим правильно отмечают, что «малолетними признаются лица, не достигшие 14 лет (см. ст. 10 УК) » и что «когда законодатель включает в определение более широкий круг лиц, он говорит о несовершеннолетних».[1]

О том, что малолетними потерпевшими должны считаться лица, не достигшие 14 лет, имеется ряд разъяснений вышестоящих судебных органов. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда УССР от 12 июля 1924 года предлагалось в стадиях производства дознания предварительного и судебного следствия не устанавливать признаки половой зрелости у потерпевших, не достигших 14 лет, так как сам закон (ст. 18 УК) относит их к категории малолетних.[2]

Верховный Суд РСФСР, применительно к ст. 168 УК ред. 1922 года о развращении малолетних и несовершеннолетних, также указывал, что малолетними следует считать лиц, не достигших 14-летнего возраста.[3]

Хотя эти постановления относятся к середине 20-х годов, но приведенные в них соображения применимы и в настоящее время.

Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы, утвержденные 7 января 1966 года, устанавливают, что до 14 лет половая зрелость девочек не определяется судебными экспертами, так как с точки зрения физиологии они во всех случаях считаются не достигшими половой зрелости.

Указанное дает основание считать, что до 14 лет согласие девочки на половой акт не должно приниматься во внимание и половое сношение с ней следует квалифицировать как изнасилование.

Исходя из изложенного, мы полагаем, что с целью общего предупреждения половых сношений с малолетними было бы целесообразным дополнить диспозицию статьи об изнасиловании в уголовных кодексах всех союзных республик указанием на то, что половое сношение с малолетней, не достигшей 14 лет, во всех случаях рассматривается как ее изнасилование.

---

[1] Научно-практический Комментарий УК РСФСР, под ред. Б. С. Никифорова. М., 1964, стр. 99.

[2] Приводится по книге: П. И. Люблинский. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925, стр. 95.

[3] Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. М., 1935, стр. 310.

По мнению ряда авторов, субъективная сторона изнасилования малолетней характеризуется тем, что здесь возможна смешанная вина—умысел по отношению к изнасилованию и косвенный умысел или неосторожность по отношению к тому, что потерпевшая является несовершеннолетней.[1]

Того же мнения придерживается Верховный Суд СССР в постановлении Пленума от 25 марта 1964 года, в котором указывается, что уголовной ответственности за изнасилование несовершеннолетней по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР подлежит лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней либо могло и должно было это предвидеть.

Такая позиция вызывает серьезные сомнения, так как расходится с понятием неосторожности по действующему законодательству, которое раскрывает это понятие исключительно в плане психического отношения лица к последствиям своих действий (ст. 9 УК). Поэтому преступления, юридическая конструкция которых носит формальный характер, в том числе изнасилование, могут совершаться только с прямым умыслом. Что же касается косвенного умысла или неосторожности, то такие формы вины могут иметь место только в отношении квалифицирующих обстоятельств, в частности особо тяжких последствий изнасилования.

Если считать возможным косвенный умысел или неосторожность по отношению к тому, что потерпевшей от изнасилования является несовершеннолетняя, то рассматриваемый состав конструируется как насильственное половое сношение, в результате которого жертвой преступления оказывается несовершеннолетняя, что представляется весьма искусственным.

Несовершеннолетие потерпевшей не является обстоятельством, квалифицирующим изнасилование, а характеризует его объект и должно входить в содержание интелектуальной стороны умысла виновного.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 128—132.

Поэтому нужно согласиться с П. П. Осиповым отмечающим, что изнасилование несовершеннолетней, как и другие половые преступления, может быть совершено только с прямым умыслом.[1]

Однако, как отмечалось, судебная практика считает, что повышенная ответственность за изнасилование несовершеннолетней наступает по ч. 3 ст. 121 УК, не только в случаях, когда несовершеннолетие потерпевшей охватывалось умыслом виновного, но и когда им в этом отношении была допущена небрежность.[2]

С учетом этого при квалификации изнасилования несовершеннолетней в судебной практике допускаются двоякого рода ошибки.

В одних случаях сам факт несовершеннолетия потерпевшей считается основанием для привлечения виновного к ответственности по ч. 3 ст. 121 УК без установления того, знал ли обвиняемый или должен ли был знать о том, что потерпевшая была несовершеннолетней.

Так Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР при рассмотрении кассационной жалобы К., который, не отрицая факта изнасилования, просил переквалифицировать преступление на ч. 1 ст. 117 УК РСФСР на том основании, что он не знал о несовершеннолетии потерпевшей, отклонила этот довод, указав, что незнание того, что потерпевшая несовершеннолетняя, не освобождает виновного от повышенной уголовной ответственности за ее изнасилование.[3]

На подобного рода ошибки специально обращает внимание судов заместитель председателя Верховного Суда РСФСР В. Шубин, отмечая, что, квалифицируя действия подсудимых по ч. 3 ст. 117 УК, суды ограничиваются иногда только установлением возраста потерпевшей, считая это решающим моментом, и не выясняют субъективного отношения обвиняемого к факту несовершеннолетия, т. е. не принимают во внимание обстоятельства, подтверждающие, что подсудимый не мог знать действительный возраст потерпевшей.[1]

---

[1] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 8.

[2] Такого мнения придерживаются также Б. С. Никифоров (Об умысле по действующему уголовному законодательству. «Советское государство и право», 1965, № 6, стр. 36); Ю. К. Сущенко (Указ. автореф. канд. дисс., стр. 10—11) и ряд других авторов.

[3] Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963, М., 1964, стр. 260.

Ошибки второго рода состоят в том, что суды признают, что обвиняемый не знал и не должен был знать о несовершеннолетии потерпевшей без подтверждения этого обстоятельства соответствующими доказательствами. Так, народный суд Пенджикентского района переквалифицировал действия М., привлеченного к ответственности за покушение на изнасилование 15-летней Н., со ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК на ст. 15 и ч. 1 ст. 121 УК на том основании, что он не знал о несовершеннолетии потерпевшей и приговорил его с применением ст. 42 УК к 1 году лишения свободы. Этот приговор был опротестован прокурором в связи с его мягкостью и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР его отменила и, направив дело на новое рассмотрение, указала на необходимость проверки утверждения обвиняемого, что он со слов подруги потерпевшей считал, что она уже совершеннолетняя. При вторичном рассмотрении дела это утверждение обвиняемого не подтвердилось, и суд осудил его по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК к 8 годам лишения свободы.

Ввиду того, что общественная опасность изнасилования несовершеннолетней зависит от ее возраста, важное значение приобретает индивидуализация наказания лиц, виновных в совершении рассматриваемого преступления.

Ниже приводится таблица о соотношении возраста потерпевшей и меры наказания, к которому был приговорен виновный, составленная по изученным нами делам.

Возраст потерпевшей	Меры наказания в % % к общему числу лиц, осужденных за изнасилование несовершеннолетних данного возраста					
	условное осуждение	лишение свободы на срок до 5 лет	лишение свободы на срок от 5 до 7 лет включительно	лишение свободы на срок от 8 до 10 лет включительно	лишение свободы на срок свыше 10 лет	смертная казнь
до 3 лет . . .	—	—	—	—	50,0	50,0
от 7 до 10 лет	—	—	—	100,0	—	—
от 12 до 14 лет	—	33,0	—	67,0	—	—
от 14 до 18 лет	5,0	40,0	40%	15,0	—	—

---

[1] В. Шубин. О судебной практике по делам об изнасиловании, «Советская юстиция», 1967, № 2, стр. 17.

Из приведенной таблицы видно, что суды в основном правильно подходят к определению наказания лицам, виновным в изнасиловании несовершеннолетних. Однако в отдельных случаях при покушении на изнасилование несовершеннолетней в возрасте свыше 14 лет они как исключение все же применяют условное осуждение.

Вместе с тем, иногда суды еще недостаточно вдумчиво подходят к индивидуализации наказания, в результате чего к лицам, совершившим изнасилование малолетних при различных обстоятельствах, применяется одинаковая мера наказания. Так, к 8-ми годам лишения свободы за изнасилование 13-летней девочки в извращенной форме был осужден М. и к такой же мере наказания был приговорен обвиняемый Р., изнасиловавший 17-летнюю девушку, которая в первый же день знакомства с ним пила спиртные напитки и прогуляла всю ночь, хотя видела, что ее спутник в нетрезвом состоянии.

Совершенно ясно, что общественная опасность первого случая изнасилования значительно выше, чем второго, однако оба обвиняемых были осуждены к одинаковой мере наказания.

* * *

Как видно из изложенного, изнасилование несовершеннолетней отличается следующими особенностями:

1. Общественную опасность в этом составе представляет не только способ действия, применяемый субъектом для совершения полового сношения, но и сам половой акт, причиняющий серьёзный вред физическому и духовному развитию потерпевшей.

2. Половое сношение с малолетней, независимо от ее согласия, следует квалифицировать как изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Малолетними следует считать девочек, недостигших 14-летнего возраста, исходя из следующих соображений;

— дети, не достигшие 14-летнего возраста, по нашему законодательству считаются полностью недееспособными;

— действующие правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 7 января 1966 года прямо устанавливают, что до 14 лет половая зрелость девочек судебными экспертами не определяется, так как с точки зрения физиологии они во всех случаях считаются не достигшими таковой.

Поэтому представляется целесообразным дополнить диспозицию статьи об изнасиловании указанием на то, что таковым во всех случаях считается половое сношение с малолетней, не достигшей 14-летнего возраста.

3. С точки зрения конструкции неосторожности по действующему законодательству изнасилование несовершеннолетней предполагает наличие умышленной вины и в отношении ее возраста.

4. Ответственность за изнасилование несовершеннолетней целесообразно дифференцировать в зависимости от возраста потерпевшей, установив соответственно две возрастные группы—до 14 лет и от 14 до 18 лет.

ПОЛОВОЕ СНОШЕНИЕ С ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА (ПОЛОВОЙ ЗРЕЛОСТИ)

Выше уже отмечалось, что в Таджикской ССР половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, среди половых преступлений занимает первое место после изнасилования.

Это объясняется тем, что в специфических условиях Средней Азии рассматриваемый состав чаще всего связан с вредным обычаем прошлого старого быта выдачи замуж несовершеннолетних.

Это подтверждают и изученные нами дела, в соответствии с которыми основаниями для вступления в половую связь с потерпевшими являлись:

— вступление в фактический брак по религиозным обычаям — 68,6%;

— обещание жениться — 7,8%;

— случайное знакомство—23,6%.

Таким образом, большинство дел о вступлении в половую связь с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, непосредственно было связано с противоправной выдачей их замуж.

Переходя к рассмотрению состава полового сношения с таким лицом, прежде всего ,следует отметить, что диспозиция статьи, его предусматривающей в уголовных кодексах союзных республик, значительно друг от друга отличается.

Это видно из нижеследующей таблицы:

Содержание диспозиции I. Содержание диспозиции без квалифицирующих обстоятельств	Наименование уголовных кодексов
1. Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости	УК РСФСР, УССР, БССР, Узбекской и Литовской союзных республик
2. Половое сношение с недостигшей шестнадцатилетнего возраста	УК Казахской ССР
3. Половое сношение с лицом, заведомо для виновного не достигшим шестнадцатилетнего возраста	УК Грузинской ССР
4. Половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста	УК Молдавской, Латвийской, Киргизской, Таджикской и Туркменской союзных республик
5. Половое сношение с лицом, не достигшим брачного возраста	УК Азербайджанской ССР
6. Половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста или половой зрелости	УК Армянской ССР
7. Половое сношение с лицом женского пола, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков изнасилования	УК Эстонской ССР
II. Содержание диспозиции при наличии квалифицирующих обстоятельств	
1. Половое сношение с лицом, указанным в ч. I данной статьи, сопряженное с удовлетворением половой страсти в извращенных формах	УК РСФСР, БССР, Грузинской, Армянской и Туркменской союзных республик
2. Половое сношение с лицом, указанным в ч. I данной статьи, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах	УК Узбекской и Азербайджанской союзных республик
3. Половое сношение с лицом, указанным в ч. I данной статьи, связанное с растлением или совершенное в извращенных формах	УК Казахской ССР

Содержание диспозиции	Наименование уголовных кодексов
II. Содержание диспозиции при наличии квалифицирующих обстоятельств	
4. Половое сношение с лицом, указанным в ч. I данной статьи, совершенное в извращенных формах	УК Киргизской ССР
5. Квалифицирующие обстоятельства не предусмотрены	УК Украинской, Литовской, Молдавской, Латвийской, Таджикской и Эстонской союзных республик

Из указанной таблицы видно, что в качестве признака объективной стороны рассматриваемого состава:

— уголовные кодексы пяти союзных республик предусматривают недостижение потерпевшим лицом половой зрелости;

— уголовные кодексы восьми союзных республик — недостижение им шестнадцатилетнего возраста;

— уголовный кодекс одной союзной республики — недостижение потерпевшим лицом брачного возраста и одной — недостижение потерпевшим лицом шестнадцатилетнего возраста или половой зрелости.

Половое сношение, сопряженное с удовлетворением половой страсти в извращенных формах в качестве квалифицирующего обстоятельства, предусмотренно в уголовных кодексах семи союзных республик.[1] В двух союзных республиках таким обстоятельством признается половое сношение, совершенное в извращенной форме. Кроме того, в уголовных кодексах трех республик квалифицирующим обстоятельством является растление. В уголовных же кодексах шести союзных республик — квалифицирующие обстоятельства вообще не предусмотрены.

Мы полагаем, никаких оснований для такого различия между уголовными кодексами союзных республик нет и что диспозиция статьи о половом сношении с несовершеннолетними лицами должна быть во всех уголовных кодексах одинаковой.

---

[1] В УК Грузинской ССР сказано о половом сношении, не «сопряженном», а «совершенном» с удовлетворением половой страсти в извращенной форме, что по существу одно и то же.

Хотя норма уголовного закона, запрещающая половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), относится к лицам обоего пола (за исключением ст. 116 УК Эстонской и ст. 102 УК Казахской союзных республик), на практике она обычно применяется только к лицам женского пола. Даже в тех случаях, когда родителям, педагогам или другим лицам становится известным, что с юношей, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), вступила в половую связь взрослая женщина, об этом органам расследования, за исключением редких случаев, не сообщается. Один из таких случаев, как уже отмечалось, имел место в 1965 году в г. Риге, когда к уголовной ответственности были привлечены и осуждены мать и дочь, систематически занимавшиеся совращением мальчиков 14—15 лет.

Потерпевшими по рассматриваемому преступлению чаще всего являются девушки в возрасте от 15 до 16 лет. Это видно из следующих данных о возрасте потерпевших по изученным нами делам:

от 12 до 14 лет — 8,2%
от 14 до 15 лет — 24,6%
от 15 до 16 лет — 67,2%

Таким образом, в основном это девушки, которые по старым обычаям считаются достигшими брачного возраста, но фактически ни физиологически, ни психически не подготовлены еще к половым отношениям с мужчиной.

В действующих уголовных кодексах союзных республик применяются два различных критерия, устанавливающих неподготовленность лица к половой жизни: недостижение шестнадцатилетнего возраста и половая незрелость.

До принятия новых уголовных кодексов союзных республик в качестве такого критерия выступала только половая незрелость потерпевшего лица. В литературе и сейчас иногда высказывается мнение, что этот критерий является более обоснованным, нежели установление определенного возраста.

До того как остановиться на этих высказываниях, следует рассмотреть само понятие половой зрелости, которое вызывает споры как среди судебных медиков, так и юристов. Сущность этих споров состоит в том — следует ли понятие половой зрелости ограничивать только биологическими признаками или оно должно включать в себя и признаки социальные.

До последнего времени большинство судебных медиков утверждало, что рассматриваемое понятие включает в себя не только биологические, но и социальные элементы. Так, М. Г. Сердюков отмечает, что состояние половой зрелости характеризуется окончательным сформированием организма женщины, т. е. наступлением такого периода, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды, вскармливание ребенка являются для нее нормальной функцией, когда она отдает себе полный отчет о происходящем с ней и может не только родить, но и воспитать ребенка. Поэтому при перечислении признаков половой зрелости автор в качестве одного из них указывает на «достаточное развитие психики, сознания, ориентировки в происходящем».[1]

М. И. Авдеев в числе признаков половой зрелости отмечает наличие у освидетельствуемой должной степени психического развития, в частности способности к воспитанию ребенка.[2]

Такого же мнения придерживаются в курсе судебной медицины В. М. Смолянинов, К. И. Татиев, В. Ф. Черваков.[3]

Приведенная точка зрения имела свои юридические основания, так как в действовавших ранее Правилах производства судебно-гинекологической экспертизы от 31 декабря 1934 года среди признаков половой зрелости, устанавливаемых судебно-медицинским экспертом, указывалось на достаточную степень умственного развития и подготовленность обследуемой к самостоятельному существованию.

Аналогичным образом рассматривают понятие половой зрелости и некоторые юристы. Например, М. Д. Шаргородский указывает, что под половой зрелостью следует понимать наличие способности к деторождению и вскармливанию ребенка, а также наличие умственного развития, дающего возможность должного воспитания ребенка.[1]

---

[1] М. Г. Сердюков. Судебная гинекология и судебное акушерство, М., 1964, стр. 15—16.

[2] М. И. Авдеев. Судебная медицина. М., 1951, стр. 356—357.

[3] В. М. Смолянинов, К. И. Татиев, В. Ф. Черваков. Судебная медицина, М., 1961, стр. 341.

Такого же мнения придерживается и ряд других авторов, причем некоторые из них подразделяют понятие половой зрелости на биологическое и уголовно-правовое. Так, Л. А. Андреева отмечает, что от половой зрелости в биологическом смысле следует отличать половую зрелость в уголовно-правовом смысле, понимая под ней достижение организмом человека как в области физиологической, так и в области интеллектуальной такой степени развития, при которой он способен к выполнению всех половых функций, в числе которых функция воспитания потомства является завершающей и в общественном отношении наиболее важной.[2]

В новых правилах судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 7 января 1966 года, в отличие от ранее действовавших, половая зрелость трактуется только как чисто биологическое понятие. В п. 20 этих правил указано, что «под состоянием половой зрелости следует понимать окончательное сформирование женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальной функцией, не расстраивающей здоровья, и освидетельствуемая способна к выполнению материнских обязанностей». Поэтому при проведении судебно-медицинской экспертизы по определению половой зрелости правила предлагают учитывать лишь совокупность ряда признаков развития организма женщины, свидетельствующих о ее готовности к функции материнства.

Следует отметить, что почти сразу же после введения в уголовный кодекс понятия половой зрелости как признака, отсутствие которого свидетельствует о недозволенности полового сношения с данным лицом, некоторые судебные медики и юристы начали высказывать сомнение в правильности этого и предлагали заменить рассматриваемый признак установлением определенного возраста. Так, еще в 1928 году, в резолюции съезда судебно-медицинских экспертов в г. Тамбове указывалось на то, что термин «половая зрелость» недостаточно определен, допускает различные толкования и часто на практике вызывает недоразумения и путаницу и предлагалось установить вместо него в уголовном кодексе возрастной критерий.[1]

---

[1] См. Советское уголовное право. Часть Особенная, М., 1962, стр. 164.

[2] Л. А. Андреева. Указ. канд. дисс., стр. 55.

М. И. Райский также отмечал, что показатели половой зрелости в медицине носят биологический характер, в то время как это понятие социальное. Отсюда трудности ответа на вопрос о том, достигла ли или не достигла исследуемая половой зрелости.[2]

Из юристов против критерия половой зрелости категорически возражал П. И. Люблинский. Он отмечал, что охрана половой неприкосновенности детей и подростков покоится не только на том основании, что они по своему физическому развитию неспособны к нормальному половому акту или что этот акт физически для них опасен, но также и на соображениях социального порядка — их недостаточной сознательности, неопытности, неустойчивости в области половых отношений. Указанные же качества приобретаются только с достижением определенного возраста, независимо от наступления или ненаступления половой зрелости.

П. И. Люблинский предлагал установить возраст безусловной половой охраны детства и юношества до 16 лет для лиц обоего пола, исходя из того, что к этому возрасту каждый нормально развитой подросток достигает уже половой зрелости, а до 16 лет даже при наличии половой зрелости трудно говорить о его сознательности в половом отношении.[3]

Учитывая, что вопрос об установлении половой зрелости потерпевшего в момент совершения преступления представлял серьезные трудности, особенно когда судебно-медицинское исследование проводилось спустя длительное время после вступления в половую связь, а также недостаточную четкость и определенность самого понятия половой зрелости в ныне действующих уголовных кодексах Таджикской ССР и других семи союзных республик, этот критерий был заменен установлением возраста (16 лет), до наступления которого лицо не может считаться настолько зрелым, чтобы отдавать себе ясный отчет в отношениях между полами.

---

[1] Судебно-медицинская экспертиза, сб. 7, М., 1928, стр. 29—34.

[2] См. М. И. Райский. Судебная медицина. М., 1953, стр. 382.

[3] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 93—96.

Однако вопрос о целесообразности этой замены в литературе продолжает оставаться спорным. Так, А. Н. Игнатов и Б. А. Блиндер настаивают на сохранении критерия половой зрелости и на распространение его на составы о половом сношении с несовершеннолетним лицом в уголовных кодексах союзных республик, в которых был принят возрастной критерий.

Мотивируя это предложение, А. Н. Игнатов указывает, что достижение или недостижение девушкой половой зрелости больше проявляется в ее внешнем виде, поэтому субъект преступления рассматриваемый признак может легче распознать. Вместе с тем, он считает, что половая зрелость должна рассматриваться только как биологическое понятие, определяющее физиологическое состояние организма, отмечая, что при такой трактовке установление половой зрелости не представляет трудностей и не зависит от субъективного усмотрения судебного эксперта.[1]

С этим согласиться нельзя. Прежде всего, утверждение, что достижение или недостижение лицом половой зрелости может быть легко установлено по внешнему виду, является неправильным. Половая зрелость или незрелость связана с интимными функциями человеческого организма вообще и женского в частности. Для установления половой зрелости или ее отсутствия судебно-медицинским экспертам приходится проводить сложные антропометрические и медицинские исследования. При этом не исключается возможность, что хотя по внешнему виду несовершеннолетняя физически развита, но тем не менее в половом отношении она остается незрелой.

Нет сомнения в том, что возрастной критерий в этом отношении гораздо нагляднее. По внешнему виду отличить 16-летнюю девушку от 14-летней и даже 15-летней девочки обычно особых затруднений не представляет. Кроме того, субъект всегда может установить возраст девушки, с которой он намерен вступить в половую связь, расспросив об этом ее или ее подруг. Выяснить же, является ли девушка зрелой в половом отношении, не может не только субъект рассматриваемого состава, но даже следственные и судебные органы. Для этого необходимо специальное судебно-гинекологическое освидетельствование.

---

[1] А. Н. Игнатов, Указ. работа, стр. 133—135, 150—152.

Б. А. Блиндер считает, что критерий половой зрелости должен быть сохранен в уголовном законодательстве на том основании, что попытка априорного установления половой зрелости путем определения возраста невозможна, так как достижение такой зрелости зависит от многих индивидуальных особенностей организма женщины и условий ее жизни.[1]

Следует отметить, что аналогичные возражения могут быть приведены в отношении любого возрастного критерия, как то: возраста наступления уголовной ответственности, брачного возраста, возраста наступления дееспособности и т. п.

Тем не менее, наличие в законодательстве таких критериев необходимо, так как они вносят определенность в установлении фактических обстоятельств, связанных с наступлением данного возраста. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что при установлении возрастных показателей законодатель основывается на соответствующих данных медицинских и психологических наук.

Установление шестнадцатилетнего возраста в качестве предела, после которого добровольное половое сношение перестает быть уголовно наказуемым, следует считать обоснованным. В этом возрасте юноша и девушка уже в определенной степени физически и психически подготовлены для вступления в половую жизнь. Поэтому вступление в добровольную половую связь с таким лицом может уже рассматриваться только как нарушение правил социалистической нравственности, но не как преступление против его половой неприкосновенности.

Возникает вопрос, не следует ли установить в качестве возрастного критерия брачный возраст. Этот вопрос, в частности, возникает ввиду того, что УК Таджикской ССР и уголовные кодексы ряда других союзных республик предусматривают специальный состав вступления в брак с лицом, не достигшим брачного возраста.

---

[1] Б. А. Блиндер. Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 17.

В этих республиках неоднократно встречаются случаи, когда лицо, вступившее в брак по обычаям прошлого старого быта с несовершеннолетней в возрасте от 16 до 18 лет, привлекается за это к уголовной ответственности, в то время как добровольное половое сношение с девушкой того же возраста, не связанное с заключением такого брака, является ненаказуемым.

Тем не менее нам представляется, что повышение возраста, до достижения которого половое сношение с несовершеннолетним лицом признается наказуемым, является нецелесообразным.

Со слишком ранним вступлением в половую жизнь молодежи, и в частности девушек, если они достигли 16-летнего возраста, презюмирующего наступление их половой зрелости, следует бороться не путем установления уголовной ответственности лица, вступившего с ними в половую связь, а путем проведения с подростками соответствующей воспитательной работы в семье и школе, которая еще в должной мере не ведется.

Что же касается того, что вступление в брак по обычаям прошлого старого быта с лицом в возрасте от 16 до 18 лет наказуемо, а добровольное половое сношение с этим же лицом уголовного преступления не составляет, то указанное связано с тем, что вступление в брак в таких случаях является общественно опасным пережитком прошлого старого быта Устанавливая за это уголовную ответственность, законодатель стремится не столько оградить половую неприкосновенность потерпевшей, сколько бороться против факта выдачи замуж несовершеннолетних девушек. Поэтому виновный подлежит привлечению к уголовной ответственности за вступление в брак, независимо от того, сопровождался ли он фактическим сожительством или нет. И, наоборот, сожительство в форме так называемых фактических брачных отношений с девушкой старше 16 лет, но не достигшей брачного возраста, не является уголовно наказуемым, если вступление в такие отношения не были связаны с пережитками прошлого старого быта

Указанное положение четко сформулировано в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 19 декабря 1967 года по делу Ш. В нем отмечается, что «по смыслу ст. 236 УК РСФСР уголовная ответственность за это деяние установлена как мера борьбы с проявлением пережитков патриархально-родового быта, ущемляющих права юноши или девушки выбирать себе мужа или жену по своему усмотрению». Ввиду того, что Ш. вступил с П. в фактические брачные отношения по взаимному согласию, Судебная коллегия дело прекратила за отсутствием в действиях Ш. состава преступления, указав, что уголовное законодательствоРСФСР не предусматривает ответственности за сожительство с лицом, достигшим половой зрелости, но не достигшим брачного возраста.[1]

Объективная сторона рассматриваемого состава предполагает, что половое сношение имело место с согласия потерпевшей.

В связи с этим следует отметить особый характер, придаваемый законом такому согласию. С одной стороны, согласие потерпевшей на половое сношение не имеет значения для освобождения виновного от ответственности, что связано с тем, что подросток, не достигший 16-летнего возраста, не вправе еще самостоятельно распоряжаться своей половой сферой. С другой стороны, нельзя и утверждать, что такому согласию закон не придает никакого юридического значения, так как оно является основным признаком, разграничивающим добровольное половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, от его изнасилования.

Поэтому важнейшей задачей органов расследования и суда является установление того, было ли половое сношение с таким лицом совершено с его согласия или же такого согласия не было. Это тем более важно, что встречаются случаи, когда несовершеннолетняя в возрасте от 14 до 16 лет, добровольно вступившая в половую связь с обвиняемым, затем под влиянием родителей или других лиц либо испугавшись последствий совершенного начинает утверждать, что она была изнасилована. В таких случаях следственные органы и суд обязаны выяснить, действительно ли имело место изнасилование или же обвиняемый виновен только в половой связи с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости).

Следует отметить, что в судебной практике при выяснении указанного обстоятельства иногда допускаются серьезные ошибки противоположного характера и обвиняемый признается виновным во вступлении в половую связь с несовершеннолетней, в то время как он ее изнасиловал. Так, по ст. 123 УК был осужден к 4 годам лишения свободы С. за вступление в половую связь со своей 15-летней племянницей Ф. По делу было установлено, что С. женат не был и взял к себе в дом Ф. для ведения хозяйства. Когда потерпевшей исполнилось 15 лет, обвиняемый начал с ней сожительствовать. Потерпевшая как на предварительном следствии, так и в судебном заседании утверждала, что С. ее изнасиловал, а затем продолжал вступать с ней в половое сношение, помимо ее воли. О случившемся стало известно после того, как Ф. родила ребенка. В качестве довода, что половая связь обвиняемого с Ф. носила добровольный характер, в приговоре указывается на то, что она не подала заявления о своем изнасиловании. Между тем, суд не учел, что Ф. такое заявление подать не могла как потому, что она не знала даже, куда ей по этому вопросу следует обратиться, так и ввиду того, что обвиняемый угрожал ей убийством, если она кому-либо расскажет об их связи.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 4, стр. 9—10.

По другому делу суд переквалифицировал преступление, совершенное милиционером К., с ч. 3 ст. 121 УК на ст. 123 УК. Из дела видно, что обвиняемый сопровождал задержанную им потерпевшую Н. в возрасте 13 лет и 10 месяцев, убежавшую из дому. Потерпевшая утверждала, что обвиняемый привел ее к себе домой, но там ее не тронул, а на обратном пути завел в пустынную местность и изнасиловал. В заключении судебно-медицинской экспертизы отмечено, что девственная плева у Н. нарушена, причем срок нарушения совпадает с указанным ею временем изнасилования. Однако телесных повреждений у потерпевшей обнаружено не было. Хотя обвиняемый отрицал сам факт полового сношения с потерпевшей, суд признал его виновным во вступлении в половую связь с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста на том основании, что на теле у потерпевшей не было обнаружено повреждений.

По другому делу, ссылаясь на аналогичное обстоятельство, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Таджикской ССР переквалифицировала преступление С. с ч. 3 ст. 121 УК на ст. 123 УК, указав, что потерпевшая Р., не оказывала обвиняемому сопротивления, хотя и понимала происходящее, что доказано отсутствием на ее теле и на теле обвиняемого телесных повреждений.

Нам представляется, что в случаях, когда речь идет о подростке, такой довод нельзя считать обоснованным. Девочки могут быть настолько ошеломлены внезапным на них нападением, что не в состоянии оказать насильнику более или менее серьезного сопротивления. Если же такое сопротивление и оказывается, то виновный легко может его подавить, не прибегая при этом к тому, чтобы оставить какие-либо следы на теле своей жертвы. Характерным примером является следующее дело. Обвиняемый К., работавший шофером, проезжая по улице, заметил свою бывшую соседку 15-летнюю Ф. и пригласил ее покататься с ним. Когда Ф. села в автомашину, К. увез ее в ближайший колхоз к своему брату и, оставшись с ней в отдельной комнате, совершил насильственный половой акт. По словам потерпевшей, она от испуга не кричала, а только плакала и просила ее отпустить. На другой день утром К. повез Ф. обратно в Душанбе, но по пути встретил проезжавшего мимо своего товарища Р., тоже шофера. Переговорив с ним, К. пересадил потерпевшую в кабину машины Р., следовавшей в Душанбе, и сказал ей, что его товарищ отвезет ее домой. Однако Р. по дороге свернул в пустынное место и изнасиловал Ф., несмотря на ее сопротивление.

К. и Р. были привлечены к ответственности по ч. 3 ст. 121 УК. Однако суд переквалифицировал их действия на ст. 123 УК и осудил К. к 5 годам, а Р. к 2 годам лишения свободы.

Мы считаем, что никаких оснований для такой переквалификации у суда не было, тем более, что заключением судебно-медицинской экспертизы было установлено, что потерпевшая была лишена девственности. Оба обвиняемых признали свою вину, но утверждали, что Ф. добровольно вступила с ними в половую связь. Между тем, никаких объективных доказательств, подтверждающих это, по делу собрано не было, а наоборот, все установленные обстоятельства свидетельствовали, что в данном случае имело место изнасилование.

Обязательным условием состава рассматриваемого преступления является совершение с потерпевшим лицом хотя бы однократно полового акта, причем, исходя из изложенных при рассмотрении состава изнасилования соображений, такой половой акт может иметь место не только в естественной, но и в извращенной форме.

Как отмечалось, ряд уголовных кодексов союзных республик устанавливает обстоятельства, квалифицирующие рассматриваемый состав.

Таким обстоятельством, прежде всего, является половое сношение, сопряженное с удовлетворением половой страсти в извращенной форме.

По вопросу о том, как следует понимать это обстоятельство, ряд авторов считает, что речь идет об естественном совокуплении, сопровождающемся противоправными способами полового удовлетворения (садизм, мазохизм), либо проявлением особого цинизма.[1]

Мы полагаем, что под половым сношением, сопряженным с удовлетворением половой страсти в извращенной форме, следует понимать как естественное, так и противоестественное половое сношение, которому сопутствуют какие-либо извращения биологического (садизм, мазохизм) или социального характера, например, совершение с согласия потерпевшей полового акта группой лиц. Так, Куйбышевский областной суд осудил по ч. 2 ст. 119 УК РСФСР И., З. и К., которые с согласия 15-летней С., не достигшей половой зрелости, совершали с ней в присутствии друг друга по очереди половые акты — один за другим.[2]

Вместе с тем, следует отметить, что дела о половом сношении, сопряженном с удовлетворением половой страсти в извращенной форме, на практике встречаются чрезвычайно редко. Это связано с тем, что рассматриваемый состав и при наличии подобного рода обстоятельств предполагает добровольное половое сношение. Поэтому связанные с таким сношением особые обстоятельства, и в частности сопровождающие его извращенные формы полового удовлетворения, как правило, следственным органам не становятся известны. Указанные соображения применимы и к совершению полового сношения в извращенной форме, когда таковое предусмотрено в качестве квалифицирующего обстоятельства, как это имеет место в уголовных кодексах Киргизской и Казахской союзных республик. Поэтому правильно, с нашей точки зрения, поступили те союзные республики, которые эти квалифицирующие обстоятельства в состав полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), не включили.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 154—155; П. П. Осипов. Указ. статья; Ю. К. Сущенко. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 12.

[2] Указанный пример приведен Ю. Сущенко в статье «Разграничение составов половых преступлений против несовершеннолетних», «Советская юстиция», 1963, № 23.

В уголовных кодексах Казахской, Азербайджанской и Узбекской союзных республик обстоятельством, квалифицирующим рассматриваемый состав, считается растление потерпевшей.

В судебной медицине под растлением понимается лишение девственности, т. е. нарушение целостности девственной плевы.[1] При рассмотрении состава изнасилования нами приводились доводы о том, что включение этого обстоятельства как квалифицирующего в тех случаях, когда потерпевшей является несовершеннолетняя, нецелесообразно. Отрицательное нравственное и физическое воздействие на несовершеннолетнюю оказывает не столько сам факт повреждения девственной плевы, как то, что половое сношение с ней совершается в таком возрасте, когда она ни физически, ни духовно не подготовлена еще к половой жизни. Следует полностью согласиться с П. И. Люблинским, отмечавшим, что «придавать существенное значение моменту растления едва ли правильно, так как вред, наносимый девочке, не достигшей половой зрелости, половым сношением, далеко не ограничивается простым физическим повреждением девственной плевы, но и гораздо глубже затрагивает ее организм и моральное развитие».[2]

Против того, чтобы растлению придавалось квалифицирующее значение выступает и то обстоятельство, что судебная медицина знает неоднократные случаи сохранения целостности девственной плевы, несмотря на половое сношение с потерпевшей. Это может быть связано как с особенностью строения ее девственной плевы, так и с тем, что половой акт совершался в преддверии влагалища, ввиду несоответствия между половыми органами виновного и потерпевшей.[3]

---

[1] М. Г. Сердюков. Указ. работа, стр. 50.

[2] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 91.

[3] М. Г. Сердюков. Указ. работа, стр. 72—73.

Поэтому в Правилах судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 7 января 1966 года указывается, что при целостности девственной плевы в заключении судебного эксперта должно быть указано — не имеет ли она строения, допускающего совершение полового акта без ее нарушения.

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что обычно о половой связи с лицом, не достигшим 16 лет (половой зрелости), следственным органам становится известно спустя довольно значительный промежуток времени, чаще всего в связи с тем, что потерпевшая забеременела. В таких случаях установить время растления судебно-медицинским путем не представляется вообще возможным.

Приведенные соображения свидетельствуют о том, что исключение из уголовных кодексов большинства союзных республик растления как обстоятельства, квалифицирующего рассматривамый состав, является правильным.

Субъектом вступления в половую связь с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), может быть лицо противоположного пола с потерпевшим, в том числе и женщина.[1] Однако как уже отмечалось, последнее встречается чрезвычайно редко. Так по изученным нами делам субъектами являлись только лица мужского пола.

Вопрос о возрасте субъекта нами уже рассматривался в первой главе настоящей работы. Отметим лишь, что в уголовных кодексах тех союзных республик, в которых указан возраст потерпевшей, этот вопрос сложности не представляет. Субъектом рассматриваемого состава на общих основаниях в этих кодексах является лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Другое дело, что суд вправе в порядке ст. 10 УК применить к нему принудительные меры воспитательного характера, не являющиеся наказанием.

В уголовных кодексах тех союзных республик, в которых потерпевшими являются лица, не достигшие половой зрелости, несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет, если он достиг половой зрелости, может быть субъектом данного состава.

---

[1] Исключение составляют только УК Казахской и Эстонской ССР, предусматривающие ответственность за половое сношение с лицом женского пола, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Поэтому специальным субъектом в данном случае может быть только мужчина.

Поэтому нельзя согласиться с мнением авторов, утверждающих, что субъектами ст. 119 УК РСФСР могут быть лишь совершеннолетние лица.[1] Если субъекту исполнилось 16 лет, и он достиг половой зрелости, он может быть привлечен к ответственности.

На практике обвиняемыми по ст. 123 УК обычно являются взрослые мужчины. Так, по изученным нами делам возраст осужденных по указанной статье характеризуется следующими данными:

от 18 до 20 лет — 12,8%
от 20 до 25 лет — 36,1%
от 25 до 30 лет — 40,5%
свыше 30 лет — 10,6%

При анализе этих данных необходимо учитывать, что, как отмечалось выше, рассматриваемый состав в условиях нашей республики обычно сочетается с составом вступления в брак с девушкой, не достигшей брачного возраста. Это и объясняет то обстоятельство, что более 50% осужденных являются лицами в возрасте 25 лет и выше.

С субъективной стороны вступление в половую связь с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), по нашему мнению, всегда предполагает прямой умысел. Однако это является тем не менее спорным. Во-первых, в литературе формулировка умышленной вины субъекта в рассматриваемом составе дается не всегда достаточно четко. Так, в учебнике уголовного права издания 1964 года указано, что прямой умысел в рассматриваемом случае состоит в том, что «виновный сознает *либо может и должен сознавать* (подчеркнуто нами,—*Я. Я.*), что лицо, с которым он совершает половой акт, не достигло половой зрелости. Если субъект этого не мог и не должен был знать, состав данного преступления отсутствует».[2]

---

[1] М. Д. Шаргородский. Указ. комментарий, стр. 237: Указ. Комментарий под редакцией Б. С. Никифорова, стр. 282.

[2] Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1964, стр. 167.

Во-вторых некоторые авторы считают возможным совершение рассматриваемого состава не только с прямым, но и с косвенным умыслом.[1]

Мы полагаем, что редакция состава полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), не дает основания для такого вывода, по соображениям, изложенным при рассмотрении этого же вопроса в отношении состава изнасилования несовершеннолетней.

Следует также отметить, что в уголовных кодексах Грузинской (ст. 119) и Эстонской ССР (ст.116) специально подчеркнут умышленный характер вины субъекта указанием на то, что потерпевшая заведомо для виновного не достигла шестнадцатилетнего возраста.

Вместе с тем, в целях общего предупреждения половых сношений с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), мы полагаем, что следовало бы поставить на обсуждение вопрос о том — не следует ли изменить диспозицию рассматриваемого состава, установив, что наказуемым является половое сношение с таким лицом как в случаях, когда виновный знал об этом, так и тогда, когда он мог и должен был это обстоятельство знать.

Оконченным рассматриваемый состав считается с момента первого полового сношения с потерпевшим, причем не имеет значения, являлось ли такое половое сношение единичным или перешло в половую связь.

Поэтому действия субъекта, связанные с подготовкой преступления, а также покушением на его совершение, следует считать в соответствии со ст. 15 УК наказуемыми. Однако на практике случаев привлечения к ответственности за приготовление или покушение на половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости), не встречается. Это связано с тем, что, как отмечалось, об указанном преступлении, как правило становится известно органам расследования только после того, как оно уже совершилось, так как виновный да и потерпевшее лицо обычно стремятся сохранить свои отношения втайне и во всяком случае не заинтересованы в том, чтобы о них стало известно органам расследования.

---

[1] См. указ. Комментарий под ред. Б. С. Никифорова, стр. 280; М. Н. Хлынцов. Указ. работа, стр. 109.

Анализ рассматриваемого состава дает возможность провести следующее разграничение между ним и изнасилованием несовершеннолетней.

Во-первых, потерпевшей от изнасилования всегда является женщина, в то время как потерпевшими по рассматриваемому составу могут быть лица обоего пола.[1] Во-вторых, потерпевшей от изнасилования может быть несовершеннолетняя любого возраста, в том числе и маленькая девочка. Потерпевшей же в составе полового сношения является девушка в возрасте от 14 до 16 лет или в возрасте от 14 лет, не достигшая половой зрелости, в тех случаях, когда уголовным кодексом предусмотрен этот критерий. Половое же сношение с девочкой, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, как было показано выше, во всех случаях, по нашему мнению, должно квалифицироваться как изнасилование.

По способу действия половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет (половой зрелости), предполагает согласие потерпевшей, в то время как при изнасиловании половое сношение является или насильственным или совершенным с использованием беспомощного состояния лица, воля которого или вообще не может быть проявленной или же закон проявлению такой воли значения не придает, как это имеет место при половом сношении с девочкой, не достигшей 14 лет.

Субъектом полового сношения с лицом, не достигшим 16 лет (половой зрелости), в том числе и непосредственным участником полового акта, может быть не только мужчина, но и женщина в возрасте, начиная с 16 лет. Непосредственным же исполнителем в составе изнасилования является только мужчина, причем ответственность за это преступление наступает не с 16-летнего, а с 14-летнего возраста.

Возникает вопрос, как следует квалифицировать преступление в случае установления, что первое половое сношение было совершено в результате изнасилования, а затем несовершеннолетняя потерпевшая вступала в половые сношения с субъектом добровольно.

---

[1] Исключение составляют ст. 102 УК Казахской ССР и ст. 116 УК Эстонской ССР, согласно которым субъектом данного состава может быть только мужчина.

Мы полагаем, что в таких случаях содеянное должно быть квалифицировано по совокупности по ч. 3 ст. 121 и ст. 123 УК.

Ввиду того, что вступление в половую связь с лицом, не достигшим 16 лет (половой зрелости), часто связано с выдачей замуж несовершеннолетних, по обычаям прошлого старого быта, возникает вопрос, как должно быть в таких случаях квалифицировано содеянное. Этот вопрос в Таджикской ССР был решен в постановлении Пленума Верховного Суда республики от 1 сентября 1963 года «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки прошлого старого быта по отношению к женщине».[1]

Пленум предложил судам в случаях, когда виновный вступил в брак по таким обычаям с девушкой, не достигшей брачного возраста, или под видом вступления в брак имело место изнасилование или половое сношение с несовершеннолетней, квалифицировать эти действия по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими статьями УК Таджикской ССР.

Следует отметить, что в отдельных случаях суды признают лицо, вступившее в сожительство по обычаям прошлого старого быта с несовершеннолетней, виновным только по ст. ст. 123 и 132 УК, в то время как материалами дела доказано, что потерпевшая была выдана замуж против ее воли и фактически изнасилована виновным. Так, народный суд Ленинского района осудил А. по совокупности ст. ст. 123, 130 и 132 УК к 4 годам лишения свободы. Из материалов дела видно, что потерпевшая 15-летняя К. не хотела выходить замуж за обвиняемого, которому уже было 42 года. Когда же отец К., тоже осужденный по данному делу, заставил ее по обычаям прошлого старого быта вступить в брак с А., то последний после совершения соответствующего обряда изнасиловал К., причем родители в окно наблюдали за происходившим. Однако А. к ответственности за совершенное им изнасилование привлечен не был, в результате чего примененное к нему наказание явно не соответствовало тяжести совершенного им преступления.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Таджикской ССР, Душанбе, 1963, стр. 9—17.

Если в уголовных кодексах РСФСР и Таджикской ССР прямо предусмотрен состав заключения соглашения или вступления в брак по обычаям прошлого старого быта с лицом, не достигшим брачного возраста, то в уголовных кодексах Киргизской, Армянской и Казахской ССР этот состав именуется вступлением «в фактические брачные отношения с лицом, не достигшим брачного возраста» (ст. 116 УК Киргизской ССР, ст. 117 УК Армянской ССР, ст. 105 УК Казахской ССР).

При такой формулировке возникает ряд неясных вопросов. Во-первых, само понятие «фактические брачные отношения» отсутствует в нашем семейном праве, так как в соответствии с действующим законодательством браком считаются только отношения между мужчиной и женщиной, зарегистрированные в органах ЗАГСа. Поэтому сам термин «фактические брачные отношения» представляется неудачным, так как не может быть такого положения, чтобы одна отрасль права не придавала каким-либо общественным отношениям юридического значения, а другая рассматривала бы их как юридически значимые, хотя и караемые законом.

Во-вторых, фактические брачные отношения всегда предполагают половую связь их участников, в то время как для вступления в брак по местным старым обычаям половое сношение между вступившими в такой брак не обязательно. Поэтому неясно, не поглощает ли состав вступления в фактические брачные отношения с лицом, не достигшим брачного возраста, состава полового сношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости).

В-третьих, понятие фактических брачных отношений как сожительства мужчины и женщины и ведение ими общего хозяйства не обязательно связано с пережитками местных обычаев. В следственной и судебной практике союзных республик, уголовными кодексами которых предусмотрен рассматриваемый состав, может возникнуть вопрос о привлечении к ответственности лиц, вступивших в такие отношения с девушками в возрасте от 16 до 18 лет вне какой-либо связи с пережитками местного быта, в то время как при отсутствии этого условия указанное деяние наказуемым не является, хотя, безусловно, представляет нарушение правил коммунистической морали.

Исходя из того, что состав вступления в фактические брачные отношения с лицом, не достигшим брачного возраста, в кодексах, где он предусмотрен, по существу имеет в виду случаи заключения с таким лицом брака по обычаям прошлого старого быта, следует рекомендовать диспозицию соответствующей статьи УК изложить аналогично с диспозицией ст. 234 УК РСФСР и ст. 132 УК Таджикской ССР, указав в ней не вступление в фактические брачные отношения, а вступление в брак по обычаям прошлого старого быта.

Нами уже отмечалась пестрота диспозиции статей уголовных кодексов союзных республик о вступлении в половую связь с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости).

Это полностью относится и к мерам наказания, устанавливаемым за совершение указанного преступления.

За совершение этого преступления, при отсутствии квалифицирующих обстоятельств, кодексы союзных республик устанавливают следующие меры наказания:

Мера наказания	Наименование уголовных кодексов
До трех лет лишения свободы	УК РСФСР, Белорусской, Узбекской, Казахской, Грузинской, Азербайджанской, Киргизской, Армянской и Эстонской союзных республик
До четырех лет лишения свободы	УК Латвийской ССР
До пяти лет лишения свободы	УК Литовской и Таджикской союзных республик
От двух до пяти лет лишения свободы	УК Туркменской ССР
От двух до шести лет лишения свободы	УК Молдавской ССР
До восьми лет лишения свободы	УК УССР

В тех союзных республиках, уголовные кодексы которых предусматривают обстоятельства, квалифицирующие данное преступление, меры наказания за его совершение при наличии таких обстоятельств следующие:

Меры наказания	Наименование уголовных кодексов
До пяти лет лишения свободы	УК Азербайджанской ССР
До шести лет лишения свободы	УК РСФСР, БССР и Грузинской ССР
От двух до восьми лет лишения свободы	УК Узбекской и Киргизской союзных республик
От двух до восьми лет лишения свободы со ссылкой или без таковой	УК Казахской ССР
От трех до восьми лет лишения свободы	УК Армянской и Туркменской союзных республик

Таким образом, максимальная мера наказания за совершение рассматриваемого преступления колеблется от 3 до 8 лет лишения свободы при отсутствии квалифицирующих обстоятельств и от 5 до 8 лет лишения свободы при наличии таковых.

Нам представляется, что подобного рода разнобой в санкциях не может быть объяснен местными особенностями каждой республики.

При определении общественной·опасности рассматриваемого преступления, безусловно, следует исходить из того, что наиболее распространенным и опасным оно является в тех союзных республиках, в которых неполностью изжиты пережитки обычаев прошлого старого быта, в частности выдача замуж несовершеннолетних.

Между тем, как видно из приведенной таблицы, в УК Украинской ССР, где такого обычая нет, максимальная мера наказания предусмотрена сроком в восемь лет лишения свободы, а в республиках, где подобного рода обычай еще полностью не изжит (РСФСР, Узбекская, Казахская, Грузинская, Азербайджанская и Армянская) максимальная мера наказания определена сроком до трех лет лишения свободы.

Мы полагаем, что в целях совершенствования законодательства следует дифференцировать меры наказания за вступление в половую связь с несовершеннолетним лицом и установить одинаковую, но более высокую меру наказания за это преступление в тех союзных республиках, где еще не изжиты пережитки обычаев прошлого старого быта и несколько меньшую меру наказания в республиках, где обычая выдачи замуж несовершеннолетних как пережитка прошлого старого быта нет.

Фактическое применение судом мер наказания за рассматриваемое преступление по изученным нами делам видно из следующей таблицы.

Меры наказания	$^0/_0$ к общему числу лиц, преданных суду по ст. 123 УК
1 год исправительных работ	4,4
1 год лишения свободы	19,1
1 год и 6 мес. лишения свободы . .	19,1
2 года лишения свободы	30,0
2 года и 6 мес. лишения свободы .	2,3
3 года лишения свободы	10,0
4 года лишения свободы	6,4
5 лет лишения свободы	2,3
Оправдано	6,4

Из таблицы видно, что к лишению свободы сроком более 3 лет было приговорено только 8,7% лиц, преданных суду за половое сношение с лицом, не достигшим 16-летнего возраста.

Представляется, что в отдельных случаях суды проявляют излишнюю мягкость к лицам, виновным в совершении рассматриваемого преступления, не учитывая его серьезную общественную опасность. Так, по делу по обвинению У. было установлено, что он уговорил 14-летнюю С. поехать с ним на прогулку и увез ее на своем велосипеде в пустынную местность, где вступил с ней в половое сношение, лишив ее девственности.

Народный суд г. Ленинабада приговорил У. к одному году лишения свободы и, применив к нему ст. 42 УК, заменил лишение свободы одним годом исправительных работ с удержанием 20% заработка в доход государства.

Указанный приговор был совершенно правильно Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда республики отменен по кассационному протесту прокурора за мягкостью наказания. При новом рассмотрении дела суд приговорил У. к лишению свободы на 1 год и 6 месяцев.

* * *

Анализ состава полового сношения с лицом, не достигшим 16 лет (половой зрелости), приводит к следующим выводам:

1. Существенные отличия в диспозиции статьи, предусматривающей указанный состав, в уголовных кодексах союзных республик не вызываются необходимостью. Такая диспозиция должна быть во всех уголовных кодексах одинаковой, причем критерий недостижения половой зрелости в тех уголовных кодексах, где он имеется, лучше заменить возрастным критерием, а именно — недостижением потерпевшим лицом шестнадцатилетнего возраста.

2. Ввиду того, что объективная сторона рассматриваемого состава предполагает, что половое сношение имело место с согласия потерпевшей, важнейшей задачей органов расследования и суда является установление того, что это согласие действительно имело место. В противном случае содеянное подлежит квалификации как изнасилование.

В тех случаях, когда первое половое сношение с потерпевшей явилось следствием ее изнасилования, а в последующем она вступала в половое сношение с обвиняемым добровольно, последний подлежит привлечению к ответственности по совокупности ч. 3 ст. 121 и ст. 123 УК.

3. Учитывая, что дела о добровольном половом сношении с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости). сопряженном с удовлетворением половой страсти в извращенной форме, в судебной практике, как правило, не встречаются, представляется целесообразным это квалифицирующее обстоятельство из диспозиции статьи тех уголовных кодексов, в котором оно имеется, исключить. Это же относится и к признаку растления.

В качестве квалифицирующего обстоятельства в уголовные кодексы всех союзных республик предлагается включить особые отношения виновного с потерпевшим лицом (родственник, попечитель, педагог, воспитатель и т. п.).

4. В целях общего предупреждения половых сношений с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего воз-

раста (половой зрелости), в диспозиции соответствующей статьи целесообразно указать, что наказуемым является половое сношение как в случаях, когда виновный знал об этом обстоятельстве, так и в тех, когда он должен был и мог о нем знать.

5. Меры наказания за совершение рассматриваемого преступления следует установить дифференцированно в зависимости от того, связывается ли данный состав с местными обычаями старого быта о выдаче несовершеннолетних замуж. В тех республиках, где такие пережитки прошлого еще не изжиты, наказание должно быть установлено более строгое, чем в уголовных кодексах союзных республик, где таких обычаев не было.

6. В соответствии с изложенным, может быть предложена следующая редакция рассматриваемого состава: «Половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста — наказывается лишением свободы на срок от ... до ... лет».

«Те же действия, совершенные лицом, с которым потерпевшая находилась в родственных отношениях, или же лицом, являвшимся ее попечителем, учителем или воспитателем

— наказываются лишением свободы на срок от ... до ... лет».

РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА (НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ)

Удельный вес лиц, осужденных за совершение развратных действий в отношении несовершеннолетних, в общем числе осужденных за половые преступления весьма незначителен. Так, по Таджикской ССР за период с 1962 по 1967 год он составил в среднем только 5,3%.

Вместе с тем, следует отметить весьма высокую общественную опасность рассматриваемого состава. Это связано с тем, что дети в силу своей беззащитности, любопытства, любви к лакомствам, непонимания характера совершаемых с ними сексуальных действий могут легко стать жертвой развратителя.

Кроме того, развратные действия оказывают самое отрицательное воздействие на психику детей и подростков. Они не только преждевременно возбуждают их половой инстинкт, но могут явиться причиной неправильного направления этого инстинкта, приучив потерпевших к онанизму, гомосексуализму и т. п.

Общественная опасность данного преступления еще более повышается в связи с трудностями борьбы с ним. Как правило, развратители действуют в одиночку, тайком. Их действия обычно следов на теле потерпевших не оставляют или же такие следы остаются незамеченными и через несколько дней полностью исчезают.

Потерпевшие же часто о совершенных в отношении их развратных действий родителям, учителям или воспитателям не сообщают. Причина этому или малолетний возраст, когда ребенок даже не понимает характера действий виновного и не может еще связно рассказать обо всем, происходившем с ним, или запугивание потерпевшего, или же наконец нежелание подростка рассказать о таких действиях в связи с тем, что они возбуждают его половое любопытство.

Поэтому развратители в таких случаях к уголовной ответственности не привлекаются ввиду того, что органам расследования о совершенных ими преступлениях не становится известно.

Общественная опасность рассматриваемого преступления повышается и тем, что потерпевшими иногда являются дети, с которыми субъект повседневно сталкивается в обстановке, дающей возможность безнаказанно совершать с ними противоправные сексуальные действия.

По изученным нами делам рассматриваемой категории отношение субъекта к потерпевшему лицу характеризуется следующими данными:

Дочь — 11,0%
Падчерица или дочь сожительницы — 11,3%
Дочь соседей — 44,4%
Дочь хороших знакомых — 11,1%
Ранее с потерпевшим знаком не был — 22,2%.

Таким образом, свыше чем в 75% случаев виновный хорошо знал потерпевшую, что безусловно облегчало ему совершение преступления.

Переходя к рассмотрению состава развратных действий в уголовных кодексах союзных республик, прежде всего, необходимо отметить, что в них по-разному решается вопрос о потерпевшем. Это видно из следующей таблицы.

Характеристика потерпевших	Наименование уголовных кодексов
1. Несовершеннолетние	УК РСФСР, Белорусской, Азербайджанской, Латвийской и Армянской союзных республик
2. Недостигшие шестнадцатилетнего возраста	УК Украинской, Грузинской, Литовской, Молдавской, Таджикской, Туркменской и Эстонской союзных республик
3. Малолетние	УК Узбекской, Казахской и Киргизской союзных республик

Таким образом, потерпевшими от рассматриваемого преступления в уголовных кодексах пяти союзных республик признаются несовершеннолетние лица, в уголовных кодексах семи союзных республик — лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, и в уголовных кодексах трех союзных республик — малолетние.

Различие в установлении круга потерпевших от рассматриваемого преступления, тем более неоправдано, что в некоторых кодексах он не согласован с критерием, определяющим лиц, добровольное половое сношение с которыми является уголовно наказуемым.

Это видно из следующей таблицы:

Определение потерпевших от развратных действий	Определение несовершеннолетних, с которыми запрещается половое сношение	Характеристика этого соотношения	Наименование уголовных кодексов
Лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста	Лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста	Критерии совпадают	УК Грузинской, Молдавской, Таджикской, Туркменской и Эстонской союзных республик
Лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста	Лицо, не достигшее половой зрелости	Критерии не совпадают	УК Украинской и Литовской союзных республик
Несовершеннолетнее лицо	Лицо, не достигшее половой зрелости	Критерии не совпадают	УК РСФСР и БССР
Несовершеннолетнее лицо	Лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста	Возраст потерпевшего от развратных действий старше	УК Латвийской ССР

Определение потерпевших от развратных действий	Определение несовершеннолетних, с которыми запрещается половое сношение	Характеристика этого соотношения	Наименование уголовных кодексов
Несовершеннолетнее лицо	Лицо, не достигшее брачного возраста	То же самое, т. к. в Азербайджанской ССР брачный возраст женщин—16 лет	УК Азербайджанской ССР
Малолетнее лицо	Лицо, не достигшее шестнадцатилетного возраста	Возраст потерпевшего от развратных действий моложе	УК Казахской и Киргизской союзных республик
Малолетнее лицо	Лицо, не додостигшее половой зрелости	Критерии не совпадают	УК Узбекской ССР
Несовершеннолетнее лицо	Лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста или половой зрелости	Критерии не совпадают	УК Армянской ССР

Из таблицы видно, что только в уголовных кодексах пяти союзных республик совпадают критерии, характеризующие несовершеннолетнего потерпевшего от развратных действий и от вступления с ним в половую связь.

В кодексах трех союзных республик, в которых потерпевшими в составе развратных действий являются малолетние, возраст таких лиц ниже чем возраст лиц, совершение полового сношения с которыми уголовно наказуемо. Такое соотношение хотя и вызывает сомнения, но все же может быть объяснено тем, что половое сношение причиняет потерпевшему больший физический и моральный вред, чем развратные действия.

Однако совершенно непонятным представляется соотношение критериев, определяющих потерпевших от рассматриваемых двух видов половых преступлений, в уголовных кодексах РСФСР, БССР, УССР, Латвийской, Армянской, Литовской и Азербайджанской союзных республик. В этих кодексах возраст потерпевших от развратных действий или выше чем возраст лица, половое сношение с которым уголовно наказуемо, или же критерии, характеризующие потерпевших от указанных преступлений, совершенно различны и не сопоставимы друг с другом.

Исходя из изложенного, представляется необходимым унифицировать возраст потерпевших от развратных действий, установив, что потерпевшими от таких преступлений, так же как и в составе полового сношения с несовершеннолетним, могут быть лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Как отмечалось, объектом совершения развратных действий является половая неприкосновенность и нормальное половое развитие подрастающего поколения.

Объективная сторона рассматриваемого преступления предполагает:

— что потерпевшими от развратных действий могут быть лица обоего пола, не достигшие шестнадцатилетнего возраста (несовершеннолетние, малолетние);

— что совершаемые в отношении их развратные действия не являются половым сношением в естественной или извращенной форме.

Останавливаясь на первом из этих условий, следует отметить, что обычно потерпевшими от развратных действий являются девочки.

По изученным делам нам встретился только один случай, когда потерпевшим был мальчик. Так, народным судом г. Ленинабада был осужден по ст. 124 УК к 3 годам лишения свободы Д., который, увидев группу играющих детей в возрасте от 3 до 7 лет, позвал погулять одного из них — 3-летнего мальчика М. Обвиняемый повел мальчика в пустой вагон и начал совершать с ним развратные действия, но был замечен проходившей мимо женщиной, которая задержала обвиняемого. Хотя как потерпевший, так и обвиняемый являлись лицами одного пола, но преступление, совершенное Д., было квалифицировано по ст. 124 УК правильно ввиду того, что состав мужеложства предусматривает только половое сношение между мужчинами. Остальные же сексуальные действия между ними в тех случаях, когда потерпевший не достиг шестнадцатилетнего возраста, охватываются составом совершения развратных действий.

Ввиду того, что в ряде уголовных кодексов союзных республик потерпевшими от развратных действий признаются несовершеннолетние, в литературе высказано мнение, что этот термин нужно понимать ограничительно. Мотивируется это тем, что ст. 119 УК РСФСР наказывает половое сношение не с любым несовершеннолетним, а с лицом, не достигшим половой зрелости, и что поэтому и ст. 120 УК РСФСР должна влечь за собой ответственность за развратные действия, совершенные в отношении только тех несовершеннолетних, которые не достигли половой зрелости.[1]

Мы полагаем, что подобного рода ограничительное толкование не вытекает из смысла закона и из общего понятия несовершеннолетия в нашем праве как недостижения лицом 18-летнего возраста.

Для того же, чтобы устранить противоречие между ст. 119 и 120 УК РСФСР, необходимо, как отмечалось выше, соответствующее изменение диспозиции статьи о развратных действиях с тем, чтобы критерий, которым определяется круг потерпевших от указанного преступления, совпадал с соответствующим критерием диспозиции состава полового сношения с несовершеннолетними.

Как отмечалось, в уголовных кодексах некоторых союзных республик потерпевшие от развратных действий характеризуются как малолетние.

Выше, в связи с анализом состава изнасилования несовершеннолетних, мы пытались доказать, что малолетними должны считаться лица, не достигшие 14 лет. Между тем развратные действия причиняют большой моральный ущерб и разлагающе действуют не только на малолетних, но и на подростков старшего возраста. Поэтому ограничение круга потерпевших от развратных действий только малолетними следует признать неудачным, так как это не обеспечивает должной охраны подростков от посягательства на их физическую и моральную чистоту.

Вместе с тем, следует отметить, что потерпевшими от рассматриваемого преступления на практике чаще всего являются малолетние. Так, по изученным нами делам возраст потерпевших от развратных действий характеризуется следующими данными:

---

[1] См. Советское уголовное право, Особенная часть. М., 1958, стр. 173; Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1964, стр. 168; М. Д. Шаргородский. Ответственность за преступления против личности. Л., 1963, стр. 96—97; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. I. М., 1955, стр. 641; А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 166—167.

от 5 до 6 лет — 11,1%
от 6 до 10 лет — 33,4%
от 10 до 12 лет — 33,3%
от 12 до 14 лет — 22,2%

Однако это не означает, что жертвами развратителей не бывают и подростки. Но, как мы уже отмечали, о подобного рода случаях следственным органам обычно не становится известно, ввиду того, что сами потерпевшие не заинтересованы в том, чтобы их отношения с развратителем получили огласку.

Вопрос о понятии развратных действий как обстоятельстве, характеризующем объективную сторону рассматриваемого состава, в литературе спорен.

Так, существуют различные точки зрения на то, следует ли считать развратными только действия, носящие физический характер или же к таким действиям относятся и интеллектуальные способы развращения.

Ряд авторов полагает, что развратными можно считать только физические действия сексуального характера, направленные на удовлетворение половой страсти субъекта. Действия же, носящие интеллектуальный характер (циничные беседы и советы, показ порнографических рисунков и фотографий, ознакомление с порнографической литературой и т. п.), по их мнению, нельзя относить к развратным в понимании исследуемого состава.[1]

Однако большинство исследователей считают, что понятие развратных действий охватывает также и деятельность виновного, носящую интеллектуальный характер.[2] Эти авторы отмечают, что ограничение развратных действий только физическими не соответствует задаче охраны половой неприкосновенности и нормального воспитания детей и подростков, так как не менее вредное влияние на нравственное формирование несовершеннолетних могут оказать интеллектуальные развратные действия, которые преждевременно возбуждают половое любопытство и сексуальный инстинкт подростков, прививают им циничные взгляды на отношения между полами.

---

[1] См. А. А. Жижиленко. Преступления против половой неприкосновенности по уголовному кодексу РСФСР. «Право и жизнь», 1924, № 1, стр. 41; Ю. К. Сущенко. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 12—13; А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 161—162.

[2] См. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1951, стр. 225; М., 1964, стр. 168; М., 1965, стр. 165; Комментарий уголовного кодекса РСФСР под ред. Б. С. Никифорова. М., 1964, стр. 271; В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 19—20.

Это совершенно правильное утверждение, однако, не объясняет, почему же развратными в смысле ст. 124 УК должны считаться также и действия, не носящие физического характера.

Мы полагаем, что при решении данного вопроса следует исходить из понимания термина «действие» в советском праве.

Под действием наше право понимает не только физическую деятельность лица, но и другие формы его волеизъявления. Так, ст. 14 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик определяет сделку как «действия граждан и организаций, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». Такими действиями, как правило, являются не физическая деятельность, а соответствующие волеизъявления, выраженные на словах или в письменном виде, т. е. действия интеллектуального характера.

Исходя из указанного, нельзя считать, как это полагает А. Н. Игнатов, что включение в понятие развратных — действий интеллектуального характера является распространительным толкованием ст. 120 УК РСФСР.[1]

Однако следует отметить, что на практике к уголовной ответственности обычно привлекаются только лица, виновные в совершении развратных действий физического характера.

Это объясняется, по нашему мнению, тем, что о совершении в отношении детей и подростков развратных действий интеллектуального характера следственным органам обычно не становится известно.

Кроме того, если даже о таких действиях последние узнают и на этом основании возбуждают уголовное дело, то весьма трудно доказать, что подобного рода действия совершались виновным с прямым умыслом в целях удовлетворения его половой страсти.

Развратные действия как элемент объективной стороны рассматриваемого состава преступления характеризуются некоторыми особенностями.

---

[1] См. А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 164.

Они должны носить объективно сексуальный характер, т. е. быть направленными на удовлетворение или возбуждение полового инстинкта. Физические развратные действия обычно состоят в различных манипуляциях с половыми органами потерпевшего или субъекта преступления, а также в совершении других аналогичных действий, целью которых является удовлетворение полового инстинкта виновного.

Так, по ст. 123 УК был осужден С., который, начиная с 1965 года, несколько раз приводил к себе домой дочерей соседки 6 и 11 лет и совершал с ними развратные действия. Это обнаружилось, когда 6-летняя З., с которой виновный заперся в своей комнате, начала кричать и на крики пришла ее мать. Девочка рассказала, что С. намочил ей штанишки и утверждала, что он это делал и раньше. Судебно-медицинская экспертиза установила, что на трусиках девочки имеются следы спермы, которая могла происходить от обвиняемого, но что целость девственной плевы у потерпевшей не нарушена. Первоначально С. было предъявлено обвинение по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК. Однако затем его действия были прокурором, утвердившим обвинительное заключение, переквалифицированы на ст. 124 УК. Мы считаем, что такая переквалификация была произведена правильно, так как материалами дела было установлено, что обвиняемый С., имея возможность изнасиловать потерпевшую, ограничился совершением действий развратного характера.

К интеллектуальным развратным действиям относятся циничные беседы с потерпевшим, затрагивающие вопросы пола, ознакомление его с порнографической литературой или с порнографическими рисунками, фотокарточками и т. п.

Развратные действия не должны являться естественным или извращенным половым сношением.

Следует отметить, что это положение спорно. Авторы, полагающие, что половым сношением можно считать только естественное совокупление, все формы извращенного полового акта с несовершеннолетними относят к развратным действиям.[1]

---

[1] См. Ю. К. Сущенко. Указ. автореф. канд .дисс., стр. 12—13; П. П. Осипов. Указ. статья, стр. 153.

При рассмотрении вопроса о понятии насильственного полового сношения при изнасиловании нами приводились доводы, почему с такими утверждениями нельзя согласиться. Кроме того, если стать на такую точку зрения, то половое сношение в извращенной форме с малолетней или не достигшей шестнадцатилетнего возраста девочкой, нужно квалифицировать, как совершение развратных действий, а с мальчиками — как мужеложство. Если же потерпевшей окажется более 16 лет, то действия виновного будут вообще не наказуемы или же их придется считать хулиганством, что явится по существу применением запрещенной уголовным законодательством аналогии.

Следует отметить, что в судебной практике встречаются случаи, когда мужеложство в отношении несовершеннолетнего квалифицируется как развратные действия. Так, по ст. 124 УК был осужден Д., который в нетрезвом состоянии обманным путем завел несовершеннолетнего К., 1955 г. рождения, на чердак дома и там заставил его совершить половое сношение сначала per anum, а затем per os. За это Д. дал ему три рубля. Вырвавшись от Д., мальчик убежал и рассказал о происшедшем своему знакомому, который заставил его пойти в милицию и заявить о случившемся. Не вызывает сомнения, что квалификация совершенного Д. преступления как развратные действия явилась неправильной, и он подлежал привлечению к ответственности за мужеложство с несовершеннолетним по ч. 2 ст. 125 УК.

Развратные действия могут совершаться как при активном или пассивном участии потерпевшего, так и в его присутствии (например, виновный заставляет потерпевшего наблюдать за тем, как он занимается онанизмом).

Для квалификации содеянного не имеет значения, носили ли такие действия насильственный характер или же совершались с согласия потерпевшего. Это обстоятельство может иметь значение только для индивидуализации наказания виновного.

Исходя из изложенного, развратные действия можно определить как интеллектуальные или физические действия, носящие объективно сексуальный характер, но не являющиеся половым сношением в естественной или в извращенной форме.

Субъектом состава развратных действий могут быть лица обоего пола, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

В связи с этим, возникает вопрос, относится ли это к тем союзным республикам, уголовные кодексы которых признают потерпевшими от развратных действий несовершеннолетних, в силу чего не исключена возможность, что субъект данного преступления может оказаться моложе потерпевшего (например, виновному 16, а потерпевшей 17 лет).

Исходя из этого, М. Д. Шаргородский считает, что по ст. 120 УК РСФСР ответственность могут нести только совершеннолетние лица.[1] На такой же позиции, хотя выраженной менее категорично, стоят и авторы Комментария уголовного кодекса РСФСР под ред. Б. С. Никифорова, отмечающие, что, «как правило, субъектом развратных действий могут быть только совершеннолетние лица».[2] Другой точки зрения придерживаются С. Бородин, В. Владимиров, А. Н. Игнатов и др. авторы,[3] полагающие, что ответственность за рассматриваемое преступление возникает на общих основаниях с 16-летнего возраста.

Мы полагаем, что этот вопрос в настоящее время решен постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 года «О судебной практике по делам об изнасиловании», в котором прямо разъяснено, что лица, достигшие 16-летнего возраста, могут нести уголовную ответственность по ст. 120 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик.

Характерной особенностью субъекта состава развратных действий является то, что им обычно бывают подростки или лица, достигшие зрелого, а иногда даже престарелого возраста.

Это объясняется тем, что рассматриваемое преступление обычно совершают лица с ослабленной половой потенцией или у которых половой инстинкт только пробуждается.

Так, возраст осужденных за совершение развратных действий по изученным нами делам характеризуется следующими данными:

---

[1] См. Уголовный кодекс РСФСР, комментарий, Л., 1962, стр. 273.

[2] См. Комментарий УК РСФСР под ред. Б. С. Никифорова. М., 1964, стр. 281.

[3] См. С. Бородин, В. Владимиров. Спорные вопросы некоторых преступлений в комментариях УК РСФСР, «Советская юстиция», 1966, № 14; А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 19—20.

до 18 лет — 12,4%
от 30 до 40 лет — 30,1%
от 40 до 50 лет — 32,3%
от 50 и старше — 25,2%

Таким образом, 57,5% осужденных за совершение развратных действий составляли лица свыше 40 лет.

Характерным в этом отношении является дело Я., осужденного по ст. 124 нарсудом Куйбышевского района к 3 годам лишения свободы. Я., 60 лет, часто заходил в гости к родителям 10-летней Ш. Один раз, встретив ее на улице днем, он пригласил Ш. к себе домой, дал ей рубль и начал совершать с ней развратные действия. Вернувшись от него, девочка сообщила об этом своим родителям, которые обратились с соответствующим заявлением в органы расследования. Судебно-медицинский эксперт нарушения девственной плевы у Ш. не обнаружил, причем в заключении указал, что строение и характер плевы не допускали возможности полового сношения с взрослым мужчиной без нарушения ее целостности. Таким образом, действия Я. были квалифицированы правильно, так как, имея возможность совершить насильственное половое сношение с потерпевшей, он ограничился только развратными действиями.

Переходя к рассмотрению субъективной стороны, следует прежде всего отметить, что состав развратных действий, так же как и другие составы половых преступлений (кроме изнасилования, повлекшего особо тяжкие последствия), относится к числу формальных и поэтому совершение этого преступления возможно только с прямым умыслом.[1]

Другого мнения придерживается А. Н. Игнатов, считающий, что субъективная сторона развратных действий характеризуется прямым умыслом в отношении характера совершенных действий и прямым либо косвенным умыслом в отношении возраста потерпевшего.[2] Мы полагаем, что этот вывод не соответствует диспозиции ст. 124 УК Таджикской ССР и соответствующих ей статей уголовных кодексов других союзных республик, не дающих основания считать, что в отношении возраста потерпевшего от развратных действий, у субъекта может быть не только прямой, но и косвенный умысел.

---

[1] Этой точки зрения придерживается М. Д. Шаргородский. (Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. Л., 1962, стр. 238) и А. В. Кузнецов (Уголовное право, Часть Особенная, М., 1968, стр. 236).

[2] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 165.

Рассматриваемое преступление является оконченным с момента, когда субъект приступает к совершению развратных действий.

Приготовлением к нему может быть подготовка удобного места для совершения развратных действий, выбор жертвы и т. п. Однако случаев привлечения к ответственности за приготовление к совершению развратных действий по изученным нами делам не встречалось. Это связано с тем, что если преступление осуществлено не было, трудно доказать, что подготовительные действия производились именно с целью его последующего совершения.

Покушение на совершение развратных действий может быть в случае, когда субъект приступил к осуществлению своего преступного намерения ,но по независящим от него основаниям был лишен возможности его реализовать. Например, по делу по обвинению К. по ст. 15 и 124 УК, обвиняемый заманил к себе в комнату 7-летнюю девочку дочь соседки и начал снимать с нее трусики. Девочка испугалась и закричала. На ее крик прибежала мать девочки и заставила К. открыть дверь. Однако следует отметить, что в судебной пркатике случаи привлечения к ответственности за покушение совершить развратные действия встречаются редко.

Ввиду того, что объективная сторона других половых преступлений, в частности изнасилования, мужеложства, вступления в половую связь с несовершеннолетним лицом, предполагает в качестве стадии, предшествующей половому сношению, совершение развратных действий, возникает вопрос о соотношении указанных составов. Это же относится и к случаям, когда в процессе совершения развратных действий изменилось направление умысла субъекта и последний совершает затем с потерпевшей половой акт в естественной или извращенной форме.

Указанное соотношение представляется следующим образом: если развратные действия и другое половое преступление, в объективную сторону которого входит половое сношение, совершалось в разные периоды времени, то содеянное виновным подлежит квалификации по совокупности. Если же развратные действия непосредственно предшествовали совершению противоправного полового сношения, то они поглощаются составом преступления, в объективную сторону которого оно входит. Так, по делу по обвинению Н. было установлено, что он в течение двух месяцев совершал с 15-летней К. развратные действия, показывал ей порнографические открытки, читал порнографические стихи, а затем вступил с ней с ее согласия в половую связь. Виновный был привлечен к ответственности и осужден народным судом Центрального района г. Душанбе по ст. 123 УК, в то время как в его действиях был также и состав ст. 124 УК, и совершенное им преступление следовало квалифицировать по совокупности по ст. 123 и 124 УК.

По другому делу было доказано, что Т. совершал с 12-летней К. развратные действия, после чего тут же ее изнасиловал. В этом случае, так как развратные действия непосредственно предшествовали изнасилованию, то содеянное было правильно квалифицировано Верховным Судом Таджикской только по ч. 3 ст. 121 УК.

Особую сложность представляет разграничение рассматриваемого состава от покушения на изнасилование, состоящего в совершении развратных действий в отношении малолетней. В этих случаях решающее значение имеет направленность умысла субъекта. Если умысел виновного был направлен только на совершение развратных действий, то доказательством этого является установление того, что при данной ситуации виновный имел объективную возможность совершить с потерпевшей половой акт, но этой возможностью не воспользовался. Если же субъект после развратных действий не совершил полового сношения ввиду того, что ему помешали какие-то объективные обстоятельства, содеянное подлежит квалификации по ст. 15 и ч. 3 ст. 121 УК как покушение на изнасилование.

В уголовных кодексах тех союзных республик, по которым в качестве квалифицирующего обстоятельства добровольного полового сношения с несовершеннолетним лицом предусматривается удовлетворение половой страсти в извращенной форме, возникает вопрос об отграничении этих извращенных форм от развратных действий. Это отграничение состоит в том, что извращенные формы половой связи связаны непосредственно с совершаемым половым сношением, в то время как развратными являются действия, не представляющие собой полового сношения в естественной или в извращенной форме.

В ряде случаев в результате совершения развратных действий потерпевшему лицу могут быть нанесены телесные повреждения. Поэтому нельзя согласиться с П. П. Осиповым, утверждающим, что такие действия причиняют только моральный ущерб, в то время как изнасилование причиняет также и ущерб физический.[1]

Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 7 января 1966 года специально перечисляют характерные для развратных действий телесные повреждения. Они отмечают, что такие повреждения обычно быстро исчезают и поэтому относятся, как правило, к легким телесным повреждениям.

Ввиду того, что подобного рода повреждения непосредственно связаны с совершением развратных действий, они охватываются их составом и дополнительной квалификации не требуют.

В тех же случаях, когда совершение развратных действий сопровождалось нанесением тяжких или менее тяжких телесных повреждений, действия виновного должны быть квалифицированы по совокупности, как совершение развратных действий и нанесение умышленных тяжких или менее тяжких телесных повреждений, поскольку телесные повреждения этой тяжести составом ст. 124 УК не охватываются.

Серьезная общественная опасность развратных действий и несовершенство норм, предусматривающих этот состав, приводят к тому, что в литературе предлагается квалифицировать насильственно совершенные развратные действия как в отношении взрослых лиц, так и в отношении несовершеннолетних, как хулиганство, отличающееся по своему содержанию исключительным цинизмом.[2]

Нами уже отмечалось, что с такими рекомендациями согласиться нельзя, так как непосредственный объект и цель совершения развратных действий совершенно иные, чем в составе хулиганства.

Следует полностью согласиться с С. В. Бородиным, утверждающим, что в тех случаях, когда действия виновного определяются не хулиганскими, а любыми другими мотивами, признание их совершенными из хулиганских побуждений исключается.[1]

---

[1] П. П. Осипов. Указ. статья, стр. 154.

[2] См. А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 165.

Определение более суровой меры наказания лицам, виновным в совершении развратных действий, вызвавших особо тяжкие последствия, равно как и наказуемость насильственных развратных действий в отношении взрослых лиц, должны быть предусмотрены соответствующей нормой уголовного кодекса, а не путем привлечения к ответственности за хулиганство.

При изложении особенностей диспозиции состава развратных действий в уголовных кодексах союзных республик нами отмечались неоправданные различия в установлении потерпевших от этого преступления. Такое же положение имеет место и в определении мер наказания за совершение рассматриваемого состава.

В приведенной ниже таблице показаны меры наказания, предусмотренные за совершение рассматриваемого преступления в уголовных кодексах союзных республик.

№ п/п	Меры наказания	Наименование уголовных кодексов
1	Лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до одного года	УК Грузинской ССР
2	Лишение свободы на срок до двух лет или высылка до трех лет	УК УССР
3	Лишение свободы на срок до трех лет или ссылка на тот же срок	УК Туркменской ССР
4	Лишение свободы на срок до трех лет	УК РСФСР, БССР, Литовской, Молдавской, Латвийской и Таджикской союзных республик
5	Лишение свободы на срок до четырех лет	УК Армянской и Эстонской союзных республик
6	Лишение свободы на срок до пяти лет	УК Киргизской ССР
7	Лишение свободы на срок до пяти лет со ссылкой или без таковой	УК Казахской ССР
8	Лишение свободы на срок от одного года до пяти лет или ссылка на срок до пяти лет	УК Узбекской ССР
9	Лишение свободы на срок от одного года до пяти лет	УК Азербайджанской ССР

---

[1] С. В. Бородин. Квалификация убийства по действующему законодательству, М., 1966, стр. 55.

Таким образом, несмотря на то, что общественная опасность рассматриваемого состава одинакова на территории всех союзных республик, меры наказания в уголовных кодексах этих республик определены самые различные, начиная от исправительных работ до лишения свободы сроком от одного года до пяти лет. По некоторым же уголовным кодексам предусматривается лишение свободы или ссылка (высылка). Вряд ли можно полагать, что, будучи высланным, лицо, виновное в совершении развратных действий, тем самым исправится и откажется от противоправных способов удовлетворения своей половой страсти.

В уголовных кодексах девяти союзных республик максимальная мера наказания, установленная за рассматриваемое преступление, не превышает трех лет лишения свободы, что не соответствует его общественной опасности ,особенно когда потерпевшими являются маленькие дети.

Недоучитывается часто тяжесть указанного состава и судом. Так, меры наказания за совершение развратных действий по изученным нами делам характеризуются следующим:

3 года лишения свободы —62,5% осужденных
2 года лишения свободы — 25,0% осужденных
Условное наказание — 12,5% осужденных

Таким образом, 37,5 % лиц по изученным делам были приговорены к наказаниям ниже трех лет лишения свободы.

Совершенно недопустимо, по нашему мнению, применение по делам этой категории условных мер наказания.

Так, народным судом Железнодорожного района г. Душанбе был осужден к двум годам лишения свободы, замененным ему условным наказанием с трехгодичным испытательным сроком Л. Последний признан виновным в том, что, воспользовавшись отсутствием своей соседки С., проник в комнату, где спала ее десятилетняя дочь З., лег на ее кровать и начал совершать с ней развратные действия. Девочка проснулась, испугалась и убежала. Суд мотивировал применение условного наказания тем, что обвиняемый является инвалидом 2 группы, ранее не судим и, несмотря на свою инвалидность, продолжает работать. Нам представляется, что эти соображения не могут служить основанием для применения к виновному условной меры наказания, тем более, что в деле имелись данные, отрицательно характеризующие его поведение в быту.

* * *

Анализ состава развратных действий приводит к следующим выводам.

1. В диспозиции указанного состава в уголовных кодексах союзных республик по-разному решается вопрос о потерпевшем от таких действий. В уголовных кодексах пяти союзных республик таковым признается несовершеннолетнее лицо; в уголовных кодексах семи союзных республик — лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста, а в уголовных кодексах трех союзных республик — малолетнее лицо.

Такое различие тем более неоправданно, что в большинстве уголовных кодексов этот признак расходится с критерием, характеризующим потерпевшего в составе полового сношения с несовершеннолетним лицом.

Представляется необходимым унифицировать возраст потерпевших от развратных действий, установив его так же, как и возраст лиц, половое сношение, с которыми признается уголовно наказуемым — до шестнадцатилетнего возраста.

2. Под развратными действиями в рассматриваемом составе следует понимать действия интеллектуального или физического характера, носящие объективно сексуальный характер, но не являющиеся половым сношением в естественной или извращенной форме.

3. Субъектом состава развратных действий могут быть вменяемые лица обоего пола, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Характерным для данного преступления является совершение его лицами мужского пола, достигшими зрелого, иногда и престарелого возраста или подростками.

С субъективной стороны совершение развратных действий предполагает прямой умысел.

4. В тех случаях, когда, кроме совершения развратных действий, субъект совершил в отношении того же потерпевшего и другое половое преступление, в объек-

тивную сторону которого входит половое сношение, содеянное подлежит квалификации по совокупности в тех случаях, когда развратные действия и другое половое преступление были отделены друг от друга определенным периодом времени. В противном же случае развратные действия поглощаются составом другого полового преступления.

5. С целью совершенствования правового регулирования рассматриваемого состава и усиления ответственности за его совершение представляется целесообразным предусмотреть в уголовных кодеках союзных республик два состава совершения развратных действий:

а) развратные действия, совершенные в результате насилия, угрозы и использования беспомощного состояния потерпевшего лица;

б) развращение лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

В этом составе в качестве квалифицирующих признаков следует предусмотреть развращение лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, совершение развратный действий неоднократно или в отношении нескольких лиц, а также совершение таких действий лицом, которому был вверен надзор за потерпевшим.

6. Исходя из изложенного, может быть предложена следующая редакция этих составов:

а) Насильственные развратные действия.

«Совершение развратных действий с применением физического насилия, угрозы или с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица

— наказывается лишением свободы на срок до ...».

б) Развращение лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

«Совершение развратных действий и иные виды развращения лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста

— наказывается лишением свободы на срок от ... до...»

Совершение развратных действий или иные виды развращения лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, или те же действия, совершаемые неоднократно или в отношении нескольких потерпевших, или лицом, которому вверен надзор за потерпевшим (родителем, опекуном, попечителем, учителем, воспитателем).

— наказывается лишением свободы на срок от ... до... лет».

7. Меры наказания за совершение указанных выше преступлений должны быть унифицированы в уголовных кодексах всех союзных республик и, ввиду серьезной общественной опасности данного преступления при наличии квалифицирующих обстоятельств, значительно повышены.

ГЛАВА IV.

МУЖЕЛОЖСТВО

ПОНЯТИЕ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

Из отдельных видов половых преступлений в нашей юридической литературе наименьшее внимание уделяется мужеложству.

Между тем, такие дела в судебной практике встречаются. В Таджикской ССР удельный вес лиц, осужденных за это преступление, в числе общего количества осужденных за все половые преступления виден из следующей таблицы.

Год	Всего осуждено за половые преступления в %%	Из них за мужеложство в %%
1961	100	11,0
1962	100	8,9
1963	100	7,5
1964	100	8,2
1965	100	8,5
1966	100	6,9
1967	100	14,0

Общественная опасность рассматриваемого преступления усугубляется тем, что потерпевшими от него, как правило, являются дети и подростки. Так, по нашей республике из общего числа изученных нами дел о мужеложстве 94,5% потерпевших были детьми и подростками в возрасте до 16 лет.

Фактическое «замалчивание» состава мужеложства в нашей юридической литературе, а также в публикуемой судебной практике Верховного Суда СССР и РСФСР может быть объяснено тем, что о сексуальных извращениях по ложно понятому чувству приличия до последнего времени писать считалось недопустимым.

К мужеложству особенно применимо замечание профессора И. И. Карпеца о том, что причиной того, что до сих пор мало уделяется внимания весьма сложным проблемам, связанным с совершением половых преступлений, является какая-то непонятная «стыдливость», сковывавшая специалистов уголовного права.[1]

Поэтому ни практические, ни даже отдельные научные работники не осведомлены о тех сложных проблемах, которые возникают в связи с этиологией и мерами борьбы с гомосексуализмом, которым уже несколько десятков лет посвящается в иностранной, главным образом немецкой, литературе большое количество серьезных медицинских, юридических и социологических исследований.[2]

Не претендуя на полноту изложения, мы ниже остановимся на некоторых из этих вопросов.

Мужеложство, или педерастия, является одним из видов гомосексуализма, под которым понимается в медицине и в праве половое влечение к лицам своего же пола. Слово «гомосексуализм» представляет собой сочетание корней двух слов — греческого «гомо», что значит «равное» и латинского «секус», обозначающего пол. Таким образом, оно дословно переводится как «равнополость». Гомосексуализм бывает двух видов — мужской, под которым понимается половая склонность мужчины к мужчине, и женский, когда речь идет о половом влечении женщины к женщине, именуемом иногда лесбианством по названию греческого острова Лесбос, где, по преданиям, процветало подобного рода половое извращение.

---

[1] И. И. Карпец. Некоторые проблемы науки советского уголовного права в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране». «Советское государство и право», 1965, № 1, стр. 19.

[2] В изданной в 1962 г. в Праге, а затем в переизданной в 1965 г. в Лейпциге монографии доцента Пражского психиатрического научно-исследовательского института Курта Фрейнда «Гомосексуализм у мужчины» (Kurt Freund. Die Homosexualität beim Mann, Leipzig, 1965), приводятся свыше 500 наименований научных исследований, посвященных проблемам гомосексуализма.

Из работ русских юристов по этому вопросу наиболее обстоятельными являются исследования И. Б. Фукса «Гомосексуализм как преступление (юридический и уголовно-политический очерк)», СПб, 1914 и Б. И. Пятницкого. Половые извращения и уголовное право. Могилев, 1910.

Определенное внимание проблеме гомосексуализма уделено также П. И. Люблинским в его монографии «Преступления в области половых отношений». М. Л., 1925, стр. 112—134.

Термин «педерастия», применяемый к половому сношению мужчины с мужчиной, состоит из двух греческих слов и в переводе на русский язык означает «любитель юношей». Этому же понятию равнозначен термин «мужеложство», принятый впервые Воинским уставом Петра I.

Таким образом, мужеложство, или педерастия является одной из форм мужского гомосексуализма, который, кроме этого, знает и другие проявления, не связанные с извращенным половым сношением.

История гомосексуализма как социального явления подробно освещается рядом исследователей,[1] которые отмечают, что о наличии гомосексуализма, как полового влечения мужчины к мужчине, свидетельствует ряд древнейших египетских папирусов, относящихся еще к периоду за 2000 лет до н. э. Ученые доказывают также, что этот порок был распространен и у древних финикийцев, сирийцев и лидийцев.[2]

О распространении гомосексуализма у древних иудеев свидетельствуют ряд библейских преданий, в частности о гибели городов Содома и Гоморры, а также труды историков Иосифа Флавия (37—95 г. н. э.) и Филона Александрийского (20—54 г. н. э.).

В библии смертная казнь, наряду со скотоложством и кровосмешением, устанавливается также и за гомосексуализм. Так в 3 книге Левит мы читаем: «Ты не должен спать с мальчиком, ибо это гнусность». Там же указывается: «Если кто-либо спит с мальчиками как с женщиной, тот совершает гнусность, и оба должны поплатиться смертью, а кровь да падет на них».

Такая строгость древне-иудейских законов связана с тем, что одним из основных догматов иудейской религии являлась обязанность мужчины иметь как можно больше детей. «Как песок в море, должно плодиться племя Израиля» — сказано в библии. Поэтому в древней Иудее самым большим позором считалась бездетность. Гомосексуализм же рассматривался как препятствие для размножения населения страны.

---

[1] В упомянутых монографиях И. Б. Фукса и Б. И. Пятницкого дан подробный очерк истории гомосексуализма.

[2] E. Dupony. La prostitution dans l'antiguité. Paris, 1887, p. 19.

Другое отношение к гомосексуализму было у древних греков. В греческой мифологии имеются указания на гомосексуальные отношения между богами (Аполлоном и Гиацинтом, Зевсом и Ганимедом). Поэтому считалось, что гомосексуализм не только дозволен, но и находится под охраной богов.

На острове Крит такие отношения даже поощрялись как наилучший способ регулирования прироста населения. Отсутствие у мужчины возлюбленного считалось даже недопустимым. Так, у Вергилия по этому поводу имеются следующие строки «Apud cretenses juvenibus infamiae genus erat non esse amatos», что означает «У критских юношей видом бесчестья считалось не быть любимыми».

В Спарте, где мальчиков воспитывало государство, гомосексуальные отношения между взрослыми и юношами являлись обычным явлением, о чем прямо говорит Цицерон в своем труде «Государство». Такие отношения считались признаком храбрости, смелости, мужественности и мудрости — писал Платон в своем «Пире».

Однако к гомосексуальным отношениям в древней Греции применялись и некоторые ограничения. Так, они согласно закону Салона, под угрозой телесного наказания были воспрещены рабам. Афинские законы карали также за профессиональное занятие гомосексуализмом, за обольщение малолетнего без согласия его родителя или раба без согласия его хозяина.

Широкое распространение гомосексуальных отношений в античной Греции объясняется рядом исследователей обособленным положением женщин и ограничением круга их интересов заботами семейного характера, что заставляло мужчину искать удовлетворения своих духовных запросов в общении с лицами своего пола. Дружба эта вследствие особой красоты и цветущего здоровья юношей, развиваемых возведенной в Греции в культ гимнастикой, часто завершалась и закреплялась гомосексуальной связью.[1]

---

[1] См. И. Б. Фукс. Указ. работа, стр. 20.

Иное отношение к гомосексуализму было в древнем Риме. Там подобного рода отношения, хотя и являлись весьма распространенными, но преследовались законом.

Как видно из трудов римских историков Светония, Курта, Ливия и других, обвинение в гомосексуализме в Риме было одним из средств борьбы с политическими противниками.

При императоре Октавиане вступление в гомосексуальные отношения приравнивалось к нарушению супружеской верности и каралось так же, как и последнее изгнанием с конфискацией доли имущества, а также лишением отдельных гражданских прав.

Особенно ополчилась на гомосексуализм христианская церковь. После того, как христианство стало государственной религией, гомосексуализм начал наказываться смертью. В изданном в 390 году Указе императоров Валентина и Феодосия, установившем за гомосексуальные отношения смертную казнь путем сожжения, указывалось, что «Рим, отец всех добродетелей, не должен опорочиваться рождением женоподобных и ослаблением народного мужества, и всякий должен помнить, что тело есть святой храм души».

Основанием для столь строгого наказания гомосексуализма являлась не столько забота о поднятии морального уровня населения, сколько боязнь распада Римской империи. В этом значительную роль сыграли библейские сказания о Содоме и Гоморре, якобы погибших ввиду того, что их обитатели страдали рассматриваемым пороком. В воззвании к константинопольским гражданам император Юстиниан в VI веке прямо писал, что он опасается в случае безнаказанности гомосексуализма участи указанных городов.

Такие же соображения имели значение и для издания законов о наказуемости гомосексуализма в период феодализма. Однако несмотря на это такие отношения были в XII и XIII вв. чрезвычайно распространены, особенно среди монашествующего духовенства, обреченного на безбрачие. В 1232 г. папа Григорий IX в специальном послании призывал духовенство Австрии бороться с этим пороком, приравнивая гомосексуалистов к еретикам.

Уголовное уложение «Каролина» и ряд других законов рассматриваемого периода установили смертную казнь через сожжение не только за мужской, но и за женский гомосексуализм.

С XVII в. в литературе по уголовному праву начинается движение в пользу смягчения и даже полной отмены наказания за гомосексуализм. Так, Бекария в своем сочинении «О преступлении и наказании» отмечает, что устранение причин гомосексуализма путем исправления и воспитания несравненно лучшее средство борьбы с ним, чем наказание. Германский юрист Целла в 80-х годах XVIII в. требует отмены наказания за добровольный гомосексуализм, указывая, что в этом случае ничьи права не нарушаются.[1]

Эта новая точка зрения на гомосексуализм постепенно проникает и в законодательство. В Австрийском Уложении 1887 года смертная казнь за него заменяется тюремным заключением. Прусское земское право устанавливает за гомосексуализм уже сравнительно мягкое наказание в виде заключения в смирительную тюрьму на срок от 4 до 8 лет.

С начала XIX века отдельные государства начинают признавать добровольный гомосексуализм между совершеннолетними лицами ненаказуемым. Так, ряд германских уголовных законов (Вютенбергское и Ганноверское уголовные уложения) устанавливают ответственность только в случаях нарушения гомосексуалистами общественной благопристойности или насильственного совершения гомосексуальных действий.

Наиболее консервативную позицию в отношении наказуемости гомосексуализма занимала до последнего времени Англия. Здесь вплоть до закона 1861 года квалифицированные случаи мужеложства карались смертной казнью и только этим законом последняя была заменена пожизненным тюремным заключением. Эту меру наказания сохранил Закон о половых преступлениях 1956 года, предусматривавший ответственность за все случаи мужеложства, в том числе и за добровольное между совершеннолетними лицами.

Изменение в законодательстве по этому вопросу было внесено «Законом о половых преступлениях» от 27 июля 1967 года. В соответствии со ст. 1 этого закона совершение гомосексуального акта не считается преступлением, при условии согласия сторон и достижения ими 21 года.

---

[1] I. I. Cella. Ueber Verbrechen und Strafe in Unzuchtsfällen, 1787.

Однако, действие указанной нормы не распространяется на случаи совершения гомосексуальных актов членами экипажа на борту торгового корабля. Такие лица подлежат ответственности по ст. ст. 12, 13 закона о половых преступлениях 1956 года.

В новом законе сохранена предусмотренная законом 1956 года ответственность за совершение мужчиной, достигшим 21 года, развратных действий в отношении лица мужского пола моложе этого возраста, а также ответственность за способствование совершению таких действий, а также гомосексуальных действий даже в том случае, когда совершение таковых в соответствии с законом 1967 года не влечет за собой уголовной ответственности.

Кроме отказа от наказуемости за добровольный гомосексуализм между совершеннолетними лицами, закон 1967 года значительно снизил меры наказания за гомосексуализм в отношении лиц, достигших 16 лет. В частности, пожизненное заключение за насильственное мужеложство с таким лицом заменено тюремным заключением на срок до десяти лет, а за добровольное мужеложство с лицом от 16-ти до 21 года виновный заключается в тюрьму на срок до пяти лет.

Во Франции и большинстве других романских стран составы о наказуемости добровольного гомосексуализма были исключены из уголовных кодексов еще в 19 веке. В уголовном кодексе Франции 1810 года наказуемость за развратные действия (к которым был отнесен и гомосексуализм) устанавливалась только в случаях, когда такие действия совершаются насильственно или в отношении малолетних или же вызывают общественный соблазн. Специальной же нормы о наказуемости гомосексуализма этот кодекс не содержит.

В русском праве наказание за гомосексуализм впервые было предусмотрено в Воинском Уставе, принятом в 1716 году Петром I. В нем устанавливалось телесное наказание в случае «ежели кто отрока осквернит или муж с мужем мужеложствует».

В своде законов 1832 года для лиц, изобличенных в мужеложстве, предусматривалось наказание плетьми, лишение их прав гражданского состояния и ссылка на поселение. Насильственное же мужеложство каралось каторжными работами.

В Уложении о наказаниях 1845 года рассматриваемое деяние было включено в раздел преступлений против общественной нравственности и наказывалось лишением всех особенных прав и преимуществ с отдачей в исправительные арестантские отделения на срок от 4 до 5 лет. Если виновный являлся христианином, он предавался также церковному покаянию. В случаях насильственного мужеложства и мужеложства, совершаемого с малолетним или слабоумным лицом, виновные осуждались к каторжным работам на срок от 10 до 12 лет.

В Уголовном уложении 1903 года за добровольное мужеложство было установлено наказание в виде тюремного заключения на срок от 3 месяцев до 1 года, если же мужеложство совершалось с несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет, с невменяемым или лицом, лишенным возможности оказать сопротивление, наказание повышалось, и виновный заключался в исправительный дом на срок не ниже 3 лет. Каторжными работами сроком до 8 лет мужеложство наказывалось, если потерпевшими являлись мальчики, не достигшие 14 лет, лица, находящиеся под властью или на попечении виновного, а также насильственное мужеложство.

Уголовный кодекс РСФСР как в редакции 1922 года, так и в редакции 1926 года специального состава мужеложства не содержал. Однако это не означало, что при наличии особых условий оно оставалось ненаказуемым. Так, насильственное мужеложство охватывалось составом изнасилования, а добровольное — составом полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости. Проявление же гомосексуализма в форме совершения развратных действий включалось в состав развратных действий, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних.

Иначе решался вопрос в некоторых республиках Закавказья и Средней Азии (Азербайджанской, Грузинской, Узбекской и Туркменской), в уголовные кодексы которых был включен состав мужеложства.

Это объяснялось тем, что в указанных республиках мужеложство, в частности половое сношение с мальчиками и юношами, имело определенное распространение как пережиток дореволюционных отношений и обычаев, связанных с недоступностью женщины из-за высоких размеров калыма, с одной стороны, и с извращениями, порождаемыми пресыщенностью на почве многоженства — с другой.[1]

Впервые специальное постановление, устанавливающее уголовную ответственность за мужеложство в пределах всего Советского Союза было издано ЦИК СССР 17 декабря 1933 года. Это было связано с тем, что в эти годы участились попытки отдельных извращенных субъектов вовлекать молодежь в этот вид полового разврата. Указанным постановлением была установлена ответственность как за добровольное мужеложство, так и за это же преступление, совершенное с использованием зависимого положения потерпевшего, либо с применением насилия, либо публично.[2]

Вскоре после этого, 7 марта 1934 года был издан общесоюзный закон — постановление Президиума ЦИК СССР «Об уголовной ответственности за мужеложство». Это постановление усилило наказание за указанное преступление и сохранило в качестве квалифицирующих только два признака — насилие и зависимое положение потерпевшего.[3] При этом оба указанных постановления определяли мужеложство только как педерастию, т. е. половое сношение мужчины с мужчиной.

В соответствии с указанными общесоюзными нормативными актами состав мужеложства был включен в уголовные кодексы всех союзных республик и сохранился почти в аналогичной редакции в ныне действующих уголовных кодексах.

До того как перейти к анализу состава или точнее составов мужеложства в уголовных кодексах союзных республик, необходимо кратко остановиться на наказуемости мужеложства в действующем законодательстве зарубежных социалистических государств и капиталистических стран.

В настоящее время уголовные кодексы капиталистических стран в отношении наказуемости гомосексуализма можно подразделить на три группы.

В первой из них наказуемым является не только насильственный, но и добровольный гомосексуализм. Это, в частности уголовные кодексы Австрии (§ 129), ФРГ (ст. 175), Финляндии (ч. 1 § 12, гл. 20) и др.

---

[1] С. Я. Булатов и А. М. Мамутов. Ответственность за преступления против личности по уголовному кодексу Казахской ССР. Алма-Ата, 1961, стр. 67.

[2] С. З. СССР, 1934, № 1, ст. 5.

[3] С. З. СССР, 1934, № 15, ст. 120.

Вторую группу составляют кодексы, в которых наказуемыми признаются только гомосексуальные действия, носящие насильственный характер, нарушающие правила общественного порядка или же совершенные в отношении несовершеннолетних. Это, в частности, уголовные кодексы Швейцарии (ст. 194), Греции (ст. 347), Дании (ст. 125) и некоторых других капиталистических стран, а также за некоторыми исключениями и английский закон о половых преступлениях 1967 года.

Наконец, к третьей группе относятся уголовные кодексы, в которых гомосексуализм в качестве специального состава не выделяется, а случаи насильственного гомосексуализма или же гомосексуальные действия в отношении несовершеннолетних включаются в общие составы о половых преступлениях насильственного характера или направленных против несовершеннолетних лиц. Это уголовные кодексы Франции, Италии и других романских государств.

Уголовные кодексы европейских зарубежных социалистических государств ответственности за добровольный гомосексуализм между совершеннолетними лицами при отсутствии квалифицирующих обстоятельств не предусматривают.

Специальные составы квалифицированного гомосексуализма предусмотрены уголовными кодексами Чехословакии (§ 244), Венгрии (ст. ст. 278, 279), Польши (ст. 207), Югославии (ст. 118) ГДР (ст. 151) и Болгарии (ст. 157).

В уголовных кодексах Румынии и Албании нормы об ответственности за гомосексуализм отсутствуют, и квалифицированные случаи гомосексуализма караются по статьям, предусматривающим соответствующие половые преступления.

Как отмечалось выше, в капиталистическом обществе наблюдается повсеместный рост половых преступлений. Это относится и к гомосексуализму, который получил широкое распространение. Так, германский судебный медик проф. Г. Гансен отмечает, что число гомосексуалистов в ФРГ по данным некоторых исследователей составляет около 2% ее населения.[1]

Число осужденных за гомосексуализм в капиталистических странах занимает первое место среди осужденных за другие половые преступления, хотя сами буржуазные криминалисты отмечают, что только незначительная часть гомосексуалистов попадает на скамью подсудимых. Так, еще в конце XIX столетия германский ученый М. Гиршфельд писал, что из 50000 гомосексуалистов, проживающих в Берлине, в руки правосудия попадает ежегодно в среднем не более 10 человек.[2]

Несмотря на это, в Австрии в 1960 году за гомосексуализм было осуждено 751 чел., или 47,7% из числа осужденных в этом году за половые преступления. В Англии в 1959 году за совершение этого же преступления было осуждено 5732 чел., что составляет 23,3% осужденных за половые преступления. В ФРГ в 1960 году число осужденных гомосексуалистов составило 3143 чел., или 31% осужденных за половые преступления.[3]

Иное положение с распространением гомосексуализма в социалистических государствах, в частности в Советском Союзе. В специальной медицинской литературе отмечается, что ликвидация организованной проституции, культивирующей всевозможные половые извращения, уничтожение порнографической литературы и общее оздоровление быта населения привело к тому, что в настоящее время в нашей стране случаи гомосексуализма и других половых извращений стали единичными.[4]

Вместе с тем, не следует закрывать глаза на то, что и эти единичные случаи представляют серьезную общественную опасность. Эта опасность в основном заключается в том, что потерпевшими от гомосексуализма главным образом являются мальчики и подростки, к которым гомосексуалисты питают особое влечение. При этом, данные специальных исследований показывают, что гомосексуальные наклонности, как правило, развиваются в юношеском возрасте под влиянием привычных гомосексуалистов. Так, по данным К. Фрейнда, 61,7% из числа исследованных им гомосексуалистов впервые приобщились к этому пороку в возрасте до 16 лет, а 54,1% из этих лиц в этом же возрасте имели первое гомосексуальное половое сношение, причем активными партнерами 45,5% обследованных являлись лица, старше их не менее чем на 5 лет.[1]

---

[1] Gerhardt Hansen. Gerichtliche Medizin. Leipzig, 1957, S. 224.

[2] M. Hirschfeld.— § 175 des Dutschen RSGB. Leipzig, 1898, S. 70.

[3] Преступность в капиталистическом мире после второй мировой войны. М., 1963, стр. 21, 33, 75.

[4] Н. В. Иванов. Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств. М., 1966, стр. 128.

С точки зрения современной психологии и медицины указанное объясняется тем, что в юношеском возрасте возникает фиксация внимания на той форме полового удовлетворения, в которой оно было впервые испытано, в результате чего условно рефлекторным путем устанавливается влечение именно к данной форме полового удовлетворения. Например, если в результате развратных действий, совершаемых в отношении подростка гомосексуалистом, он впервые испытал половое удовлетворение,— это может привести затем к возникновению у него гомосексуальных наклонностей.[2]

Вовлечение несовершеннолетних в гомосексуальные отношения является тягчайшим посягательством на нравственные устои нашего социалистического общества, оказывающим деморализующее влияние на психику и ведущим к моральной деградации.

Судебная практика показывает, что гомосексуалисты используют самые разнообразные способы развращения своих жертв, в частности приучают их к пьянству и к употреблению наркотиков. Так, по делу по обвинению Н. по ч. 2 ст. 125 и ч. 2 ст. 240 УК было установлено, что он в целях совершения мужеложства вовлек 12-летнего мальчика М. в курение анаши, а затем насильственно совершил с ним акт мужеложства.

Вопрос о причинах гомосексуализма являлся и является предметом неоднократных исследований психиатров и юристов. В конце XIX и начале XX века ученые психиатры (Крафт-Эбинг, Шарко, Тарновский, Вестфальд и другие) отстаивали наследственную обусловленность гомосексуализма, объясняя его психопатической и тяжкой нервной наследственностью, значительной разницей в возрасте родителей, наследственным сифилисом и т. п.

---

[1] Kurt Freund. Указ. работа, стр. 82—83, 189.

[2] См. В. М. Бехтерев. Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии. «Вопросы изучения и воспитания молодежи», 1912, № 4—5.

Эту точку зрения, казалось бы, подтвердили успехи эндокринологии в 20-х — 30-х годах нашего века, в связи с чем исследователи начали связывать гомосексуальные влечения с гормональными изменениями в организме человека (Штейнах и другие). Они утверждали, что гомосексуализм объясняется тем, что у лиц, имеющих половые органы одного пола, железы внутренней секреции соответствуют другому полу, вследствие чего выделяемые этими железами гормоны действуют так, как будто данное лицо принадлежит к противоположному полу.

По мнению приведенных выше ученых, гомосексуализм связывался, таким образом, в основном с биологическими причинами. Правда, русский ученый Тарновский отмечал и значение внешних условий для развития гомосексуальных наклонностей, но и он все же основное значение придавал биологическим факторам.

Однако сложившийся в социалистическом обществе уклад половых отношений внес существенные коррективы в эти взгляды и наглядно показал, что основной причиной гомосексуализма являются социальные факторы, ликвидация которых приводит, как это имеет место в СССР, почти к полному искоренению гомосексуализма.

Вместе с тем, современная медицина не исключает наличия отдельных патологических случаев гомосексуализма, связанных в значительной степени с болезненными изменениями эндокринной системы данного лица. Подобного рода гомосексуалисты судебной психиатрией подразделяются на два типа — инверсный и церебральный.

Инверсным является гомосексуалист, который с детства, если он мужчина, обнаруживает особенности женского телосложения и поведения, а если женщина, то соответствующие особенности телосложения и поведения, свойственные мужчине.

Гомосексуалист церебрального типа при нормальном свойственном данному полу телосложении и адекватных особенностях личности с самого начала своего полового развития испытывает сексуальное влечение только к лицам своего пола.[1]

---

[1] Н. В. Иванов. Указ. работа,- стр. 132—133; Я. М. Калашник. Судебная психиатрия. М., 1961, стр. 313.

Следует отметить, что подобного рода «настоящие» гомосексуалисты встречаются редко. Обычно же человек становится гомосексуалистом под влиянием неблагоприятно сложившейся для него ситуации. Эти, так называемые псевдогомосексуалисты, и составляют большинство лиц, страдающих рассматриваемым половым извращением.

Конечно, среди таких лиц иногда бывают отягощенные психопатической наследственностью. Однако наличие психопатии и общая неблагоприятная невропатическая и психопатическая наследственность, как отмечал еще В. М. Бехтерев, являются только предрасполагающими, но не обуславливающими гомосексуализм обстоятельствами.[1]

Весьма вредное влияние оказывает на предрасположение к гомосексуализму алкоголь. И. Б. Фукс пишет, что значительное число случаев гомосексуального влечения необычно усиливается, а иногда даже (при более или менее скрытом предрасположении) прямо развивается под влиянием алкоголя. Он отмечает, что психиатрической практике известны случаи, при которых пациент, испытывающий в трезвом состоянии нормальное половое влечение, в состоянии опьянения обнаруживает влечение к лицам своего пола.[2]

Как отмечалось, в значительном числе случаев лицо становится гомосексуалистом в результате совращения его в юношеском возрасте привычным гомосексуалистом. Так, Н. В. Иванов указывает, что советские психиатры собрали убедительные данные о том, что в происхождении гомосексуализма существенное значение имеют неблагоприятные факторы воспитания, в частности случаи, когда подросток преждевременно испытывает интенсивные сексуальные впечатления. Если такие впечатления связываются с действиями гомосексуального характера, они могут привести в дальнейшем к гомосексуальным наклонностям такого лица.[3]

Немецкий ученый Г. Гансен отмечает, что у большей части гомосексуалистов влечение к лицам своего пола является благоприобретенным, и какая-либо болезненная причина в развитии этого влечения отсутствует.[4]

---

[1] В. М. Бехтерев. Указ. работа.

[2] И. Б. Фукс. Указ. работа, стр. 80.

[3] Н. В. Иванов. Указ. работа, стр. 128—129.

[4] G. Hansen. Указ. работа, стр. 224.

Гомосексуализму, по мнению исследователей, способствуют и такие обстоятельства, как постоянное проживание многих мужчин в общем для них помещении при невозможности нормальных половых сношений с женщиной. Этим, в частности, объясняется распространение в капиталистических государствах гомосексуализма в местах заключений, казармах, закрытых учебных заведениях и т. п.

К гомосексуализму в отдельных случаях приводит пресыщение развратом, когда нормальное половое сношение перестает удовлетворять субъекта, и он начинает искать иных способов проявления полового чувства.

Наконец, в литературе отмечается, что причиной гомосексуализма могут стать и отдельные органические недостатки половых органов мужчины, делающие для него невозможным нормальное половое сношение.

Таким образом, следует прийти к выводу, что в качестве общего правила причины гомосексуализма носят не биологический, а социальный характер. Ярким доказательством этого является, как отмечалось выше, почти полное исчезновение рассматриваемого полового извращения в Советском Союзе.

Одной из наиболее спорных проблем, связанных с гомосексуализмом, является вопрос о том, должен ли быть наказуемым добровольный гомосексуализм без отягчающих его обстоятельств.

Ни у кого не возникает сомнений в том, что в случаях, когда гомосексуальное влечение удовлетворяется противоправным способом, виновные подлежат уголовной ответственности.

К таким способам относятся случаи насильственного гомосексуализма, использование зависимого или беспомощного положения потерпевшего, нарушение действиями виновных установленных правил общественного порядка и поведения в общественных местах, а также любые случаи посягательства на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних лиц.

Таким образом, спорным остается только вопрос о целесообразности установления уголовной ответственности за гомосексуализм между взрослыми лицами при отсутствии указанных выше обстоятельств.

Аргументы защитников наказуемости таких случаев гомосексуализма И. Б. Фукс подразделяет на пять групп.

Это, во-первых, метафизические соображения — указание на противоестественность гомосексуализма, на нарушение им законов природы, возмущающее наши нравственные чувства и свидетельствующие о высокой степени развращенности гомосексуалистов.

Во-вторых, это эстетические соображения, а именно — отвращение, вызываемое гомосексуальными действиями, как грубо нарушающими эстетическое чувство.

В-третьих, это гигиенические соображения, и указания на то, что гомосексуальные отношения влекут за собой тяжелые расстройства здоровья и нередко приводят к смерти. В связи с этим автор указывает, что приведенные соображения еще в конце XIX века были опровергнуты судебными медиками, признавшими, что нервная система гомосексуалистов расшатывается в основном в связи с тем, что они пребывают в постоянном страхе своего изобличения.

В-четвертых, это соображения государственного характера, а именно — опасение отрицательного влияния гомосексуализма на семью и прирост народонаселения. В связи с этим И. Б. Фукс отмечает, что статистические данные опровергают эти опасения, так как свидетельствуют об отсутствии какой-либо зависимости между наказуемостью гомосексуализма и приростом населения. Он считает, что случайные проявления гомосексуализма не могут оказать какого-либо влияния на семью и прирост населения, происходящих вследствие присущего людям инстинкта размножения.

Наконец, пятым аргументом являются моральные основания, а именно — указание на безнравственность гомосексуализма, дающую государству основания преследовать таких лиц, так как на обязанности государства лежит охрана нравственности его граждан.

Так, в 1906 году В. Миттермаер писал, что гомосексуализм противоречит тем воззрениям в области половых отношений, которые государство кладет в основу здорового развития общества. При этом, по его мнению, наибольшую опасность представляет гомосексуализм между мужчинами, так как женский гомосексуализм наблюдается значительно реже и не принимает таких резких форм, ввиду того, что женщины не приспособлены к активной роли в половом акте.[1]

Основные аргументы юристов, стоящих на точке зрения ненаказуемости добровольного гомосексуализма, сводятся к следующим.

Во-первых, отмечается, что гомосексуальные действия сами по себе не нарушают каких-либо правовых благ и безразличны с точки зрения государства, поэтому законы, преследующие добровольные случаи гомосексуализма между взрослыми лицами, не отвечают основным требованиям, предъявляемым к уголовно-правовой норме.[2]

Во-вторых, указывается на трудности, возникающие на практике, при претворении в жизнь норм об уголовной ответственности за добровольный гомосексуализм. В связи с этим В. Набоков отмечал, что установление наказания за гомосексуализм в законе весьма затрудняется недопустимостью помещать там грязные и отвратительные подробности этого вида извращения, а отсутствие определения видов гомосексуальных действий порождает различное понимание и противоречивое толкование, в каких случаях подобного рода действия следует считать наказуемыми.[3]

В-третьих, подчеркивается, что гомосексуализм — это не преступление, а болезненное состояние организма, за которое привлекать к ответственности нельзя.[4] Этот аргумент является несостоятельным. Как отмечалось выше, только незначительная часть случаев гомосексуализма связана с патологическими отклонениями организма. Но даже и в таких случаях гомосексуальное влечение всегда находится под волевым контролем испытывающего его лица, и оно имеет возможность с ним бороться, в частности не допускать противоправных проявлений своего извращенного полового влечения.

В-четвертых, указывается на бесполезность и даже вредность установления уголовной ответственности за добровольный гомосексуализм, так как это представляет широкую возможность для шантажа и вымогательства.

---

[1] W. Mittermaier. Verbrechen und Vergehen gegen die Sittlichkeit , B. IV, 1906, S. 151.

[2] И. Б. Фукс. Указ. работа, стр. 93—94.

[3] В. Набоков. Плотские преступления по проекту уголовного уложения. Сб. статей, 1904.

[4] И. Б. Фукс. Указ. работа, стр. 72—83.

Следует отметить, что этот аргумент особое значение имеет для капиталистических государств, где случаи такого шантажа встречаются очень часто.

Что же касается Советского Союза, то шантажное вымогательство, в судебной практике встречается очень редко, случаи же когда предметом шантажа являлись гомосексуальные наклонности шантажируемого нам вообще не известны.

Это, как и почти полное исчезновение гомосексуализма, является ярким свидетельством того оздоровления, которое принес социалистический строй нашему обществу.

И. Б. Фукс отмечает также, что раскрытие гомосексуальных отношений способствует их распространению, ссылаясь в подтверждение этого на известный процесс Оскар Уайльда, в результате которого распространение гомосексуализма значительно увеличилось. Он считает, что именно этими соображениями руководствовался законодатель, исключая в качестве самостоятельного состава гомосексуализм из французского уголовного кодекса.[1]

Мы полагаем, что определенная доля истины в этих соображениях имеется. Однако проведение закрытых процессов над гомосексуалистами в известной мере гарантирует от того, чтобы к этого рода сексуальным извращениям не развивалось нездоровое любопытство.

Указывается также и на то, что угроза уголовной ответственности лишь залечивает наружную рану, так как мотивы гомосексуальных действий, добровольно совершаемых между взрослыми лицами, заключаются не в преступных побуждениях, а в психофизическом извращении, которым они страдают.[2]

Нами уже отмечалась неправильность этой точки зрения, исходящей из того, что человек не может побороть свои сексуальные стремления, в то время как они поддаются волевому воздействию. Кроме того, общепризнанным в настоящее время является и то положение, что в большинстве случаев причины гомосексуальных наклонностей следует искать не в биологических, а в социальных факторах.

---

[1] См. И. Б. Фукс. Указ. работа, стр. 91.
[2] Там же, стр. 82.

Наконец, подчеркивается бесполезность карательных мер, применяемых к гомосексуалистам, при отсутствии в их действиях отягчающих обстоятельств, что видно из мизерного количества дел, доходящих до суда. Так, в Берлине, до первой мировой войны, по свидетельству М. Гиршфельда, предметом судебного разбирательства являлась только одна стотысячная часть совершаемых там ежегодно гомосексуальных преступлений, так как интимный характер таких действий делает их почти неуловимыми.[1]

Следует отметить, что указанное имеет под собой определенные основания. Наша судебная практика почти не знает случаев привлечения к ответственности за добровольный гомосексуализм между взрослыми лицами, если только по случайному стечению обстоятельств они не были застигнуты врасплох. Особенно затруднительным является выявление таких случаев и ввиду того, что по нашему законодательству в уголовном порядке преследуется только одно из проявлений гомосексуализма— педерастия. Поэтому даже в тех случаях, когда характер отношений между лицами свидетельствует о наличии между ними гомосексуальной связи, трудно доказать, что эта связь проявлялась именно в форме мужеложства.

Наконец, указывается, что нарушение нравственных норм в одинаковой степени имеет место не только в случаях гомосексуализма, но и при других половых извращениях, не преследуемых в уголовном порядке.[2]

По приведенным выше соображениям, большинство авторов, специально изучавших этот вопрос, высказывают сомнение в необходимости наказуемости добровольного гомосексуализма между взрослыми лицами при отсутствии отягчающих обстоятельств. Так, П. И. Люблинский писал, что в литературе в достаточной мере убедительно доказана нецелесообразность наказания гомосексуализма, будь он пороком или болезненным извращением. По его мнению, государство обязано бороться с гомосексуализмом лишь в случаях, когда он переходит те границы, за пределами которых половой разврат становится уже опасным.[3]

---

[1] M. Hirschfeld Указ. работа, стр. 70.

[2] И. Б. Фукс. Указ. работа, стр. 93—94.

[3] П. И. Люблинский. Указ. работа, стр. 132.

Как уже отмечалось, в настоящее время большинство уголовных кодексов как зарубежных социалистических, так и капиталистических стран отказались от наказуемости добровольного гомосексуализма между взрослыми лицами при отсутствии в их действиях квалифицирующих обстоятельств.

В специальном исследовании, посвященном гомосексуализму, К. Фрейнд, ряд лет проработавший в Чехословакии, пишет, что в результате многолетнего общения психиатров с гомосексуальными пациентами и изучения их общественных конфликтов оказалось необходимым убедить других специалистов в том, что уголовно правовое преследование гомосексуалистов, общающихся с совершеннолетними партнерами, при отсутствии в их действиях отягчающих обстоятельств, является ненужным. Автор отмечает, что после того, как это удалось сделать, психиатрическая секция Чехословацкого общества медиков внесла представление в соответствующие министерства, в результате чего с 1 января 1962 года был изменен § 244 УК Чехословакии, из которого был исключен состав добровольного мужеложства между совершеннолетними лицами.[1]

В этой же работе перечисляются государства, отказавшиеся от уголовного преследования гомосексуализма между взрослыми мужчинами при отсутствии отягчающих его обстоятельств.

В числе таких государств — Абиссиния, Аргентина, Бельгия, Боливия, Бразилия, Китай, Дания, Франция, Греция, Индия, Исландия, Италия, Япония, Конго, Люксембург, Мексика, Монако, Нидерланды, Парагвай, Иран, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Швеция, Сиам, Испания, Турция, Венесуэла.[2]

В новом уголовном кодексе ГДР от 12 января 1968 года гомосексуализму посвящен только § 151, предусматривающий ответственность взрослого за сексуальные действия, совершенные с подростком одного с ним пола. В остальных же случаях за совершение гомосексуальных действий лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности только, если в этих действиях содержится состав другого полового преступления. Таким образом, случаи добровольного гомосексуализма между взрослыми лицами, при отсутствии в их действиях состава другого полового преступления в уголовном порядке ненаказуемы.

---

[1] Kurt Freund. Указ. работа, стр. 7.

[2] В настоящее время к ним следует добавить Англию, ГДР и Болгарию.

Состав добровольного мужеложства, имевшийся в ранее действовавшем Уголовном кодексе Болгарии, в новом уголовном кодексе от 15 марта 1968 года отсутствует. Статья 157 этого кодекса признает наказуемым половое сношение и развратные действия с лицом того же пола только в случаях, если они совершены путем применения насилия, угрозы, использования зависимого положения или отношений надзора, если они совершаются в отношении малолетнего или несовершеннолетнего, или же если такие действия совершаются открыто или с нарушением общественного порядка.

Предложения отменить уголовную ответственность за добровольный гомосексуализм между взрослыми лицами, при отсутствии отягчающих его обстоятельств, высказываются и в нашей литературе.[1]

Мы также считаем, что эта ответственность должна быть отменена по следующим соображениям. Безусловно, гомосексуальные отношения противоречат социалистической половой морали и с ними необходимо вести борьбу. Однако борьба с гомосексуализмом при отсутствии отягчающих его обстоятельств должна вестись не в форме уголовной репрессии, а путем надлежащей постановки полового воспитания в семье и школе и применения мер медицинского характера к тем гомосексуалистам, половое извращение которых вызвано патологическими изменениями их организма.

Это связано с тем, что биологические формы, в которых происходит половое общение между людьми, являются их личным делом, и должны быть предметом правового регулирования, только если это общение затрагивает социальную сторону половых отношений— нарушает половую свободу, половую неприкосновенность или нормальное половое развитие и воспитание несовершеннолетних.

Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что все формы гомосексуальных отношений между мужчинами или между женщинами нарушают сложившийся в СССР уклад половых отношений. Извращенные формы полового сношения между лицами разного пола по своему характеру также ничем не отличаются от таких же форм при гомосексуализме, за исключением того, что партнерами в этих случаях являются лица разного пола. Однако все эти половые извращения при отсутствии в них состава другого полового преступления в уголовном порядке не преследуются. В связи с этим возникает вопрос, почему же только одна из форм половых извращений (мужеложство) является уголовно наказуемой, а другие не содержат состава преступления.

---

[1] См. П. П. Осипов. Половые преступления (общее понятие, социальная сущность и система составов), Автореф. канд. дисс., Л., 1967, стр. 11.

Следует отметить и то обстоятельство, что хотя состав добровольного мужеложства между взрослыми лицами и включен в уголовные кодексы всех союзных республик, но, как отмечалось, такие дела на практике встречаются очень редко.

Поэтому мы полагаем, что в уголовных кодексах союзных республик следует сохранить ответственность только за квалифицированный гомосексуализм, не ограничивая эти случаи только педерастией, так как все виды половых извращений представляют при наличии квалифицирующих обстоятельств серьезную общественную опасность.

* * *

В результате рассмотрения общих вопросов, относящихся к гомосексуализму, мы приходим к следующим выводам:

1. Хотя, в отличие от капиталистических государств, этот вид полового извращения в Советском Союзе встречается редко, но тем не менее его общественная опасность велика, так как подавляющее большинство потерпевших от мужеложства является мальчиками или подростками в возрасте до 16 лет.

Особую общественную опасность рассматриваемое преступление представляет в республиках Закавказья и Средней Азии, где до Великой Октябрьской социалистической революции половые сношения с мальчиками и юношами имели определенное распространение как пережиток феодальных отношений и обычаев, связанный с недоступностью женщины из-за высокого размера калыма, с одной стороны, и извращением полового чувства, порождаемым пресыщенностью на почве многоженства — с другой.

2. Вовлечение несовершеннолетних в гомосексуальные отношения оказывает деморализующее влияние на психику таких лиц и ведет к их моральной деградации, так как привычные гомосексуалисты используют самые разнообразные способы развращения своих жертв, приучая их к пьянству и употреблению наркотических веществ.

3. Основной причиной гомосексуализма являются не биологические, а социальные факторы, ликвидация которых приводит, как это имеет место в СССР, к почти полному его искоренению.

Вместе с тем, современная медицина не исключает наличия отдельных патологических случаев гомосексуализма, связанных с болезненными изменениями эндокринной системы данного лица.

Однако чаще всего лицо становится гомосексуалистом в результате совращения его в юношеском возрасте. Это связано с тем, что сексуальные ощущения, вызванные у подростка гомосексуальными действиями, закрепляются затем условно-рефлекторным путем и в связи с этим могут привести к возникновению гомосексуальных наклонностей.

4. Борьба с гомосексуализмом, по нашему мнению, должна вестись дифференцированно:

При наличии квалифицирующих обстоятельств, уголовная ответственность за гомосексуализм не должна ограничиваться только мужеложством, а распространяться на все виды половых извращений между лицами одного и того же пола.

С добровольным же гомосексуализмом между совершеннолетними лицами, не носящим открытый характер и не нарушающим общественного порядка борьба должна вестись путем надлежащей постановки полового воспитания, а также применения общественного воздействия или мер медицинского характера, когда гомосексуальное извращение связано с патологическими изменениями эндокринной системы данного лица.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МУЖЕЛОЖСТВО

Уголовная ответственность за мужеложство по действующему законодательству отличается следующими особенностями:

— наказуемой является только педерастия, т. е. половое сношение мужчины с мужчиной. Другие виды гомосексуализма мужчин, не являющиеся педерастией, в частности различного рода развратные действия, и женский гомосексуализм не наказуемы, если в действиях, в которых они проявляются, отсутствуют составы других преступлений, в частности половых или хулиганства;

— наказуемо как квалифицированное мужеложство и мужеложство в отношении несовершеннолетних, так и добровольное мужеложство между совершеннолетними лицами.

В соответствии с этим, диспозиция статьи о мужеложстве в уголовных кодексах всех союзных республик состоит из двух частей. Первая из них охватывает добровольное мужеложство, а вторая — мужеложство в отношении несовершеннолетнего лица и мужеложство при наличии квалифицирующих обстоятельств. Однако такие обстоятельства, как видно из приведенной таблицы, в отдельных уголовных кодексах друг от друга значительно отличаются.

Диспозиция второй части статьи уголовных кодексов союзных республик о мужеложстве

Квалифицирующие обстоятельства	Наименование уголовных кодексов	Число отягчающих обстоятельств
Применение физического насилия, угроз, использование зависимого положения потерпевшего, использование беспомощного состояния потерпевшего.	УК Грузинской, Литовской и Латвийской союзных республик	4
Применение физического насилия, угроз, использование зависимого положения потерпевшего.	УК РСФСР, Белорусской, Молдавской, Таджикской, Армянской, Туркменской союзных республик	3
Применение насилия, угрозы насилием, использование беспомощного состояния потерпевшего.	УК Эстонской ССР	3
Применение насилия, использование зависимого положения потерпевщего	УК Узбекской, Азербайджанской, и Киргизской союзных республик	2
Применение насилия, иные отягчающие обстоятельства.	УК Казахской ССР	2
Применение насилия.	УК УССР	1

Всего, таким образом, имеется шесть различных комбинаций отягчающих обстоятельств, начиная с четырех в уголовных кодексах Грузинской, Литовской и Латвийской союзных республик до одного в уголовном кодексе УССР.

В следующей таблице показывается, в уголовных кодексах каких союзных республик предусмотрено каждое из этих обстоятельств.

Обстоятельства, квалифицирующие мужеложство	Наименование уголовных кодексов	Количество кодексов, включающих данное обстоятельство
Насилие	Включено во все уголовные кодексы	15
Угроза	УК РСФСР, Белорусской, Грузинской, Литовской, Молдавской, Латвийской, Таджикской, Армянской, Туркменской и Эстонской союзных республик	10
Использование зависимого положения потерпевшего	УК РСФСР, Белорусской, Узбекской, Грузинской, Азербайджанской, Литовской, Латвийской, Киргизской, Таджикской, Армянской и Туркменской союзных республик	11
Использование беспомощного состояния потерпевшего	УК Грузинской, Литовской, Молдавской, Латвийской и Эстонской союзных республик	5
Иные отягчающие обстоятельства	УК Казахской ССР	1

Из этой таблицы видно, что из пяти обстоятельств, квалифицирующих мужеложство, только одно (применение насилия) предусматривается в уголовных кодексах всех союзных республик. Такое обстоятельство, как «использование беспомощного состояния» предусмотрено только в уголовных кодексах пяти союзных республик, а «иные отягчающие обстоятельства» — лишь в уголовном кодексе Казахской ССР.

Анализ диспозиции статьи о мужеложстве показывает, что она объединяет три состава:

— добровольное мужеложство, между совершеннолетними лицами, непосредственным объектом посягательства которого являются нормальные половые отношения между мужчиной и женщиной;

— мужеложство, совершенное в результате применения физического насилия, угрозы или использования зависимого положения потерпевшего, непосредственным объектом которого в этих случаях является половая свобода;

— мужеложство, совершенное в отношении несовершеннолетнего, посягающее на половую неприкосновенность и нормальное половое развитие детей и подростков мужского пола.

Кроме того, в уголовных кодексах, предусматривающих в качестве квалифицирующего обстоятельства использование беспомощного состояния потерпевшего, непосредственным объектом этого состава является половая неприкосновенность взрослых лиц.

Мы не можем согласиться с утверждением М. Д. Шаргородского, полагающего, что непосредственным объектом всех видов мужеложства является половая нравственность и нормальный уклад в области половых отношений.[1]

На нормальный уклад в области половых отношений посягают все половые преступления, а не только мужеложство. Половая же нравственность не может быть объектом посягательства, так как последним являются общественные отношения, а не воззрения и нормы, определяющие поведение людей в обществе.

В учебнике уголовного права, издания 1964 года, непосредственный объект посягательства при мужеложстве вообще не указывается, а только сказано, что оно «является грубейшим нарушенем социалистической нравственности, проявлением крайнего морального разложения».[2] Однако и эта характеристика полностью применима к другим половым преступлениям, особенно к таким, как изнасилование или развращение несовершеннолетних.

Как отмечалось, непосредственный объект посягательства мужеложства зависит от того, на какие общественные отношения посягают действия виновного.

Конечно, во всех случаях мужеложство является грубым нарушением нормальных половых отношений между лицами разного пола в нашем социалистическом обществе. Однако, когда речь идет о квалифицированных случаях мужеложства, этот объект отступает на второй план, а основным непосредственным объектом посягательства в этих составах является нарушение половой свободы, половой неприкосновенности и нормального полового воспитания несовершеннолетних. Нормальный же уклад половых отношений нашего социалистического общества между лицами разного пола становится основным непосредственным объектом посягательства только в случаях, когда имеет место добровольное мужеложство, не нарушающее ни одного из указанных выше благ.

---

[1] Советское уголовное право. Часть Особенная, М., 1962, стр. 165.

[2] Советское уголовное право. Часть Особенная, 1964, стр. 168—169.

По изученным нами делам, указанные составы мужеложства распределяются следующим образом:

— добровольное мужеложство между взрослыми лицами 0,0%;

— насильственное мужеложство между взрослыми лицами 0,0%;

— мужеложство с использованием беспомощного состояния 5,5%;

— мужеложство в отношении несовершеннолетних 94,5%.

Указанные данные убедительно подтверждают, что основной общественной опасностью гомосексуализма является его направленность на несовершеннолетних лиц, а также, что случаи добровольного мужеложства между взрослыми мужчинами в судебной практике почти не встречаются.

Обязательным признаком объективной стороны всех составов мужеложства является половое сношение мужчины с мужчиной.

А. Н. Игнатов отмечает, что термин «половое сношение» в данном случае нельзя признать удачным, так как с медицинской точки зрения это предполагает разный пол его участников и считает, что применение указанного термина преследует лишь цель отграничения мужеложства от других ненаказуемых форм удовлетворения половой страсти между лицами того же пола.[1]

При анализе состава изнасилования нами отмечалось, что законодательство под термином «половое сношение» понимает как естественные, так и извращенные формы полового акта, которые в медицинском понимании совокуплением не являются.

---

[1] См. А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 180.

Большинство авторов указывает, что мужеложство имеет в виду только одну форму извращенного полового сношения, а именно coitus per anum [1]

Н. Г. Шалаев относит к таким формам также и другие виды извращенного полового сношения между мужчинами, в частности coitus per os. [2]

Мы считаем, что с этим следует согласиться, так как и первая и вторая форма являются разновидностями извращенного полового акта и принципиальных различий между ними нет, хотя под мужеложством обычно понимается только половое сношение per anum. Поэтому мы считаем, что следственные органы и суд правильно квалифицировали по ч. 2 ст. 125 УК действия Т., который под угрозой заставил потерпевшего 15-летнего К. совершить с ним половой акт per os.

Ввиду того, что гомосексуальные отношения между мужчинами не ограничиваются только мужеложством, а происходят и в иных формах, следует прийти к выводу, что при отсутствии в них состава другого полового преступления подобного рода действия не являются наказуемыми.

Когда же такие действия совершаются в отношении мальчиков и подростков, содеянное подлежит квалификации по соответствующей статье УК о развратных действиях.

Насильственные гомосексуальные действия, не являющиеся мужеложством, осуществляемые в отношении лиц, не охватываемых диспозицией этой статьи, обычно квалифицируются как злостное хулиганство. Это по существу является применением аналогии и лишний раз подтверждает необходимость включения в уголовные кодексы союзных республик специального состава о насильственных развратных действиях в отношении взрослых лиц или о распространении наказуемости за насильственное мужеложство также и на другие формы гомосексуальных отношений.

---

[1] М. И. Авдеев. Судебная медицина, М., 1960, стр. 303; М. И. Райский. Судебная медицина. М., 1953, стр. 191 и др.

[2] Н. Г. Шалаев. Судебно-медицинская экспертиза подозреваемых в половых преступлениях. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора медицинских наук, Горький, 1967, стр. 33.

К объективной стороне относятся и все обстоятельства, квалифицирующие мужеложство:

— физическое насилие;

— угроза;

— использование зависимого положения потерпевшего;

— использование беспомощного состояния потерпевшего;

— иные отягчающие обстоятельства.

Понятие физического насилия как обстоятельства, квалифицирующего мужеложство, аналогично с тем же понятием в составе изнасилования и поэтому на нем мы специально останавливаться не будем. Следует только отметить, что если вопрос о возможности изнасилования одним мужчиной взрослой женщины в литературе вызывает сомнения, то это тем более относится к возможности совершения насильственного мужеложства в отношении взрослого мужчины. Так, еще Э. Гофман отмечал, что «педерастическое изнасилование взрослого одним мужчиной, если нет особо благоприятных обстоятельств, предполагается невозможным, поэтому к заявлениям подобного рода следует относиться с еще большей осторожностью, чем к жалобам об изнасиловании взрослых женщин».[1]

Указанным обстоятельством объясняется и тот факт, что на практике случаи насильственного мужеложства с совершеннолетним мужчиной, как правило, не встречаются. Одной из причин этого является также и то обстоятельство, что обычно в совершении мужеложства участвует только один преступник, в то время как изнасилование часто совершается группой лиц, что значительно облегчает возможность осуществления насильственного полового акта даже в тех случаях, когда потерпевшей является взрослая здоровая женщина.

Угроза как квалифицирующее обстоятельство мужеложства предполагает такое же содержание как и при изнасиловании, в частности, она по своему характеру должна быть угрозой физического насилия, а не носить шантажный характер. Кроме того, угроза должна быть реальной и непосредственной.

---

[1] Э. Гофман, Учебник судебной медицины, СПб, 1908, стр. 140.

Следует отметить, что мужеложство со взрослым мужчиной, совершенное под влиянием угрозы, в судебной практике также обычно не встречается, хотя угроза может парализовать сопротивление потерпевшего в неменьшей степени, чем непосредственное применение физической силы, особенно, если речь идет об угрозе применения холодного или огнестрельного оружия.

Одним из обстоятельств, квалифицирующих мужеложство, большинство уголовных кодексов союзных республик считает использование зависимого положения потерпевшего.

В литературе высказывалось мнение, что под таким положением понимается зависимость потерпевшего от виновного по службе.[1] Однако мы считаем, что оснований для такого вывода нет и что под зависимым положением нужно понимать не только служебную, но и материальную и семейную зависимость.

Кроме того, следует иметь в виду, что, в отличие от состава понуждения женщины к половому сношению, рассматриваемое преступление считается законченным не с момента понуждения, а только когда фактически будет совершен акт мужеложства.

Использование беспомощного состояния потерпевшего в качестве квалифицирующего обстоятельства рассматриваемого преступления предусмотрено только в уголовных кодексах четырех союзных республик — Грузинской, Латвийской, Литовской и Эстонской.

Между тем на практике такие случаи встречаются чаще, чем мужеложство с применением физического насилия или угрозы. Поэтому мы рекомендуем это квалифицирующее обстоятельство включить в диспозицию статьи о мужеложстве в уголовные кодексы всех союзных республик. Что же касается содержания рассматриваемого обстоятельства, то ввиду того, что оно аналогично беспомощному состоянию как квалифицирующему обстоятельству изнасилования, мы на нем не останавливаемся.

Ст. 104 УК Казахской ССР в качестве обстоятельства, квалифицирующего мужеложство, указывает на «иные отягчающие обстоятельства». С. Я. Булатов и

---

[1] Советское уголовное право, под ред. Б. С. Утевского. М., 1958, стр. 171.

А. Н. Мамутов отмечают, что такими обстоятельствами следует считать применение насилия как физического, так и психического, а также совершение мужеложства с использованием беспомощного состояния, служебной или иной зависимости потерпевшего, заражение его венерической болезнью или причинение тяжкого вреда его здоровью и т. п.[1] Даже из этого перечня видна неопределенность указанного признака и поэтому включение его в статью о мужеложстве, вместо конкретного перечисления обстоятельств, квалифицирующих это преступление, следует признать неудачным.

В судебной практике возникает вопрос, как следует квалифицировать мужеложство в случаях, когда оно сопровождалось отягчающим обстоятельством, не предусмотренным в качестве квалифицирующего диспозицией ч. 2 статьи о мужеложстве уголовного кодекса данной республики. В этих случаях содеянное обычно квалифицируется по ч. 1 статьи о мужеложстве, хотя указанная норма предусматривает случаи добровольного мужеложства, влекущие за собой уголовную ответственность обоих партнеров. Однако следует иметь в виду, что в таких случаях привлечению к ответственности подлежит только активный субъект, вынудивший потерпевшего в результате угрозы или путем использования беспомощного состояния либо зависимого положения совершить акт мужеложства. Так, нами уже упоминалось дело Д., который в медвытрезвителе, воспользовавшись беспомощным состоянием пьяного Ш. и отсутствием в камере дежурного, совершил с Ш. половое сношение. Д. был привлечен к ответственности и осужден по ч. 1 ст. 125 УК, ввиду того, что диспозиция ч. 2 ст. 125 УК Таджикской ССР не предусматривает в качестве квалифицирующего обстоятельства использование беспомощного состояния потерпевшего. Что же касается Ш., то он как потерпевший к уголовной ответственности привлечен не был.

Хотя такую квалификацию следует признать правильной, однако наличие подобного рода случаев доказывает необходимость того, чтобы перечень обстоятельств, квалифицирующих мужеложство, был достаточно полно предусмотрен в диспозиции уголовных кодексов всех союзных республик.

---

[1] С. Я. Булатов и А. М. Мамутов. Указ. работа, стр 68.

Специальным составом мужеложства является совершение его в отношении несовершеннолетнего.

По изученным нами делам возраст лиц, потерпевших от мужеложства, распределяется следующим образом:

до 10 лет — 21%
от 10 до 12 лет — 33%
от 13 до 14 лет — 26%
от 14 до 16 лет — 14%
от 16 лет и выше — 6%

Таким образом, 80% потерпевших от мужеложства не достигли 14-летнего возраста.

Среди изученных нами дел встречались и такие, когда жертвой обвиняемого оказывались несколько детей и подростков. Так, народным судом Октябрьского района г. Душанбе был осужден К., систематически приводивший мальчиков к себе в сторожевую будку, в которой он проживал на территории кирпичного завода, и совершавший с ними акты мужеложства. По делу было выявлено 4 потерпевших в возрасте от 5 до 12 лет. При этом, несмотря на то, что поведение обвиняемого вызывало подозрение окружающих, органы милиции на поступавшие к ним сигналы не реагировали. Представляется также неоправданно мягким наказание, назначенное обвиняемому — 4 года лишения свободы при максимальной санкции ч. 2 ст. 125 УК Таджикской ССР — 6 лет лишения свободы.

По другому делу народным судом г. Ленинабада был осужден А., систематически приглашавший к себе на квартиру подростков Р. —15 лет и У. —14 лет, спаивавший их и за подарки совершавший с ними половое сношение.

Обвиняемые как по первому, так и по второму из приведенных дел были ранее судимы, причем А. судился за мужеложство и был условно-досрочно освобожден после того, как отбыл менее трех лет из пяти лет лишения свободы, к которым был приговорен. В момент совершения преступления А. был студентом 3 курса Ленинабадского педагогического института. Следует полагать, что он не случайно выбрал профессию учителя, как дающую наибольшие возможности к удовлетворению его извращенных наклонностей.

Возраст лиц, осужденных за мужеложство, по изученым делам характеризуется следующими данными.

до 20 лет — 17,4%
от 20 до 30 лет — 47,2%
от 30 до 50 лет — 17,6%
свыше 50 лет — 17,8%

Таким образом, более 35% осужденных являлись мужчинами в возрасте старше 30 лет. Вместе с тем настораживает то обстоятельство, что 17,4% лиц осужденных за рассматриваемое преступление моложе 20 лет.

Обращает на себя внимание значительный удельный вес общего рецидива лиц, осужденных за мужеложство. По данным А. Н. Игнатова, он составляет 40% [1], а по изученным нами делам — 46,7%

Это не является случайным и свидетельствует о том, что в местах заключения до сих пор еще не ведется должной борьбы с мужеложством, в результате чего лица, выходящие на свободу, продолжают заниматься этим видом разврата и вовлекать в него несовершеннолетних.

Субъектом ответственности за мужеложство является лицо мужского пола, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако по вопросу о возрасте, начиная с которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за это преступление, существует и другое мнение. А. Н. Игнатов считает, что субъектом мужеложства могут быть только совершеннолетние мужчины, выполняющие как активную, так и пассивную роль, а лица от 16 и до 18 лет, в соответствии с ч. 2 ст. 121 УК РСФСР даже при их добровольном согласии должны рассматриваться как потерпевшие.[1] Такой же точки зрения придерживается и М. Д. Шаргородский. [2]

На другой позиции стоят авторы научно-практического Комментария УК РСФСР под ред. Б. С. Никифорова, указывающие, что если оба участника добровольного мужеложства являются несовершеннолетними, то ответственность каждого из них наступает по ч. 1 ст. 121 УК РСФСР. В тех же случаях, когда одним из участников добровольного мужеложства является лицо, не достигшее 18 лет, а другим — совершеннолетний мужчина, то первый из них подлежит привлечению к ответственности по ч. 1 ст. 121 УК РСФСР,[1] а второй по ч. 2 этой же статьи.[2] Такого же мнения придерживается и М. Н. Хлынцов.[3]

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 26.

[2] Советское уголовное право. Часть Особенная, М., 1965, стр. 195.

Не совсем последовательно решают рассматриваемый вопрос С. Я. Булатов и А. М. Мамутов, которые в начале пишут, что по ч. 1 ст. 121 УК РСФСР наказывается добровольное половое сношение совершеннолетних мужчин, а затем утверждают, что ответственность по этой статье наступает с шестнадцатилетнего возраста.[4]

Мы полагаем, что при решении данного вопроса нужно исходить из того, что в диспозиции ч. 2 ст. 125 УК Таджикской ССР и аналогичных статьях уголовных кодексов других союзных республик речь идет не о мужеложстве с несовершеннолетним лицом, а о мужеложстве в отношении несовершеннолетнего. Из этого в результате грамматического и логического толкования данной нормы можно сделать вывод о том, что повышенная ответственность наступает в тех случаях, когда совершеннолетний субъект использует несовершеннолетнего потерпевшего в качестве пассивного партнера полового сношения.

Поэтому мы считаем, что в случаях, когда несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет является активным партнером, он подлежит привлечению к ответственности на общих основаниях. Пассивный же партнер, не достигший 18-летнего возраста, к ответственности привлечен быть не может, независимо от того, дал ли он согласие на мужеложство или нет.

Из указанного следует также вывод, что если несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет совершил мужеложство как активный партнер, то при наличии квалифицирующих это деяние обстоятельств он должен быть привлечен к ответственности на общих основаниях по ч. 2 ст. 125 УК.

Так, народным судом г. Исфары был осужден С., 17 лет, за покушение на мужеложство в отношении 13-летнего Н. путем применения физического насилия. Действия виновного были квалифицированы по ст. 15 и ч. 2 ст. 125 УК, и мы считаем эту квалификацию правильной.

---

[1] Советское уголовное право. Часть Особенная, М., 1962, стр. 165.

[2] Указ. Комментарий, стр. 282.

[3] М. Н. Хлынцов. Указ. работа, стр. 124.

[4] С. Я. Булатов, А. М., Мамутов, Указ. работа, стр. 67—68.

Субъективная сторона мужеложства предполагает во всех случаях прямой умысел.

Нельзя согласиться с авторами, считающими, что в отношении факта несовершеннолетия потерпевшего может иметь место и косвенный умысел. В частности, А. Н. Игнатов полагает, что виновный должен не только знать о том, что потерпевший не достиг совершеннолетнего возраста, но может не интересоваться его возрастом, сознавая, однако, что потерпевший может оказаться несовершеннолетним.[1] Этой же точки зрения придерживается и М. Н. Хлынцов, отмечающий, что при мужеложстве в отношении несовершеннолетнего возможен эвентуальный умысел, когда преступник сознает или сознательно допускает, что его партнер является несовершеннолетним, но относится к этому обстоятельству безразлично. Более того, автор допускает возможность и неосторожного мужеложства с несовершеннолетним, указывая, что виновный должен быть освобожден от ответственности по ч. 2 ст. 121 УК РСФСР, если он по обстоятельствам дела не знал о недостижении потерпевшим 16-летнего возраста и не мог предполагать это.[2]

Мы полагаем, что также как и при изнасиловании несовершеннолетней допущение возможности косвенного умысла и неосторожности в отношении несовершеннолетия потерпевшего от мужеложства противоречит конструкции ст. 125 УК, согласно которой данное преступление является формальным. Рассматривать же несовершеннолетие потерпевшего как последствие мужеложства или квалифицирующее его обстоятельство является, с нашей точки зрения, неправильным, так как мужеложство в отношении несовершеннолетнего имеет другой непосредственный объект посягательства и представляет собой самостоятельный состав.

Мужеложство считается законченным с момента начала совершения полового сношения. Все же действия, предшествующие этому, должны рассматриваться, как покушение на мужеложство. Так, правильно по ст. 15 и ч. 2 ст. 125 УК был осужден К., который в нетрезвом состоянии в саду колхоза им. Калинина путем применения насилия пытался совершить акт мужеложства с 15-летним Т. На крик потерпевшего прибежал проходивший мимо колхозник Д., в результате чего преступление было предотвращено.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 184.

[2] М. Н. Хлынцов. Указ. работа, стр. 144—145.

Следует отметить, что покушение на мужеложство в судебной практике встречается довольно часто и составило по изученным нами делам 34,7% всех случаев осуждения за рассматриваемое преступление.

При рассмотрении составов мужеложства возникает вопрос о его соотношении с другими половыми преступлениями, в частности о квалификации совершаемых в связи с ним развратных действий в отношении несовершеннолетних (лиц, не достигших 16 лет, малолетних).

Мы полагаем, что если развратные действия непосредственно предшествовали акту мужеложства или сопровождали его, то квалификации по совокупности не требуется, так как такие действия охватываются составом мужеложства. В тех же случаях, когда акты мужеложства и развратные действия в отношении несовершеннолетнего совершались в разное время, содеянное должно квалифицироваться по совокупности по ст. 124, и ч. 2 ст. 125 УК.

Вопрос о квалификации по совокупности возникает и в случаях, когда мужеложство сопровождалось нанесением потерпевшему телесных повреждений.

А. Н. Игнатов считает, что по совокупности следует квалифицировать только тяжкие телесные повреждения, так как легкие и менее тяжкие телесные повреждения охватываются составом мужеложства.[1]

Основываясь на характере повреждений типичных для мужеложства,[2] мы считаем, что рассматриваемый состав включает в себя только нанесение легких телесных повреждений. Повреждения же менее тяжкие, так же как и тяжкие, должны квалифицироваться по совокупности. Так, народным судом г. Куляба был осужден по ч. 2 ст. 125 и ст. 112 УК Р., который путем применения физического насилия совершил половое сношение с 14-летним Х., причинив ему менее тяжкие телесные повреждения. Такую квалификацию содеянного следует считать правильной.

Если мужеложство было сопряжено с убийством, действия виновного подлежат квалификации по ч. 2 ст. 125 и п. «е» ст. 104 УК, а в случае покушения на убийство соответственно по ч. 2 ст. 125 и ст. 15 и п. «е» ст. 104 УК.

---

[1] А. Н. Игнатов. Указ. работа, стр. 183.

[2] См. Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы от 7 января 1966 г. М., 1966, стр. 15.

По совокупности следует также квалифицировать заражение в результате мужеложства одного из его участников венерической болезнью.

Меры наказания, установленные за мужеложство, в уголовных кодексах союзных республик как в ч. 1, так и в ч. 2 соответствующей статьи отличаются большим разнообразием, которое местными особенностями объяснено быть не может, так как в УК союзных республик, имеющих сходные местные особенности, устанавливаются разные меры наказания.

Приводимая ниже таблица показывает санкции, установленные в уголовных кодексах союзных республик за совершение мужеложства без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 125 УК).

№ п/п.	Мера наказания	Наименование уголовных кодексов	Число УК
1	Лишение свободы на срок до одного года или высылка на срок до трех лет	УК УССР	1
2	Лишение свободы на срок до двух лет	УК Киргизской, Таджикской и Эстонской союзных республик	3
3	Лишение свободы на срок до трех лет	УК Казахской, Азербайджанской, Литовской и Молдавской союзных республик	4
4	Лишение свободы на срок от одного года до трех лет	УК Узбекской ССР	1
5	Лишение свободы на срок до пяти лет	УК РСФСР, Белорусской, Латвийской и Туркменской союзных республик	4
6	Лишение свободы на срок до пяти лет или ссылка на тот же срок	УК Грузинской и Армянской союзных республик	2

Таким образом, за совершение добровольного мужеложства предусматривается шесть максимальных сроков наказания от одного года до пяти лет лишения свободы, причем в трех уголовных кодексах лишение свободы может быть заменено ссылкой (высылкой) на срок до трех или пяти лет.

Еще более пеструю картину представляют собой санкции в уголовных кодексах союзных республик за квалифицированные случаи мужеложства. Это видно из следующей таблицы.

№№ п/п.	Мера наказания	Наименование уголовных кодексов	Число
1	Лишение свободы на срок до пяти лет	УК УССР	1
2	Лишение свободы на срок от двух до пяти лет	УК Молдавской ССР	1
3	Лишение свободы на срок до шести лет	УК Таджикской ССР	1
4	Лишение свободы на срок от двух до шести лет	УК Киргизской ССР	1
5	Лишение свободы на срок от двух до шести лет с высылкой на срок до трех лет или без таковой	УК Эстонской ССР	1
6	Лишение свободы на срок от трех до семи лет	УК Казахской ССР	1
7	Лишение свободы на срок от трех до семи лет с ссылкой или без таковой	УК Армянской ССР	1
8	Лишение свободы на срок до восьми лет	УК РСФСР, Белорусской и Грузинской союзных республик	3
9	Лишение свободы на срок от двух до восьми лет	УК Узбекской и Туркменской союзных республик	2
10	Лишение свободы на срок от трех до восьми лет	УК Литовской и Латвийской союзных республик	2
11	Лишение свободы на срок от трех до восьми лет с высылкой или без высылки	УК Азербайджанской ССР	1

Таким образом, мера наказания за квалифицированное мужеложство в уголовных кодексах союзных республик устанавливается в одиннадцати различных вариантах с максимальным наказанием от пяти до восьми лет лишения свободы.

По изученным нами делам о квалифицированном мужеложстве меры наказания характеризуются нижеследующей таблицей:

Мера наказания	$^0/_0$ к общему числу осужденных по ч. 2 ст. 125 УК (по изученным делам)
Осуждены условно	5,9
2 года лишения свободы	29,0
2 года 6 мес. лишения свободы	5,9
3 года лишения свободы	23,3
4 года лишения свободы	5,9
5 лет лишения свободы	12,6
6 лет лишения свободы	17,4

Таким образом, более 64 процентов осужденных были приговорены к мерам наказания, не превышающим трёх лет лишения свободы.

Следует отметить, что в некоторых случаях суды недооценивают общественную опасность совершенного и приговаривают лиц, виновных в мужеложстве с несовершеннолетними, к слишком мягким мерам наказания.

Так, к 2 годам и 6 мес. лишения свободы по ч. 2 ст. 125 УК был осужден Пенджикентским городским народным судом Х., который совершил половое сношение с 6-летним мальчиком, причинив ему легкие телесные повреждения.

К трем годам лишения свободы по этой же статье был осужден Р., 5 раз до этого судившийся за различные преступления, который за деньги и подарки совершал половое сношение с потерпевшим С., 16 лет.

К 2 годам лишения свободы был осужден народным судом Колхозабадского района по ст. 15 и ч. 2 ст. 125 УК обвиняемый К., покушавшийся совершить половое сношение с 5-летним мальчиком, и был случайно застигнут на месте преступления.

Подобного рода случаи свидетельствуют о том, что не все еще судьи достаточно ясно представляют исключительно высокую общественную опасность мужеложства с несовершеннолетними.

* * *

Анализ состава мужеложства в уголовных кодексах союзных республик приводит к следующим выводам:

1. Диспозиции и санкции статьи о мужеложстве в уголовных кодексах союзных республик имеют ничем не оправданные различия как в определении обстоятельств,

квалифицирующих это преступление, так и в мерах наказания, установленных за его совершение.

2. В целях совершенствования уголовного законодательства и с учетом выводов, изложенных в первом разделе настоящей главы, предлагается:

а) исключить из диспозиции статьи, устанавливающей уголовную ответственность за мужеложство, состав добровольного мужеложства между взрослыми мужчинами при отсутствии в их действиях квалифицирующих обстоятельств;

б) установить ответственность не только за мужеложство (педерастию), но и за другие виды гомосексуальных действий, совершаемых при наличии квалифицирующих обстоятельств;

в) в качестве обстоятельств, влекущих уголовную ответственность за гомосексуальные действия, в уголовных кодексах всех союзных республик предусмотреть:

— совершение таких действий в отношении несовершеннолетних лиц;

— физическое насилие или угрозу;

— использование беспомощного состояния или зависимого положения потерпевшего;

— совершение гомосексуальных действий за вознаграждение;

— нарушение совершаемыми действиями общественного порядка или проявление в этой связи явного неуважения к обществу.

Ввиду того, что не все из указанных квалифицирующих обстоятельств представляют одинаковую общественную опасность, это следует учесть при определении мер наказания, которые во всех уголовных кодексах рекомендуется унифицировать.

3. В соответствии с изложенным, может быть предложена следующая редакция статьи о гомосексуальных действиях в уголовных кодексах союзных республик:

«Гомосексуальные действия

Гомосексуальные действия, совершенные в отношении несовершеннолетних

— наказываются лишением свободы на срок от ... до ... .

Гомосексуальные действия, совершённые с применением физического насилия, угрозы, использованием беспомощного состояния или зависимого положения потерпевшего

— наказываются лишением свободы на срок до ... .

Гомосексуальные действия, совершённые при отсутствии указанных выше обстоятельств, но с нарушением общественного порядка, проявлением явного неуважения к обществу или за вознаграждение

— наказываются лишением свободы на срок до ...».

ГЛАВА V.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И МЕРЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ СОВЕРШЕНИЯ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

При исследовании причин совершения половых преступлений в СССР необходимо исходить из общих положений советской криминологии о причинах преступности в СССР и причинах совершения конкретных преступлений.[1]

На основе изучения и обобщения данных о половых преступлениях должно быть установлено, как эти общие положения проявляются при их совершении, что является сложной и трудоемкой работой, требующей проведения специальных комплексных исследований.

---

[1] См. Советская криминология, М., 1966; А. А. Герцензон. Введение в советскую криминологию, М., 1965; Г. Г. Зуйков. К вопросу о понятии причин преступления и условий, способствующих его совершению. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, М., 1965; И. И. Карпец. О природе и причинах преступности в СССР. «Советское государство и право», 1966, № 4; В. Н. Кудрявцев. К вопросу об изучении причин преступности. «Советское государство и право», 1964, № 5; В. Н. Кудрявцев. Категория причинности в советской криминологии. «Советское государство и право», 1965, № 11; В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии, М., 1968; Н. С. Кузнецова, С. С. Остроумов. О причинах и условиях преступности. «Вестник МГУ», 1965, № 64; А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961; А. С. Шляпочников. О классификации обстоятельств, способствующих совершению преступлений. «Советское государство и право», 1964, № 10; А, С. Шляпочников. В. И. Ленин, коммунистическая партия и задачи борьбы с преступностью. «Проблемы искоренения преступности», М., 1965 и др.

Поэтому изложенные в настоящей главе соображения о причинах совершения половых преступлений не претендуют на полноту и бесспорность. В основу их положено изучение данных о половых преступлениях, совершённых в Таджикской ССР за период с 1963 по 1967 год.

Советскими криминологами убедительно доказано, что преступность в СССР — это явление, противоречащее социалистическим общественным отношениям и основным закономерностям их развития. Вместе с тем существование преступности в нашей стране носит социально-обусловленный характер и связано с объективно существующими в социалистическом обществе неантагонистическими противоречиями, а также с противоречиями между социализмом и капитализмом. «Наиболее общими причинами, следствием которых в конечном счете объясняется наличие преступлений в СССР — пишет А. С. Шляпочников,— являются пережитки прошлого в сознании людей, отставание сознания от общественного бытия и влияние существования капиталистического мира».[1]

Признавая пережитки прошлого основной причиной существования преступности в СССР, советская криминология имеет в виду не происхождение тех или иных антиобщественных взглядов и навыков у конкретного правонарушителя, а социальную сущность этих противоречащих нашему социалистическому строю навыков, привычек и взглядов.[2]

На неизбежность существования после победы социализма пережитков прошлого в сознании людей неоднократно обращал внимание В. И. Ленин. «Труп буржуазного общества,... — писал он,— ...нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого».[3] Он подчеркивал, что «рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи... Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно».[1]

---

[1] А. С. Шляпочников. О классификации обстоятельств, способствующих совершению преступления. «Советское государство и право» ,1964, № 10, стр. 92.

[2] См. Советская криминология. М., 1966, стр. 95.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 37, стр. 61.

Выступая на Всероссийском совещании политпросветов 3 ноября 1920 года В. И. Ленин в качестве основной задачи для работников просвещения и для Коммунистической партии в целом указывал на необходимость «помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс».[2]

Объективной причиной сохранения пережитков прошлого является отставание общественного сознания от общественного бытия. Это отставание связано не только с тем, что экономические преобразования не могут немедленно повлечь за собой изменения сознания членов общества, но также и с тем, что такие преобразования в первую очередь и в наибольшей степени изменяют общие социальные условия жизни общества в целом. Что же касается микрогрупп, входящих в состав данного общественного строя, то преобразования эти на них отражаются менее быстро. В таких группах дольше сохраняются чуждые социалистическому обществу идеи и принципы. Общественные же связи человека наиболее обширны и интенсивны именно в рамках различных микрогрупп (в семье, по месту учебы, работы, жительства, компаний друзей и т. п.). Поэтому, когда в этих группах сохранились еще пережитки чуждых социализму взглядов, воззрений, привычек, это служит благоприятной почвой для формирования у отдельных лиц антиобщественной установки.

Одной из причин сохранения пережитков прошлого являются также недостатки организационной культурной и хозяйственной деятельности отдельных государственных и общественных организаций, постепенно преодолеваемые в процессе строительства коммунистического общества.

Живучесть пережитков прошлого объясняется тем, что присущая эксплуататорским общественным формациям идеология вырабатывалась веками, в то время как идеология социализма получила свое развитие только с победой Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 37, стр. 449.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 41, стр. 400.

Пережитки прошлого находят свое конкретное проявление либо в наличии явлений, чуждых по своей природе социалистическому строю (стяжательство, алкоголизм, разврат и т. п.), либо в неправильном поведении людей и формировании у них антиобщественных взглядов и привычек.[1]

По своему содержанию пережитки капитализма представляют собой чуждые и враждебные марксистско-ленинской идеологии и коммунистической нравственности взгляды, суждения, навыки, привычки, традиции и поступки, свойственные частнособственнической идеологии и морали эксплуататорского общества.

Ввиду того, что пережитки прошлого по своему характеру могут быть весьма различными, изучая отдельные виды преступлений, необходимо конкретно установить, какие именно из них являются общей причиной совершения данного вида преступлений.

Для половых преступлений это, в первую очередь, взгляды и поступки, связанные с характерными особенностями индивидуалистической психологии и половой морали, капиталистического общества.

К таким пережиткам прошлого, являющимся причинами совершения половых преступлений, относятся:

— идеология мужского превосходства и взгляды на женщину как на объект полового наслаждения;

— циничные представления о сущности отношений между полами;

— отсутствие уважения к людям и соблюдению правил социалистического общежития;

— пьянство.

Следует отметить, что пьянство как пережиток прошлого не только играет важнейшую роль в формировании антиобщественной установки лиц, совершающих половые преступления, но нередко выступает и как непосредственный повод к их совершению. Еще в 1883 году известный немецкий юрист Кроне закончил свой доклад об алкоголизме и преступности словами: «Преступления против нравственности — будь это изнасилование или развратные действия, имеют почти исключительно своим основанием — пьянство».[1]

---

[1] См. И. И. Карпец. О природе и причинах преступности в СССР. «Советское государство и право», 1956, № 4.

П. П. Осипов, рассматривая причины сексуальной преступности в СССР, также отмечает, что злоупотребление алкоголем (как хроническое так и эпизодическое) является основной объективной причиной совершения половых преступлений.[2]

Как указывалось, существование преступности в СССР объясняется также тлетворным влиянием капиталистического общества.

Среди видов идеологической диверсии, осуществляемой империалистическими государствами в отношении социалистических стран, немаловажное место занимает проповедь аморализма, секса, полового разврата. Цель этой проповеди заключается в развращении молодежи, в привитии ей чуждых нашему общественному строю взглядов и убеждений.

Развращающее воздействие буржуазной морали осуществляется идеологами империализма по различным каналам: через кинофильмы, которые, к сожалению иногда демонстрируются на наших экранах, радиопередачи, письма, получаемые от родственников из-за границы, порнографические открытки и колоды карт, проникающие к нам через иностранных туристов и т. п.

В процессе криминологического изучения половых преступлений несовершеннолетних, нами были установлены случаи, когда они совершались непосредственно под влиянием подобного рода факторов. На это же обращает внимание и В. А. Яхонтов.[3]

Общие причины, объясняющие существование преступности в СССР, проявляются и конкретизируются в преступлениях, совершаемых отдельными лицами. Непосредственной причиной их совершения являются неблагоприятные условия нравственного формирования личности, приведшие к образованию у нее антиобщественной установки и конкретная жизненная ситуация, послужившая поводом к ее реализации.

---

[1] Krohne. Alkohol und Verbrechen; Juristisch — psychiatrische Grenzfragen VI, Heft 2—3.

[2] См. П. П. Осипов. Половые преступления. Автореф. канд. дисс. Л., 1966, стр. 13—14.

[3] В. А. Яхонтов. Предупреждение половых преступлений несовершеннолетних, Львов, 1966, стр. 99.

Определенное значение в рассматриваемом процессе имеют также условия, способствующие совершению преступления.[1]

Г. М. Миньковский характеризует непосредственные причины преступления как «совокупность обстоятельств, в результате воздействия которых на сознание, характер, психологию данного лица укрепились антиобщественные навыки и привычки, сформировался и реализовался конкретный преступный умысел».[2]

Непосредственные причины совершения преступления находятся в тесном и сложном взаимодействии друг с другом, различном для каждого отдельного преступления. К общим же причинам преступности в СССР они относятся как частное к общему.

С точки зрения предупреждения половых преступлений большое значение имеет установление причин, обуславливающих их совершение.

Для выявления этих причин должны быть выяснены, в результате проведения соответствующих криминологических исследований, во-первых, недостатки в условиях нравственного формирования личности, приводящие к созданию антиобщественной установки, обусловливающей совершение половых преступлений и характерные особенности, присущие этой установке; во-вторых, наиболее типичные жизненные ситуации, при наличии которых совершаются рассматриваемые преступления и в-третьих — условия, способствующие их совершению.

Основным в формировании антиобщественной установки, бесспорно, является конкретная среда, в которой происходит развитие личности преступника. Вместе с тем следует иметь в виду также и то, что влияние внешних условий на человека осуществляется не механически, а преломляясь через его психику, характер и темперамент.[3]

Поэтому при рассмотрении вопроса о недостатках в условиях нравственного формирования личности необходимо остановиться на том, какую роль в образовании антиобщественной установки играют психофизиологические особенности данного лица.

---

[1] См. Советская криминология. М., 1966, стр. 94; В. Н. Кудрявцев. Категория причинности в советской криминологии. «Советское государство и право», 1965, № 11, стр. 81.

[2] Сб. «Предупреждение преступлений», М., 1962, стр. 13.

[3] См. А. А. Герцензон. Предмет, метод и система советской криминологии. М., 1962, стр. 16—17.

Советские криминологи исходят из того, что преступность по своей природе является социальным явлением. и поэтому «никакие сочетания биологических элементов с социальными в объяснении причин преступности, в каких бы вариантах они ни предлагались, для советской правовой науки неприемлимы».[1] Так А. А. Герцензон пишет, что «всякое привнесение биологического аспекта в объяснение причин преступности как явления социального с неизбежностью приводит — и не может не приводить — к антинаучным и в конечном счете крайне реакционным политическим выводам».[2]

Исходя из этого совершенно правильного положения, ряд авторов утверждает, что «субъективные психологические черты необходимо исследовать лишь при изучени отдельного преступления. Что же касается изучения преступности в целом, то для выявления ее типичных черт, ее закономерностей, исследование указанных психологических особенностей личности не представляет особого интереса.[3]

Согласно другой точке зрения при изучении преступности внимание исследователей должно быть обращено с одной стороны на важнейшие сферы общественного существования личности (семейные, бытовые, производственные, общегражданские и т. п.), а с другой — на ее нравственные и физиологические особенности.[4]

Так, Н. С. Лейкина отмечает, что «нельзя, раскрывая личность, ограничиваться только указанием на совокупность общественных отношений». Личность преступника, как и всякая личность вообще, помимо социально-обусловленных черт, определяется также и биологически обусловленными — типом нервной системы, темпераментом, складывающимися на основе его задатками, в какой-то мере возрастными особенностями психики и т. п.[5]

---

[1] И. И. Карпец. О природе и причинах преступности в СССР. «Советское государство и право», 1966, № 4, стр. 82.

[2] А. А. Герцензон. Введение в криминологию, М., 1965, стр. 87.

[3] С. С. Остроумов. Преступность и ее причины. «Наука и жизнь», 1968, № 7, стр. 65.

[4] А. Б. Сахаров. Учение о личности преступника. «Советское государство и право», 1968, № 9, стр. 66—67.

[5] См. Н. С. Лейкина. Влияние личностных особенностей на преступность, «Советское государство и право» 1967, № 1, стр. 102—104.

Поэтому хотя основное значение в формировании личности принадлежит воздействию внешней среды, биологические особенности человека играют роль условий, способствующих или затрудняющих правильное нравственное формирование личности.[1]

Изложенную точку зрения разделяют и советские судебные психиатры. О. Е. Фрейеров отмечает, что отрицательные биологические свойства личности должны пониматься не как обуславливающие тенденцию к совершению преступных актов, а как «комплекс эмоциональных, волевых и интеллектуальных особенностей личности, благодаря которым опосредованно действующие социальные факторы более легко в соответствующей ситуации могут обусловить совершение преступления».[2]

Мы тоже считаем, что при изучении криминологами условий формирования антиобщественной установки личности преступника следует учитывать и его психофизиологические особенности, хотя они и не имеют решающего значения. «Психологические черты индивида... не имеют самодавлеющего значения в объяснении преступного поведения,— пишет В. Н. Кудрявцев,— но при неправильном нравственном воспитании они могут сыграть существенную отрицательную роль».[3]

Отрицание значения для криминологии, психологических особенностей преступника приводит к тому, что его личность отрывается от преступности в целом, в то время как это соотношение общего и частного.

Поэтому если психофизические особенности личности субъекта имеют значение в этиологии отдельного преступления, они должны играть такую же роль и в отношении преступности в целом.[4]

На то, что личность представляет собой сочетание социальных и психологических качеств обращал внимание В. И. Ленин. «...социолог-материалист,— писал он,— делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения».[1]

---

[1] В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., 1968, стр. 63; Он же. Социальная обусловленность преступного поведения и роль биологических факторов. «Социалистическая законность», 1967, № 6, стр. 50.

[2] О. Е. Фрейеров. О так называемом биологическом аспекте проблемы преступности. «Советское государство и право», 1966, № 10, стр. 111—112.

[3] В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 32.

[4] См. А. Б. Сахаров. Указ. статья, стр. 65.

Поэтому личность нельзя рассматривать только как социальный продукт развития общества, а нужно учитывать и выделяющие ее из числа других членов общества индивидуальные особенности.

Не следует опасаться и того, что учет психофизиологических особенностей личности при изучении причин совершения преступлений может привести к антинаучным выводам.

Реакционность буржуазных психо-криминологических теорий определяется не тем, что они связывают преступление с психикой, а тем, что они отрывают психику от социальных условий жизни человека, признают психологические свойства лица врожденными, предопределенными, неизменными.[2]

Вопрос о влиянии психофизиологических особенностей личности на формирование ее антиобщественной установки имеет особенное значение для половых преступлений, основной мотив совершения которых, как правило, носит сексуальный характер, а цель заключается в получении полового удовлетворения.

Исходя из этого, большинство буржуазных криминологов считает, что основной причиной совершения половых преступлений являются половые аномалии. Они рассматривают такие преступления как биологическое явление, корни которого заложены в самом организме или психическом складе преступника и не зависят от его сознания.[3] Так Е. Вульфен писал, что «половой преступник извращен весь, а не только в своих половых переживаниях, его исправление гораздо более трудная и маловероятная задача, чем исправление других преступников».[4]

Следует отметить, что эта порочная точка зрения получила определенное распространение в 20-х годах и среди советских криминологов и судебных психиатров.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

[2] См. А. Б. Сахаров. Некоторые вопросы развития советской криминологии. Тезисы научной конференции «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма», Л., 1963, стр. 81.

[3] См. Günter Schulz. Die Notzucht. Hamburg, 1958.

[4] E. Wulffen. Die Sexualferbrecher. Berlin, 1923, S. 12.

В. А. Внуков и А. О. Эдельштейн, рассматривая причины совершения половых преступлений, отмечали, что «отнюдь не будет преувеличением сказать, что ни одна глава криминологии не подлежит такому почти бесспорному исследованию именно психиатров, как глава этих (т. е. половых — Я. Я.) правонарушений».[1]

Исходя из биологической концепции причин половой преступности, ряд буржуазных криминологов в качестве эффективного средства борьбы с ней выдвигают лечение половых преступников психоанализом. Другие же предлагают широко применять к лицам, совершившим рассматриваемые преступления, принудительную кастрацию и стерилизацию.[2]

Антинаучность всех этих неоломброзианских теорий и вытекающих из них «средств» борьбы с преступностью, в том числе и с половыми преступлениями, глубоко раскрыты в трудах советских криминологов.[3]

Не останавливаясь на этом вопросе, мы перейдем к рассмотрению значения, которое имеет неправильное или гипертрофированное половое влечение в формировании антиобщественной установки лиц, совершающих половые преступления.

Хотя половое влечение и является прирожденной биологической потребностью человека, но на его проявление важнейшее влияние оказывают социальные факторы, в частности те требования, которые предъявляет общество к поведению своих членов. Оно подчиняется контролю сознания человека и воздействию социальной среды.

«Человек должен стремиться к своему совершенству и поставлять свое блаженство только в том, что сообразно с его долгом: вот основной закон нравственности» — писал В. Г. Белинский.[1]

---

[1] В. А. Внуков. и А. О. Эдельштейн. О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений. Сб. «Правонарушения в области сексуальных отношений», М., 1927, стр. 23.

[2] См. Э. А. Бабаян, Г. В. Морозов, Е. А. Попов, Н. И. Фелинская. Некоторые вопросы судебной психиатрии по материалам совещания в Копенгагене. «Судебномедицинская экспертиза», 1959, № 1.

[3] См. А. А. Герцензон. Неоломброзианство и кризис современной буржуазной криминологии. «Советское государство и право», 1965, № 11; Он же. Против биологических теорий причин преступности». «Вопросы предупреждения преступности», вып. 4, М., 1966, «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 5, М., 1967; Он же. Новейшая биопсихологическая концепция криминологии. «Правоведение», 1968, № 1; Ф. М. Решетников. Современная американская криминология. М., 1965.

Одна из особенностей полового влечения, как и других потребностей биологического характера, состоит в том, что эти потребности определяют цель поведения человека, но не средства для ее достижения. Как уже отмечалось, сама по себе цель удовлетворения половой потребности, не может рассматриваться как антиобщественная. Таковыми могут быть только запрещенные законом средства, применяемые для этого.

В. Н. Кудрявцев в связи с указанным отмечает, что нелепо видеть причину половых преступлений в самом факте сексуального влечения. «Мы судим виновного,— пишет он,— не за эту потребность, а за антиобщественные средства ее удовлетворения (насилие, развращение малолетних и т. п.). Выбор этих средств всегда обусловлен сочетанием антисоциальных качеств данной личности и конкретных жизненных обстоятельств, в которых она действует».[2]

Как общее правило, деятельность человека, в том числе направленная на удовлетворение полового влечения, подчинена контролю его сознания, которое вырабатывает соответствующие нравственные преграды против импульсивных действий, связанных с удовлетворением этой потребности. В частности, такими преградами являются нормы коммунистической морали, определяющие отношения между полами в нашем обществе. Большое значение для направления полового влечения в надлежащее русло имеет также сосредоточение интересов личности на ее общественной и трудовой деятельности, увлечение наукой, искусством и спортом, которые сублимируют влечения сексуального характера и не дают им возможности занять основное место в сознании человека.

Поэтому, как правильно отмечает П. П. Осипов, чем уродливее развита у того или иного субъекта социальная сторона половой потребности, т. е. чем больше ее несоответствие принципам, определяющим при социализме поведение людей в сфере половой жизни, тем значительнее возможность совершения субъектом полового преступления.[3]

---

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. 1, М., 1948, стр. 297.

[2] В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 65—66.

[3] П. П. Осипов. Указ. автореф. канд. дисс., стр. 13

Одной из причин, объясняющих происхождение антиобщественной установки несовершеннолетних, совершающих половые преступления, является разрыв между их физиологической и социальной зрелостью. Дело в том, что половое созревание подростков происходит сейчас значительно раньше, чем в начале 30-х годов.[1] Однако это далеко не во всех случаях сопровождается необходимым умственным развитием, дающим возможность сдерживать пробудившееся половое влечение и контролировать свое поведение в половой сфере.

Отсюда вытекает важнейшее значение для предупреждения половых преступлений надлежащего полового воспитания детей и подростков, задачей которого является установление правильных взглядов на отношения между полами и как следствие этого оказание сдерживающего влияния на половую потребность человека.

Исходя из изложенного, должен быть дан ответ и на вопрос о том, какое влияние на совершение половых преступлений оказывают аномалии полового влечения.

Если ненормальное половое влечение имеет место у лица, которое не может отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими в силу душевной болезни или слабоумия, то такое лицо как невменяемое субъектом преступления вообще быть не может, к нему применяются принудительные меры медицинского характера и его общественно опасные действия, нарушающие половую неприкосновенность или половую свободу другого лица, преступлением не считаются.

Что же касается вменяемых лиц с извращенным половым влечением, в частности психопатов, то они полностью отвечают за свои противоправные действия, связанные с его удовлетворением.

Указанное объясняется тем, что, несмотря на имеющиеся у таких лиц психические отклонения, ведущими в их поведении остаются социально-психологические, т. е. нормальные психические доминанты.[2] Поэтому психопатия и аномальное половое влечение сами по себе не дают оснований видеть в страдающих ими лицах потенциальных половых преступников. Кроме того, специальные исследования показывают, что среди преступников психопаты составляют лишь 1—2%[1] и нет никаких оснований считать, что среди лиц, совершающих половые преступления, удельный вес психопатических личностей выше, чем среди других преступников. Например, из 93 психопатов, бывших на испытании в Центральном научно-исследовательском институте судебной психиатрии имени В. П. Сербского, у которых были установлены достаточно выраженные, но не исключающие вменяемости аномалии, к ответственности за совершение половых преступлений привлекалось только 16 человек.[2]

---

[1] См. В. С. Соловьева. Изучение полового созревания подростков нескольких районов Советского Союза. Доклады на VII Международном конгрессе антропологических наук в августе 1964 г., М., 1964.

[2] См. Д. Р. Лунц. Оценка судом психических аномалий обвиняемого, не исключающих вменяемости. «Правоведение», 1968, № 2, стр. 87.

Судебные психиатры на основе многочисленных наблюдений утверждают, что психические аномалии, наблюдающиеся у преступников, как правило, переплетаются у них со стойкими антисоциальными тенденциями и навыками. Учитывая это, Д. Р. Лунц отмечает, что нет никаких оснований для досрочного освобождения от отбытия наказания лиц, страдающих такими психическими аномалиями, не исключающими их вменяемости, как сексуальные извращения, наркомания и алкоголизм.[3]

«В настоящее время,— пишет О. Е. Фрейеров,— достаточно единодушной является точка зрения, что психически неполноценные (психопаты, олигофрены и др.) могут конечно совершать криминальные акты, но ни о какой биологической обусловленной тенденции этих лиц к криминальному поведению не может быть и речи».[4]

Однако наличие у лица психопатии имеет все же определенное значение для формирования у него антиобщественной установки, могущей привести к совершению полового преступления.[5]

Это связано с тем, что психопатические личности легче чем лица со здоровой психикой поддаются отрицательным влияниям. Кроме того, на них особо вредное воздействие оказывает алкоголь, к которому они легко привыкают.

---

[1] См. Н. С. Лейкина. Указ. статья, стр. 104.

[2] Д. Р. Лунц. Указ. статья, стр 89.

[3] Там же, стр. 93.

[4] О. Е. Фрейнеров. Указ. статья, стр. 110.

[5] В свою очередь и сами психопатии не являются непосредственным следствием врожденных особенностей нервной системы, а возникают под влиянием неблагоприятных условий формирования личности. (М. С. Лебединский, В. И. Мясищев, Введение в медицинскую психологию. М., 1966, стр. 16).

Так, по данным института имени В. П. Сербского, из 850 испытуемых психопатов 75% находились в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения, причем эти преступления не имели никакой связи с их психопатией. [1]

Значение психопатии в формировании личности проявляется и в том, что она затрудняет приобретение таким лицом стойких навыков социального поведения, в силу чего при соответствующей ситуации биологическая сторона полового влечения может оказаться превалирующей и привести к совершению преступления.

Однако при благоприятных условиях формирования его личности, психопат преступления не совершит, несмотря на патологический склад своего характера и наличие у него аффективно-волевых нарушений, в том числе и ненормального полового влечения.

Таким образом, хотя непосредственной причиной совершения половых преступлений является антиобщественная установка личности преступника, противоречащая половой морали и правилам социалистического общежития, но на возникновение этой установки оказывают влияние неблагоприятные факторы формирования личности, которые как отмечалось, носят прежде всего социальный характер. И. П. Павлов подчеркивал, что «образ поведения человека зависит от постоянного воспитания и обучения в самом широком смысле этого слова». [2]

Советская криминология исходит из социального характера факторов, порождающих преступность, поскольку формирование личности прежде всего и в главном обусловлено именно этими факторами.[3] Психофизиологические качества человека являются лишь основой формирования его личности. Качественная же сторона личности, то, чем станет человек в политическом, нравственном и других отношениях, определяется, в первую очередь, его бытием и воспитанием.

Условия нравственного формирования человека непосредственно связаны с характером данной общественной формации, которая определяет общее направление развития личности.

---

[1] См. О. Е. Фрейеров. Указ, статья, стр. 110.

[2] И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн. 2, стр. 269.

[3] См. А. С. Шляпочников. Некоторые актуальные проблемы советского уголовного права и криминологии. М., 1966, стр. 54.

Однако общественный строй влияет на человека не столько сам по себе, сколько через окружающую его среду. Поэтому формирование личности происходит под влиянием не только общественных условий существования в целом, но и непосредственных условий среды, определяющей образ жизни данного лица. [1]

На формирование отдельной личности решающее воздействие оказывают обстановка и условия воспитания в семье и в школе, участие в общественном труде, влияние производственного коллектива и ближайшего бытового окружения.

Процесс нравственного формирования человека начинается с раннего детства и продолжается всю его жизнь. Однако решающее значение в этом процессе имеет период перехода от детства к юности. Именно в это время у лица начинают формироваться нравственные принципы и убеждения, которыми он руководствуется в своей дальнейшей жизни. Поэтому для формирования личности огромное значение имеет ее воспитание в детском и юношеском возрасте.

А. С. Макаренко отмечал, что «воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывают все: люди, вещи, явления. Но прежде всего и больше всего люди. Из них на первом месте—родители и педагоги».[2]

Семейное и общественное, в первую очередь, школьное воспитание, тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Специфика семейного воспитания заключается в его эмоциональном характере, так как в его основе лежит взаимная любовь родителей и детей. «Огромная задача стоит перед вами,— писал Ф. Э. Дзержинский своим родным,— воспитать и сформировать души Ваших детей. Будьте зорки! Ибо вина или заслуга детей в огромной степени ложится на голову и совесть родителей». [3]

Значение же коллективного, в частности школьного воспитания, состоит в том, что «только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков».[1]

---

[1] Там же, стр. 51.

[2] А. С. Макаренко. Соч., т. 4, М., 1957, стр. 20.

[3] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. 1, М., 1957, стр. 495.

Именно в коллективе лицо приобщается к социальной жизни, расширяет свой кругозор и опыт, познает требования, которые к нему предъявляет общество.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением В. А. Яхонтова о том, что главную ответственность за формирование личности должна нести семья, а школа отвечает за это только в той мере, какой она в состоянии исправить дефекты семейного воспитания.[2] Мы полагаем, что роль семьи и школы в воспитании личности и в формировании ее нравственных принципов является равнозначной.

Рассматривая факторы, влияющие на формирование личности, следует иметь в виду, что различие между благоприятными и неблагоприятными условиями ее формирования заключается не в различии этих факторов, а в том воздействии, которое они на данную личность оказывают. Нравственный облик правонарушителя так же как и личность морально устойчивого гражданина формируются в тех же самых (внешне) сферах общественной жизни: в семье, школе, трудовом коллективе и т. п. Однако характер взаимоотношений с людьми, содержание поступков, особенности интересов в первом и во втором случаях могут быть глубоко различны.[3]

Советскими криминологами подробно раскрыты основные недостатки семейного воспитания, школьного обучения, деятельности отдельных коллективов трудящихся и ближайшего бытового окружения, неблагоприятно влияющие на формирование личности.[4]

Поэтому мы остановимся только на специфических недостатках, способствующих формированию антиобщественной установки у лиц, совершающих половые преступления.

Для формирования этой установки решающее значение имеют недостатки нравственного воспитания в семье и школе, а также отрицательное воздействие непосредственного бытового окружения.

Особое значение этих факторов связано в частности с тем, что этические взгляды на отношения между полами формируются в юношеском возрасте. Неслучайно поэтому значительная часть половых преступлений и в частности изнасилований совершается подростками.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 75.

[2] В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 90.

[3] См. В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 18—20.

[4] См. Советская криминология, 1966, стр. 96—99; А. С. Шляпочников. Указ. статья.

Так, по изученным нами делам возраст лиц, осужденных за половые преступления, характеризуется следующими данными:[1]

Возраст	Число осужденных в процентах			
	ст. 121 УК	ст. 123 УК	ст. 124 УК	ст. 125 УК
От 14 до 16 лет	4,0	—	—	—
От 16 до 18 лет	15,8	—	12,4	—
От 18 до 20 лет	14,1	12,8	—	17,4
От 20 до 25 лет	18,2	36,1	—	22,2
От 25 до 30 лет	23,3	40,5	—	25,0
От 30 до 40 лет	15,4	4,5	30,1	11,4
От 40 до 50 лет	4,7	3,9	32,3	6,2
Свыше 50 лет	4,5	2,2	25,2	17,8

Из указанной таблицы видно, что 33,9% осужденных за изнасилование, не достигли 20-летнего возраста, а в возрасте до 30 лет было осуждено 75,4% совершивших это преступление. Несколько другую картину представляет возраст осужденных по ст. 123 УК. Ими в основном являются лица в возрасте от 20 до 30 лет (76,6%). Это связано с тем, что, как отмечалось, указанное преступление в условиях Таджикской ССР чаще всего совершается как следствие вступления в брак с несовершеннолетней девушкой по обычаям прошлого старого быта.

Что же касается возраста осужденных по ст. 124 УК, то 87,6% из них старше 30, а 25,2%—50 лет, что также находится в непосредственной связи с характером данного полового преступления, в ряде случаев совершаемого лицами, с ослабленной половой потенцией.

Весьма неблагополучную картину дает анализ возраста осужденных по ст. 125 УК, из которых 17,4% составляют юноши, не достигшие 20 лет, а 58,6% — лица, в возрасте от 20 до 40 лет.

---

[1] Ввиду того, что число лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных по ст. 122 УК в Таджикской ССР очень незначительно, данные о них в этой и последующих таблицах не приводятся.

Сведения о семейном положении лиц, осужденных за половые преступления, по изученным нами делам видны из следующей таблицы.

Семейное положение	Число осужденных в процентах			
	ст. 121 УК	ст. 123 УК	ст. 124 УК	ст. 125 УК
Холост	62,2	49,9	33,3	72,2
Женат	34,4	47,2	66,7	27,8
Вдовец	—	—	—	—
Разведен	3,4	2,9	—	—

Таким образом, из общего числа лиц, осужденных за изнасилование, женатые составляют 34,4%, а из осужденных за совершение развратных действий —66,7%, что находится в непосредственной связи с их возрастом.

Определенный интерес представляет и то обстоятельство, что 27,8% осужденных за мужеложство были женатыми, что же касается семейного положения осужденных по ст. 123 УК из которых 47,2% были женаты, следует учитывать, что вступление в брак по обычаям прошлого старого быта, с которыми связана большая часть дел этой категории, часто имеет место без расторжения предыдущего брака.

Для того чтобы получить более полное представление об осужденных за совершение половых преступлений по изученным нами делам, следует привести также данные о их социальном положении.

Социальное положение	Число осужденных в процентах			
	Ст. 121 УК	Ст. 123 УК	Ст. 124 УК	Ст. 125 УК
Рабочие квалифицированные	30,0	17,3	11,1	34,1
Неквалифицированные	14,2	10,2	34,5	18,1
Шоферы	12,4	13,3	11,1	—
Служащие	9,0	10,2	21,0	5,2
Инженерно-технические работники	9,0	6,1	10,1	—
Учителя	1,3	4,1	—	6,0
Колхозники	6,1	28,6	—	26,2
Учащиеся средней школы	3,0	—	—	5,2
Учащиеся ПТУ	—	4,1	—	—
Учащиеся техникума	3,0	—	—	—
Лица без определенных занятий	12,0	6,1	12,2	5,2

Из приведенной таблицы обращает на себя внимание, что среди осужденных за совершение изнасилований 6,0% были учащимися и 12,0% — лица без определенных занятий. Последние это в большинстве подростки, исключенные из школы или бросившие ее и неустроившиеся на работу.

Обращает на себя также внимание большой удельный вес среди осужденных за половые преступления рабочих, что свидетельствует о серьезных недостатках идеологической работы на предприятиях. Кроме того, из осужденных по ст. 121 УК — 12,4% шоферы. Последнее связано с профессиональной возможностью создания благоприятной ситуации для совершения изнасилования, чем пользуются встречающиеся среди них лица с антисоциальной установкой.

Весьма тревожным является и тот факт, что среди осужденных имеются учителя, причем из числа лиц, осужденных по ст. 125 УК, они составляют 6%, а из осужденных по ст. 123 УК — 4,1%.

Возвращаясь к рассмотрению основных факторов, способствующих неправильному нравственному формированию личности половых преступников следует отметить, что основные недостатки семейного воспитания можно подразделить на две группы. Это, во-первых, ненормальная обстановка внутри семьи, скандалы, алкоголизм, развратное поведение родителей и т. п., и во-вторых, отсутствие должного внимания со стороны родителей к формированию нравственных качеств своих детей, к воспитанию у них необходимых навыков поведения в обществе.

Все эти недостатки носят субъективный характер. Что же касается объективных условий семейного воспитания, то среди них в литературе указывается на неудовлетворительные жилищные условия.[1]

Жилищные условия осужденных за половые преступления по изученным делам видны из следующей таблицы.

---

[1] См. В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 85; Ю. К. Сущенко. Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1967, стр. 15.

Жилищные условия	Число осужденных в процентах			
	Ст. 121 УК	Ст. 123 УК	Ст. 124 УК	Ст. 125 УК
Собственный дом	66,6	83,7	77,7	78,9
Отдельная квартира	11,1	4,3	22,3	10,7
Отдельная комната	11,2	5,9	—	5,1
Общежитие	7,4	6,1	—	—
Снимал койку	1,8	—	—	5,3
Не имел постоянного жилья	1,9	—	—	—

При анализе этих данных следует иметь в виду, что в условиях Таджикской ССР индивидуальный жилищный фонд имеет еще значительный удельный вес, чем и объясняется то обстоятельство, что большинство из осужденных жили в собственном доме. Приведенная таблица не дает оснований считать, что плохие жилищные условия имели значение для формирования антиобщественной установки лиц, осужденных за половые преступления. Вместе с тем даже при удовлетворительных жилищных условиях в некоторых семьях родители не понимают необходимости скрывать от детей свои интимные отношения и тем самым преждевременно пробуждают в них сексуальное любопытство.

В числе ненормальных условий, носящих объективный характер, в литературе указывается на отсутствие у детей одного из родителей.

Так, Л. А. Андреева отмечает, что 80% несовершеннолетних, осужденных за изнасилование, по изученным ею делам не имели отца, что отрицательно сказалось на их нравственном формировании.[1]

Однако по сведениям приведенным другими авторами, большинство осужденных за изнасилование подростков имело родителей. [2] Это же подтверждается и нашими данными, согласно которым 78% несовершеннолетних, осужденных за половые преступления, жили с отцом и матерью.

В качестве общего правила интеллектуальный уровень осужденных за половые преступления очень низкий. Их характеризует узость кругозора и ограниченность интересов. Однако следует отметить, что по изученным нами делам значительная часть осужденных за эти преступления имели среднее образование, что видно из следующей таблицы.

---

[1] Л. А. Андреева. Состав преступления изнасилования в советском уголовном краве. Канд. дисс., Л., 1962. стр. 150.

[2] См. В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 85.

Образование	Число осужденных в процентах			
	Ст. 121 УК	Ст. 123 УК	Ст. 124 УК	Ст. 125 УК
Неграмотный	—	2,1	33,4	5,5
До 4-х классов включительно . .	7,2	14,7	11,2	27,5
До 7 классов включительно . . .	30,1	32,4	33,4	33,6
До 10 классов включительно . .	54,3	46,6	22,0	22,2
Среднее специальное	2,4	4,2	—	—
Незаконченное высшее	1,9	—	—	11,2
Высшее	4,1	—	—	—

В приведенной таблице обращает на себя внимание, что 44,6% лиц, осужденных по ст. 124 УК и 33% осужденных по ст. 125 УК, являются неграмотными или имеют образование в пределах 4-х классов. Это объясняется тем, что как видно из приведенных выше данных, в числе осужденных по ст. 124 УК лица в возрасте свыше 40 лет составили 57,5% и среди осужденных по ст. 125 УК —24,0%

Годы детства и юношества этих осужденных совпали таким образом с периодом, когда всеобщее обучение в нашей республике находилось еще в зачаточном состоянии.

Иную картину представляет образовательный уровень осужденных по ст. 121 УК, из которых 62,7% имеет образование не ниже 8-и классов. Обращает на себя внимание, также и то, что 8,4% осужденных по ст. 121 УК имели среднее специальное, незаконченно высшее и высшее образование, а 11,2% осужденных по ст. 125 УК — незаконченное высшее образование.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что школа еще недостаточно воспитывает у учащихся нравственные чувства, уважение к правилам социалистического общежития, умение владеть собой, способность противостоять вредным влияниям.

Серьезным недостатком в работе школы является также необоснованное исключение «трудных» подростков или перевод их в вечерние школы для взрослых.

В результате этого такие подростки остаются предоставленными самим себе и легко попадают под влияние развращенных старших товарищей, привычных гомосексуалистов, рецидивистов и т. п. Неслучайно, 12% осужденных за изнасилование, по изученным нами делам, были несовершеннолетними, не имеющими определенных занятий.

Если даже исключенный из школы или бросивший ее подросток устраивается на работу, то не всегда коллектив, в который он попадает, оказывает на него необходимое воспитательное воздействие.

Плохая дисциплина труда, сквернословие, прогулы, пьянки, особенно в дни получки, имеющие место в отдельных коллективах, оказывают на рабочего-подростка самое отрицательное влияние, и недостатки его нравственного воспитания в семье и школе не только не выправляются, но и усугубляются.

Отсутствие должного нравственного воспитания в семье, школе и на производстве приводит к тому, что отдельные подростки поддаются разлагающему влиянию антиобщественных элементов, пьяниц, развратников.

К отрицательному влиянию указанных неблагоприятных условий формирования личности объективного характера присоединяются и некоторые особенности субъективного характера, также способствующие формированию антиобщественной установки.

Как отмечалось, формирование нравственных взглядов, в том числе относящихся к взаимоотношениям между полами, происходит в подростковом возрасте, который имеет ряд особенностей. К этим особенностям в частности относится склонность к подражанию, легкая внушаемость, возбудимость и неуравновешенность поведения подростков. Стремление их к самостоятельности и независимости приводит к тому, что они по неопытности допускают ошибки в оценке различного рода явлений. Особенно часто такие ошибки, ввиду отсутствия полового воспитания, допускаются подростками в вопросах, относящихся к отношениям между полами. Кроме того, многие подростки считают грубость, резкость, цинизм признаком мужества. Поэтому они культивируют у себя эти черты и считают такие чувства как чуткость, внимательность, стыдливость, проявлением слабодушия и мягкотелости. Изучение дел о групповых изнасилованиях показывает, что в ряде случаев побудительным мотивом к совершению этого преступления, наряду с сексуальным любопытством, является желание показать себя взрослыми перед товарищами, проявить перед ними свою удаль.

Указанные отрицательные особенности психики подростков в известной мере связаны с их половым созреванием. Однако при наличии надлежащего воспитания и нормальных условий в семье, должным образом поставленной воспитательной работе в школе или на производстве, эти особенности не проявляются и со временем проходят.

В условиях же нездоровой бытовой обстановки, под влиянием общения с развращенными товарищами, циничных разговоров взрослых, обостряющих просыпающееся у подростков половое влечение, отрицательные особенности их возраста, проявляются в озорстве, хулиганстве, а также в совершении групповых изнасилований.

Даже если такой подросток преступления не совершит, то приведенные недостатки его нравственного воспитания отразятся на формировании его личности. Став взрослым, такое лицо под влиянием неблагоприятной ситуации может совершить половое преступление, так как его взгляды и воззрения на отношения между полами и половую жизнь не создают необходимого барьера для сдерживания полового инстинкта.

Среди субъективных факторов, отрицательно влияющих на формирование личности и приводящих к ее антиобщественной установке, особое место принадлежит пьянству.

Недостатки семейного и школьного воспитания равно как и отрицательное влияние товарищей и взрослых из непосредственного бытового окружения, способствуют тому, что иногда уже с подросткового возраста лицо приучается употреблять спиртные напитки, что в свою очередь оказывает деморализующее влияние на его психику.

Систематическое употребление алкоголя во всех случаях неизбежно приводит к понижению интеллекта, искажает этические представления, парализует волю лица и влечет за собой утрату чувства стыдливости при одновременном усилении полового влечения. «Первое действие алкоголя на человека заключается в ослаблении тормозного процесса...— отмечает И. П. Павлов.— Он (пьяный) скинул с себя долю торможения, которое обусловливается социальной жизнью...» [1]

Поэтому неслучайным является, как показывает судебная практика, что наиболее гнусные половые преступления (изнасилование малолетних девочек, дочерей и других близких родственниц, мужеложство с детьми и т. п.), как правило, совершают привычные алкоголики, личность которых подверглась полному распаду, хотя они и вменяемы.

Таким образом, если опьянение в ряде случаев является непосредственным поводом к совершению полового преступления, то алкоголизм представляет собой важнейший фактор формирования антиобщественной установки таких лиц.

Рассмотренные объективные и субъективные неблагоприятные условия формирования личности постепенно приводят к тому, что у лица появляются антиобщественные взгляды, убеждения, привычки, претворяющиеся в нормы его поведения. Такое лицо рано начинает пить, курить, становится циничным и грубым. У него появляется гипертрофированный интерес к сексуальным вопросам, которому сопутствует неправильное, извращенное представление об отношениях между полами и пренебрежительный взгляд на женщину. Эти антиобщественные и циничные воззрения в конце концов претворяются в отрицательные поступки, а последние, оставшись безнаказанными, еще больше укрепляют антиобщественную установку данного лица, явившуюся следствием неправильного нравственного формирования личности.

Понятие установки разработано психологами, которые этим термином обозначают систему социальной ориентации данной личности, направленность ее сознания, готовность воспринимать и действовать определенным образом.

Так, С. Л. Рубинштейн пишет, что «установка личности — это занятая личностью позиция, которая заключается в определенном отношении к стоящим перед ней целям и задачам и выражается в избирательной мобилизованности и готовности к деятельности, направленной на их осуществление».[1]

---

[1] Павловские среды, т. II, М., 1949, стр. 79.

Антиобщественная установка личности, как обобщенное понятие представляет собой индивидуалистическую жизненную ориентацию, пренебрежение нормами правопорядка и социалистической нравственности, безразличие к выбору средств для достижения своих целей, негативное отношение к общественным нуждам и интересам.[2]

Вопрос о том, во всех ли случаях антиобщественная установка обязательна для лица, совершившего преступление, является спорным. Некоторые авторы полагают, что в целом ряде преступлений, предполагающих неосторожную вину субъекта, наличие у него такой установки не является обязательным.[3] Однако, что касается половых преступлений, то необходимость для их совершения антиобщественной установки не вызывает никакого сомнения, хотя она по своей стойкости и глубине может быть различной.

Анализ дел о половых преступлениях и личностных особенностей их субъектов свидетельствует о том, что антиобщественная установка последних характеризуется следующими особенностями:

— крайним индивидуализмом и эгоизмом, пренебрежительным отношением к другим лицам, особенно к женщинам и ко всему обществу в целом;

— цинизмом и отсутствием нравственных идеалов, что особенно проявляется во взглядах, относящихся к отношениям между полами и к половой жизни. Отсюда вытекает и полная неразборчивость средств удовлетворения своей половой потребности;

— общей низкой культурой и узостью интересов, которые сосредоточиваются на употреблении алкоголя, азартных играх, в половом удовлетворении и т. п.;

— отсутствием сознания неотвратимости наказания за противоправные действия в области половых отношений.

---

[1] С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 624.

[2] В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 33—34.

[3] См. А. Б. Сахаров. Учение о личности преступника. «Советское государство и право», 1968, № 9, стр. 65—66; Н. С. Лейкина. Указ. статья, стр. 103.

Антиобщественная установка складывается у лица постепенно, так как наряду с отрицательными влияниями в нашем социалистическом обществе на человека воздействует большое число положительных факторов, связанных с особенностями нашего социалистического строя, которые в целом гораздо сильнее и многочисленнее, чем влияния отрицательные. Поэтому, для того чтобы привести к антиобщественной установке отрицательные влияния, должны в своей совокупности воздействовать на данное лицо длительное время.[1] Кроме того, у лица всегда имеется возможность противостоять этим влияниям, победить их в своем сознании и поведении. В той же степени как отрицательные поступки усугубляют антиобщественную установку личности, поступки положительные, особенно если для их совершения прилагаются нравственные усилия, благоприятно сказываются на ее самосознании и нравственных качествах.[2]

Поэтому возникновение у лица антиобщественной установки отнюдь не означает, что оно обязательно должно совершить преступление. Для того, чтобы преступление было совершено, одной антиобщественной установки еще недостаточно, а необходимы также благоприятные условия, которые способствовали бы ее проявлению. Таким образом, устранение условий, способствующих возникновению подобного рода благоприятной ситуации, одновременно имеет и большое значение для того, чтобы возможности совершения преступления, заложенные в антиобщественной установке, не претворились в действительность.

Проявлению антиобщественной установки в конкретном преступлении препятствует также сознание неотвратимости наказания за его совершение.

Наличие рецидива доказывает, что наказание не достигло своего предупредительного значения и не привело ни к перевоспитанию осужденного, ни к изменению его антиобщественной установки.

С этой точки зрения интересно рассмотреть данные по изученным нами делам о прошлой судимости лиц, совершивших половые преступления.

---

[1] В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 128.

[2] Там же.

Наименование преступления, за которое имеется судимость	Общее количество осужденных в процентах							
	Ст. 121 УК		Ст. 123 УК		Ст. 124 УК		Ст. 125 УК	
	одна судимость	неск. судимостей	одна судимость	неск. судимостей	одна судимость	неск. судимостей	одна судимость	неск. судимостей
За половые преступления	1,8	—	—	—	—	—	5,5	—
За хулиганство	—	—	—	—	11,1	—	—	21,4
За преступления против личности (кроме половых)	1,9	—	—	—	—	—	—	10,6
За прочие преступления	10,4	5,0	4,0	—	22,0	11,1	26,3	15,9
Всего:	14,1	5,0	4,0	—	33,1	11,1	31,8	47,9

Из указанной таблицы видно, что наибольший процент рецидива наблюдается у лиц, осужденных по ст. 125 УК. Выше отмечалось, что это свидетельствует о неудовлетворительной работе отдельных исправительно-трудовых учреждений и об отсутствии в их деятельности должного надзора за поведением заключенных.

Обращает на себя также внимание и незначительный удельный вес специального рецидива. Только 5,5% осужденных по ст. 125 УК и 1,8% по ст. 121 УК имели до этого одну судимость за совершение аналогичных преступлений.

Указанное еще раз свидетельствует о том, что психофизиологические факторы, в частности аномалии полового влечения, не играют какой-либо существенной роли в совершении половых преступлений, так как в противном случае специальный рецидив по ним был бы гораздо выше. С другой стороны значительный удельный вес общего рецидива среди лиц, осужденных за половые преступления, подтверждает значение антиобщественной установки, как основной причины совершения таких преступлений.

Как отмечалось, наличие у лица антиобщественной установки только обусловливает возможность, но не предопределяет совершение им полового преступления. Для этого необходимо наличие конкретной жизненной ситуации, в которой эта установка получает реализацию.

Реагируя на сложившуюся ситуацию, человек действует в соответствии со складом своего характера и сложившимися у него суждениями или взглядами. Именно здесь, как правильно отмечает В. Н. Кудрявцев, лежит узловой пункт механизма совершения конкретного преступления, представляющего собой результат взаимодействия конкретной жизненной ситуации и свойств личности.[1]

Под конкретной жизненной ситуацией понимается определенное сочетание объективных обстоятельств, влияющих на поведение лица в данный момент.

В криминологическом смысле под жизненной ситуацией понимается событие или состояние, вызвавшее решимость совершить общественно опасное действие, приводящее к преступному результату.[2]

Жизненная ситуация, предшествующая совершению преступления, может явиться следствием объективных, независящих от воли и сознания преступника обстоятельств, а может быть специально создана им в целях совершения преступления.

Понятие жизненной ситуации шире, чем понятие повода к совершению преступления, под которым понимается определенное внешнее для данного лица обстоятельство, которое вызывает у него решимость совершить данное преступление.[3]

В то время как жизненная ситуация охватывает весь комплекс внешних обстоятельств, приведших к совершению преступления, в том числе и условия, благоприятствующие этому намерению, повод к совершению преступления это только один из элементов жизненной ситуации. При наличии стойкой и ярко выраженной антиобщественной установки, преступление может быть совершенно и без всякого видимого повода, в частности это имеет место в ряде случаев групповых изнасилований, совершаемых несовершеннолетними.

Для криминологического изучения механизма совершения преступлений, в том числе половых, большое значение имеет выявление типичных жизненных ситуаций, предшествующих их совершению.

До того, как остановиться на таких ситуациях, следует рассмотреть некоторые обстоятельства совершения половых преступлений по изученным нами делам.

---

[1] В. Н. Кудрявцев. Указ. работа, стр. 39.

[2] Там же, стр. 38.

[3] Советская криминология, М., 1966, стр. 100.

Распределение этих преступлений по временам года характеризуются следующими данными:

Время года	Число осужденных в процентах			
	Ст. 121 УК	Ст. 123 УК	Ст 124 УК	Ст. 125 УК
Зимние месяцы	16,5	12,2	33,4	37,4
Весенние месяцы	32,5	28,2	33,3	20,8
Летние месяцы	32,1	38,5	11,1	20,2
Осенние месяцы	18,9	21,1	22,2	21,6

Как видно из этих данных, наибольшее число изнасилований (64,6%) совершалось весной и летом. Это связано с тем, что значительная часть таких преступлений совершается в уединенных местах, найти которые легче весной и летом, чем в зимние и осенние месяцы. Что же касается других видов половых преступлений, то их сезонные колебания носят, по нашему мнению, случайный характер.

Время совершения рассматриваемых преступлений видно из следующей таблицы:

Время совершения	Число осужденных в процентах			
	Ст. 121 УК	Ст. 123 УК	Ст. 124 УК	Ст. 125 УК
Утро	4,1	6,1	—	—
День	16,4	45,7	67,1	42,3
Вечер	56,9	48,2	22,2	44,4
Ночь	22,6	—	10,7	13,3

Таким образом, основное количество изнасилований (79,5%) совершается в вечернее и ночное время. Что же касается развратных действий и мужеложства, то значительная часть этих преступлений совершается в дневное время. Это связано с тем, что потерпевшими от них часто бывают гуляющие во дворе, на улице или в саду дети.

Определенный интерес представляет распределение половых преступлений по месту их совершения, которое характеризуется следующими данными;

Место происшествия	Число осужденных в процентах			
	Ст. 121 УК	Ст. 123 УК	Ст. 124 УК	Ст. 125 УК
1. Городская местность	60,5	18,4	66,7	70,5
в том числе:				
квартира виновного	12,2	12,3	31,4	29,7
квартира потерпевшего лица	10,6	2,0	18,6	—
подъезды, подвалы, чердаки, общественные уборные	3,4	2,1	—	18,8
дворы и переулки	21,2	—	—	16,5
парки, кладбища, сады	13,1	2,0	16,7	5,5
2. Сельская местность	39,5	81,6	33,3	29,5
в том числе:				
Квартира виновного	1,7	66,2	31,2	—
Квартира потерпевшей	5,2	9,3	—	—
Лес, поле, горы, кладбище	15,3	2,1	2,1	20,7
Проезжая дорога	8,6	2,0	—	—
Служебные помещения	8,7	2,0	—	8,8

Таким образом, большинство половых преступлений совершается в городских местностях. Исключение составляет ст. 123 УК. Совершение этого преступления в 81,6% случаях, имело место в сельской местности. Это объясняется тем, что вступление в брак с несовершеннолетней по обычаям прошлого старого быта, чаще всего связанное с половым сношением с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, распространено главным образом в сельской местности.

Обращает на себя внимание, что 37,7% изнасилований и 40,8% случаев мужеложства в городской местности совершается в подъездах, подвалах, чердаках, общественных уборных, дворах, парках, кладбищах. Это свидетельствует о серьезных недостатках в работе органов милиции и народных дружин. Почти аналогичное положение имеет место и в сельской местности. Что же касается преступлений, предусмотренных ст. 124 УК, то они большей частью совершаются на квартире виновного, а в городе также в парках и садах.

Анализ дел о половых преступлениях свидетельствует, что жизненная ситуация, под воздействием которой возникает умысел на их совершение, бывает двоякого рода, она возникает или в силу объективного стечения обстоятельств, или такие обстоятельства специально создаются виновным в целях совершения преступления.

Изучение судебной практики дает возможность установить типичные ситуации, при которых чаще всего совершаются половые преступления.

Для изнасилования к ситуациям, вызванным объективным стечением обстоятельств, относятся:

— случайная встреча с незнакомой женщиной в уединенном месте;

— непреднамеренное нахождение наедине с малознакомой женщиной. Такая ситуация в частности создается у шофера и пассажира, у лиц, оказавшихся случайно вдвоем в купэ поезда или в изолированной квартире и т. п.;

— случайная встреча с женщиной (девочкой), беспомощное положение которой, связанное с ее возрастом или физической либо психической болезнью, дает возможность использовать его для совершения с ней полового сношения.

К этим же ситуациям примыкают и часто встречающиеся случаи, когда исходя из поведения потерпевшей виновный считал, что она согласна на половую связь с ним, но, встретив сопротивление, решается на ее изнасилование.

В подобного рода ситуациях умысел на изнасилование возникает у субъекта с антиобщественной установкой внезапно под влиянием сложившейся обстановки.

По изученным нами делам это имело место в 75,9% случаях изнасилования.

Ситуации, специально создаваемые с целью совершения изнасилования, обычно сводятся к следующим:

— виновный хитростью завлекает потерпевшую, с которой он до этого был знаком, в заранее выбранное уединенное место (квартиру, парк, лес и т. п.);

— виновный, наметив жертву, под влиянием угрозы или насилия заставляет ее следовать за ним в уединенное место, где и совершает изнасилование. Подобного рода ситуация встречается при совершении групповых изнасилований.

К промежуточному виду ситуаций относятся такие случаи, когда умысел на изнасилование возникает, но жертва еще не определена и лицо отправляется ее искать.

Иной характер имеют типичные ситуации, предшествующие вступлению в половую связь с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости). Это обычно неоднократные встречи наедине с потерпевшей в обстановке способствующей физической близости, а в условиях нашей республики часто и вступление с ней в брак по обычаям прошлого старого быта и лишь в сравнительно редких случаях такая связь возникает в результате случайного знакомства.

Так, по изученным нами делам в 79,8% случаев рассматриваемое преступление было подготовлено предшествующими встречами с потерпевшей или являлось следствием выдачи ее замуж по старым обычаям.

Что же касается состава развратных действий, то типичные ситуации, предшествующие совершению этого преступления, зависят от возраста потерпевших.

Когда таковыми являются маленькие дети, преступник использует или случайную встречу с ними в уединенном месте или же то обстоятельство, что дети оказались без присмотра взрослых. В последнем случае виновный под каким-либо предлогом (обещание что-либо подарить, показать и т. п.) уводит их к себе на квартиру или в другое уединенное место, где он может беспрепятственно совершить задуманное преступление.

Если жертвами намечаются определенные малолетние, то благоприятная для совершения преступления ситуация часто заранее подготавливается виновным. Последний старается войти в доверие к детям и их близким и создать такую обстановку, при которой он беспрепятственно мог бы оставаться с детьми наедине.

В случаях, когда потерпевшими являются дети школьного возраста и подростки, развратитель обычно специально подготавливает ситуацию, наиболее благоприятную для осуществления его преступного намерения. Он приглашает потерпевших к себе домой, пытается завоевать их доверие и постепенно подготовить их к предполагаемому преступлению, в частности возбуждая их половое любопытство.

Подобного рода предварительная подготовка благоприятной ситуации для совершения рассматриваемого преступления по изученным нами делам имела место в 24,5% случаях.

Приведенные выше типичные ситуации, предшествующие совершению развратных действий, характерны и для мужеложства.

Если жертвой гомосексуалиста оказываются маленькие мальчики, этому чаще всего предшествует случайная встреча с ними в уединенном месте или же увод их в такое место под каким-либо предлогом.

В тех же случаях, когда виновным намечается совращение подростка, он для осуществления своего преступного намерения создает соответствующую ситуацию — приглашает свою жертву к себе, подкупает ее подарками, приучает к вину и к курению анаши и т. п. Следует отметить, что в 46,9% случаях по изученным нами делам мужеложство с подростками заранее подготавливалось субъектом.

Приведенные выше типичные ситуации, предшествующие совершению половых преступлений, должны быть еще предметом углубленного специального изучения. Наши же соображения по данному вопросу являются первой попыткой такие ситуации выделить и поэтому не претендуют на достаточную полноту.

* * *

1. Советской криминологией доказано, что общими причинами существования преступности в СССР являются пережитки прошлого в сознании людей и тлетворное влияние капиталистических стран.

Для половых преступлений такими пережитками являются взгляды и поступки, связанные с характерными особенностями индивидуалистической психологии и половой морали, присущими эксплуататорским общественным формациям.

К ним относятся:

— идеология мужского превосходства и взгляд на женщину как на объект полового наслаждения;

— циничные представления о сущности отношений между полами;

— отсутствие уважения к людям и к соблюдению правил социалистического общежития;

— пьянство,

Кроме того, одной из причин совершения рассматриваемых преступлений является влияние буржуазной идеологии, проповедующей половой разврат и аморализм. Это влияние осуществляется по различным каналам (кинофильмы, радиопередачи, посылки, влияние иностранных туристов, и т. п.).

2. Непосредственными причинами совершения половых преступлений являются: антиобщественная установка виновного, возникшая вследствие неблагоприятных условий нравственного формирования его личности и конкретная жизненная ситуация, вызвавшая или укрепившая решимость совершить данное преступление.

3. При решении вопроса о значении извращенного или гипертрофированного полового влечения в формировании антиобщественной установки у субъекта, совершившего половое преступление, необходимо исходить из того, что половое влечение даже ненормального характера у вменяемого лица, подчинено контролю сознания, которое вырабатывает соответствующие задержки против импульсивных действий, связанных с удовлетворением этого влечения.

Наличие у лица психических аномалий, в том числе извращенного полового влечения, имеет значение для формирования у него антиобщественной установки только в том отношении, что оно затрудняет приобретение стойких навыков поведения, приводит к повышенной внушаемости, в силу чего такие лица легче поддаются отрицательным влияниям внешней среды. Однако при благоприятных условиях формирования личности психические аномалии не приводят к совершению преступления.

4. Основными факторами способствующими возникновению антиобщественной установки лиц, совершающих половые преступления, являются недостатки их воспитания в семье и школе, а также отрицательное воздействие ближайшего бытового окружения.

Из факторов субъективного характера, способствующих формированию антиобщественной установки, особое значение имеют возрастные особенности психики в период полового созревания. Если воспитание подростка проходит в неблагоприятных условиях, эти возрастные особенности часто отрицательно сказываются на формировании его личности.

Возникновению антиобщественной установки способствует также употребление алкоголя, которое приводит к снижению интеллекта, искажает этические представления, парализует волю лица и влечет за собой утрату чувства стыдливости при одновременном возрастании полового влечения.

5. Антиобщественная установка лиц, совершающих половые преступления, характеризуется следующими особенностями:

— крайним индивидуализмом и эгоизмом, пренебрежительным отношением к другим людям, особенно женщинам и ко всему обществу в целом;

— цинизмом и отсутствием нравственных идеалов, что особенно проявляется во взглядах, относящихся к отношениям между полами и к половой жизни;

— общей низкой культурой и узостью интересов;

— отсутствием сознания неотвратимости наказания за совершаемые ими противоправные действия в области половых отношений.

6. Наличие у лица антиобщественной установки не означает, что оно обязательно должно совершить преступление. Для этого необходима еще соответствующая жизненная ситуация, которая может явиться следствием объективных обстоятельств, но может быть также специально создана субъектом в целях совершения преступления.

Для каждого вида половых преступлений существуют типичные ситуации, обычно предшествующие его совершению.

УСЛОВИЯ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для борьбы с половыми преступлениями большое значение имеет выявление условий, способствующих их совершению, т. е. обстоятельств, которые облегчают возникновение преступного намерения, совершение преступного действия и достижение преступного результата.[1]

Если причины являются движущей силой, вызывающей преступление и определяющей его характер, то условия сами по себе не вызывают совершения преступления, а только образуют благоприятную обстановку для преступной деятельности.

---

[1] См. Советская криминология, М., 1966, стр. 93.

Эти условия по своему характеру и значению отличаются от условий, которые способствуют возникновению у лица антиобщественной установки.

Поэтому нельзя согласиться с Б. А. Блиндером, который под условиями, способствующими совершению преступления, понимает «объективные и субъективные факторы, способствующие возникновению антиобщественной установки, возникновению и реализации преступного умысла».[2] К условиям, способствующим совершению преступления, могут быть отнесены только те из них, которые способствовали возникновению и реализации преступного умысла. Условия же, способствующие возникновению антиобщественной установки, непосредственно связаны с причинами совершения преступления.

Вместе с тем следует иметь в виду, что различие между этими двумя видами условий носит относительный характер.

В ряде случаев одно и то же явление выступает в качестве фактора, влияющего на причину преступления, и одновременно является условием, способствующим его совершению.

Для половых преступлений к таким обстоятельствам относится, например, легкомысленное поведение потерпевшей. Оно, с одной стороны, способствует совершению самого преступления, а с другой,— создает у субъекта неправильное представление о женщинах, способствует возникновению у него циничных взглядов на отношения между полами.

Аналогичное значение имеет употребление спиртных напитков, которое ведет к неправильному формированию личности и возникновению антиобщественной установки и вместе с тем является одним из условий, способствующих совершению половых преступлений.

Недостатки в деятельности органов охраны общественного порядка с одной стороны облегчают реализацию преступного намерения виновного, а с другой — создают у него уверенность в безнаказанности своих противоправных действий, являющуюся одним из факторов формирования антиобщественной установки.

---

[2] Б. А. Блиндер. Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 18.

Условия, способствующие совершению преступления, носят объективный характер. Они связаны, в основном, с недостатками в отдельных областях жизни нашего социалистического общества.

К ним, в частности, относятся недостатки:

— в деятельности государственных и общественных организаций;

— в работе органов, ведущих борьбу с преступностью;

— в работе общественности по предупреждению правонарушений. [1]

Следует отметить, что эти недостатки и связанные с ними условия, способствующие совершению преступлений, легче поддаются выявлению, изучению и преодолению, чем причины совершения преступлений. Это имеет большое значение, так как при отсутствии условий, способствующих совершению преступлений, действию причин ставятся серьезные преграды. Поэтому, как отмечает И. И. Карпец, ликвидация условий, способствующих совершению преступлений, есть одновременно и борьба за преодоление причин преступлений.[2]

Условия, способствующие совершению преступлений, имеют свои особенности в зависимости от видов преступлений. В частности условия, способствующие совершению преступлений против личности и общественного порядка, в значительной степени отличаются от условий, способствующих совершению имущественных преступлений.

Изучение дел о половых преступлениях показывает, что условия, способствующие их совершению, могут быть подразделены на три группы. Это, во-первых, условия, относящиеся к личности потерпевшего лица, вовторых, связанные с недостатками в деятельности государственных и общественных организаций и в-третьих, являющиеся следствием безразличного отношения общественности и отдельных граждан к фактам нарушения правопорядка и норм социалистической морали.

Анализ судебной практики показывает, что совершению половых преступлений в ряде случаев способствует поведение потерпевшего лица. При рассмотрении состава изнасилования нами приводился ряд случаев, когда его совершению в значительной степени способствовало поведение потерпевшей.

---

[1] Советская криминология. М., 1966, стр. 107.

[2] И. И. Карпец. О природе и причинах преступности в СССР, «Советское государство и право», 1966, № 4, стр. 90.

К такому поведению относится легкость, с которой некоторые потерпевшие от изнасилования, заводили знакомство, соглашаясь в первые же часы после него на прогулки в уединенных местах, посещение квартиры виновного, совместные выпивки и т. п. Так в 28% заявлений, поданных потерпевшими по изученным делам об изнасиловании, указывалось, что виновный воспользовался тем, что они находились в состоянии опьянения.

В ряде случаев, условием, способствующим совершению изнасилования, является поведение потерпевшей с другими лицами. По ряду дел было установлено, что потерпевшая в лесу, парке и в других уединенных местах вступала в половое сношение с каким-либо другим мужчиной. Обвиняемые наблюдали это и, прийдя в состояние полового возбуждения прогоняли партнера потерпевшей, и насиловали ее. Следует отметить, что подобного рода ситуации чаще всего возникают в случаях, когда наблюдающими являются подростки.

Это же относится и к случаям группового изнасилования, вызванного тем, что его участникам стало известно, что потерпевшая легко вступила в половую связь с их товарищем.

Неправильное поведение потерпевшей часто является одним из условий, способствующих вступлению с ней в половую связь, несмотря на то, что она не достигла еще 16-ти лет.

Судебная практика показывает, что потерпевшие от указанного преступления часто соглашаются на вступление в брак по обычаям прошлого старого быта и на связанные с этим интимные отношения. В других случаях, девочки-подростки, ввиду неправильного полового воспитания или вернее отсутствия такового, считают, что ранняя половая жизнь — это нормальное явление и не связывают ее ни с чувством любви, ни с созданием семьи.

По делам о добровольном мужеложстве с подростками, условиями, способствующими этому, является искаженное представление потерпевших о половой жизни и недопонимание того, на сколько противоестественными являются допускаемые ими акты педерастии, как пагубно они могут повлиять на всю их дальнейшую жизнь.

Среди условий, способствующих совершению половых преступлений, большое место занимают недостатки в деятельности отдельных государственных и общественных организаций, к которым прежде всего следует отнести недостатки в работе органов расследования и охраны общественного порядка.

Основным из них, по нашему мнению, является неполная раскрываемость половых преступлений, приводящая к тому, что у преступников и связанных с ними лиц создается представление о безнаказанности совершенного преступления. Это не только укрепляет антиобщественную установку этих лиц, но и является условием, способствующим совершению новых половых преступлений.

Ввиду того, что неполная раскрываемость является специфической особенностью рассматриваемого вида преступлений, отличающей их от других преступлений против личности, на причинах этого явления необходимо остановиться более подробно.

Прежде всего следует иметь в виду, что это обстоятельство связано не только с недостатками расследования. В ряде случаев о совершении таких преступлений органам расследования вообще известным не становится. Это связано с тем, что для того чтобы обратиться к органам расследования, жертве полового преступления, а если это малолетнее лицо, то его родителям приходится преодолевать психологический барьер стыдливости, желание сохранить в тайне нарушение половой неприкосновенности, боязнь огласки этого.

Конкретные причины, по которым органам расследования не сообщается о совершенных половых преступлениях, равно как и причины, по которым они не всегда эти преступления раскрывают, по каждому виду половых преступлений имеют свои особенности.

Как известно, дела об изнасилованиях, совершенных без квалифицирующих обстоятельств, возбуждаются только по заявлению потерпевших. На практике же, как правило, и о квалифицированных случаях изнасилования органам расследования также становится известным только в результате поступления к ним соответствующего заявления потерпевшей (ее родителей, опекунов, попечителей). Поэтому раскрываемость изнасилований зависит, прежде всего, от своевременного поступления в органы расследования заявлений обо всех случаях их совершения.

Изучение следственной практики и беседы с потерпевшими позволяют установить, что заявления об изнасиловании или вообще не подаются или же поступают со значительным опозданием, чаще всего в следующих случаях.

— Когда насильником явилось лицо, от которого потерпевшая (обычно несовершеннолетняя) находится в семейной или иной зависимости (отец, отчим, дядя, директор школы, учитель).

— Когда потерпевшая до изнасилования «встречалась» с насильником. Хотя изнасилование и имело место, потерпевшая об этом никому не сообщает, надеясь на последующее вступление в брак с виновным.

— Иногда потерпевшая не сообщает о совершенном насилии из-за боязни скомпрометировать себя перед мужем, родителями, другими близкими ей людьми или из-за того, что они ей не поверят и решат, что она добровольно вступила в половую связь с виновным. Потерпевшей в таких случаях обычно является женщина, уже жившая половой жизнью, которой в результате изнасилования не было причинено сколько-нибудь серьезных телесных повреждений.

К этой же категории следует отнести и сравнительно редко встречающиеся случаи, когда родители не сообщают об изнасиловании девочки-подростка, не повлекшем за собой тяжелых последствий, боясь, что разглашение этого «позорящего» факта повредит в дальнейшем хорошей репутации их дочери.

В ряде случаев потерпевшая не сообщает об имевшем место изнасиловании, так как не верит, что это преступление, совершенное без свидетелей, неизвестным лицом, внешность которого она от испуга или в темноте не рассмотрела, может быть раскрыто следственными органами, в то время как ей придется подвергнуться оскорбляющим ее стыдливость подробным допросам и ее репутация от огласки совершенного над ней преступления пострадает.

Иногда причиной несообщения об изнасиловании является боязнь мести со стороны насильника или его товарищей.

В тех случаях, когда насилие было совершено под влиянием угрозы или в результате использования беспомощного состояния потерпевшей, в частности сильного ее опьянения, последняя, считая, что поскольку она не сопротивлялась, следов насилия у нее на теле нет и ее заявлению органы расследования не поверят, предпочитает умолчать о совершенном над ней насилии.

Это же относится и к тем, нередко встречающимся случаям, когда насильственный половой акт, хотя и имел место, но ему предшествовало недостаточно благовидное поведение потерпевшей, в определенной мере спровоцировавшей последующее изнасилование: распитие алкогольных напитков, приход поздно вечером на квартиру к виновному, поцелуи, объятия и т. п. Хотя потерпевшая не желала вступить с насильником в половую связь и оказывала этому энергичное сопротивление, она все же часто не сообщает о совершенном изнасиловании, полагая, что органы расследования и суд, учитывая ее поведение до совершения преступления, не поверят ей, в результате чего насильник наказан не будет.

Виновные в совершении изнасилования иногда остаются безнаказанными и в результате недостатков в работе органов расследования, в частности, из-за отсутствия необходимой оперативности в расследовании.[1]

Так, при поступлении заявления, вместо немедленного возбуждения дела часто приводится затяжная доследственная проверка, в результате чего следы и вещественные доказательства изнасилования исчезают, а розыск неизвестного насильника по «горячим следам» оказывается уже невозможным. По изученным нами делам об изнасилованиях в 15,1% случаев уголовное дело было возбуждено в срок от 3 до 10 дней после поступления заявления и в 2,3% случаев в сроки от 10 до 20 дней.

---

[1] В капиталистических странах безнаказанность многих насильников связана также с классовым характером буржуазного правосудия и с продажностью полицейских чиновников. В результате этого, количество лиц, осужденных в ФРГ в период с 1950 по 1955 гг. за изнасилование, составило в среднем только $^1/_5$ общего количества привлеченных полицией к ответственности за это преступление (см. Günter Schulz, Die Notzucht. Hamburg, 1958, s. 9—10).

При поисках неизвестного насильника для установления его личности не всегда полностью используются возможности применения розыска по «словесному портрету» и регистрации по «modus operandi system» (учет преступников по способу совершения преступлений).

Такие первоначальные следственные действия, как осмотр места происшествия, обыск у подозреваемого в изнасиловании лица и его освидетельствование, в ряде случаев проводятся несвоевременно и недостаточно квалифицированно. При изнасиловании же, совершенном без отягчающих его обстоятельств, указанные следственные действия иногда вообще не проводятся.

Ввиду того, что при изнасиловании свидетели, как правило, отсутствуют, решающее значение для изобличения виновного имеет тактически и психологически правильно проведенный допрос подозреваемого. Между тем такой допрос в ряде случаев проводится весьма неумело и поэтому не дает нужных результатов.

Устранение этих недостатков, безусловно, должно привести к тому, что лица, виновные в изнасиловании, будут своевременно выявляться, изобличаться и понесут заслуженное наказание. Это же одновременно будет способствовать и общему предупреждению изнасилований.

О случаях понуждения женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого она являлась материально или по службе зависимой (ст. 122 УК), органам расследования становится известно очень редко. Это объясняется не только тем, что ввиду развившегося нравственного сознания советских людей и их отвращения к эксплуатации любой нужды другого человека, этот вид преступления постепенно изживается, но также и тем, что о подобного рода случаях потерпевшие органам расследования часто не сообщают.

Основные причины этого следующие:

— Большинство женщин вообще не знают, что сам факт их понуждения к половой связи лицом, от которого они зависимы, не сопровождающийся насилием или приведением угрозы в исполнение, является уголовно наказуемым действием.

— Даже в тех случаях, когда потерпевшей это известно, она полагает, что так как понуждение имело место без свидетелей, то ее заявление останется без движения, а виновный будет ей мстить, уволив при первом удобном случае с работы или лишив материальной поддержки.

— Когда субъектом понуждения является член семьи, от которого потерпевшая материально зависима (отец, отчим, свекр и т. п.), она иногда не сообщает об этом органам расследования из-за нежелания разрушить семью или причинить моральную травму своим близким.

— Недостаточная раскрываемость рассматриваемого преступления объясняется также и тем, что в тех редких случаях, когда заявления о понуждении потерпевшей к вступлению в половую связь поступают в органы расследования, они проверяются поверхностно и уголовное дело в ряде случаев не возбуждается на том основании, что заявление произведенной проверкой не подтвердилось. Если же дело и возбуждается, то расследование иногда проводится недостаточно умело, в результате чего оно прекращается за недоказанностью факта преступления или на этом же основании обвиняемый оправдывается судом.

Поэтому при поступлении заявлений о таком преступлении его расследование должно поручаться наиболее опытному следователю.

Как показывает следственная практика, поводами к возбуждению уголовных дел о половом сношении с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 123 УК), чаще всего являются извещения медицинского учреждения о беременности потерпевшей, реже заявление ее родителей или соседей и сообщение школы. При этом заявления от соседей и сообщения от школы обычно поступают в связи с выдачей несовершеннолетней замуж по обычаям прошлого старого быта ее родителями или лицами, на попечении которых она состоит.

В тех же многочисленных случаях, когда о половом сношении с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста указанным организациям и лицам не становится известным, рассматриваемое преступление остается вне поля зрения органов расследования.

Это, прежде всего, связано с тем, что данный состав предполагает добровольное вступление потерпевшего лица в половую связь. Поэтому оно, как правило, не заинтересовано в раскрытии преступления, и принимает все меры к тому, чтобы его половая связь сохранилась в тайне в первую очередь от родителей, соседей, педагогов и т. п. Кроме того, ни потерпевшему, ни в ряде случаев самому виновному лицу часто даже не известно, что половая связь, в которую они вступили, является уголовно наказуемым деянием.

Нередко родители, узнав о том, что их дочь, не достигшая шестнадцатилетнего возраста, вступила в половую связь с совершеннолетним мужчиной, не считают нужным предавать это огласке и сообщать о совершившемся органам расследования, а сами принимают необходимые, по их мнению, меры: запрещают дальнейшие встречи или договариваются о ее последующем замужестве с виновным. Более того, в условиях Средней Азии, где, особенно в сельской местности, еще сохранились пережитки местных обычаев, родители, выдавая по религиозному обряду замуж свою несовершеннолетнюю дочь, тем самым дают согласие на ее половое сношение с «мужем». В таких случаях они сами непосредственно заинтересованы в том, чтобы органам расследования не стало об этом известно. С такой целью иногда даже подделываются документы для завышения возраста несовершеннолетней.

Хотя норма уголовного закона, запрещающая половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, относится к лицам обоего пола, но на практике она, как уже отмечалось, применяется только к девушкам. Объясняется это тем, что многие считают, что ранняя половая жизнь недопустима только для девочек, а юноше она особенно повредить не может. Такое мнение неправильно и противоречит установленным медициной и психологией данным о физическом и моральном вреде ранней половой жизни в равной степени как для девушки, так и для юноши. Именно исходя из этого, половое сношение с лицами обоего пола, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, признается уголовно наказуемым.

Следственная практика свидетельствует о том, что в ряде случаев уголовные дела по поступившим в органы расследования заявлениям и сообщениям о половом сношении с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, или совсем не возбуждаются или прекращаются. Иногда это связано с тем, что оба участника полового сношения не достигли 16 лет или с тем, что органы расследования сочли необходимым направить виновного в возрасте от 16 до 18 лет в комиссию по делам о несовершеннолетних для рассмотрения вопроса о применении к нему принудительных мер воспитательного характера (п. 1 ст. 209 УПК и ч. 2 ст. 10 УК Таджикской ССР) или же установили, что ко времени расследования вследствие изменения обстановки совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного, или виновное лицо перестало быть общественно опасным (ч. 1 ст. 48 УК). В частности, это может иметь место, если ко времени возбуждения уголовного дела потерпевшая достигла совершеннолетия и вступила в брак с виновным.

Вместе с тем, иногда дела рассматриваемой категории не возбуждаются, приостанавливаются или прекращаются вследствие ошибок, допускаемых органами расследования.

Наиболее характерны из них следующие:

— Получив сообщение медицинских организаций о беременности девочки, не достигшей шестнадцати лет, органы расследования не возбуждают уголовное дело на том основании, что потерпевшая отказалась сообщить сведения о лице, с которым она находилась в половой связи, а поверхностно проведенные оперативные мероприятия в этом случае не привели к его установлению.

— В тех случаях, когда потерпевшая назвала лицо, с которым она находилась в половой связи, но виновный это отрицает, органы расследования не принимают мер для получения изобличающих его объективных доказательств. Такие следственные действия, как осмотр помещения и других мест, где потерпевшая встречалась с обвиняемым, обыск по месту его жительства, выемка писем, дневников у потерпевшей, часто не проводятся. Следователь ограничивается допросами потерпевшей и обвиняемого (не всегда проведенными достаточно умело) и их очной ставкой. В результате, если виновный продолжает отрицать свою вину, дело прекращается на основании п. 2 ст. 209 УПК Таджикской ССР за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления.

Далеко не во всех случаях органам расследования становится известным и о таком тяжком преступлении, как развратные действия.

Указанное объясняется специфическими особенностями этого состава, относящимися к личности потерпевших и образу действий виновных.

Когда потерпевшими являются маленькие дети, они вообще не понимают значения совершаемых над ними действий. В таких случаях ребенок иногда сознает, что с ним поступили нехорошо, что ему причинили боль, но членораздельно рассказать об этом еще не может. Следы же развратных действий на теле ребенка родители могут не заметить или связывать с другими причинами. Кроме того, развратные действия могут вообще не оставить никаких следов на теле потерпевших.

Что же касается детей школьного возраста и подростков, то как отмечалось, они в ряде случаев стараются сохранить свои отношения с развратителем в тайне и никому о них не сообщают.

В отличие от изнасилования, которое часто носит групповой характер и обычно сопряжено с физическим насилием, развратные действия, как правило, совершаются в одиночку. Развратитель в ряде случаев действует очень осторожно, старается не спугнуть свою жертву, постепенно приучить ее к себе, развить в ней половой инстинкт. Если это удается, то совершаемое преступление может раскрыться только если отношения виновного с потерпевшим станут известными третьим лицам и последние уведомят о них его родителей, школу или органы расследования.

Успешная борьба с развратными действиями в отношении детей требует, чтобы эти преступления расследовались с особой тщательностью.

Между тем, следственная практика свидетельствует, что в расследовании рассматриваемой категории дел имеются серьезные недостатки. В частности, в ряде случаев уголовные дела о развратных действиях в отношении малолетних вообще не возбуждаются или прекращаются только на том основании, что подозреваемый в инкриминируемом ему деянии себя виновным не признал, а в заключении судебно-медицинского эксперта указано, что на теле потерпевшего малолетнего повреждения и другие признаки, характерные для развратных действий, отсутствуют.

Обычно такое заключение отнюдь не означает, что развратные действия в отношении данного ребенка не совершались. При исследовании произведенном через 4—5 дней после происшествия судебно-медицинский эксперт часто не может уже обнаружить никаких следов на слизистой оболочке половых органов потерпевшего ребенка и поэтому в своем заключении на поставленный ему вопрос дает отрицательный ответ.[1]

Поэтому, получив отрицательное заключение судебно-медицинского эксперта, органы следствия не должны только на этом основании считать, что преступления не было, а обязаны продолжать расследование и собирать другие доказательства, подтверждающие или опровергающие факт совершения подозреваемым развратных действий.

Особенно важно умелое проведение допросов малолетних и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, которое требует особого такта и знания психологии детей. На практике же в ряде случаев такой допрос производится неумело. В результате ребенка приходится допрашивать по нескольку раз, что наносит ему моральный вред, ничего не добавляя к ценности его показаний.

Иногда факт совершения развратных действий не вызывает сомнения, но личность виновного неизвестна. Установлению круга лиц, среди которых нужно искать преступников, может помочь, кроме тщательно проведенного осмотра места происшествия, также и хорошо налаженный учет лиц, склонных к совершению развратных действий в отношении малолетних, а также проверка нераскрытых преступлений по способу их совершения, которая, к сожалению, в отношении дел данной категории не всегда проводится.

Весьма низка также и раскрываемость добровольного мужеложства, участники которого в равной степени заинтересованы в сохранении тайны своих отношений. В таких случаях о преступлении становится известным органам расследования, как правило, только если мужеложство совершалось в условиях, при которых трудно уединиться, например, в местах заключения, казармах, общежитиях, при раскрытии следственными органами притонов, в которых собираются гомосексуалисты, или же в тех очень редких случаях, когда при совершении акта мужеложства случайно присутствовали свидетели.

Когда потерпевшим является несовершеннолетний, он не сообщает о совершенном с ним впервые мужеложстве из стыдливости, вызванной как самим актом мужеложства, так и тем, что он дал себя уговорить на его совершение. Кроме того, активным педерастом, совратившим несовершеннолетнего, иногда бывает уважаемое им лицо, например, учитель, родственник, старший товарищ. Поэтому потерпевший сначала молчит, не желая навлечь на него неприятности, а затем постепенно, подпав под влияние своего развратителя, втягивается в эту форму полового разврата.

---

[1] См. М. Г. Сердюков. Судебная гинекология и судебное акушерство, М., 1964, стр. 81—83.

Следует учитывать и то обстоятельство, что ввиду серьезных недостатков в половом воспитании мальчиков-подростков, они свои «знания» об отношениях между полами приобретают от случайных товарищей или взрослых развратников. Если на несчастье потерпевшего таким «учителем» оказался привычный гомосексуалист, то до сознания потерпевшего часто даже и не доходит противоестественность и преступность, совершаемых с ним актов мужеложства.

На причинах неполной раскрываемости случаев насильственного мужеложства, жертвами которого являются малолетние, мы останавливались при рассмотрении этого же вопроса о развратных действиях в отношении малолетних.

Что же касается подростков или совершеннолетних, явившихся жертвами насильственного мужеложства, то причиной несообщения органам расследования о совершенном преступлении может быть опасение мести со стороны связанных с преступником лиц, а также боязнь лишиться материальной поддержки, если виновным было лицо, от которого потерпевший находился в материальной, служебной или иной зависимости.

В расследовании дел о мужеложстве, особенно насильственном или в отношении несовершеннолетнего лица, также имеются недостатки, приводящие к тому, что не во всех случаях виновные предаются суду. Особенно это относится к случаям, когда преступление совершено лицом, не известным потерпевшему. Для установления личности преступника, которым обычно является привычный гомосексуалист, очень важен учет таких правонарушителей. Однако возможности этого учета органами расследования используются еще недостаточно.

Успешному расследованию мужеложства, как и других видов половых преступлений, препятствует и затяжка в проведении таких неотложных следственных действий как осмотр места происшествия, назначение судебно-медицинской экспертизы лиц, совершивших мужеложство, а также недостаточно квалифицированно проведенные допросы обвиняемых, потерпевших и свидетелей по возбужденным делам.

Серьезным недостатком в деятельности органов МВД, способствующим совершению половых преступлений, является ненадлежащая организация наружной службы милиции.

Как видно из приведенных данных о месте совершения половых преступлений, на открытой местности было совершено 58,2% изнасилований и 42,7% — мужеложства. 3,4% изнасилований и 16,5% мужеложства совершалось в подъездах, подвалах, чердаках, общественых уборных. Если бы наружная служба милиции была бы поставлена должным образом и места, где могут быть совершены преступления против личности, в том числе половые, тщательно патрулировались, нет сомнения в том, что большинство из указанных выше случаев изнасилования и мужеложства было бы предотвращено,

Органами общественного порядка плохо еще осуществляется наблюдение и контроль за лицами, отбывшими наказание за совершение половых преступлений и за рецидивистами. Между тем такие лица в ряде случаев выступают в качестве организаторов групповых изнасилований, а иногда и сами совершают половые преступления. Так, освобожденный досрочно от отбытия наказания за мужеложство Б. поступил в Ленинабадский педагогический институт и, воспользовавшись тем, что ни органы милиции, ни общественность не обращали внимания на его поведение, продолжал заниматься мужеложством с подростками, которых он систематически развращал, приучая к спиртным напиткам и курению анаши.

Органы милиции не всегда выявляют лиц, ведущих распущенный образ жизни и занимающихся развратом для соответствующей предупредительной работы с ними, а иногда даже не реагируют на поступающие сообщения о таких лицах.

При расследовании дела по обвинению К. в мужеложстве с несовершеннолетними и малолетними мальчиками, было установлено, что многие работники кирпичного завода, на территории которого жил обвиняемый, обращали внимание на его поведение, о чем заведующий отделом кадров завода сообщил оперуполномоченному милиции.

Однако последний должным образом на это не реагировал и дал возможность обвиняемому продолжать свою преступную деятельность.

Одним из недостатков в деятельности органов суда, прокуратуры и МВД, способствующих совершению половых преступлений, является недостаточная разъяснительная работа, относящаяся к ознакомлению населения, а особенно несовершеннолетних, с нормами уголовного права, запрещающими совершение половых преступлений.

В проводимых работниками этих органов лекциях и беседах по разъяснению уголовных законов обычно об ответственности за совершение половых преступлений вообще не упоминается. Между тем нами уже отмечалось, что в целом ряде случаев осужденные за эти преступления утверждали, что они не знали о неправомерности своих действий.

В частности, это относится к случаям вступления в половую связь с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Привлекаемые к ответственности за групповые изнасилования несовершеннолетние, хотя и знают, что насильственное половое сношение карается законом, но не представляют себе, насколько серьезным это преступление является и какое суровое наказание оно за собой влечёт.

Совершению половых преступлений способствуют и недостатки в деятельности государственных органов. Так, органы коммунального хозяйства плохо следят за должным освещением переулков, дворов, парков и других уединенных мест, где чаще всего совершаются половые преступления, а также за тем, чтобы подвалы и чердаки домов запирались.

Благоприятствуют совершению половых преступлений также недостатки в деятельности культурно-воспитательных учреждений по организации досуга подростков.

В результате некоторые подростки оказываются в свободное время предоставленными самим себе. Они проводят его на танцевальных площадках, в подворотнях дворов, заводят случайные знакомства, сопровождающиеся распитием спиртных напитков. Подобного рода времяпрепровождение одновременно является фактором, ведущим к формированию антиобщественной установки подростка и условием, способствующим совершению половых преступлений.

Следует отметить, что в безнадзорности детей и подростков виновны в значительной степени и некоторые родители, которые не следят за своими детьми и не интересуются, как они проводят свободное время, в каких компаниях и с кем они бывают.

Судебная практика по половым преступлениям против малолетних свидетельствует о том, что их совершению способствовала безнадзорность потерпевших, находившихся во дворе, на улице или в парке без всякого надзора со стороны взрослых, чем и воспользовался преступник.

Совершению половых преступлений способствуют серьезные недостатки в деятельности торговых организаций и предприятий общественного питания, которые систематически нарушают установленный порядок продажи спиртных напитков.

Между тем, опьянение, снимая нравственные задержки человека и повышая его половое влечение, выступает в качестве важнейшего условия, способствующего совершению рассматриваемых преступлений. Так, по изученным делам употребление спиртных напитков предшествовало 53% случаев изнасилования и 55,6% — мужеложства. По делам же о групповых изнасилованиях, до совершения преступления осужденные в 88% случаев совместно распивали спиртные напитки.

Среди условий, способствующих совершению половых преступлений, большую роль играют недостатки, связанные с безразличным отношением общественности и отдельных граждан к фактам аморального и даже преступного поведения, с которыми они сталкиваются.

Это безразличие проявляется в самых разнообразных формах. Одной из них является выдача положительных характеристик лицам, привлекаемым к ответственности за совершение тяжких половых преступлений и даже ходатайства о передаче их на поруки.

Так, по изученным делам 46,4% обвиняемым были выданы положительные характеристики. Хорошие характеристики получили также 30% обвиняемых по ст. 123 УК и 33% по ст. 125 УК. Это свидетельствует, что организации, где работали указанные лица, несерьезно подошли к выдаче характеристик и не осознали той серьезной общественной опасности, которую представляют виновные.

В тех же случаях, когда обвиняемым выдавались отрицательные характеристики, меры общественного воздействия к таким лицам до привлечения их к уголовной ответственности, как правило, не принимались.

Безразличное отношение окружающих к развратному поведению отдельных лиц также способствует тому, что они в конце концов совершают половые преступления. Так, по делу по обвинению З. по ст. 121 УК было установлено, что он неоднократно приводил к себе на квартиру в отсутствие жены молоденьких девушек, угощал их спиртными напитками и вступал с ними в половую связь. Это было известно всем его соседям по квартире и дому, однако они на это не реагировали. В результате З. одну из своих «посетительниц» изнасиловал.

Наконец, в судебной практике имеют место случаи, когда очевидцы полового преступления вместо того чтобы пресечь его, предпочитали удалиться и промолчать о виденном. Более того, среди свидетелей по таким делам встречаются лица, которые, услышав крики о помощи, «не желая связываться с хулиганами», проходят мимо, в то время, как вмешавшись, они могли бы без труда предотвратить изнасилование.

Общественность и отдельные граждане не всегда реагируют на ставшие им известными случаи выдачи замуж по обычаям прошлого старого быта несовершеннолетних девушек, а также на то, что взрослые мужчины вступают в половые сношения с девочками-подростками, используя их легкомыслие и неопытность.

Такое безразличие окружающих создает у лиц с антиобщественной установкой впечатление, что совершенные ими преступные действия останутся безнаказанными, что во многом способствует реализации их преступного умысла.

* * *

1. Условиями, способствующими совершению половых преступлений, являются обстоятельства, которые облегчают их совершение. При этом в ряде случаев одно и то же обстоятельство выступает как фактор, влияющий на образование антиобщественной установки лица,

и одновременно как условие, способствующее реализации преступного умысла. В частности, это относится к таким обстоятельствам, как неправильное поведение потерпевшей, распитие спиртных напитков, безнадзорность несовершеннолетних правонарушителей и т. п.

2. Условия, способствующие совершению половых преступлений, подразделяются на относящиеся:

— к личности потерпевшего;

— к недостаткам в деятельности государственных и общественных организаций;

— к безразличному отношению общественности и граждан к фактам аморального и преступного поведения отдельных лиц.

3. Одним из условий, способствующих совершению половых преступлений, является легкомысленное поведение потерпевшей. Оно проявляется не только в случаях изнасилования, но и при вступлении в половую связь с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, и связано с неправильными взглядами потерпевших на нормы поведения в отношениях с мужчинами. По делам о добровольном мужеложстве с подростками условиями, способствующими этому преступлению, являются извращенное представление потерпевших о половой жизни, недопонимание того, насколько противоестественно мужеложство и как пагубно оно может повлиять на них.

4. Недостатком деятельности следственных органов является неполная раскрываемость половых преступлений, приводящая к тому, что у преступников и связанных с ними лиц, создается представление о безнаказанности совершенного преступления. Это не только укрепляет антиобщественную установку таких лиц, но и служит условием, способствующим совершению новых преступлений.

Неполная раскрываемость половых преступлений связана как с недостатками их расследования, так и с тем, что о совершении таких преступлений, ввиду их специфического характера не всегда становится известным органам расследования.

Конкретные причины, по которым о таких преступлениях не сообщается, равно как и причины, по которым они в случае сообщения остаются нераскрытыми, зависят от особенностей состава данного преступления.

5. К недостаткам деятельности органов МВД, способствующим совершению половых преступлений, относятся дефекты в организации наружной службы милиции, отсутствие должного контроля за лицами, отбывшими наказание за совершение половых преступлений и за рецидивистами, а также недостаточная предупредительная работа с лицами, ведущими развратный образ жизни.

6. Совершению половых преступлений способствует неудовлетворительная работа органов коммунального хозяйства, в частности плохое освещение переулков, дворов, парков и других мест, где чаще всего совершаются половые преступления, а также отсутствие надзора за тем, чтобы подвалы и чердаки домов должным образом запирались и не могли служить местом совершения преступлений.

7. К условиям, способствующим совершению рассматриваемого вида преступлений, относятся также:

— недостатки в деятельности культурно-воспитательных учреждений по организации досуга молодежи;

— отсутствие надзора со стороны родителей за малолетними;

— нарушение торговыми организациями и предприятиями общественного питания, правил продажи спиртных напитков;

— недостаточная разъяснительная работа среди населения об общественной опасности половых преступлений и ответственности за их совершение;

— случаи безразличного отношения общественности и граждан к аморальному поведению отдельных лиц и к совершаемым ими половым преступлениям.

8. Наличие указанных недостатков в деятельности государственных и общественных организаций и отсутствие должного реагирования на факты аморального и преступного поведения отдельных граждан создает у лиц с антиобщественной установкой впечатление о безнаказанности противоправных действий в области половых отношений, что во многом способствует реализации их преступного умысла.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Предупреждение половых преступлений охватывает комплекс общесоциальных и специальных мероприятий, проводимых государственными органами и общественными организациями с целью предотвращения этих преступлений и устранения причин, их порождающих.

Огромное значение предупреждения как основы борьбы с преступностью неоднократно отмечалось классиками марксизма-ленинизма.

К. Маркс писал: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него, но он сделает это не путем ограничения сферы права, а тем путем, что в каждом правовом стремлении уничтожит его отрицательную сторону, предоставив праву положительную сферу деятельности».[1]

В. И. Ленин предупреждение преступлений считал не менее важной задачей чем наказание лиц, виновных в их совершении. Определяя задачи Рабкрина, он подчеркивал, что основной из них является «— не только и даже не столько «ловить», «изобличить»,...— сколько уметь поправить».[2]

В соответствии с этим Программа КПСС в качестве основного средства ликвидации преступности и устранения причин ее порождающих предусматривает мероприятия по предотвращению таковой.[3]

Важнейшей задачей предупреждения преступлений, в том числе половых, является недопущение в будущем совершения таких преступлений, как лицами их ранее совершавшими, так и лицами, которые преступлений не совершали, но исходя из своей антисоциальной установки могут их совершить.

Для выполнения этой задачи мероприятия по предупреждению преступлений должны быть направлены, во-первых, на устранение непосредственных причин, вызывающих совершение половых преступлений. К ним относятся, прежде всего, меры, связанные с изменением неблагоприятных условий формирования личности. В тех же случаях, когда антиобщественная установка данного лица уже возникла, профилактические меры должны быть направлены на изменение такой установки, а также на противопоставлении ей такого эффективного, тормозящего реализацию преступного умысла, психологического воздействия, как создание у лица уверенности в неотвратимости раскрытия преступления, если оно будет им совершено и сурового наказания за это.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 131.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 127.

[3] Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1961, стр. 106.

Во-вторых, ввиду того, что половые преступления, как было показано выше, совершаются при наличии определенных, чаще всего типичных ситуаций, предупредительные мероприятия должны исключить подобного рода ситуации и устранить условия, способствующие их возникновению.

Наконец, третьей задачей предупреждения является полная раскрываемость совершенных, пресечение совершаемых и предотвращение готовящихся половых преступлений.

Следует отметить, что на практике мероприятия по предупреждению преступлений, как правило, одновременно выполняют несколько из указанных выше задач.

В советской криминологии принята следующая классификация мер предупреждения преступлений.[1]

По своей цели эти меры подразделяются: на общие и специальные.

К общим относятся проводимые Коммунистической партией и Советским правительством социально-экономические и культурные мероприятия, направленные на осуществление задач коммунистического строительства и тем самым устраняющие социальные причины преступности в СССР. Именно эти меры имеет в виду Программа КПСС, указывая, что «рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания.[2]

К специальным относятся меры предупреждения преступлений, осуществляемые государственными органами, общественными организациями и отдельными гражданами специально для этой цели.

По признаку регулирования уголовно-правовым законом меры предупреждения подразделяются на процессуальные и непроцессуальные.

В соответствии с приведенной выше классификацией в криминологической литературе разработаны и подробно изложены общие и специальные мероприятия по предупреждению преступлений.[1]

---

[1] Советская криминология. М., 1966, стр. 112—120.

[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, стр. 106.

Все они в той или иной степени способствуют и предупреждению половых преступлений. Поэтому мы остановимся только на тех общих и специальных мероприятиях, которые, по нашему мнению, имеют особо важное значение или являются специфическими именно для предупреждения рассматриваемого вида преступлений.

Из общепредупредительных мероприятий, это, прежде всего, меры, направленные на устранение недостатков, в нравственном формировании личности, которые могут привести к образованию у нее антиобщественной установки на совершение полового преступления.

К ним относятся, по нашему мнению, во-первых, меры по надлежащему осуществлению нравственного и в частности полового воспитания подрастающего поколения. Во-вторых, проведение общепредупредительных мероприятий по борьбе с алкоголизмом и, в-третьих, меры по организации культурного досуга молодежи.

Роль нравственных начал в жизни нашего общества в процессе перехода к коммунизму приобретает особо большое значение. Нормы коммунистической морали, сформулированные в моральном кодексе строителя коммунизма, должны превратиться в глубокие нравственные убеждения каждого гражданина, стать для него руководством к действию.

Поэтому задача нравственного воспитания молодежи не должна ограничиваться только знакомством ее с основными принципами коммунистической морали. Эти принципы должны слиться с чувством и, образовав убеждение личности, стать основой ее поведения.[1]

---

[1] См. Вопросы методики и предупреждения преступлений. Под ред. А. А. Герцензона, М., 1962; Г. М. Миньковский, Т. М. Арзуманян, В. К. Звирбуль, М. И. Кац-ук, В. И. Шинд. Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений. М., 1962; П. Михайленко, И. Гельфанд. Предупреждение преступлений органами милиции, Киев, 1963; П. П. Михайленко и И. А. Гельфанд. Предупреждение преступлений —основа борьбы за искоренение преступности, М., 1964; Организация изучения причин преступности и разработка мер ее предупреждения в районе (научно-практическое пособие), М., 1966; В. Звирбуль, В. Кудрявцев, А. Михайлов, Р. Рахунов, И. Якубович. Выявление причин преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу, М., 1967.

Неотъемлемой частью нравственного воспитания является половое воспитание.

К нему полностью применимы слова В. И. Ленина о том, «чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». [2]

Связь полового и общего воспитания неоднократно подчеркивалась А. С. Макаренко, который считал, что половое воспитание—это, прежде всего, воспитание культуры социальной личности и что «отдельно воспитывая половое чувство, мы еще не воспитываем гражданина, воспитывая же гражданина, мы тем самым воспитываем и половое чувство». «Человек, который любит свою Родину, народ, свое дело, не станет развратником,— писал он. — Его взгляд не увидит в женщине только самку. И совершенно точным представляется обратное заключение: тот, кто способен относиться к женщине с упрощенным и бесстыдным цинизмом, не заслуживает доверия как гражданин; его отношение к общему делу будет также цинично, ему нельзя верить до конца». [3]

Таким образом, вопросы, которые принято относить к половому воспитанию, нельзя рассматривать изолированно. Они составляют неразрывную часть общего нравственного коммунистического воспитания и решаются в плане общевоспитательных задач. [4]

Вместе с тем было бы неправильным и отождествлять половое воспитание с общенравственным, так как оно имеет свои специфические задачи. Этими задачами являются формирование правильных взглядов на отношения между полами, а также подготовка личности к выполнению в будущем обязанностей, связанных с созданием семьи и рождением детей.

Половое воспитание имеет своей целью формирование норм и принципов половой морали как части общей морали членов социалистического общества. Определяя поведение людей в сфере половой жизни, оно должно быть направлено на то, чтобы воспитать в человеке уважение к вопросам пола, целомудренное к ним отношение, а также умение владеть чувствами и желаниями в половой сфере. Поэтому половая мораль неразрывно связана с теми моральными требованиями, которые предъявляются к строителям коммунистического общества.

---

[1] См. А. Г. Ковалев. Воспитание нравственных чувств у школьника, Л., 1961, стр. 15.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 309.

[3] А. С. Макаренко. Соч., т. 4, М., 1960, стр. 220.

[4] См. В. А. Крутецкий, Н. С. Лукин. Психология подростка. М., 1965, стр. 167—168.

В. И. Ленин указывал, что «в половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко».[1]

В частности, половое воспитание должно прививать молодежи целомудренное отношение к проявлениям интимной близости, исключить допущение возможности присутствия при этом посторонних. Отсутствие сознания того, что половые отношения людей являются глубоко интимной сферой их жизни, приводит к тому, что при групповых изнасилованиях участвующие в них несовершеннолетние в присутствии друг друга, не стесняясь, вступают в насильственные половые сношения с потерпевшей.

«Ребенок должен приучаться к тому,— пишет А. С. Макаренко,— что многие стороны жизни человека составляют интимную, секретную область, о которой не нужно делиться со всеми, которую не нужно выставлять напоказ всему обществу».[2]

Не менее важная задача — воспитание чувства сдержанности, умения владеть своими чувствами и желаниями в половой сфере. Человек с юных лет должен понять необходимость сдерживать чувственные порывы и не давать им господствовать над своим сознанием. «Сдержанность воспитывается внутренней дисциплиной, умением владеть собой,— писала Н. К. Крупская,— если школа этого не воспитывает, то легче может пустить корни в школе и половая распущенность».[3]

На это же обращал внимание в беседе с К. Цеткин и В. И. Ленин, отмечая, что «самообладание, самодисциплина — не рабство; они необходимы и в любви».[4]

Выше уже отмечалась неразрывная связь между половым и общим поведением личности. Лица, обладающие чувствами мужского достоинства и женской гордости, проявляющие необходимую сдержанность полового влечения, ведут себя и в других сферах человеческих отношений в соответствии с правилами коммунистической морали. И, наоборот, отсутствие полового воспитания, цинизм, пренебрежительное отношение к женщине неизбежно сказываются и во всех других сторонах жизни такого лица, в его отношениях к коллективу, к общественным обязанностям.

---

[1] К. Цеткин. Воспоминания о В. И. Ленине, М., 1955, стр. 49.

[2] А. С. Макаренко. Соч., т. 4, М., 1957, стр. 411.

[3] Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 11, М., 1963, стр. 309—310.

[4] К. Цеткин. Указ. работа, стр. 50.

П. П. Осипов, раскрывая понятие полового воспитания, указывает, что оно «состоит в приобретении индивидом необходимых естественно научных знаний о биологической стороне половых отношений, сформировании у него правильного понимания социальной и этической сущности и характера отношений между полами в социалистическом обществе и социальной подготовке к выполнению родительских обязанностей.[1]

Нам представляется, что в этом определении недостаточно подчеркнута связь полового воспитания с общественным воспитанием коммунистической морали. Кроме того, вряд ли правильно на первое место среди задач полового воспитания ставить приобретение индивидом необходимых знаний о биологической стороне половых отношений, т. е. половое просвещение.

Исходя из изложенного выше, мы считаем, что половое воспитание является особой частью коммунистического воспитания, имеющей своей целью формирование правильных взглядов на отношение между полами, привитие правил и навыков поведения с лицами противоположного пола, основанных на уважении к достоинству их личности, а также подготовку к выполнению в будущем семейных обязанностей.

История полового воспитания в СССР включает в себя два во многом противоположных друг другу этапа.[2]

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, этому вопросу в педагогической литературе уделялось большое внимание, причем в ней некритически воспроизводились взгляды буржуазных педагогов и психологов. Половое воспитание, в соответствии с этими взглядами сводилось к половому просвещению, а ведущая роль и значение в нем социальных факторов недооценивались. Кроме того, в центре внимания полового воспитания стояли не его нравственные аспекты, а различного рода сексуальные проблемы, в частности требование «раскрепощения» и «освобождения» любви.

---

[1] П. П .Осипов. Квалификация половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. «Вестник Ленинградского государственного университета», 1966, № 5, стр. 154.

[2] См. А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР, М., 1966, стр. 284—286.

В. И. Ленин отмечал вред такого неумеренного увлечения сексуальными вопросами, указывая, что «...вряд ли хорошо то, что в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодежи. Последствия бывают прямо роковыми...» и далее «несдержанность в половой жизни — буржуазна: она признак разложения. Пролетариат—восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанностью, ни опьянения алкоголем. ...Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил».[1]

В 30-х годах эти слова В. И. Ленина начали истолковываться как отрицание необходимости полового воспитания вообще. Обосновывалось это утверждением, что коммунистическая мораль едина и поэтому никакой особой «половой» морали, а следовательно, и полового воспитания не может быть.

Положение о единстве коммунистической морали безусловно правильно. Однако для того, чтобы влиять на поведение людей и не превратиться в совокупность абстрактных догм, мораль должна давать ответы на вопрос о том, как человек обязан вести себя в определенных конкретных ситуациях, одной из которых являются отношения между полами. Поэтому единство морали отнюдь не отрицает специфику ее проявления по отношению к различным сторонам общественной жизни. Половая мораль и есть одно из таких проявлений социалистического нравственного сознания. Отрицать ее— значит отрицать необходимость нравственного регулирования отношений между мужчиной и женщиной, применимость к ним этих оценок.[2]

В результате отрицания необходимости специального полового воспитания, им до последних лет не занимались ни школа, ни молодежные организации, ни научно-педагогические учреждения. Вопросы с ним связанные полностью выпали из сферы воспитательный работы с молодежью. Социологическое исследование, проведенное в 1964 году газетой «Комсомольская правда», показало, что половое воспитание в нашей стране фактически отсутствует во всех звеньях.[1]

---

[1] К. Цеткин. Указ. работа, стр. 48—50.

[2] См. А. Г. Харчев. Указ. работа, стр. 285—286.

Между тем отсутствие полового воспитания так же вредно как и неправильное его осуществление.

Как известно, у подростков неизбежно с достижением определенного возраста появляется интерес к отношениям между полами. А. С. Макаренко называл такой интерес закономерным и писал, что не знает «детей, мальчиков 15 лет (ни во время своего детства, ни потом не встречал), у которых бы этот острый половой интерес не возникал».[2]

На необходимость удовлетворения такого интереса путем соответствующих бесед в семье указывал и А. Ф. Кони. Он писал, что к желанию родителей «избегать неприятных впечатлений в отношениях с детьми следует отнести и уклонение их от откровенных бесед и назиданий по вопросам половой жизни именно в то время, когда это так необходимо ввиду наступления возраста, в котором пробуждающийся инстинкт заставляет отрока настойчиво искать ответа на эти вопросы и находить его у испорченной городской жизнью прислуги или у школьных товарищей».[3] Эти слова А. Ф. Кони применимы и к существующему положению. Большинство девушек и юношей и сейчас получают первые сведения о половой жизни, как правило, от лиц, заинтересованных в их развращении или от старших товарищей, имеющих искаженные и неправильные представления об отношениях между полами.

А. Б. Грушин отмечает, что проведенное социологическое исследование по этому вопросу показало, что 65,6% мальчиков и девочек получили первые сведения о половой жизни от товарищей и подруг, 16,8% — в школе и 6—7% от родителей.[4]

---

[1] А. Б. Грушин. Слушается дело о разводе, «Молодая гвардия», 1964, № 7, стр. 279.

[2] А. С. Макаренко. Соч., т. 5, М., 1958, стр. 301.

[3] А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 1, М., 1966, стр. 172.

[4] А. Б. Грушин. Указ. статья, стр. 279.

Даже при правильно поставленном половом воспитании не исключена возможность развращения подростков взрослыми и сверстниками. Однако в тех случаях, когда такой подросток будет иметь правильные представления об отношениях между полами, у него появится возможность противостоять этому вредному влиянию.

Одним из отрицательных последствий отсутствия полового воспитания является также то, что у некоторой части молодежи создается неправильное понимание характера отношений между полами в социалистическом обществе.

Не случайно, что некоторые несовершеннолетние, осужденные за групповое изнасилование, впервые половой акт совершили насильственно с потерпевшей в присутствии своих соучастников. Это же отмечает и В. А. Яхонтов, по данным которого из числа подростков, осужденных за половые преступления, 20% первое половое сношение имели, участвуя в групповом изнасиловании.[1]

Ввиду отсутствия полового воспитания, среди некоторых юношей и девушек распространено мнение о том, что половая близость без любви и взаимного уважения — это вполне естественное явление. В. А. Крутецкий и Н. С. Лукин приводят следующие высказывания девочки-подростка в ее интимной беседе с матерью «...Оля и ее подруги были уверены, что свободные отношения с мужчинами теперь допустимая вещь, и только отсталые девочки придерживаются иного взгляда. Далее они считали, что забеременеть девочка может только после 16 лет, что беременность наступает, если очень этого захотеть, а если не захочешь, то и не будет. Поразила меня Оля и очень простым и легкомысленным отношением к абортам. ...В спорах она выставляла обычно один аргумент: это раньше так было. Теперь все иначе, это отсталый взгляд».[2]

В результате подобного рода взглядов на отношения между полами, по целому ряду дел об изнасиловании виновные утверждали, что были убеждены, что потерпевшая согласна на половое сношение с ними и сопротивляется лишь для вида. В частности, они считали, что если девушка танцевала с ними и разрешила проводить ее домой, то тем самым она согласилась и на интимную близость.

---

[1] В. А. Яхонтов. Указ. работа, стр. 53.

[2] В. А. Крутецкий и Н. С. Лукин. Указ. работа, стр. 176.

Изложенное приводит к выводу о необходимости коренного перелома в деле полового воспитания нашей молодежи.

Различные аспекты полового воспитания должны разрабатываться педагогами, психологами и медиками. Они же должны и выработать рекомендации кем, каким путем и в каких формах это воспитание должно претворяться на практике. Бесспорным является, однако, что в его осуществлении важнейшую роль следует отвести семье и школе.

Успешный результат полового воспитания в семье, прежде всего, зависит от того, на сколько сами родители и их взаимоотношения являются образцом поведения для детей, от общей семейной атмосферы. Кроме того, для того, чтобы половое воспитание дало надлежащий эффект, оно должно осуществляться родителями очень тактично, главным образом в форме интимных бесед, возникающих в подходящих для этого случаях и в соответствующей обстановке.

Как известно, в настоящее время большое внимание уделяется подготовке родителей к должному воспитанию детей. Немалую роль в этом играют родительские народные университеты педагогических знаний. Представляется, что в программах этих университетов должное место следует отвести и проблемам полового воспитания детей в семье.

Значительная роль в половом воспитании принадлежит школе. При этом подход к нему, прежде всего, должен быть как к воспитанию нравственному. «Надо, чтобы школа обращала особое внимание на воспитание мальчиков и девочек в духе равенства, товарищества... писала Н. К. Крупская... Надо в школе увлечь ребят борьбой за женское равноправие, тогда сами собой отойдут на задний план болезненные явления, подоплека которых — взгляд на женщину как на предмет удовольствия, а не как на товарища».[1]

Наряду с этим, в число задач полового воспитания входит также ознакомление с половой гигиеной и устранение всевозможных отклонений подростков в половом развитии.

Основным средством этого является правильная организация режима его жизни в семье и школе. В частности, необходимо добиваться, чтобы внимание подростков со сферы половых отношений переключалось на другие объекты. Важную роль в этом играет увлечение спортом, развитие интереса к искусству, науке и технике.

---

[1] Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 11, М., 1963, стр. 309—310.

Что же касается непосредственно полового просвещения и половой гигиены, то беседы на эти темы отдельно с девочками и мальчиками целесообразнее всего проводить врачам. Такие беседы всегда должны носить серьезный и деловой характер, чтобы не заострять внимание подростков на сексуальных вопросах. Следует иметь в виду, что половое воспитание может дать необходимый эффект лишь в том случае, если его основой будет нравственный аспект отношений между полами, а не их физиологическая сторона.

В половом воспитании должны участвовать и культурно-просветительные учреждения. Как показывает практика, в целом ряде библиотек не обращается должного внимания на то, какие книги читают подростки. В результате в их руки попадают произведения Мопассана, Золя, Куприна и других писателей, в которых подробно освещаются интимные отношения между мужчиной и женщиной. Эти произведения, предназначенные для взрослого читателя, оказывают на психику подростка самое отрицательное влияние, возбуждая в нем нездоровный интерес к вопросам сексуального характера.

Необходимо также добиться того, чтобы подростки не допускались на просмотры кинофильмов с эротическими сюжетами, в которых изображаются сцены адюльтера, разврата и т. п. Следует отметить, что в настоящее время запрещение лицам до 16 лет посещать подобного рода фильмы носит чисто формальный характер и на любом киносеансе, когда они демонстрируются, можно встретить школьников. Между тем такие кинофильмы, ввиду наглядности происходящих в них эротических сцен, оказывают самое вредное воздействие на воображение подростков, создавая у них искаженное впечатление о нравственной стороне отношений между полами. Следовало бы обсудить вопрос и о том, во всех ли случаях подобного рода «коммерческие» кинофильмы, выпускаемые в капиталистических странах, должны приобретаться кинопрокатом и демонстрироваться в наших кинотеатрах.

В нашей периодической прессе неоднократно ставился вопрос о вредном влиянии на молодежь таких зарубежных фильмов как «Шайка бритоголовых», «Под черной маской», «Великолепная семерка», «Фантомас». Представляется, что к этим фильмам следует присоединить и фильмы, в которых непомерно большое внимание уделяется показу всевозможных эротических сцен.

Надлежащее половое воспитание требует также непримиримой борьбы с нецензурной руганью, которая, к сожалению, до сих пор имеет распространение не только в быту, но и на отдельных предприятиях и стройках. «Сущность этого несчастья,— писал А. С. Макаренко,— не в том, что обнажается перед мальчиком половая тайна, а в том, что она обнажается в самой безобразной, циничной и безнравственной форме... Частое произношение таких слов приучает его к усиленному вниманию к половой сфере, к однобокой игре воображения, а это приводит к нездоровому интересу к женщине...» [1]

Следует учитывать и то обстоятельство, что если для взрослых нецензурная ругань является только средством выражения какого-либо недовольства, раздражения, то для подростков она приобретает совершенно иное значение, воспринимается в «буквальном» смысле произносимых слов. Представляется, что встречающиеся случаи групповых изнасилований в извращенной форме в известной мере «обязаны» именно этому буквальному пониманию нецензурной ругани.

Половое воспитание является специфической мерой предупреждения половых преступлений. Однако и другие общесоциальные мероприятия служат этой же непосредственной цели.

Среди них важнейшее место занимает борьба с пьянством.

Выше неоднократно подчеркивалось значение опьянения для совершения половых преступлений.

Поэтому мероприятия по борьбе с алкоголизмом одновременно являются и действенным средством предотвращения указанных преступлений.

Действующее законодательство предусматривает целый ряд эффективных мер по борьбе с алкоголизмом. Особое значение в этом отношении имеет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 декабря

---

[1] А. С. Макаренко. Соч., т. 4, М., 1960, стр. 254.

1958 года «Об ограничении продажи алкогольных напитков», а также Указы Президиумов Верховных Советов союзных республик, устанавливающие меры общественного и административного воздействия за нарушение указанного постановления.[1] Специальные мероприятия по борьбе с пьянством и по принудительному лечению алкоголиков, предусматриваются и другими нормативными актами.

Значительную роль в борьбе с алкоголизмом должна сыграть и включенная во все гражданские кодексы союзных республик норма, согласно которой дееспособность лица, злоупотребляющего спиртными напитками или наркотическими средствами, может быть по решению суда ограничена и к нему назначен попечитель (ст. 15 ГК Таджикской ССР).

Основы семейного законодательства Союза ССР и союзных республик установили, что одним из оснований лишения родительских прав является хронический алкоголизм или наркомания.

Однако следует отметить, что практика применения перечисленных нормативных актов должного эффекта пока не дает.

В частности, в Таджикской ССР, несмотря на запрет этого, водка продолжает продаваться в торговых предприятиях, расположенных непосредственно возле заводов, строек, больниц и санаторий, культурных и зрелищных предприятий. В магазинах, где продается водка, таковая часто распивается прямо у прилавка из стаканов, предназначенных для продажи в них соков и прохладительных напитков. Алкогольные напитки безотказно продаются подросткам. В связи с этим, следует отметить, что Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 декабря 1958 года в основном направлено на ограничение продажи водки. Между тем в ряде случаев опьянение наступает в результате употребления и других алкогольных напитков в частности вина, которое продается на розлив в тех ларьках и магазинах, где продажа водки не допускается.

Не выполняется также и указание директивных органов о том, что размер выручки от реализации водки не включается в общеваловую сумму, из которой начисляется премиальная выплата работникам торговли. Наоборот, в ряде торговых предприятий, особенно в сельских местностях, выручка от продажи водки составляет значительную часть оборота торговой точки.

---

[1] В Таджикской ССР такой Указ был издан 29 июля 1961 года.

Несмотря на то, что с момента издания гражданских кодексов союзных республик прошло уже несколько лет, дела об ограничении дееспособности лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, в судебной практике встречаются очень редко, а в судах Таджикской ССР такие дела вообще отсутствуют.

Не оказывает должного воздействия на алкоголиков и их принудительное лечение. Оно обычно не приводит к необходимой перестройке их психической установки и через некоторое время после окончания лечения они снова начинают пьянствовать.

Необходимо поэтому, чтобы мероприятия по борьбе с алкоголизмом находились в центре внимания административных органов и всей общественности. Только в том случае, если к лицам, злоупотребляющим алкоголем, будут применяться все предусмотренные законом меры воздействия, а продажа этих напитков будет ограничена, борьба с пьянством даст надлежащий эффект.

Из общесоциальных мероприятий для предупреждения половых преступлений большое значение имеет также надлежащая организация досуга трудящихся особенно молодежи, вовлечение ее в занятие спортом, в работу самодеятельных кружков и клубов и т. п.

Специфическая особенность специальных мероприятий по предупреждению половых преступлений состоит в том, что наряду с процессуальными, большое значение имеют и непроцессуальные меры их предупреждения, применяемые органами МВД, прокуратуры и суда.

Что касается процессуальных мер предупреждения рассматриваемых преступлений, то они должны в первую очередь обеспечивать их полную раскрываемость.

В этом отношении большое значение имеет своевременное возбуждение и расследование дел рассматриваемой категории.

По изученным нами делам сроки их возбуждения видны из следующей таблицы.

Срок возбуждения дела	Ст. 121 УК	Ст. 123 УК	Ст. 124 УК	Ст. 125 УК
До 3 дней	82,7%	12,2%	55,6%	72,2%
До 10 дней	15,1%	34,5%	22,2%	16,6%
До 20 дней	2,2%	26,7%	—	11,2%
До 30 дней	—	10,2%	11,1%	—
Свыше 30 дней	—	16,4%	11,1%	—

Из указанных данных видно, что если дела об изнасиловании, в основном, возбуждались в срок до 10 дней, то гораздо хуже обстояло дело по другим видам половых преступлений.

Так, 26,6% изученных дел по ст. 123 УК и 22,2% по ст. 124 УК возбуждалось в сроки свыше 20 дней.

Для предупреждения половых преступлений имеет значение и соблюдение установленных законом сроков предварительного следствия.

По изученным делам сроки расследования характеризуются следующими данными.

Сроки расследования дела	Ст. 121 УК	Ст. 123 УК	Ст. 124 УК	Ст. 125 УК
До одного месяца	39,1%	57,1%	44,4%	43,4%
До 2-х месяцев	35,4%	26,7%	44,4%	50,0%
До 3-х месяцев	15,2%	8,1%	—	5,6%
Свыше 3-х месяцев	10,3%	8,1%	11,2%	1,0%

Из этих данных видно, что сроки расследования половых преступлений по ряду дел, недопустимо затягиваются.

Поэтому одним из мероприятий по усилению общепредупредительного значения расследования половых преступлений должно быть сокращение сроков возбуждения и производства расследования по таким делам.

При анализе причин неполной раскрываемости половых преступлений отмечались недостатки предварительного следствия по этим делам, в частности не проведение или не своевременное проведение неотложных следственных действий, неквалифицированный допрос потерпевших и т. п.

Для устранения этих недостатков и повышения качества предварительного следствия, целесообразно закрепить расследование половых преступлений за определенными опытными следователями. Специализация следователя в этой области особенно желательна, ввиду того, что расследование таких дел в ряде случаев в виду их специфических особенностей представляет серьезные трудности.

Важным средством предупреждения половых преступлений является вынесение следователем представлений, а судом—частных определений об устранении выявленных в процессе расследования и рассмотрения дел, причин и условий, способствовавших совершению этих преступлений.

Однако, несмотря на то, что при расследовании и рассмотрении таких дел, неоднократно выявляются факты, свидетельствующие о ненадлежащем воспитании несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших и об отсутствии должного надзора за их поведением со стороны школы или предприятий, где они работают, представления и частные определения об устранении выявленных недостатков выносятся еще редко. Не налажен также и четкий контроль за тем, какие мероприятия по внесенным представлениям и частным определениям были проведены и какой эффект они дали.

Как отмечалось, для предупреждения половых преступлений особое значение имеют непроцессуальные мероприятия, проводимые органами МВД, прокуратурой и судом.

Среди них важнейшая роль принадлежит оперативным мероприятиям органов милиции, направленным на повышение раскрываемости половых преступлений. В частности при хорошо поставленной оперативно-розыскной работе органы милиции могут быть осведомлены о всех случаях совершения таких преступлений как квалифицированные изнасилования и насильственное мужеложство, о которых обычно становится известно лицам, близким потерпевшим (родственникам, соседям, знакомым). Следует покончить с таким положением, когда о таких преступлениях органы расследования узнают только из заявления потерпевшего лица (родителей, опекунов).

Раскрываемости половых преступлений может способствовать и хорошо поставленный оперативный учет лиц, совершивших их в прошлом. Такой учет в значительной мере определяет круг лиц, среди которых следует искать неизвестного преступника, и дает возможность опознания его потерпевшим лицом по предъявленным фотографиям.

Большое значение для предупреждения половых преступлений имеют оперативные мероприятия органов милиции по выявлению лиц, способных совершить половые преступления, для своевременного взятия их на оперативный учет и проведения с ними профилактической работы.

К числу таких лиц относятся:

— лица, страдающие половыми аномалиями, в том числе подозреваемые в гомосексуальных наклонностях;

— алкоголики и наркоманы;

— больные венерическими болезнями, уклоняющиеся от лечения, которые часто ищут случайных встреч с женщинами;

— лица, ведущие развратный образ жизни и неразборчиво вступающие в половые связи;

— лица, ранее осужденные за половые преступления и возвратившиеся после отбытия наказания.

Для выявления указанных лиц необходимо использовать имеющиеся в распоряжении органов милиции специальные средства и методы (оперативный учёт, личный сыск, наблюдение и т. д.).

Органы милиции в этих же целях должны поддерживать постоянную связь с психоневрологическими (сексологическими) и венерологическими диспансерами, а также с администрацией мест лишения свободы.

Выявлению лиц, могущих совершить половые преступления, призван способствовать также тесный контакт оперативных работников с населением (соседями подозреваемых лиц, дворниками, сторожами и т. п.) и с народными дружинниками.

Предупредительная работа с указанными выше лицами зависит от материалов, которыми располагают органы милиции.

Это может быть просто вызов на беседу или же официальное предостережение, осуществляемое путем привода в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство». В последнем случае начальник соответствующего отделения милиции обращает внимание лица приглашенного на беседу на его неправильное поведение и на последствия, к которым оно может привести.

Важное значение в профилактике половых преступлений имеет выявление милицией групп подростков, поведение которых дает возможность опасаться совершения ими изнасилований.

Группы организуют также и привычные гомосексуалисты, вовлекая в них морально неустойчивых юношей и подростков.

Органы милиции, как только им становится известным о существовании подобного рода группы, обязаны немедленно принять меры к тому, чтобы она распалась, установить источники вредного влияния на ее членов, выявить главаря группы и принять соответствующие меры для прекращения его антиобщественной деятельности.

Предупреждению половых преступлений может способствовать также надлежащая организация патрульной и постовой службы милиции с привлечением к ее несению членов народных дружин. Разработка дислокации милицейских постов и маршрутов патрулей и дружинников должна для этого производиться с учетом мест, где наиболее часто совершаются половые преступления (парки, пустынные улицы, переулки и т. п.).

Учитывая, что половые преступления в ряде случаев связаны с хулиганскими проявлениями, борьба с хулиганством и немедленное пресечение работниками милиции непристойного поведения в общественных местах имеет значение и для предотвращения половых преступлений.

Этому же способствует также борьба, проводимая органами милиции с притоносодержательством, сводничеством, а также установление квартир и других мест, где собираются сомнительные компании (рецидивисты, гомосексуалисты, лица, ведущие развратный образ жизни и т. п.). В этих целях необходима систематическая проверка оперативными работниками милиции подозрительных дворов, чердаков, подвалов, а также и квартир, являющихся местом подобного рода сборищ.

Предупредительная работа не процессуального характера проводимая органами прокуратуры и суда заключается, прежде всего, в правовой пропаганде.

Методы такой пропаганды могут быть самыми различными и включают в себя проведение лекций, индивидуальных бесед, а также выступлений в печати, по радио и телевидению.

Задачей ее должно быть предостережение морально неустойчивых лиц от совершения половых преступлений и мобилизация общественности на борьбу с ними.

Кроме того, эта пропаганда должна содействовать полной раскрываемости половых преступлений. Для этого нужно, чтобы самые широкие круги населения были осведомлены, что изнасилованием считается любой насильственный половой акт, независимо от того, кем и в какой обстановке он совершен, что органы следствия всегда могут раскрыть преступление этого рода, если о нем будет своевременно сообщено, даже если личность насильника потерпевшей неизвестна и что отсутствие свидетелей и следов насилия на теле потерпевшей не является препятствием для установления и осуждения лица, виновного в совершении изнасилования. В проводимых лекциях и беседах следует также подчеркивать, что материалы следственного дела разглашению не подлежат и судебное заседание по просьбе потерпевшей проводится при закрытых дверях и, что поэтому боязнь, что о совершенном насилии станет широко известно и это повредит репутации потерпевшей, неосновательна.

В результате таких бесед слушатели должны осознать насколько важно для успешной борьбы с половыми преступлениями и, в частности, с изнасилованиями, своевременно сообщать органам расследования о каждом случае их совершения.

Вместе с тем, при проведении лекций и бесед о половых преступлениях, необходимо соблюдать особую тактичность и сдержанность, не вдаваясь в детали этих преступлений, с тем, чтобы это не привело к прямо противоположному результату и не вызвало у слушателей недопустимого сексуального любопытства.

Большую пользу для установления причин совершения половых преступлений и выявления условий, способствующих их совершению, приносят обобщения следственной и судебной практики по таким делам, проводимые органами прокуратуры и суда. Так, в Таджикской ССР в 1967 году был проведено обобщение судебной практики по делам об изнасиловании. Его итоги рассматривались на пленуме Верховного Суда республики, который принял соответствующее постановление о борьбе с этими преступлениями.

Серьезные задачи в предупреждении половых преступлений, лежат на исправительно-трудовых учреждениях.

С лицами, осужденными за такие преступления, они должны вести индивидуальную воспитательную работу. В необходимых случаях следует проводить лечение таких осужденных с целью избавления от алкоголизма и устранения психопатических проявлений, если таковые имеются. При этом об исправлении лиц, осужденных за половые преступления, нельзя судить только по их отношению к труду и соблюдению режима в исправительно-трудовом учреждении.

Главное направление работы по перевоспитанию таких заключенных должно состоять в изменении их нравственного облика, в воспитании у них уважения к личности другого человека, в искоренении жестокости и цинизма.

Между тем на практике никаких специальных мероприятий по перевоспитанию осужденных за половые преступления, как правило, в исправительно-трудовых учреждениях не проводится. При досрочном освобождении таких лиц от отбытия наказания учитывается только их отношениее к работе и к соблюдению внутреннего распорядка исправительно-трудового учреждения.

Определенное значение в предупреждении половых преступлений принадлежит органам здравоохранения, в частности психоневрологическим диспансерам, которые должны информировать органы милиции о состоящих у них на учете лицах, склонных к половым извращениям. Это же, применительно к больным, уклоняющимся от лечения, относится и к венерологическим диспансерам.

Большую помощь в предупреждении и раскрытии половых преступлений оказывают сообщения родильных домов о поступивших к ним для родов или производства аборта девочках, не достигших 16-летнего возраста.

Однако, как показывает практика, венерологические и, особенно психоневрологические диспансеры, не всегда такую информацию регулярно направляют.

Вопрос о роли общественности в предупреждении преступлений подробно рассмотрен в юридической литературе. Велико ее значение и в предупреждении половых преступлений. Участие в этом общественности может проявляться в самых разнообразных формах. В частности весьма важным является своевременное реагирование общественных организаций и отдельных граждан на аморальное поведение членов их коллектива, соседей или просто случайно встреченных лиц. Ни одно проявление пьянства, сквернословия, половой распущенности не должно оставаться без соответствующего на это реагирования со стороны общественности.

Уличные и домовые комитеты могут оказать большую помощь в выявлении неблагополучных семей и в налаживании в них нормальной обстановки. В случаях, когда недостойное поведение родителей и развращающее их влияние на детей не поддается соответствующему воздействию, по инициативе общественности, должен быть поставлен вопрос перед соответствующими органами о лишении таких родителей родительских прав.

Ввиду того, что групповые изнасилования совершаются в основном несовершеннолетними, очень важным мероприятием является осуществление коллективного или индивидуального шефства над подростками, склонными к совершению правонарушений.

* * *

1. Предупреждение половых преступлений как комплекс общесоциальных и специальных мероприятий, проводимых государственными органами и общественными организациями, должно быть направлено: во-первых, на устранение непосредственных причин, вызывающих совершение половых преступлений; во-вторых, на устранение условий, способствующих их совершению и в-третьих,— обеспечить полное раскрытие совершенных, пресечение совершаемых и предупреждение готовящихся половых преступлений.

2. Из общесоциальных мероприятий для половых преступлений особое значение имеют меры, относящиеся к нравственному воспитанию граждан, особенно молодежи.

Основные принципы коммунистической нравственности, сформулированные в моральном кодексе строителя коммунизма, должны стать основой формирования личности, превратиться в ее глубокие нравственные убеждения и привычки.

3. Неотъемлемой частью нравственного воспитания является половое воспитание.

Задача полового воспитания состоит в формировании правильных взглядов на отношения между полами, привитии правил и навыков поведения с лицами противоположного пола, основанных на уважении к достоинству другого человека, а также в подготовке к выполнению в будущем семейных обязанностей.

Различные аспекты полового воспитания в семье и школе должны разрабатываться педагогами, психологами и медиками. Однако оно может дать необходимый эффект лишь в том случае, если его основой будет нравственная сторона отношений между полами, а не вопросы физиологии.

Для предупреждения половых преступлений важнейшее значение имеет также борьба с пьянством и надлежащая организация досуга трудящихся, особенно молодежи.

4. Из специальных мер процессуального характера, осуществляемых органами следствия и суда для предупреждения половых преступлений, особо важными являются:

— своевременное возбуждение и расследование дел;

— повышение качества предварительного следствия;

—вынесение представлений и частных определений об устранении причин и условий, способствующих совершению половых преступлений, и контроль за тем, какие меры по ним приняты.

5. Среди специальных мер непроцессуального характера по предупреждению половых преступлений важнейшее значение имеют оперативные мероприятия, проводимые органами милиции.

К их числу относятся:

— выявление случаев совершения половых преступлений, о которых не сообщено органам расследования;

— выявление лиц, которые могут совершить половые преступления для предупредительной работы с ними;

— установление групп (компаний), поведение которых может привести к совершению ими половых преступлений, и принятие мер, чтобы такие группы распались;

— своевременное пресечение случаев недостойного поведения в общественных местах;

— надлежащая организация патрульной и постовой службы;

— установление квартир и других мест, где собираются сомнительные в нравственном отношении лица.

6. К числу непроцессуальных мер по предупреждению половых преступлений, проводимых органами прокуратуры и суда, относится правовая пропаганда, состоящая в разъяснении требований уголовного закона в области половой морали и мобилизации общественности на борьбу с половыми преступлениями.

7. Особые задачи в предупреждении повторного совершения половых преступлений лежат на исправительно-трудовых учреждениях. Главным направлением работы по перевоспитанию осужденных за эти преступления должно быть воспитание у них нравственных качеств, соответствующих принципам социалистической морали.

8. В профилактической работе по предупреждению половых преступлений определенная роль принадлежит учреждениям здравоохранения, в частности психоневрологическим и венерологическим диспансерам, а также родильным домам, которые должны информировать органы милиции о лицах, склонных к половым извращениям, о больных венерическими заболеваниями, уклоняющихся от лечения ,а также о девушках, не достигших 16-летнего возраста, поступивших в родильные дома для родов и производства аборта.

9. Основными задачами общественности в деле предупреждения половых преступлений являются:

— своевременное реагирование на аморальное поведение отдельных граждан (пьянство, сквернословие, половая распущенность) как по месту работы, так и в быту;

— выявление неблагополучных семей и оказание им помощи в налаживании нормальной семейной обстановки и в воспитании детей;

— постановка перед соответствующими органами вопроса о лишении родительских прав лиц, недостойное поведение которых оказывает развращающее влияние на их детей;

— осуществление индивидуального и коллективного шефства над подростками, склонными к совершению правонарушений,

БИБЛИОГРАФИЯ

К. Маркс. Дебаты по поводу закона о краже леса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 119—160.

К. Маркс. Проект закона о разводе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 162—163.

К. Маркс. К критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 334.

К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 1—4.

К. Маркс. Частная собственность и коммунизм. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 585—615.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Лейпцигский собор. III. Святой Макс. К. Маркс. и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 75.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 434; 443—444.

К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 15—78.

Ф. Энгельс. Эрбельфельдские речи. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 2, стр. 537—538.

Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 336—337.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 68—80; 85—85.

Ф. Энгельс. Письмо Луизе Каутской. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 37, стр. 86—87.

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Полн. собр. соч., т. 1, стр. 148—154; 180—181.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 339—400; 423—424; 483—485.

В. И. Ленин. Политические софизмы. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 203—204.

В. И. Ленин. Дума и русские либералы. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 252—263.

В. И. Ленин. Культурные европейцы и дикие азиаты. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 89—90.

В. И. Ленин. Рабочий класс и неомальтузианство. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 255—257.

В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 286—287.

В. И. Ленин. Пятый международный съезд по борьбе с проституцией. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 331—332.

В. И. Ленин. Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 73—74.

В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 154—155.

В. И. Ленин. О лозунге «разоружения». Полн. собр. соч., т. 30, стр. 154—155.

В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 88—89; 99—100.

В. И. Ленин. Как организовать соревнование. Полн. собр .соч., т. 35, стр. 195—205.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Полн .собр. соч., т. 36, стр. 167—208.

В. И. Ленин. Пятый Всероссийский съезд Советов. Доклад Совета Народных Комиссаров. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 500.

В. И. Ленин. Письмо к американским рабочим. Полн .собр. соч., т. 37, стр. 48—64.

В. И. Ленин. Доклад на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 118—119.

В. И. Ленин. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 года. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 207—233.

В. И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 года. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186—187.

В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 400—401; 449.

В. И. Ленин. Великий почин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 22—23.

В. И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77—78.

В. И. Ленин. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 198—205.

В. И. Ленин. Советская власть и положение женщины. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 285—288.

В. И. Ленин. К женщинам-работницам. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 157—158.

В. И. Ленин. К Международному дню работниц. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 192—193.

В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 52—53.

В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 307—314.

В. И. Ленин. Речь на Всероссийском совещании политпросветов. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 398—408.

В. И. Ленин. Международный день работниц. Полн .собр. соч., т. 42, стр. 368—370.

В. И .Ленин. К вопросу о задачах Рабкрина, их понимании и их исполнении. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 127.

В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 31—33.

В. И. Ленин. Письмо Инессе Арманд 4 (17) января 1915 г. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 51—52.

В. И. Ленин. Письмо Инессе Арманд 11 (24) января 1915 г. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 54—57.

А. Бебель. Женщина и социализм. М., 1959.

Ф. Э. Дзержинский. Письмо А. Э. и Г. А. Булгак (1901 г.). Избр. произведения в 2-х томах, т. 1, М., 1957, стр. 490—495.

М. И. Калинин. Речь на 5 Всероссийском съезде РКСМ. Сб. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М., 1958, стр. 61.

М. И. Калинин. Борьба за человека. Сб. «О коммунистическом воспитании». М., 1956, стр. 66—71.

М. И. Калинин. О моральном облике нашего народа. Сб. «О коммунистическом воспитании». М., 1956, стр. 326—331; 334—338.

М. И. Калинин. Речь на вечере, посвященном чествованию учителей-орденоносцев сельских школ. Сб. «О коммунистиечском воспитании». М., 1956, стр. 142—145.

Н. К. Крупская. Ленин о коммунистической морали. «Сборник статей о Ленине». М., 1960, стр. 289—296.

Н. К. Крупская. Ленинское воспитанкие пионеров. «Сборник статей о Ленине». М., 1960, стр. 297—301.

Н. К. Крупская. Письмо А. Сокову. «Педагогигеские сочинения», т. 11, М., 1963, стр. 285—286.

Н. К. Крупская. Письмо М. Рахманкулову и Я. Назарову. «Педагогические сочинения», т. 11, М., 1963, стр. 305—310.

Н. К. Крупская. Письмо А. А. Шебуевой. «Педагогические сочинения», т. 11, М., 1963, стр. 472.

К. Цеткин. Из записной книжки. «Воспоминания о В. И. Ленине». М., 1955, стр. 40—65.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961.

* * *

Абрашкевич М. М. Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права. Одесса, 1904.

Авдеев М. И. Курс судебной медицины. М., 1959.

Авдеев М. И. О квалификации преступлений против личности. «Советское государство и право». 1959, № 8.

Александров Ю. В. О некоторых причинах и условиях, способствующих совершению несовершеннолетними преступлений, предусмотренных ст. 117 УК УССР. «Причины преступности несовершеннолетних в Украинской ССР». (Материалы конференции) . Киев, 1967.

Алексеев Н. С. Основы уголовного права Германской Демократической Республики, Л., 1960.

Алексеев Н. С., Смирнов В. Г., Шаргородский М. Д. Основание уголовной ответственности по советскому праву. «Правоведение», 1961, № 2.

Анашкин Г. З. Укреплять законность, искоренять преступность. М., 1965.

Анашкин Г. Повысить качество рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции. «Социалистическая законность», 1966, № 1.

Андреев М. За что мы судим при обвинении в изнасиловании, «Рабочий суд», 1928, № 8—9.

Андреева Л. А. Некоторые вопросы уголовного законодательства о половых преступлениях и их значение для судебно-медицинской экспертизы. Сб. «Вопросы судебномедицинской экспертизы», вып. 3. М., 1958.

Андреева Л. А. О характере принуждения при изнасиловании. «Правоведение», 1960, № 2.

Андреева Л. А. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве. Автореф. канд. дисс., Л., 1962.

Ахмедов Б. А., Блиндер Б. А. Причины и условия, способствующие совершению изнасилований и пути предотвращения этих преступлений. Сб. «Научные труды Ташкентского госуниверситета им. В. И. Ленина», вып. 267. Правоведение. Ташкент, 1964.

Ашаффенбург Г. Преступление и борьба с ним. Одесса, 1906.

Бабаян Э. А., Морозов Г. В., Попов Е. А., Фелинская Н. И. Некоторые вопросы судебной психиатрии по материалам совещания в Копенгагене «Судебномедицинская экспертиза», 1959, № 1.

Байсенов Б. С. Проблема обоснования ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Труды инст. филос. и права АН Казахской ССР, т. 7. «Вопр. угол. права и процесса», Алма-Ата, 1963.

Белинский В. Г. Опыт системы нравственной философии. Собр. соч., т. 1, М., 1948.

Белкин Р. С. Расследование изнасилований. В кн. «Криминалистика», М., 1959.

Беляев М. Социально-правовое поведение детей и взрослых. Иркутск, 1927.

Беляев Н. А. Классификация преступников и ее значение. «Вестник ЛГУ», серия экономики, философии и права, 1965, № 1.

Беляев Н. А. Объект преступления. «Курс советского уголовного права (часть Общая), т. I, Л., 1968.

Беляев Н. А., Керимов Д. А. Личность и закон. Л., 1967.

Беляев Н. А., Сорокин В. Д., Чечина Н. А. Методологические основы изучения причин правонарушений, совершаемых виновно гражданами. Сб. «Преступность и ее предупреждение», Л., 1966.

Бехтерев В. М. Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии. «Вопросы изучения и воспитания личности», 1912, № 4—5.

Бехтерев В. М. Психопатия и ее отношение к вопросу о вменяемости. Казань, 1888.

Блиндер Б. А. Повторность, как обстоятельство, отягчающее изнасилование. Сб. «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии», Душанбе, 1966.

Блиндер Б. А. Ответственность за изнасилование по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966.

Блонский П. П. Очерки детской сексуальности, М.-Л., 1935.

Блувштейн Ю. Об изучении личности преступника. Сб. «Экспертиза при расследовании преступлений». Вып. 6. Вильнюс, 1967.

Блюмин И. Г. Судебномедицинская экспертиза половых состояний мужчин. М., 1967.

Бляшко, Боррутау, Гофман и др. Сексуальная педагогика. М., 1926.

Болдырев Е. В. Изучение и предупреждение преступлений несовершеннолетних. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений», М., 1962.

Болдырев Е. В. Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних в СССР. М., 1964.

Болдырев Е. В. Совершенствовать систему мер предупреждения правонарушений несовершеннолетних. «Советское государство и право», 1966, № 1.

Болдырев Е., Герцензон А. и др. Алкоголизм — путь к преступлению. М., 1966.

Болдырев Е. В., Косоплечев Н. П. Общественность в борьбе с преступностью. Вып. 2, М., 1960.

Бородин С. В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966.

Бородин С., Владимиров В. Спорные вопросы квалификации некоторых преступлений в Комментариях Уголовного кодекса РСФСР. «Советская юстиция», 1966, № 14.

Бочкарева Г. Психология подростков-правонарушителей. «Советская юстиция», 1967, № 22.

Браиловский В. К вопросу о классификации психопатии. Сб. «Вопросы изучения преступности на Северном Кавказе». Вып. 2, Ростов, 1927.

Брайнин М. С., Смирнов Е. Н. Расследование преступлений, связанных с пережитками местных обычаев. М., 1962.

Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963.

Бруханский Н. П. Материалы по сексуальной психопатологии. М., 1927.

Будрин Ю. Т. К вопросу об установлении половой зрелости. Сб. «Проблемы криминалистики и судебной экспертизы», Алма-Ата, 1965.

Булатов С. Я., Мамутов А. М. Ответственность за преступления против личности по Уголовному кодексу Казахской ССР. Алма-Ата, 1961.

Васильев А. Н. Участие общественности в раскрытии преступлений. М., 1960.

Васильев А. Н. Предупреждение преступлений. М., 1963.

Васильев Ю. С. Взаимодействие права и морали. «Советское государство и право», 1966, № 11.

Вачейшвили А. Наказание и меры социальной защиты. Тбилиси, 1960.

Викторов Б. А. Цель и мотив в тяжких преступлениях. М., 1963.

Викторов О. С. К вопросу о телесном повреждении и психической травме в советском уголовном праве. «Правоведение», 1958, № 4.

Винберг А. И. О партийности в советской науке. ВИЮН. Тезисы. М., 1949.

Винберг А. И. Некоторые актуальные вопросы советской криминалистики. «Советское государство и право», 1962, № 5.

Вишерский Н. Профессия и преступность. Сб. «Современная преступность», 1930, вып. 2.

Вишневский А. М., Рустамбеков А. О серьезных недостатках в работе органов прокуратуры Таджикской ССР по расследованию дел о преступлениях, квалифицированных по Указу от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», Душанбе, 1958.

Владимиров Л. Е. Уголовный законодатель, как воспитатель народа. М., 1903.

Власов В. П., Кочаров Г. И. Опыт контрольного криминологического изучения умышленных убийств, М., 1966.

Внуков В. Проблемы изучения личности преступника. Харьков, 1930.

Внуков В. А., Эдельштейн А. О. О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений. Сб. «Правонарушения в области сексуальных отношений». М., 1927.

Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности. «Правоведение», 1963, № 3.

Волков Б. Установление мотива преступления — необходимое условие правильного применения закона и назначения наказания. «Советская юстиция», 1966, № 2.

Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968.

Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений под ред. А. А. Герцензона. М., 1962.

Вопросы методики и практики конкретных исследований причин преступности и личности преступника в центрально-черноземном экономическом районе. Воронеж, 1964.

Вульфен Е. Половой преступник. М., 1923.

Вышинская З. А. Преступления против личности. М., 1938.

Гаккебуш В., Залкинд И. Моральная дефективность в криминологии. «Вестник советской юстиции», 1924, № 24.

Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. М.-Л., 1927.

Гельфер М. А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве. Ученые записки ВЮЗИ, вып. 77, «Вопросы сов. уголовного права». **М.**, 1959.

Гельфер М. А. Уголовное право Чехословацкой республики. М., 1955.

Гельфер М. А. Состояние преступности и некоторые вопросы ее изучения в правовой литературе зарубежных социалистических государств Европы. Сб. «Проблемы искоренения преступности». М., 1965.

Геринг М. Криминальная психология. М., 1923.

Герман Р. Половая жизнь человека. М., 1928.

Гернет М. Общественная причина преступлений. М., 1906.

Гернет М. Моральная статистика. М., 1922.

Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР., М., 1931.

Гернет М. Н., Жижиленко А. А., Исаев М. М., Люблинский П. И., Трайнин А. Н. УК РСФСР. Практический комментарий, М., 1925.

Герцеги М. Половая психопатия. СПб, 1910.

Герцензон А. А. Половая преступность в дореволюционной России. Сб. «Правонарушения в области сексуальных отношений», М., 1927.

Герцензон А. А. Квалификация преступления. М., 1947.

Герцензон и др. История советского уголовного права. М., 1948.

Герцензон А. А. Об основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1959.

Герцензон А. А. Теоретические предпосылки изучения и предупреждения преступности. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений», М., 1962.

Герцензон А. А Предмет, метод и система советской криминологии. М., 1962.

Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.

Герцензон А. А. Неоломброзианство и кризис современной буржуазной криминологии. «Советское государство и право», 1965, № 11.

Герцензон А. А. Актуальные проблемы теории советской криминологии. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 6, М., 1967.

Герцензон А. А. Против биологических теорий причин преступности. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 4, М., 1966. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 5, М., 1967.

Герцензон А. А. Новейшая биопсихологическая концепция криминологии. «Правоведение», 1968, № 1.

Голубов Г. Д. Некоторые вопросы ответственности за особо опасный рецидив по советскому уголовному праву. «Ученые записки ВИЮН». Вып. 1 (18), М., 1964.

Гофман Э. Руководство по судебной медицине. СПб, 1908.

Грабовская Н. П. Выявление и устранение причин преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Сб. «Предупреждение правонарушений несовершеннолетних», Рига, 1963.

Гришаев П. И. Уголовноправовые теории и уголовное законодательство буржуазных государств. М., 1959.

Гришин П. Практические вопросы уголовной ответственности особо опасных рецидивистов. «Советская юстиция», 1966, № 17.

Гродзинский М. М. Преступления против личности. М., 1924.

Грун А. Из практики применения Указа от 24 апреля 1954 г. «Советская юстиция», 1958, № 5.

Грушин А. Б. Слушается дело о разводе. «Молодая гвардия», 1964, № 7.

Грюнхут М. Английское уголовное право. «Современное зарубежное уголовное право», т. 3, М., 1961.

Гуковская Н. И. Выявление следователем обстоятельств, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними. Сб. «Предупреждение преступности несовершеннолетних». М., 1965.

Гуковская Н. И. Деятельность следователя и суда по предупреждению преступлений несовершеннолетних. М., 1967.

Гуковская Н. И., Иванов В. И. и др. Опыт комплексного исследования причин и условий, способствующих совершению преступлений подростками. «Советское государство и право», 1963, № 9.

Гусев А. Д. Общество и личность. Минск, 1963.

Гусев Л. Н., Зуйков Г. Г., Утевский Ю. Б Выявление и устранение органами милиции причин и условий, способствующих совершению преступлений. М., 1964.

Гуськов В. И. О некоторых причинах преступности среди молодежи и изучение личности осужденных. «Изучение и предупреждение преступности». (Материалы практической конференции, май, 1965), вып. 2, Воронеж, 1966.

Дагель П. Понятие умысла в Советском уголовном праве. «Советская юстиция», 1966, № 20,

Дагель П. С. Криминологическое значение субъективной стороны преступления. «Советское государство и право», 1966, № 11.

Даниэльбек Б. В. К вопросу об ответственности за половые преступления по уголовному законодательству Азербайджанской ССР. «Ученые записки» (Азерб. госуниверситет, серия юридические науки, вып. 1), Баку, 1964.

Даниэльбек Б. В. К вопросу об истории законодательства о половых преступлениях в эксплуататорских государствах. «Ученые записки» Азербайджанского государственного университета, серия юридическая, № 1, Баку, 1966.

Даниэльбек Б. В. К вопросу о понятии преступных посягательств на половую неприкосновенность личности. Тезисы докладов и научных сообщений научной конференции АзГУ. Баку, 1967.

Даниэльбек Б. В. Правильное половое воспитание — важное средство предотвращения сексуальных преступлений. «Ученые записки» Азербайджанского госуниверситета. Баку, 1968.

Дворцин Ф. Б. Еще об одном возможном признаке установления изнасилования или попытки к нему. «Материалы 4-й расш. научн. конференции о-ва суд. медиков и криминалистов». Киев, 1959.

Демидов Ю. Понятие оконченного преступления. «Советская юстиция», 1966, № 18.

Добрынин Н. Ф., Бардиан А. М., Лаврова Н. В. Возрастная психология. М., 1965.

Добряков В. И. Судебномедицинская экспертиза изнасилований. Сб. «Актуальные вопросы судебной медицины и криминалистики». Труды ГИДУВа, вып. 49, Л., 1966.

Домахин С. А. Понятие преступления. Преступность и ее причины. «Курс советского уголовного права (часть Общая)» т. 1, л., 1968.

Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб, 1912.

Дрейв. Сексуальная революция. Л., 1924.

Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по Советскому уголовному праву. М., 1955.

Дурманов Н. Д. Виды соучастников и их ответственность. «Советская юстиция», 1966, № 12.

Дурманов Н. Д. Общие вопросы соучастия в судебной практике. «Советская юстиция», 1966, № 21.

Жгутов В. С. Некоторые вопросы предупреждения преступности среди несовершеннолетних. «Изучение и предупреждение преступности». Материалы практической конференции. Май, 1965, вып. 2. Воронеж, 1966.

Жижиленко А. А. Преступность и ее факторы. «Мир знаний», 1922.

Жижиленко А. А. Преступления против половой неприкосновенности по Уголовному кодексу РСФСР. «Право и жизнь», 1924, № 1.

Жижиленко А. А. Половые преступления. М., 1924.

Жижиленко А. А. Состав преступления по ст. 169 УК «Вестник советской юстиции», 1924, № 23.

Жижиленко А. А., Оршанский Л. Г. Половые преступления. М., 1927.

Жижиленко А. А. Преступления против личности. М.-Л., 1927.

Жогин Н. В. Борьба с преступлениями, составляющими пережитки феодально-байского быта. М., 1958.

Жуков А., Онишко А. Борьба с посягательствами на честь женщины. «Социалистическая законность», 1960, № 8.

Жуков Б. А. Пьянство и преступность. «Изучение и предупреждение преступности». Материалы практической конференции. Май, 1965, вып. 2, Воронеж, 1966.

Загородников Н. И. Система составов преступлений против личности в связи с проектом УК СССР. «Социалистическая законность», 1954, № 7.

Заменгоф М. Преступность стариков. П., 1915.

Звирбуль В. К. Некоторые вопросы изучения и предупреждения преступности. «Предупреждение преступлений». Материалы теоретической конференции. Вильнюс, 1965.

Звирбуль В. К. Координация работы органов прокуратуры, суда и охраны общественного порядка по борьбе с преступностью. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 4, М., 1966.

Звирбуль В. К. Преступность в СССР и объективные возможности ее предупреждения и ликвидации. «Вопросы криминалистики и криминологии», Душанбе, 1968.

Звирбуль В. К., Михайлов А. И. Основные направления и формы работы следователя по предупреждению преступлений. Сб. «Проблемы искоренения преступления». М., 1965.

Змиев Б. Н. Уголовное право, часть Особенная, Казань, 1923.

Змиев Б. Н. Преступления в области половых отношений в городе и деревне. Сб. «Проблемы преступности», вып. 2, М.-Л., 1927.

Зуйков Г. Г. К вопросу о понятии причин преступления и условий, способствующих его совершению. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, М., 1965.

Зуйков Г. Г. Психологический аспект способа совершения преступления. «Труды Высшей школы МООП СССР», вып. 19, М., 1968.

Зуйков Г. Г., Гришанин П. Ф., Кривошеев А. С., Ратинов А. Р., Шаповалов Н. И., Якубович М. И. Выявление причин и предупреждение преступлений. М., 1967.

Иванов Н. В. Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств. М., 1966.

Иванников А. И. Роль общественности в предупреждении преступлений. Сб. «Изучение и предупреждение преступности» (Материалы практической конференции), вып. 2, Воронеж, 1966.

Игнатов А. Н. Уголовная ответственность за изнасилование. «Советская юстиция», 1963, № 8.

Игнатов А. Н. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления), М., 1966.

Кагрманов В. П. Вопросы системы Особенной части проекта УК Азербайджанской ССР. «Советское государство и право», 1959, № 7.

Кагрманов В. П. Преступления против раскрепощения женщин по уголовному законодательству Азербайджанской ССР, автореф. дисс. Тбилиси, 1946.

Калашников Г. Н. Работа с общественными организациями и общественностью как одна из форм предупреждения преступности.

«Изучение и предупреждение преступности». (Материалы практической конференции), Сб. 2, Воронеж, 1966.

Калинин Ю. Борьба с безнравственностью или ее утверждение? «Советская юстиция», 1966, № 2, стр. 29—31.

Калинин Ю. В. Половое воспитание молодежи, как одно из средств, предупреждения преступлений против нравственности. «Изучение и предупреждение преступлений», вып. 8, Воронеж, 1968.

Кандинский В. Х. К вопросу о невменяемости. СПб, 1890.

Карнович Г. Б., Коршик М. Г. Расследование половых преступлений. М., 1958.

Карпец И. И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в Советском уголовном праве. М., 1959.

Карпец И.. И. Общественность в борьбе с преступностью. Л., 1960.

Карпец И. И. Индивидуализация наказания. М., 1961.

Карпец И. И. О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях. «Советское государство и право», 1964, № 4.

Карпец И. И. Некоторые проблемы науки Советского уголовного права в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране». «Советское государство и право», 1965, № 1.

Карпец И. И. Актуальные проблемы изучения и предупреждения преступности. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 1, М., 1965.

Карпец И. И. Укрепление связи науки с практикой — важнейшая задача в борьбе с преступностью. «Изучение и предупреждение преступности». Материалы практической конференции, май 1965, вып. 2. Воронеж, 1966.

Карпец И. И. О природе и причинах преступности в СССР. «Советское государство и право», 1966, № 4.

Карпец И. И. Основные направления развития советской правовой науки в борьбе с преступностью. «Советская юстиция», 1967, № 20.

Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Антиобщественные явления, их причины и средства борьбы с ними. «Коммунист», 1966, № 12.

Касаткин Ю. П. К вопросу о путях ликвидации преступности. «Труды юридического факультета Таджикского госуниверситета». Душанбе, 1957.

Касаткин Ю. П. О системе составов преступлений, составляющих пережитки родового быта, в связи с проектом Уголовного кодекса СССР. «Учен. записки ТГУ», т. 8, Труды юрид. ф-та, вып. 3. Душанбе, 1955.

Кириченко В. Ф. Значение ошибки по Советскому уголовному праву. М., 1952.

Кириченко В. Ф. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. «Советское государство и право», 1958, № 8.

Кириченко В. Ф. Смешанные формы вины. «Советская юстиция», 1966, № 19.

Ключинская Л. А. Характер преступлений несовершеннолетних. Сб. «Предупреждение правонарушений несовершеннолетних», Рига, 1963.

Ковалев А. Г. Воспитание нравственных чувств у школьника. Л., 1961.

Ковалев М. Исследование образовательного уровня преступников. «Советское государство и право», 1968, № 2.

Клява Г. Я. Благородная задача общества строителей коммунизма. Сб. «Предупреждение правонарушений несовершеннолетних», Рига, 1963.

Колбановский В. Н. О половом воспитании подрастающего поколения. «Советская педагогика», 1964, № 3.

Колмаков В. П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений. «Советское государство и право», 1961, № 12.

Кон И. С. Половая мораль в свете социологии. «Советская педагогика», 1966, № 12.

Кони А. Ф. Маргарита Жюжан. Собр. соч., т. 1, М., 1966.

Кони А. Ф. Суд — наука — искусство. Собр. соч., т. 1, М., 1966.

Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. Собр. соч., т. 2, М., 1966.

Кони А. Ф. Кассационное заключение по делу бывш. нотариуса Назарова, обвиняемого по 1525 ст. Уложения. Собр. соч., т. 3, М., 1967.

Кони А. Ф. Обвинительная речь по делу об убийстве коллежского асессора Чихарева. Собр. соч., т. 3, М., 1967.

Короткова Т. И. К вопросу о причинах антиобщественного поведения детей и подростков. «Вопросы предупреждения преступлений». (Материалы к научной конференции аспирантов и соискателей), М., 1964.

Короткова Т. И. О некоторых исходных положениях изучения личности несовершеннолетнего правонарушителя. Сб. «Предупреждение преступности несовершеннолетних», М., 1965.

Коршик М. Г., Степичев С. С. Объем и методы изучения личности обвиняемого. «Социалистическая законность», 1965, № 3.

Косоплечев Н. П. Основные направления криминологических исследований. Сб. «Вопросы преодоления пережитков прошлого», вып. 2, Улан-Удэ, 1966.

Костяшкин Э. Г. Педагогические аспекты полового воспитания. «Советская педагогика», 1964, № 7.

Кояла В. Участие общественности в борьбе с преступлениями несовершеннолетних. «Предупреждение преступлений». Материалы теоретической конференции. Вильнюс, 1965.

Краснушкин Е. К. Правонарушения в области сексуальных отношений. М., 1927.

Краснушкин Е. К. Преступники-психопаты. М., 1929.

Краснушкин Е. К. К психологии и психопатологии половых правонарушений. Сб. «Правонарушения в области сексуальных отношений», М., 1927.

Крафт-Эбинг А. Половая психопатология. СПб, 1903.

Крахмальник Л. Г., Ной И. С. О профилактике преступлений психопатов. «Сб. научных работ Саратовского отделения Всесоюзного общества судебных медиков и криминалистов», Саратов, 1961.

Крутецкий В. А., Лукин Н. С. Психология подростка. М., 1965.

Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.

Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963.

Кудрявцев В. Н. К вопросу об изучении причин преступности. «Советское государство и право», 1964, № 5.

Кудрявцев В. Н. Категория причинности в Советской криминологии. «Советское государство и право», 1965, № 11.

Кудрявцев В. Н. Некоторые итоги и перспективы криминологических исследований. «Советская юстиция», 1967, № 1.

Кудрявцев В. Н. Советская криминология — наука о предупреждении преступлений. М., 1967.

Кудрявцев В. Социальная обусловленность преступного поведения и роль биологических факторов. «Социалистическая законность», 1967, № 6.

Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968.

Кузнецова Н. Ф. Добровольный отказ от преступления в советском уголовном праве. «Вестник Московского университета», 1955, № 1.

Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958.

Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. М., 1958.

Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967.

Кузнецова Н. Ф., Остроумов С. С. О причинах и условиях преступности. «Вестник МГУ», 1965, № 4.

Кукарский И. Некоторые ошибки судебно-следственных органов по делам об изнасиловании. «Советская юстиция», 1963, № 1.

Курляндский В. И. О предупреждении преступлений. «Советская юстиция», 1957, № 4.

Лаврентьев. Душевные болезни и половые преступления. «Неврология и психиатрия», 1928.

Лаптев А. В. Состав преступления. М., 1946.

Лаптев А. В. Состав преступления и квалификация уголовных дел. М., 1939.

Лашин М. П. Предупреждение и раскрытие органами милиции преступлений несовершеннолетних. М., 1965.

Лебединский М. С., Мясищев В. И. Введение в медицинскую психологию. М., 1966.

Левитов Н. Д. Детская и педагогическая психология. М., 1964.

Ледащев В. Против биологизации причин преступности. «Советская юстиция», 1968, № 1.

Лекарь А. Г. Некоторые вопросы деятельности органов МООП по предупреждению преступлений. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 1, М., 1965.

Ленц А. К. Криминальные психопаты (социопаты). Л.-М., 1927.

Леонтьев А. Н. Проблема развития психики. М., 1959.

Лейкина Н. С. О включении в составы преступлений признаков, характеризующих личность преступника. «Правоведение», 1966, № 1.

Лейкина Н. С. Влияние личностных особенностей на преступность. «Советское государство и право», 1967, № 1.

Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. М., 1968.

Лейкина Н. С., Грабовская Н. П. Субъект преступления. «Курс советского уголовного права (часть Общая)», т. 1, Л., 1968.

Лейтман Л. К вопросу о половом совершеннолетии. «Судебно-медицинская экспертиза», книга 9, М., 1928.

Лист Ф. Учебник уголовного права. М., 1905.

Лохвицкий А. В. Курс уголовного права, СПб, 1867.

Лукин И. Е. Опасный преступник обезврежен. (Дело о понуждении к мужеложству несовершеннолетних). Бюллетень по обмену опытом следственной работы № 5, следственного отдела МООП Таджикской ССР, Душанбе, 1967.

Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии, М., 1966.

Лунц Д. Р. Проблема соотношения социального и биологического в судебной психиатрии (к развитию материалистической теории в советской судебной психиатрии). «Судебномедицинская экспертиза», 1968, № 1.

Лунц Д. Р. Оценка судом психических аномалий обвиняемого, не исключающих вменяемости. «Правоведение», 1968, № 2.

Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. М., 1923.

Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925.

Люблинский П. И. Половые посягательства против детей. Сб. «Проблемы преступности», вып. 1, М.-Л., 1926.

Люблинская А. А. Очерки психического развития ребенка. М., 1959.

Лясс Н. В. Понятие и основания наказуемости приготовления и покушения. «Уч. записки ЛГУ», вып. 8, 1956.

Лясс Н. В. К вопросу об основаниях уголовной ответственности. «Вестник ЛГУ», вып. 3, 1960.

Лясс Н. Добровольный отказ от совершения преступлений. «Советская юстиция», 1963, № 22.

Лясс Н. В. Стадия совершения преступления. «Курс советского уголовного права (Часть Общая)», т. 1, Л., 1968.

Ляхович О. Э., Братковский П. В. Главное направление—профилактика. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, М., 1965.

Макаренко А. С. Книга для родителей. Соч., т. 4, М., 1957.

Макашвили В. Г. Некоторые вопросы вины в Советском уголовном законодательстве. «Советское государство и право», 1952, № 1.

Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957.

Макашвили В. Г. Волевой и интеллектуальный элементы умысла. «Советское государство и право», 1966, № 7.

Макашвили В. Г., Церетели Т. О неосторожности по Советскому уголовному праву. «Проблемы социалистического права», 1939, № 4—5.

Маньковский Б. С. Современная половая преступность. Сб. «Правонарушения в области сексуальных отношений», М., 1927.

Маньковский Б. С. Проблема ответственности в уголовном праве, М., 1949.

Маньковский Б. С. Вопросы вины в Советском уголовном праве. «Советское государство и право», 1951, № 10.

Маркус Ф. Уголовное право Дании. «Современное зарубежное уголовное право», М., 1957, т. 1.

Махов Ф. С. Преступность несовершеннолетних в США и Англии. М., 1964.

Меньшагин В. Д. К вопросу о разработке Особенной части уголовных кодексов союзных республик. «Советское государство и право», 1959, № 7.

Миньковский Г. М. Борьба с преступностью несовершеннолетних в НРБ. «Вопросы криминалистики», № 8—9, М., 1961.

Миньковский Г. М. Некоторые данные о современном состоянии преступности в капиталистических государствах. «Вопросы криминалистики» № 3, М., 1962.

Миньковский Г. М. Актуальные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в социалистическом обществе. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, М., 1965.

Миньковский Г. М. Некоторые вопросы изучения преступности несовершеннолетних. Сб. «Предупреждение преступности несовершеннолетних». М., 1965.

Миньковский Г. М. Некоторые причины преступности несовершеннолетних в СССР и меры ее предупреждения. «Советское государство и право», 1966, № 5.

Миньковский Г. М., Арзуманян Т. М., Звирбуль В. К., Кацук М. И., Шинд В. И. Деятельность органов расследования прокурора и суда по предупреждению преступлений. М., 1962.

Мирский Д. Я. Методика расследования изнасилований. Свердловск, 1956.

Митричев С. П. Участие общественности в предупреждении и раскрытии преступлений. М., 1961.

Митричев С. П. Использование органами милиции некоторых форм помощи общественности в борьбе с преступностью. М., 1964.

Михайленко П. П. Вопросы предупреждения преступности в УССР. Сб. «Проблемы сов. угол. права в период развернутого строительства коммунизма», Л., 1963.

Михайленко П. П. Результаты конкретно-социологического исследования причин преступности несовершеннолетних в Украинской ССР. «Причины преступности несовершеннолетних в Украинской ССР». (Материалы конференции). Киев, 1967.

Михайленко П., Гельфанд И. Вопросы предупреждения преступлений органами милиции. Киев, 1963.

Михайленко П. П., Гельфанд И. А. Предупреждение преступлений — основа борьбы за искоренение преступности. М., 1964.

Михлин А. С. Роль последствий преступления в советском уголовном праве. «Правоведение», 1959, № 3.

Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Харьков, 1928.

Молль А. Половое извращение. СПб, 1907.

Мудьюгин Г. Н. Расследование изнасилований. В кн. «Руководство по расследованию преступлений», под ред. И. И. Карпеца, Г. И. Кочарова, М., 1967.

Муллаев М. М. Комментарий уголовного кодекса Таджикской ССР (Общая часть). Душанбе, 1968.

Набоков В. Плотские преступления по проекту уголовного уложения. Сборник статей, 1904.

Натансон В. Половые преступления по Уголовному кодексу УССР и РСФСР, Харьков, 1928.

Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1963.

Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. СПб, 1876.

Немировский Э. Я. Советское уголовное право, Одесса, 1926.

Никитин К. И. Дальнейшее совершенствование форм и методов борьбы с преступностью и иными нарушениями общественного порядка. «Советское государство и право», 1966, № 11.

Никифоров А. С. Совокупность преступлений. М., 1965.

Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960.

Никифоров Б. С. Об умысле по действующему уголовному законодательству. «Советское государство и право», 1965, № 6.

Никифоров Б. С. Применение общего определения умысла к нормам Особенной части УК. «Советское государство и право», 1966, № 7.

Никифоров Б. С. Реакционная американская биокриминология. «Труды института права», т. 1, 1951.

Ной И. С., Шабалин В. В., Демидов Ю. А. О расширении научной основы изучения личности преступника. «Тезисы докладов и сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки». Кишинев, 1965.

Норейко Т. С. «Половая зрелость» в свете юридического законодательства и некоторые сведения об этом понятии из юридической литературы. «Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов», вып. III, Петрозаводск, 1966.

Овчинский С. С. Взаимодействие следователей МООП с работниками уголовного розыска при выявлении причин преступности. Сб. «Проблемы искоренения преступности», М., 1965.

Озерецкий Н. И. Психопатология детского возраста. Л., 1938.

Организация изучения причин преступности и разработки мер ее предупреждения. Под ред. И. И. Карпеца, М., 1966.

Орлов В. С. Субъект преступления по Советскому уголовному праву. М., 1958.

Осипов П. П. Рост половых преступлений в ФРГ и его отражение в западногерманской криминологии. «Правоведение», 1965, № 2.

Осипов П. П. Квалификация половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. «Вестник Ленинградского университета», серия «экономики, философии и права», 1966, № 1.

Осипов П. П. К вопросу о понятии половой зрелости. «Судебно-медицинская экспертиза», 1966, № 3.

Осипов П. П. Половая свобода и ее уголовно-правовая охрана в социалистическом обществе. Сб. «Вопросы охраны прав личности и укрепления социалистической законности». Саратов, 1966.

Осипов П. П. Половые преступления. (Общее понятие, социальная сущность и система составов). Автореф. канд. дисс., Л., 1967.

Остроумов С. С. Исторические предпосылки современных буржуазных уголовноправовых теорий. «Вестник Московского университета», 1963, № 4.

Остроумов С. С. Преступность и ее причины. «Наука и жизнь», 1968, № 7.

Остроумов С. С., Чугунов В. Е. Изучение личности преступника по материалам криминологических исследований. «Советское государство и право», 1965, № 9.

Павлов И. П. Общие типы высшей нервной деятельности животных и человека. Полн. собр. соч., т. 3, книга 2, М.-Л., 1951.

«Павловские среды», т. 2, М., 1949.

Панкратов В. В. Проблема причинности и принцип взаимодействия в криминологии. «Советское государство и право», 1957, № 6.

Панфиленко О. А. Установление половой зрелости при проведении судебномедицинской акушерско-гинекологической экспертизы. «Судебномедицинская экспертиза», 1965. № 1.

Паше-Озерский Н. Н. Половые преступления в УК (спорные вопросы). «Вестник советской юстиции», 1926, № 16.

Паше-Озерский Н. Н. Вопросы уголовного права на 1-м Международном конгрессе по изучению полового вопроса в Берлине 10—16 октября 1927 г. «Вестник советской юстиции», 1927, № 4.

Перель Я. Преступления против жизни, здоровья и достоинства личности в УК 1926 г. «Еженедельник советской юстиции», 1927, № 32.

Перлов И. Д. Советский суд в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей. М., 1954.

Першин М. Л. Половые преступления. «Рабочий суд», 1927, № 9.

Пинчук В. И. Некоторые данные к характеристике особо опасных рецидивистов. «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, М., 1965.

Пионтковский А. А. Укрепление социалистической законности и основные вопросы учения о составе преступления. «Советское государство и право», 1954, № 6.

Пионтковский А. А. Основания уголовной ответственности. «Советское государство и право», 1959, № 11.

Пионтковский А. А. Учение о преступлении по Советскому уголовному праву. М., 1961.

Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс Советского уголовного права. Особенная часть, т. 1, М., 1955.

Плюшков Н. Уменьшенная вменяемость. «Вестник советской юстиции», 1922, № 19—20.

Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права, М., 1912.

Познышев С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть, М., 1923.

Познышев С. В. Криминальная психология, Л., 1926.

Попов Н. В. Судебная медицина, М., 1950.

Преступления против несовершеннолетних. Комментарии к уголовному законодательству, М.-Л., 1932.

Преступность в капиталистическом мире после второй мировой войны, отв. ред. А. А. Герцензон, М., 1963.

Прохоров В. С. Состав преступления. Объективная сторона состава преступления. Соучастие в преступлении. «Курс советского уголовного права (Часть Общая)», т. 1, Л., 1968.

Пурцхванидзе Б. З. Охрана чести и достоинства личности в Советском уголовном праве. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1956.

Пфеннингер Г. Ф. Швейцарское уголовное право. «Современное зарубежное уголовное право», М., 1958, т. 2.

Пятницкий Б. И. Половые извращения и уголовное право. Могилев, 1910.

Р. Н. Н. Изнасилование в браке. «Право и жизнь», 1924, № 9.

Рагинский М., Шляпочников А. Роль института предостережения. «Социалистическая законность», 1959, № 6.

Раджабов С. А. Роль общественности и общественных организаций в осуществлении функций Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. «Тезисы доклада на респ. конф., посвященной роли общественности». Душанбе, 1960.

Рассейкин Д. П., Минасян Г. И. О роли общественности в укреплении социалистического правопорядка. «Советское государство и право», 1960, № 7.

Расулев А. Х. Некоторые вопросы Общей части Уголовного кодекса Узбекской ССР. «Труды Среднеазиатского госуниверситета», вып. 145, Юридич. науки, кн. 4, Ташкент, 1958.

Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.

Рахунов Р. Д. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. «Советская юстиция», 1936, № 14.

Рахунов Р.Д., Якименко И. Д. Выявление судом причин и условий, способствующих совершению преступлений. М., 1967.

Рашковская Ш. С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. М., 1959.

Райский М. И. Судебная медицина. М., 1953.

Реефельдт П. Судебномедицинское установление преступления. М., 1928.

Ременсон А. К вопросу о происхождении буржуазной биокриминологии. «Труды Томского госуниверситета», т. 137, 1957.

Реннеберг И. Объективная сторона преступления. М., 1957.

Решетников Ф. М. Критика современной американской криминологии. Автореф. канд. дисс., М., 1959.

Решетников Ф. М. Современная американская криминология. М., 1965.

Рогачевский Л. И. Значение изучения личности преступника для индивидуализации наказания. «Вопросы предупреждения преступлений». (Материалы к научной конференции аспирантов и соискателей), М., 1964.

Ромашкин П. С. О роли убеждения и принуждения в Советском государстве. «Советское государство и право», 1960, № 2.

Ромашкин П. С., Герцензон А. А. Основы Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. «Советское государство и право», 1959, № 2.

Ротштейн Ц. Ю. К казуистике изнасилований. «Казанский медицинский журнал», 1926, № 11.

Роша Н. А. Роль микросреды в формировании преступных групп несовершеннолетних. «Изучение и предупреждение преступности». Материалы практической конференции ,май 1965, вып. 2, Воронеж, 1966.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.

Руденко Р. Задачи органов прокуратуры в свете решений XXI съезда КПСС и новых общесоюзных законов. «Социалистическая законность», 1959, № 4.

Руденко Р. А. Строго блюсти социалистическую законность. «Партийная жизнь», 1954, № 6.

Сабо А. Теоретические вопросы изучения преступности среди молодежи. Сб. «Предупреждение преступности несовершеннолетних», М., 1965.

Савицкий В. М., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963.

Самолюк И. Д. Определенный и неопределенный умысел. «Советское государство и право», 1966, № 7.

Самощенко И. С. Основные пути ликвидации правонарушений в советском обществе. «Правоведение», 1962, № 2.

Самощенко И. С. Понятие правонарушения в советском обществе. М., 1963.

Санталов А. И. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. «Курс Советского уголовного права (Часть Общая)», т. 1, Л., 1968.

Сапожников Ю. С. Об определении половой зрелости у лиц женского пола. «Материалы 4-й расш. научн. конфер». Киев, 1959.

Сапожников Ю. С. О необходимости составления правил судебномедицинского исследования половых состояний. «Сб. трудов IV Всесоюзной конференции судебных медиков», Рига, 1962.

Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

Сахаров А. Б. Некоторые вопросы развития советской криминологии. Тезисы научной конференции «Проблемы Советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма», Л., 1963.

Сахаров А. В. Алкоголь и преступность несовершеннолетних. «Советская юстиция», 1965, № 16.

Сахаров А. Б. Учение о личности преступника. «Советское государство и право», 1968, № 9.

Сегал Г. К проблеме половой преступности. Сб. «Правонарушения в области сексуальных отношений», М., 1927.

Сегалов Т. Е. Психология половых преступлений. «Вестник права», 1910, № 25.

Сербский В. П. Судебная психопатология. М., 1895, т. 1.

Сербский В. П. О судебно-психиатрической экспертизе. (Доклад II съезду отечественных психиатров). «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», 1905, т. 5, кн. 5.

Сергеев А. И. Расследование изнасилований. В кн. «Криминалистика», под ред. Р. С. Белкина, М., 1967.

Сердюков М. Г. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1964.

Сирота В. М. К вопросу о правовой и судебномедицинской характеристике некоторых видов половых преступлений. «Материалы III расширенной научной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки, проф. М. И. Райского, Киев, 1958.

Скляр Н. О происхождении и сущности гомосексуализма. Харьков, 1925.

Слуцкий И. И. Преступления против личности в проекте УК СССР. «Социалистическая законность», 1947, № 4.

Смирнов Д. А. Недостатки воспитания как причина сексуальных ненормальностей. М., 1912.

Смолянинов В. М., Татиев К. И., Черваков В. Ф. Судебная медицина. М., 1959.

Смольский И. И. К вопросу о растлении в судебномедицинском отношении. СПб, 1898.

Собчак А. А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности. «Правоведение», 1968, № 1.

Советская криминология. М., 1966.

Советское уголовное право. Часть Особенная, под ред. М. Д. Шаргородского и Н. А. Беляева, М., 1962.

Советское уголовное право. Часть Особенная, под ред. В. И. Загородникова, М. И. Якубовича и В. А. Владимирова, М., 1965.

Современное зарубежное уголовное право. Том первый, Аргентина, Дания, Япония, Югославия, под ред. А. А. Пионтковского, М., 1957.

Современное зарубежное уголовное право. Том второй, Финляндия, Швейцария, под ред. А. А. Пионтковского, М., 1958.

Современное зарубежное уголовное право. Том третий, Чили, Англия, Греция, Австрия, под ред. А. А. Пиантковского, М., 1961.

Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив). М., 1927.

Соловьева В. С. Изучение полового созревания подростков нескольких районов Советского Союза. «Доклады на VII международном конгрессе антропологических наук в августе 1964 года», М., 1964.

Солодкин И. И. Проект закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития. «Вопросы кодификации советского права», вып. 3, Л., 1960.

Солодкин И. И. Советский уголовный закон. «Курс советского уголовного права (Часть Общая)», т. 1, Л., 1968.

Сорохтин Г. И. Общие основы полового воспитания. М., 1930.

Сотонин К. И. Очерк криминальной психологии. Казань, 1925.

Социология преступности (современные буржуазные теории). Сб. статей, под ред. Б. С. Никифорова, М., 1966.

Станков А. Г. Половая жизнь и семья. Киев, 1957.

Степичев С. С. Изучение отдельных видов преступлений и практическое использование его результатов. Сб. «Проблемы искоренения преступности». М., 1965.

Степичев С. С. Формы и методы изучения личности преступника. «Социалистическая законность», 1960, № 8.

Степичев С. С. Меры предупреждения убийства, разбойных нападений, изнасилований и хулиганства. «Сборник материалов совещания следственных работников органов прокуратуры». М., 1960.

Степичев С. С., Яковлев А. М. Вопросы борьбы с редицивом. М., 1961.

Степичев С. С., Яковлев А. М. Изучение личности обвиняемого и осужденного. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений», М., 1962.

Степичев С. С., Яковлев А. М. Изучение и предупреждение тяжких преступлений против личности и общественного порядка. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений», М., 1962.

Стефановский Д. Н. Пассивизм. (Заметки по вопросам половой психопатологии). «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии». Харьков, 1893, т. 21 — № 1.

Строгович М. С. Преступления против личности «Еженедельник советской юстиции», 1926, № 47.

Стручков Н. А. Назначение наказания по совокупности, М., 1957.

Стручков Н. А. О механизме взаимного влияния обстоятельств, обусловливающих совершение преступлений. «Советское государство и право», 1966, № 10.

Сущенко Ю. К. Разграничение составов половых преступлений против несовершеннолетних. «Советская юстиция», 1963, № 23.

Сущенко Ю. К. Об ответственности за развращение несовершеннолетних. «Ученые записки» (Саратовский юридический институт), вып. II. «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики», Саратов, 1964.

Сущенко Ю. К. К анализу статьи 119 УК РСФСР. «Вопросы государства и права». Ученые записки, вып. 12. Саратов, 1965.

Сущенко Ю. К. Содержание вины при изнасиловании несовершеннолетней. «Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1963—1964 гг. », Саратов, 1965.

Сущенко Ю. К. Половое воспитание молодежи—важная мера предупреждения половых преступлений. «Вопросы охраны прав личности и укрепления социалистической законности». (Материалы научной конференции, март, 1966), Саратов, 1966.

Сущенко Ю. К. Ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по Советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1967.

Тагер А. С. Два вида насилия. «Административный вестник», 1927, № 9.

Тадевосян В. С. Борьба за ликвидацию правонарушений несовершеннолетних в СССР. «Социалистическая законность», 1957, № 10.

Тадевосян В. С. Об уголовной ответственности за преступления против детей. «Советское государство и право», 1940, № 8—9.

Тадевосян В. С. На страже советских законов о защите прав женщин. «Социалистическая законность», 1941, № 3.

Тадевосян В. С. Усилить борьбу с преступлениями против раскрепощения женщин-националок. «Социалистическая законность», 1938, № 11.

Танасевич В. К теоретическим основам разработки мер предупреждения преступлений. «Советское государство и право», 1964, № 6.

Танасевич В. Г. Понятие причин, условий и обстоятельств, способствующих преступлениям. Сб. «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии», Душанбе, 1966.

Тарновский В. М. Извращение полового чувства, СПб, 1885.

Тихенко С. И. Невменяемость и вменяемость. Киев, 1927.

Тихонов К. Ф. К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве. «Правоведение», 1963, № 3.

Тишкевич И. С. К вопросу о составе неоконченного преступления. «Советское государство и право». 1956, № 5.

Тишкевич И. С. Приготовление и покушение по Советскому уголовному праву. М., 1958.

Ткачевский Ю. М. Преступность и алкоголизм. М., 1966.

Трайнин А. Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная, Л., 1925.

Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941.

Трайнин А. Н. Состав преступления по Советскому уголовному праву. М., 1951.

Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957

Трахтеров В. С. Уменьшенная вменяемость в Советском уголовном праве. «Право и жизнь», 1925, № 9—10.

Трахтеров В. С. Формула невменяемости в Советском уголовном праве. «Ученые записки Харьковского юридического института», Харьков, 1939.

Трахтеров В. С. Вменяемость как условие уголовной ответственности. «Ученые записки Харьковского юридического института», Харьков, 1957, вып. 9.

Тынков М. Л. Алкоголизм—серьезная причина совершения преступлений. «Изучение и предупреждение преступности». Материалы практической конференции, май, 1965, вып. 2. Воронеж, 1966.

Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Германская демократическая республика, под ред. М. А. Гельфера, М., 1961.

Уголовный и Военно-уголовный кодексы Народной Республики Болгарии, ред. З. И. Луковников, М., 1951.

Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Румынская Народная Республика, под ред. М. А. Гельфера, М., 1962.

Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Чехословацкая Социалистическая Республика, под ред. М. А. Гельфера, М., 1961.

Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Чехословацкой республики. Ред. В. Ф. Кириченко, З. И. Луковников, М., 1951.

Уголовный кодекс. Текст и постатейный комментарий, под ред. С. Канарского, Киев, 1924.

Уголовный кодекс. Текст с постатейно-систематиз. материалом, с предисловием Д. И. Курского, М., 1924.

Уголовный кодекс. Практический Комментарий, под ред. М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина, М., 1925.

Уголовный кодекс. Практический Комментарий, под ред. проф. Гернета М. Н. и А. Н. Трайнина, М., 1927.

Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий, под ред. М. Д. Шаргородского, Н. А. Беляева, Л., 1962.

Уголовный кодекс РСФСР. Научно-практический комментарий. Отв. редактор Б. С. Никифоров. М., 1964.

Утевский Б. С. Вина в Советском уголовном праве. М., 1950.

Утевский Б. С. Социологические исследования и криминология. «Вопросы философии», 1964, № 2.

Утевский Б. С. Субъективная сторона преступлений против личности. «Социалистическая законность», 1959, № 3.

Утевский Б. С. Новые методы борьбы с преступностью и некоторые вопросы уголовной ответственности. «Правоведение», 1961, № 2.

Утевский Б. С. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права. «Советское государство и право», 1963, № 6.

Фарбер И. А. К вопросу об «относительной» вменяемости. «Современная психоневрология», М., 1928, № 3,

Файнберг Н. Преступления в области половых отношений. «Вестник советской юстиции», 1925, № 12.

Фейнберг Ц. М. Учение о вменяемости в различных школах уголовного права и в судебной психиатрии, М., 1946.

Фейнберг Ц. М. Вопросы вменяемости и судебнопсихиатрической экспертизы в Англии и США. «Проблемы судебной психиатрии», Сб. IV, М., 1944.

Филановский И. Г. Субъективная сторона преступления. «Курс Советского уголовного права (Часть Общая)», т. 1, Л., 1968.

Форель А. Половая жизнь и право. М., 1907.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная II. 1916.

Франк Л. В. Об изучении личности и поведения потерпевшего. Сб. «Вопросы уголовного права, процесса и криминологии», Душанбе, 1966.

Франк Л. В. Об изучении личности и поведения потерпевшего. «Вестник советской юстиции», 1928, № 2.

Фрейеров О. Е. О пределах компетенции эксперта-психиатра в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1964, № 8.

Фрейеров О. Е. К вопросу о вменяемости—невменяемости при психопатиях. «Судебно-медицинская экспертиза», 1965, № 2.

Фрейеров О. Е. О так называемом биологическом аспекте проблемы преступности. «Советское государство и право», 1966, № 10.

Фрейеров О. Е. О криминальности психопатических личностей в аспекте задач по профилактике правонарушений. «Судебномедицинская экспертиза», 1967, № 4.

Френкель Е. П. Половые преступления. Одесса, 1927.

Фукс И. Б. Гомосексуализм как преступление. СПб, 1914.

Халецкий А. М. Трактовка понятия невменяемости. «Социалистическая законность», 1952, № 8.

Харазишвили Б. В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963.

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1964.

Хлынцов М. Н. Назначение и производство экспертиз при расследовании половых преступлений. «Ученые записки», Саратовский юридический институт, вып. 11, «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики», Саратов, 1964.

Хлынцов М. Н. Расследование половых преступлений. Саратов, 1965.

Хлынцов М. Н. Борьба с половыми преступлениями (уголовноправовое и криминалистическое исследование). Автореф. канд. дисс., Саратов, 1966.

Ходыревский С. М. Причина совершения преступлений лицами ранее судимыми. Сб. «Изучение и предупреждение преступности». (Материалы практической конференции), Воронеж, 1966.

Хомовский А. А. Некоторые вопросы применения принудительных мер медицинского характера. «Вопросы предупреждения преступлений». (Материалы к научной конференции аспирантов и соискателей), М., 1964.

Хонкасало В. Финское уголовное право. «Современное зарубежное уголовное право», т. 2, М., 1958.

Цвибак М. М. К вопросу о судебно-гинекологическом освидетельствовании несовершеннолетних. «Сборник научно-практических работ о-ва судебных медиков и криминалистов», вып. 1, Петрозаводск, 1962.

Церетели Т. В. Об основаниях ответственности по Советскому уголовному праву. «Труды Тбилиск. университета», т. 51, 1953.

Церетели Т. В. Наказуемость приготовления к преступлению по Советскому уголовному праву. «Социалистическая законность», 1954, № 12.

Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963,

Церетели Т. В., Макашвили В. Г. Состав преступления как основание уголовной ответственности, «Советское государство и право», 1954, № 5.

Циген Т. Душевная и половая жизнь юношества. М., 1924.

Цингерле Г. Социально-опасные действия душевнобольных и их значение в судебной практике. М.-Л., 1926.

Черкасов С. М. Истинная сущность неофрейдизма. Л., 1966.

Чернова Е. Б. Нравственные основы отношений юноши и девушки. Л., 1966.

Чхиквадзе В. М. Роль советского суда в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей. М., 1951.

Чхиквадзе В. М. Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина. М., 1960.

Чугунов В. Е. Роль общественности в борьбе с преступностью. Воронеж, 1960.

Чугунов В. Е. Изучение и предупреждение преступности в центрально-черноземном районе. «Изучение и предупреждение преступности». Материалы практической конференции. Май, 1965, вып. 2, Воронеж, 1966.

Шалаев Н. Г. Современное состояние судебномедицинской экспертизы подозреваемых в изнасиловании и пути ее улучшения. «Сборник трудов научного общ. суд. медиков и криминалистов Казахской ССР», Алма-Ата, 1963, вып. 5.

Шалаев Н. Г. Судебно-медицинская экспертиза подозреваемых в половых преступлениях. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора медицинских наук, Горький, 1966.

Шалаев Н. Г. Судебно-медицинское обоснование некоторых вопросов разграничения и квалификации половых преступлений. «Вопросы криминалистики и криминологии», Душанбе, 1968.

Шалаев Н. Г. Судебномедицинская экспертиза по делам о мужеложстве. «Сборник научно-практических работ о-ва судебных медиков и криминалистов», вып. III, Петрозаводск, 1966.

Шаргородский М. Д. О наказуемости полового сношения путем обмана. «Вестник советской юстиции», 1927, № 4.

Шаргородский М. Д. Преступления против личности в проекте Уголовного кодекса СССР. «Советская юстиция», 1939, № 17—18.

Шаргородский М. Д. Преступление против здоровья и жизни. М., 1948.

Шаргородский М. Д. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953.

Шаргородский М. Д. Современное буржуазное уголовное законодательство и право. М., 1961.

Шаргородский М. Д. Причины и профилактика преступности. «Вопросы марксистской социологии», М., 1962.

Шаргородский М. Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе. Сб. «Преступность и ее предупреждение», Л., 1966.

Шаргородский М. Д. Предмет, система и метод науки уголовного права. Основание уголовной ответственности. «Курс советского уголовного права (Часть Общая)», т. 1, Л., 1968.

Шестакова А. Преступления против личности. Сб. «Современная преступность», М., 1927.

Ширвиндт Е. К истории вопроса об изучении преступности и мер борьбы с нею. «Советское государство и право», 1958, № 5.

Шляпочников А С.. В. И. Ленин, Коммунистическая партия о задаче борьбы с преступностью. «Проблемы искоренения преступности», 1965.

Шляпочников А. С. О классификации обстоятельств, способствующих совершению преступления.« Советское государство и право», 1964, № 10.

Шляпочников А. С. Некоторые актуальные проблемы Советского уголовного права и криминологии. М., 1966.

Штольц В. Руководство к изучению судебной медицины для юристов. СПб, 1885.

Шубин В. О судебной практике по делам об изнасиловании. «Советская юстиция», 1967, № 22.

Щедраков В. И. К вопросу о половых правонарушениях, том I (XIV), ИС-КГУ.

Эдельштейн А. О. К раскрытию механизма сексуальных комплексных реакций. Сб. «Преступник и преступность», вып. 2, М., 1927.

Элли Гавелок. Этюды половой психологии. СПб, 1909.

Элькинд П. С. Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемости. М., 1959.

Эммерт К. Руководство судебной медицины. СПб, 1901.

Эстрин А. Я. Уголовное право РСФСР, М., 1923.

Юдин Т. И. Половое влечение и ненормальности полового поведения. М., 1928.

Юрман Н. А. Об «уменьшенной вменяемости». «Журнал для усовершенствования врачей», 1926, № 7—8.

Юсевич Л. С. Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних. В учебнике «Судебная психиатрия», под ред. А. Н. Бунеева, Ц. М. Фейнберг, А. М. Халецкого. М., 1949.

Юсипов Я. Борьба с опасными преступлениями против личности. «Социалистическая законность», 1958, № 1.

Яковлев А. М. Совокупность преступлений по Советскому уголовному праву. М., 1960.

Яковлев А. М. Изучение и предупреждение преступлений, совершенных под влиянием алкоголизма. «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений», М., 1962.

Яковлев А. М. Некоторые теоретические вопросы общей методики изучения личности преступника. Сб. «Проблемы искоренения преступности», М., 1965.

Яковлев А. М. Взаимодействие личности со средой, как предмет криминологического исследования. «Советское государство и право», 1966, № 2.

Яковлев М. В. Изучение отдельных категорий преступлений— важное условие активной профилактической работы. «Вопросы борьбы с преступностью». Вып. 5, М., 1967.

Яковлев Я. М. Трасологическая экспертиза при расследовании изнасилований. Сб. «Проблемы криминалистики и судебной экспертизы». Алма-Ата, 1965, стр. 115—117.

Яковлев Я. М. Судебная экспертиза при расследовании половых преступлений. Душанбе, 1966.

Яковлев Я. М. Причины неполной раскрываемости половых преступлений. Сб. «Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминологии и криминалистики». Душанбе, 1968.

Яковлев Я. М. Назначение судебно-медицинской гинекологической экспертизы потерпевшей по делам об изнасиловании. «Вопросы криминалистики и судебной экспертизы». Сб. 5-й, Душанбе, 1966.

Яковлев Я. М. Некоторые вопросы назначения судебных экспертиз по половым преступлениям. «Вопросы судебной экспертизы», Сб. 4, Баку, 1967.

Яковлев Я. М. Процессуальные вопросы проведения судебно-медицинской экспертизы потерпевшей по делам об изнасиловании. «Сборник трудов Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы и кафедры судебной медицины Таджикского госмединститута», вып. 9, Душанбе, 1967.

Яковлев Я. М. Значение судебной психологии для расследования половых преступлений. «Тезисы докладов научной конференции, посвященной 96-ой годовщине со дня рождения В. И. Ленина», Душанбе, 1966.

Яковлев Я. М. Мужеложство по советскому уголовному праву. Сб. «Вопросы криминалистики и криминологии». Душанбе, 1968.

Якубович М. И. Советское уголовное право (Общая и Особенная часть), М., 1958.

Якубович Н. А. О некоторых недостатках расследования дел об изнасиловании. «Следственная практика», 1960, № 42.

Яхонтов В. А. Предупреждение половых преступлений несовершеннолетних. Львов, 1966.

* * *

Adler A. Das Problem der Homosexualität, Leipzig, 1930.

Aengenendt Y. Die Aussage von Kindern in Sittlichkeitsprozessen. Bonn, 1955.

Albrecht. Zur Psyshopathologe der Puberitäfsstörungen: «Beiträge zur Sexualfsorchung», 2. Heft, 1952.

Allen C. Homosexuality. London, 1958.

Amati G. Mesures de Surete a carachtere hospitalien et traitment medicopsuchiatrique de criminels anaurmaux, demifous et fous. «Organis. mond. de la sante. Docum. pour la discussion an groupe pour le traitment de delinquants» 1958.

Ancel M. La defense sociale et la traitment psychiatrique des delinquants. «Organis. mond . de la sante. Docum. pour la discussien au groupe pour le traitment de delinquants», 1958.

Антов Н. Към въпроса за изнасилването. «Социалистическо право», София, 1966, № 3.

Aschaffenburg G. Zur Psychologie der Sittlichkeitsverbrechen, «Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform. 1905/06.

Aschaffenburg G. Das Verbrechen und seine Bekämpfung; Heidelberg 1923.

Bach W. Kindliche Zeuginnen in Sittlichkeitsprozessen, Basel-New York.

Bader H. Die Veränderung der Sexualordnung und die Konstansz der Sittlichkeitsdelikte, «Zeitschrift für Sexualforschung», 1950, I, Heft 3/4.

Bader H. Sexualität und Rechtsordnung; «Beiträge zur Sexualforschung», 1952, 1. Heft.

Bader H. Beobachtungen zur Nachkriegskriminalität unter besonderer Berücksichtigung der Gewaltverbrechen, Biel 1952.

Барбар Л. Вменяемост и намалена вменяемост «Юридически преглед», София, 1927, т. 28.

Bauer F. Sexualität und Verbrechen. Hamburg, 1963.

Barnes and Teeters. New Horizons in criminology, Eighth Printing New Jork, 1949.

Bein H. Die wichtigsten Bestimmungen zur Bekämpfung der Sittlichkeitsverbrechen «Schriftenreihe der Deutschen Volkspolizei», 1957, № 8.

Benjamin M. Wie können die Ursachen der Kriminalität erforscht werden? «Neue Justiz», 1963, № 2,

Berg S. Das Sexualverbrechen, Hamburg, 1965.

Bayer K. H. Rostocker Fortbildungstage über Probleme der Ehe — und Sexualberatung, «Neue Justiz», 1967, № 22.

Birnbaum K. Kriminalpsychopathologie und Psychologie, Berlin, 1931.

Birnbaum K. Die sexuellen Falschbeschuldigungen der Hysterischen, «Archiv für Kriminologie», Band 64;

Blumenthal J. Kinder als Opfer von Sittlichkeitsdelikten im Strafverfahren. «Neue Justiz», 1963, № 8.

Boas K. Alkohol und Verbrechen nach neuen Statistiken, «Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik». Band 29, Leipzig, 1908.

Bonhoeffer K. Sittlichkeitsdelikt und Körpereverletzung, «Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform», Band 2, Heidelberg, 1906.

Boor W. Über motivisch unklare Delikte, 1959.

Brancale R. How to treat sex offenders «The Nation», 1957, № 14.

Брейер Ш. Принципы назначения наказания согласно чехословацкому уголовному кодексу 1961 года. «Бюллетень чехословацкого права». Прага, 1962, № 1—2.

Brock I. Klage auf Notzucht als entschuldigende Ausrede, «Archiv für Kriminologie», Band 82, Leipzig, 1928.

Бузов В. Вменяемост и невменяемост според социалистического наказателно право. София, 1965.

Bumke O. Gerichtliche Psychiatrie, Handbuch der Psychiatrie Wien, 1912.

Cella J. Ueber Verbrechen und Strafe in Unzuchtsfällen, 1797.

Cholli B. Sexualdelikte im Spiegel der Statistik «Kriminalistik», 1964, № 2.

Crime in the United States. Uniform crime Reports 1964, Washington, 1965.

Danemann. Zur Genese und Prophylaxe des Sittlishkeitsverbrechen, «Klinik für psychische und nervöse Krankheiten», 1. Band, 2. Heft, Halle, 1906.

Das neue Strafrecht — bedeutsamer Schritt zur Festigung unseres sozialistischen Rechtsstaates. Heft 4—5. Wachtperiode, 1968,

Demmiere E. L'homosexuallité entre adultes demeure un crime en Angleterre, «Revue internationale de criminologie et de police technique», 1965, № 4.

Deutsch H. Alkohol und Homosexualität, Wien, 1913.

Deutsch H. Erscheinungsformen in Strafzumessung bei den Unzuchtsdelikten (§§ 175—177 STGB). Freiburger Dissertation, 1951.

Dehnow F. Strafbare Handlungen gegen die Ordnung des Geschlechtslebens. «Archiv für Kriminólogie», Band 77.

Dietz G. Gerichtliche Medizin, Leipzig, 1965.

Dietz K., Hesse P. Wörterbuch der Sexuologie und ihrer Grenzgebiete. Rudolstadt, 1967.

Dost P. Querschnitt durch 300 Fälle von Notzucht. Lübeck, 1952.

Dost P. Über den Hilferuf bei Notzucht. München, 1956.

Dost P. Über die Abwehr bei Notzucht. Hamburg, 1957.

Dost P. Die Psychologie der Notzucht, Hamburg, 1963.

Döving M. Kinder und Jugendliche als Zeugen in Sexualprozessen, Dresden, 1929.

Dreszer R. Zarys psychiatrii sadolvey dla medykov i pravnikov. Warszata, 1964.

Dreszer R. Zarys psychiatrii Sadowej. Dla medykow i prawmikow. Warszawa, 1964.

Dupony E. La prostitution dans l'antiquite. Paris, 1887.

Ehrenwall L., Gräf H. Zur strafrechlichen Beurteilung und Bekämpfung von Gewalt — und Sexualverbrechen, «Neue Iustiz», 1964, № 6.

Erhardt, Villinger W. Forensische und administrative Psychiatrie. «Psychiatrie der Gegenwart». B. 3, 1961.

Exner F. Kriminologie, Berlin — Göttingen, 1949.

Feix G. Der Schutz Minderjähriger vor sexuellen. Anschlägen im künftigen STGB. «Neue Justiz» 1961, № 21.

Feix G. Zur Problematik des latenten sexuellen Motivs in der kriminalistischen Untersuchung «Kriminalistik und forensische Wissenschaften»., Berlin, 1967.

Feix G., Klar H. Zur Auslegung des Begriffs «unzüchtige Handlung» im § 176 Abs. 1 Ziff. 3, STGB. «Neue Justiz», 1965, № 17.

Feuerbach A. Lehrbuch des gemeinen für Deutschland gültigen peinlichen Rechts, 1847,

Flitner, F. Zur Einrichtung von Psychopathenanstalten. «Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform», Köln — Berlin — München — Bonn, 1966, № 5.

Foldveri I. A több Izemely altal elkovetett, eröszakos nemi közüsüles ertekelese. «Magyar Jog», 1965, № 3.

Freund K. Die Homosexualität beim Mann, Leipzig, 1965.

Fromm E. The Fear of Freedom, London, 1942.

Fromm E. The Art of Loving, Press, 1950.

Gasser R. Victimilogie; kritische Betrachtungen zu einem neuen kriminologischen Begriff, 1965.

Gäppinger U. G. Die gegenwärtige Situation der Kriminologie, Tübingen, 1964.

Geisler E. Die gerichtlich-psychiatrische Begutachtung sexuell Missbrauchter, Marhold, 1954.

Geister E. und Amboss M. Aufklärung und Beurteilung der Gruppenkriminalität Jugendlicher, «Neue Justiz», 1967, № 15.

Goldenbaum K., Gever H. Die Verantwortung der Gesellschaft für die Verhütung der Jugendkriminalität, «Neue Justiz»,

Göllnitz G. Zur strafrechtlichen Verantwortlichkeit Jugendlicher aus psychiatrischer Sicht. «Neue Justiz», 1961, № 10.

Graßberger R. Die Persönlichkeit des Sexualverbrechers. «Kriminalistik», 1957, № 3.

Grande H. «Psychiatre medico-legale», Paris, 1932.

Gross H. Kriminalpsychologie, Leipzig, 1905.

Grossberger Qu'est ce que la criminologie? «Révue de criminologie et de police technique», 1949, № 3.

Grünewald M. Alkohol und Verbrechen, «Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform», Band 18, Heidelberg, 1927.

Gurvitz S. Criminology. London, 1952.

Гълбов Л. Върху основанията на наказателноправната отговорност при психопатия «Правна мисъл», 1962, № 5.

Halle F. G. Gesellschaftsleben und Strafrecht, Mohr, 1931.

Hammerschlag H. Hypnose und Verbrechen, München, 1954.

Hardie G. M. Commentary on the immorality. Cape Town, 1960.

Hartford G. F., Harrland H. Zur Entwicklung der Kriminalität, «Neue Justiz», 1967, № 9.

Hansen G. Gerichtliche Medizin. Leipzig, 1957.

Hartmann R., Frenzel R. Notwendigkeit und Ausgestaltung des strafrechtlichen Schutzes von Kindern und Jugendlichen im künftigen STGB, «Neue Justiz», 1961, № 19.

Heller J. Jugendkriminalität in unserer Zeit, 1966.

Hennig W. Kriminelle Gruppen Jugendlicher, «Neue Justiz», 1965, № 23.

Hermon Z. The Penitentiary Aspects of the Problem of Sex offenders in Israel. «The Journal of Criminal law», 1962, № 1.

Hesnard A. Psychologie du crime, Paris, 1963.

Heville D. G. Rape in early English law. «Justice of the peace» L. 1957, № 13.

Hirschfeld M. § 175 des deutschen RSGB. Leigzig, 1898.

Hoppe A. Alkohol und Kriminalität, Wiesbaden, 1906.

Horoszowski P. Sledcze ogledziny miejsca. Warszawa, 1959.

Huelke H. H. Spuren-Kunde, Hamburg, 1965.

Kinberg O. Les Problémes fondamentaux de la criminologie, Paris, 1960.

Kirkpatrick C. The Family as Process and Institution. New York, 1955.

Kleinpeter U., Rösler H. D. Zum strafrechtlichen Schutz Minderjähriger vor sexueller Verführungen, «Neue Justiz», 1964, № 3.

Klimer R. Die Homosexualität und ihre Bestrafung, «Neue Justiz», 1950, № 4.

Klimer R. Die Homosexualität als biologisch — soziologische Zeitfrage, Hamburg, 1958.

Кноблох Э. Медицинская криминалистика, Прага, 1959.

Kraft-Ebing R. Psychopatia sexualis. Stuttgart, 1907.

Kraepelin E. Zur Frage der geminderten Zurechnungsfähigkeit «Deutsch. Juristentag». Berlin, 1905.

Kreuzhage Sexualverbrechen einmal anders betrachtet, «Kriminalistik», 1951.

Krohne Alkohol und Verbrechen; «Juristisch-psyshiatrische Grenzfragen», Y1, Heft 2—3,

Kühn. Über sexuelle Falschbeschuldigungen durch weibliche Jugendliche, «Archiv für Kriminologiel, Band 113.

Lahn Der Einfluß des Sexualtriebes auf die Kriminalität, «Kriminalistik», 1951.

Lange J. Verbrechen als Schicksal, Leipzig, 1929.

Langeluddeke A. Gerichtliche Psychiatrie, 1959.

Lehmann M., Stephan H. Mildernde Umstände bei Sexualdelikten. «Neue Justiz», 1967, № 20.

Lenz Grundriss der Kriminalbiologie, Wien, 1927.

Leonhard K. Biologische Psychologie, Leipzig, 1966.

Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik (Allgemeiner Teil) Berlin, 1959.

Leppmann F. Der Sittlichkeitsverbrecher, Berlin, 1905.

Luemburger H. Die sogenannte verminderte Zurechnungsfähigkeit, «Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtreform», Heidelberg, 1908.

Malinowski A. D. Podstanove Zagadinienia W. Orzecznietwie sadovopsichiatrichzungum, 1961.

Mannschatz E. Ursachenforschung auf dem Gebiete der Jugendkriminalität und Pädagogik. «Neue Justiz», 1964, № 8.

Марков М. А. Съдебна медицина. София, 1962.

Marcuse M. Anmerkungen zu dem Problem «Sexualtrieb und Strafrecht», «Zeitschrift für Sexualwissenschaft», 1927, Band 14.

Mattches J. Minderjährige «Geschädigte» als Zeugen in Sittlichkeitsprozessen, Köln, 1957.

Mauser Beiträge zur Frage der verminderten Zurechnungsfähigkeit, Zürich, 1932.

Maurach R. Deutsches Strafrecht, Besonderer Teil, Karlsruhe, 1956.

Meixner F. Kriminalität und Sexualität, Hamburg, 1951.

Mergen A. Die biologisch bedingte Triebabweichungen und ihre strahrechtliche Beurteilung. Z. menschl. Vererbungs-und Konstitutionslehre, 1958, B. 34, H. 5.

Mergen A. Kriminologie — morgen. Band 14. Hamburg, 1964.

Merger E. Deutsches Strafrecht. Ein Grundriß. Berlin, 1947.

Millmanns K. Die sogennante verminderte Zurechnungsfähigkeit. Berlin, 1927.

Mittermaier W. Verbrechen und Vergehen gegen die Sittlichkeit, IV, BD, 1906.

Mohr P. Die Forensische Bedeutung der Psychopathen. «Schweizer Arch. für Neurol und Psych.», 1947, H. 1—2.

Moll A. Das Sexualleben des Kindes. Berlin, 1909.

Möbius P., Kube W. Über die Bekämpfung und Verhütung des Alkoholmißbrauches und der Alkoholkriminalität. «Neue Justiz», 1967, № 2.

Mysior A. Sozialpsychologie und Homosexualität, Hamburg, 1965.

Ненов И. Наказателен кодекс, текст, съдебна практика, литература. София, 1961.

Ненов И. Наказателно право, на народна република България, Особена част, т. 1, София, 1956; т. 2, София, 1959.

Ненов И. Наказателно право, на народна република България, обща част, София, 1963.

Plant P. Der Sexualverbrecher und seine Persönlichkeit, Stuttgart, 1960.

Plaut. Zur Psychologie der Notzucht und ihre forensische Begutachtung, «Kriminalistische Monatshefte», 1930, № 4.

Petrilowitsch N. Abnorme Persönlichkeiten, 1960.

Plonkowski J. Dyskusya popzedzajaca. Wprowadzenie do kodeksu karnege. Instytucyi poczylnosci Zmniejszonei Neurol. «Neurochir. 1. psychiatria Polska», 1964, № 4.

«Problemy Seksuologii», t, II, pod redakcija Bilikievicza T., Warszava, 1965.

Kübl F. Juristische Psychologie «Juristische Blätter, Wien, 1955, № 20.

Quanter R. Die Sittlichkeitsverbrechen im Laufe der Jahrhunderte und ihre strafrechtliche Beurteilung. Berlin, 1925.

Раданов С. Форми на химена и тяхното съдебно-мидицинско значение. София, 1967.

Rcudzinowicz L. Ideology and crime. London, 1966.

Reckless W. Die Kriminalität in den USA und ihre Behandlung, Berlin, 1965.

Riese Das Triebverbrechen, Untersuchungen über die unmittelbaren Ursachen des Sexual — und Affektdelikts sowie ihre Bedeutung für die Zurechnungsfähigkeit des Täters, Bern, 1933.

Sauer W. System des Strafrechts, Besonderer Teil. Köln — Berlin, 1954.

Seelbach, S. Gleichgeschlechtliches Verhalten als Straftatbestand. Die Beratungen der groβen Strafrechtskommision, Stuttgart, 1966.

Seelig E. Triebkoppelung, Triebkompensation und Amivalenz bei Notzüchtern der Nachkriegszeit; «Beiträge zur Sexualforschung», 1952, 2 Heft.

Schelsky H. Soziologie der Sexualität. Hamburg, 1956.

Schiller M. I. Beleidigungen, begangen durch Verstoβe gegen die geschlechtliche Sittlichkeit. Diss. Mainz, 1966.

Schwagerl H. J. Das Alibi. Hamburg, 1964.

Schwarz Die Sexualdelikte, Kriminalistik, 1950, № 39.

Schumann H. Homosexualität und Selbstmord, Band 17, Hamburg, 1965.

Schulz G. Die Notzucht, Täter-Opfer-Situationen, Hamburg, 1958.

Schreider P. Die verminderte Zurechnungsfähigkeit. «Neue deutsche Klinik», Erg, Bd, 11, 1934.

Seelig E. Über psychologene Wurzeln von Sexualdelikten, «Kriminalbiologische Gegenwartfragen», Band VII, 1953.

Sellbach S. Gleichgeschleshtliches Verhalten als Strafbestand; Beiträge zur Sexualforschung, 1965, № 36, Heft.

Siebeske. Sexualdelikte im Alter.; Mensch. Geschlecht, Gesellschaft, Paris und Frankfurt/Main, 1954.

Simson G. Die Sexualdelikte im Schwedischen Strafrecht. «Monatsschrift tür Kriminologie ynd Strafrechtsreform», Köln — Berlin — München, 1963.

Staehelin Zur Bekämpfung der Sexualdelikte, «Schweizer Zeitschrift für Strafrecht», 1928.

Streit J. Zu einigen Fragen der Jugendkriminalität. «Neue Justiz», 1961, № 9,

Strourzh-Anderle Sexuelle Konstitution, Psichopatie, Kriminalität, Beiträge zur Sexualforschung Wien-Bonn, 1955.

Suterland E. Principles of the criminology. New Jork, 1947.

Szewczyk H. Voraussetzungen und Kriterien für die psychologisch-Psychiatrische Begutachtung jugendlicher Täter, «Neue Juctiz», 1965, № 17.

Съдебна практика на върховния съд на НРБ наказателни отделения 1962 г. София, 1963.

Taft D. Criminology. New Jork, 1956.

Wachenfald F. Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. München, 1955.

Thomsen Notzucht einer Greisin, Berlin, 1902.

Вакарелски И. Криминалистика, София, 1959.

Walczynski J. Przewodnik do cwiczen z medycyny sadowej. Warszawa, 1961.

Walder H. Die Vernehmung des Beschädigten, Hamburg 1965.

Weingartner. Die Notzucht. Eine Kriminologische Untersuchung. Freiburger Dissertation, 1951.

Weiβ G. Die Kinderschändung, Hamburg, 1965.

Wast D. J. Homosexuality, London, 1955.

Wilden. Die Kriminalität der Sittlichkeitsdelikte seit 1910, Königsberger Dissertation, 1948.

Wiederholte Straffälligkeit bei Eigentumsdelikten sowie Gewalt- und Sittlichkeitsverbrechen. «Neue Justiz», 1967, № 14.

Vierustein H. Untersuchungen über den Sittlichkeitsverbrecher, «Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie», Band 49, 1941.

Wiethold Kriminalbiologische Behandlung von Sittlichkeitsverbrechern, Beiträge zur Sexualforschung, 2 Heft, 1952.

Willinger E. Fórensiche und administrative Psychiatrie. «Psyshiatrie der Gegenwart». B. 3, 1961.

Wildeblood P. Against the law. London, 1956.

Wilmanns K. Die sogenannte verminderte Zurechnungsfähigkeit. Berlin, 1927.

Winter H. Jugenderziehung — Jugendschutz (Erfahrungen bei der Durchsetzung der Verordung zum Schutze der Jugend), «Neue Justiz», 1967, № 16.

Wirsch J. Gerichtliche Psychiatrie, 1955.

Wirsch J. Die sexuellen Perversionen und die psychiatrisch-forensische Bedeutung der Sittlichkeitsdelikte. «Psychiatrie der Gegenwart». Bonn, 1961.

Wulffen E. Der Sexualverbrecher, Berlin, 1923.

Wulffen E. Das Weib als Sexualverbrecherin, Berlin, 1923.

Уголовный кодекс ЧССР. «Бюллетень Чехословацкого права», Прага, 1962, № 1—2.

Ungenannt. Notzuchtsverbrechen haben sich verdoppelt, 1950.

Чолаков К. Основни понятия в съдебната патопсихология (вменяемост, намалена вменяемост) София, 1941.

◆

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Введение . . . 3

Глава I. **Общая характеристика половых преступлений**

Виды, объект и особенности объективной стороны . . . 5

Субъект половых преступлений . . . 22

Особенности субъективной стороны . . . 48

Понятие и классификация половых преступлений . . . 63

Краткая характеристика законодательства зарубежных европейских социалистических государств и капиталистических стран о половых преступлениях . . . 78

Глава II. **Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности взрослых лиц** . . . 91

Общее понятие изнасилования . . . 82

Изнасилование, совершенное с применением физического насилия или угрозы . . . 117

Изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей . . . 130

Обстоятельства, квалифицирующие изнасилование, и их виды . . . 145

Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к объективной стороне и характеру совместной деятельности участников изнасилования . . . 147

Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к субъекту изнасилования . . . 152

Особо тяжкие последствия изнасилования . . . 174

Стадии преступной деятельности при изнасиловании . . . 190

Наказание за изнасилование . . . 204

Понуждение женщины к вступлению в половую связь . . . 218

Глава III. **Преступления против половой неприкосновенности и нормального полового развития несовершеннолетних**

Общие вопросы . . . 235

Изнасилование несовершеннолетней . . . 244

Половое сношение с лицом не достигшим шестнадцатилетнего возраста (половой зрелости) 258
Развратные действия в отношении лиц недостигших шестнадцатилетнего возраста (несовершеннолетних) 283

Глава IV. **Мужеложство** . . . .

Понятие гомосексуализма и его общественная опасность . 303
Уголовная ответственность за мужеложство 325

Глава V. **Основные причины и условия, способствующие совершению половых преступлений и меры их предупреждения** . . . .

Основные причины совершения половых преступлений . . 344
Условия способствующие совершению половых преступлений 378
Предупреждение половых преступлений 397
Библиография 421

Яковлев Яков Михайлович

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Редактор *Г. М. Коршикова*
Обложка художника *А. Ф. Бабушкина*
Технический редактор *Р. Ильябаев*
Корректоры *Т. Трушкова*, *В. Иваненко*

Сдано в набор 12/XII-1968 года. Подписано к печати 16/IV-1969 года.
Печатных листов 28,5. Уч. изд. л. 25,96. Бумага № 2. Формат $84\times108\,{}^{1}/_{32}$.
Тираж 6000. Заказ № 5604. Цена 2 р.

Издательство «Ирфон», Душанбе, Шевченко, 10.
Полиграфкомбинат Комитета по печати при Совете Министров
Таджикской ССР

В ИЗДАНИИ ТАДЖИКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

НОВЫЕ КНИГИ

Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. Душанбе, 1968, 363 стр. Цена 1 р. 40 к.

Вопросы криминалистики и криминологии. Душанбе, 1968, 144 стр. Цена 70 коп. *В. К. Звирбуль* Преступность в СССР и объективные возможности ее предупреждения и ликвидации; *С. С. Степичев, Г. З. Моисеенко.* Что показало криминологическое изучение грабежей и разбоев; *Я. М. Яковлев.* Мужеложство по советскому уголовному праву; *Л. В. Франк, Н. А. Ин.* О самоубийстве и его предупреждении; *Ю. А. Курбанов.* Динамика, структура и уровень преступности несовершеннолетних в Таджикистане; *А. П. Сафонов.* Оценка состояния законности в исправительно-трудовых учреждениях, на основе анализа рецидива преступлений бывших заключенных; *Н. Г. Шалаев.* Судебномедицинские обоснования некоторых вопросов разграничения и квалификации половых преступлений; *А. И. Ивлиев.* К вопросу о привлечении к уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность; *Ю. А. Курбанов.* К вопросу о перевоспитании несовершеннолетних правонарушителей; *Б. В. Даниэльбек.* Рецензия на книгу А. Н. Игнатов. Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления).

М. М. Муллаев. Комментарий уголовного кодекса Таджикской ССР (Общая часть), Душанбе, 1968, стр. 260, цена 95 коп.

Сборник работ кафедры гражданского права и процесса. Душанбе, 1968, 230 стр., цена 1 рубль.

Вопросы теории и истории государства и права и государственного права СССР т. 1, Душанбе, 1968, цена 1 р. 15 к.; т. 2, Душанбе, 1968, цена 1 р. 30 к..

ПОДГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ

В. Г. Мелкумов. Советская прокуратура и актуальные проблемы общего надзора. Объём 14 п. л. цена 80 коп. (ориентировочно).

Я. М. Яковлев. Расследование половых преступлений. Объём 7 п. л. цена 60 коп.

Л. В. Франк, Я. М. Яковлев. Задачник по криминалистике. Объём 12 п. л. цена 80 к.

И. Я. Овруцкий, В. Н. Фомичёв, Я. М. Яковлев. В помощь общественному автоинспектору. Объём 5 п. л цена 30 коп.

Е. А. Андрусенко. Преступления против общественного порядка. Объём 5 п. л. цена 40 коп.

Коллектив авторов. Комментарий уголовного кодекса Таджикской ССР (Особенная часть), объём 16 п. л. цена 1 р. 10 коп.

Л. В. Франк. Очерки криминальной виктимологии (о потерпевшем от преступления. Объём 7 п. л. цена 60 коп.

Вопросы государства и права в трудах В. И. Ленина. Объём 12 п. л. цена 70 к.

Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, уголовного процесса и криминалистики. Выпуск 3, объём 14 п. л. цена 1 р.

Вопросы криминалистики и криминологии. Проблемы борьбы с преступлениями против личности и общественного порядка, объем 12 п. л. цена 1 р.

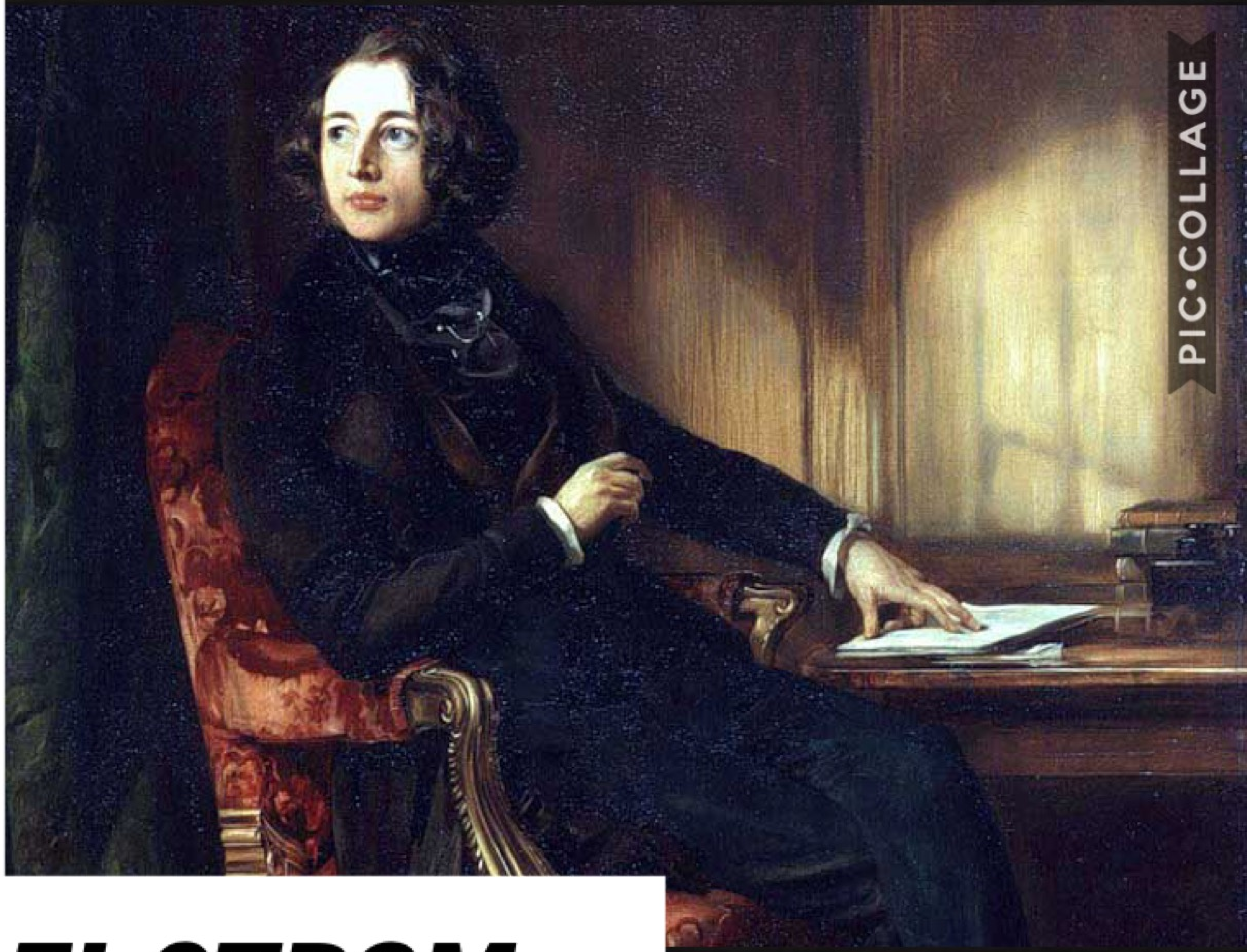
Заказы направлять по адресу: г. Душанбе, Ленина 17, Таджикский госуниверситет имени В. И. Ленина, библиотека.

2 руб.

[redacted]

Я.М.ЯКОВЛЕВ ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.



PIC•COLLAGE

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.